Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“, (Спб., Невскій, 92).

(ОТК...

А. Коллонтай.

СОЦІАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

1. БОРЬБА ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЖЕНЩИНЪ.
2. БРАКЪ И СЕМЕЙНАЯ ПРОБЛЕМА.
3. БОРЬБА ЖЕНЩИНЪ ЗА ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА.

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА «ЗНАНІЕ».

М. Горькій:

1. Пѣсня о соколѣ. Пѣсня о буревѣстникѣ. Легенда о Марко. 2 к.
2. Человѣкъ . . . . . 2 »
3. Макаръ Чудра . . . . . 3 »
4. О Чижѣ, который лгалъ и о Дятлѣ, любителѣ истины. . . 2 »
5. Емелья́нъ Пиляй. . . . . 3 »
6. Дѣдъ Архипъ и Ленька . . . 5 »
7. Челкашъ . . . . . 7 »
8. Старуха Изергиль . . . . . 5 »
9. Однажды осенью . . . . . 3 »
10. Мой спутникъ . . . . . 6 »
11. Дѣло съ застежками . . . . 3 »
12. На плотахъ. . . . . 3 »
13. Болесь . . . . . 2 »
14. Тоска. . . . . 10 »
15. Коноваловъ. . . . . 10 »
16. Ханъ и его сынъ . . . . . 2 »
17. Супруги Орловы. . . . . 12 »
18. Бывшіе люди . . . . . 12 »
19. Озорникъ. . . . . 5 »
20. Варенька Олесова.. . . . . — »
21. Товарищи. . . . . 4 »
22. Въ степи . . . . . 3 »
23. Мальва. . . . . 10 »
24. Ярмарка въ Голтвѣ . . . . 3 »
25. Зазубрина. . . . . 3 »
26. Скуки ради . . . . . 5 »
27. Каинъ и Артемъ. . . . . 6 »
28. Дружки . . . . . 4 »
29. Проходимецъ . . . . . 7 »
30. Кирилка . . . . . 3 »
31. Васька Красный. . . . . 5 »
32. Двадцать шесть и одна. . . . 5 »
33. Разсказъ Филиппа Васильев. . 5 »
34. Тюрьма. . . . . 8 »

Скиталецъ:

41. Стихотворенія. Книга I . . . 5 »
42. Стихотворенія. Книга II . . . 6 »
43. Сквозь строй . . . . . 12 »
44. За тюремной стѣной . . . . 5 »
45 Октава. . . . . 12 »
46. Ранняя обѣдня . . . . . 3 »
47. Полевой судъ . . . . . 5 »

Л. Андреевъ:

51. Набатъ . . . . . 2 »
52. Ангелочекъ . . . . . 3 »
53. Молчаніе . . . . . 3 »
54. Валя . . . . . 3 »
55. На рѣкѣ . . . . . 4 »
56. Въ подвалѣ . . . . . 3 »
57. Петька на дачѣ . . . . . 3 »
58. У окна . . . . . 5 »
59. Жили-были . . . . . 5 »
60. Въ темную даль . . . . . 4 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

61. Ометъ . . . . . 3 к.
62. Конокрадъ . . . . . 2 »
63. Миша. . . . . 2 »
64. Послѣдній часъ . . . . . 6 »
65. На родину. . . . . 4 »
66. Сквозь преграды. . . . . 2 »
67. Катехинка . . . . . 3 »
68. Бѣдный приходъ . . . . . 2 »
69. Злой духъ . . . . . 4 »
70. Жалоба. . . . . 5 »

А. Серафимовичъ:

71. Въ камышахъ. . . . . 3 »
72. Месть . . . . . 4 »
73. На льдинѣ. . . . . 4 »
74. Степные люди. . . . . 5 »
75. Ночью . . . . . 3 »
76. Спѣшщикъ . . . . . 3 »
77. На заводѣ . . . . . 5 »
78. Подъ землей. . . . . 6 »
79. Подъ уклонъ . . . . . 3 »

А. Купринъ:

81. Дознаніе . . . . . 3 »

Н. Телешовъ:

82. Пѣснь о трехъ юношахъ . . 3 »
83. Противъ обычая . . . . . 3 »
84. Домой . . . . . 3 »
85. Хлѣбъ-соль. . . . . 3 »

С. Елпатьевскій:

86. Спирька . . . . . 8 »
87. Пожалѣй меня . . . . . 2 »
88. Присяжнымъ засѣдателемъ. . 3 »

Ив. Бунинъ:

89. Стихотворенія . . . . . 4 »

К. Бальмонтъ:

90. Стихотворенія (*конфисков.*) . 3 »

С. Юшкевичъ:

91. Невинные . . . . . 4 »
92. Убійца . . . . . 3 »
93. Кабатчикъ Гейманъ . . . . 7 »
94. Ита Гайне . . . . . — »
95. Человѣкъ . . . . . 30 »
96. Евреи . . . . . 30 »

А. Черемновъ:

98. Стихотворенія. Книга I . . — »
99. Стихотворенія. Книга II . . — »

Е. Чириковъ:

100. Евреи . . . . . 12 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

111. Въ приходѣ . . . . . 12 »

Шоломъ Ашъ:

145. Городокъ . . . . . 40 »

Г. Флоберъ:

151. Искушеніе св. Антонія . . . 30 »

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Введеніе 1
2. Борьба за экономическую независимость женщинъ 34
3. Бракъ и семейная проблема 111
4. Охрана беременныхъ и роженицъ 226
5. Борьба женщинъ за политическія права 234

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

А. Коллонтай.

СОЦІАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

148912

...ЛИОТЕ...
...ЛИСТИЧЕСКОЙ
...АДЕМИИ

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

Тип. „Т-во Худож. Печати." С.-Петербургъ, Ивановская. 14.

Введеніе.

„Женское движеніе“ въ Россіи переживаетъ рѣшительный моментъ: въ декабрѣ 1908 г. предстоитъ подвести итоги творческой дѣятельности женскихъ организацій послѣднихъ лѣтъ и на всероссійскомъ женскомъ съѣздѣ намѣтить „линію поведенія“ феминистокъ въ предстоящіе годы борьбы за женскую эмансипацію. Сложныя соціально-политическія проблемы, еще недавно относившіяся къ области отвлеченныхъ „проклятыхъ“ вопросовъ, теперь, подъ давленіемъ событій, совершившихся въ Россіи, превращаются постепенно въ насущныя задачи дня, требующія живого практическаго участія и разрѣшенія. Къ числу такихъ проблемъ относится и такъ называемый „женскій вопросъ“. Съ каждымъ днемъ растетъ у насъ число женщинъ, жадно ищущихъ отвѣта на тревожные вопросы: куда итти? что дѣлать? какъ поступать, чтобы обезпечить и для женской части населенія Россіи плоды упорной, затяжной, смертельно трудной борьбы за новыя формы политическаго уклада родины?

„Союзъ Равноправности“, вмѣстѣ съ отдѣломъ по избирательнымъ правамъ Русскаго Женскаго Взаимноблаготворительнаго Общества, рѣшили дать исчерпывающій отвѣтъ на эти тревожащіе женскій міръ вопросы, созвавъ первый всероссійскій женскій съѣздъ.

Программа этого предстоящаго женскаго съѣзда весьма обширна: I-ой секціи предлагается заняться оцѣнкою дѣятельности женщинъ на различныхъ поприщахъ въ Россіи; II-й секціи—разобраться въ экономическомъ положеніи женщинъ, ознакомиться съ условіями труда въ торговлѣ и промышленности и въ домашнемъ услуженіи, коснуться охраны женскаго труда

и т. д.; особая подсекція учреждается для обсужденія вопросовъ, касающихся семьи, брака и проституціи; въ задачи III-ей секціи войдутъ: современное гражданское и политическое положеніе женщинъ и мѣры борьбы за равноправіе женщинъ въ этихъ областяхъ; наконецъ, IV секція будетъ посвящена вопросамъ женскаго образованія.

Нельзя не привѣтствовать такой расширенной программы всероссійскаго женскаго съѣзда, особенно если сопоставить ее съ первоначальнымъ ея проектомъ, напечатаннымъ въ № 3 журнала „Союзъ Женщинъ“ за 1907 г. Проектъ этотъ совершенно упускалъ изъ вида столь существенный пунктъ, какъ экономическое положеніе женщинъ въ связи съ законодательной охраной женскаго труда. Было это недосмотромъ, случайностью? Если — недосмотромъ, то конечно весьма характернымъ: забыть объ экономической сторонѣ женскаго вопроса, о положеніи и защитѣ женскаго труда— это такого рода „случайность“, которая сразу опредѣляла-бы физіономію предстоящаго съѣзда и дѣлала-бы невозможнымъ и безполезнымъ участіе въ немъ тѣхъ женскихъ слоевъ населенія, для которыхъ „женскій вопросъ“ самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ связанъ съ обще-трудовымъ вопросомъ нашихъ дней. Теперь недосмотръ этотъ исправленъ: II-я секція всецѣло посвящена вопросу женскаго труда и экономическому положенію женщины. Поэтому, не стоило-бы пожалуй останавливаться на такомъ незначительномъ инцидентѣ, какъ временный пропускъ, еслибы однако онъ не являлся характернымъ для нашихъ буржуазныхъ равноправокъ.

Съ присущей буржуазнымъ феминисткамъ осторожностью устроительницы съѣзда долго колебались: какую, собственно, физіономію придать ему; упущеніе пункта объ экономическомъ положеніи женщинъ въ проектѣ программы кажется намъ находящимся въ тѣсной связи съ этими колебаніями. На одномъ изъ совѣ-

щаній по поводу предстоящаго съѣзда весьма вѣскія въ феминистскомъ мірѣ лица настаивали на томъ, чтобы не увлекаться „агитаціонными задачами“, а сосредоточить все свое вниманіе на чисто-конкретныхъ вопросахъ, напр. на борьбѣ съ алкоголизмомъ. Такимъ образомъ, еще относительно недавно, при составленіи проекта программы, устроительницы съѣзда не знали сами: придать-ли ему благонравный „дамскій“ характеръ, выдвинувъ на первый планъ задачи моральнаго или благотворительнаго свойства, или-же въ самомъ дѣлѣ постараться встряхнуть индиферентизмъ женщинъ къ ихъ собственной судьбѣ и привлечь ихъ въ ряды борцовъ за женскую эмансипацію?

Постепенно, однако, подъ вліяніемъ болѣе сознательныхъ и вдумчивыхъ поборницъ равноправія, второе теченіе одержало верхъ. Лозунгомъ предстоящаго съѣзда избранъ обычный кличъ феминистокъ: объединеніе всѣхъ женщинъ для борьбы за чисто-женскіе права и интересы.

Съѣздъ далъ толчекъ феминистскимъ организаціямъ: женскій муравейникъ оживился; одна за другою стали выступать феминистки (Покровская, Кальмановичъ, Щепкина, Вахтина и др.) съ докладами и лекціями, Leitmotiv которыхъ сводился все къ тому-же женскому кличу: „женщины всѣхъ классовъ населенія—объединяйтесь!“

Какъ ни заманчиво звучитъ этотъ „мирный“ лозунгъ, сколько ни сулитъ онъ „бѣдной младшей сестрѣ“ буржуазной женщины—пролетаркѣ, именно этотъ лозунгъ, этотъ излюбленный кличъ феминистокъ и заставляетъ насъ подробнѣе остановиться на предстоящемъ женскомъ съѣздѣ и подвергнуть его задачи и основныя стремленія внимательной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія интересовъ женщины рабочаго класса.

Конкретно вопросъ идетъ о томъ: должны-ли женщины рабочаго класса откликнуться на призывъ феминистокъ и принять живое, непосредственное участіе въ

борьбѣ за женское равноправіе или же, оставаясь вѣрными традиціямъ своего класса, онѣ должны итти своимъ путемъ и бороться иными средствами за избавленіе не только однѣхъ женщинъ, но и всего человѣчества отъ гнета и порабощенія современными капиталистическими формами общежитія.

Прежде, однако, чѣмъ отвѣтить на только-что поставленный вопросъ, считаю должнымъ установить тѣ основныя положенія, которыя служатъ исходнымъ пунктомъ моихъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Предоставляя г-дамъ буржуазнымъ ученымъ углубляться въ обсужденіе вопроса о превосходствѣ одного пола надъ другимъ или взвѣшивать физическій мозгъ и душевный складъ мужчинъ и женщинъ, послѣдователи историческаго матеріализма, вполнѣ признавая природныя особенности каждаго пола, требуютъ лишь одного, чтобы каждой личности, будь то мужчина или женщина, дана была реальная возможность для наиболѣе полнаго и свободнаго самоопредѣленія, открытъ былъ наибольшій просторъ для развитія и приложенія всѣхъ природныхъ склонностей. Вмѣстѣ съ этимъ, послѣдователи историческаго матеріализма отрицаютъ существованіе особаго женскаго вопроса, отдѣльно отъ обще-соціальнаго вопроса нашихъ дней. Опредѣленныя экономическія причины вызвали въ свое время подчиненное положеніе женщины; природныя свойства ея играли при этомъ лишь роль *вторичнаго* фактора. Только полное исчезновеніе этихъ причинъ, только эволюція тѣхъ самыхъ хозяйственныхъ формъ, которыя породили когда-то порабощеніе женщинъ, смогутъ кореннымъ образомъ повліять на измѣненіе ея соціальнаго положенія. Другими словами, дѣйствительно свободной и равноправной женщина сможетъ стать только въ преобразованномъ на новыхъ общественныхъ и производственныхъ началахъ мірѣ...

Утвержденіе это, однако, не устраняетъ возможности частичнаго улучшенія женскаго быта въ рамкахъ со-

временнаго строя; дѣйствительно, коренное разрѣшеніе рабочаго вопроса возможно лишь при полномъ переустройствѣ современныхъ производственныхъ отношеній; но, тѣмъ не менѣе, развѣ это соображеніе должно тормазить реформаторскую работу, служащую къ удовлетворенію ближайшихъ интересовъ пролетаріата? Напротивъ, каждое новое завоеваніе рабочаго класса служитъ ступенью, ведущей человѣчество въ царство свободы и соціальнаго равенства; каждое ново-пріобрѣтенное женщинами право приближаетъ ихъ къ опредѣленной цѣли—къ ихъ полной эмансипаціи.

Еще одна оговорка: касаясь вопроса о женской эмансипаціи, приходится, какъ при обсужденіи всякаго соціально-политическаго вопроса, опираться на прочный базисъ реальныхъ жизненныхъ отношеній; все, что принадлежитъ къ области „нравственныхъ пожеланій“ или иныхъ идеологическихъ построеній, охотно предоставляемъ въ полное распоряженіе буржуазнаго либерализма. Эмансипація женщинъ является для насъ не мечтой, не принципомъ даже, а конкретной реальностью, ежедневно-совершающимся фактомъ. Современныя экономическія отношенія, весь дальнѣйшій ходъ развитія производительныхъ силъ шагъ за шагомъ способствуютъ и будутъ способствовать освобожденію женщины изъ подъ вѣкового гнета и порабощенія. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь кругомъ: всюду, во всѣхъ почти областяхъ труда, увидите вы женщину, работающую рядомъ съ мужчиной. Въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и Австріи на 81 милліонъ лицъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ, насчитывается 27 милліоновъ женщинъ.[1]). Какъ велико число женщинъ, ведущихъ самостоятельное существованіе, и каково ихъ отношеніе ко всему женскому населенію культурныхъ странъ, иллюстрируютъ слѣдующія цифры: по послѣднимъ народнымъ

[1]) Шлезингеръ-Экштейнъ, „Женщина къ началу XX вѣка“, стр. 38.

переписямъ, мужчины и женщины, живущіе на собственный заработокъ, составляли въ процентномъ отношеніи ко всему населенію своего пола [1]):

Названіе страны:	Женщинъ.	Мужчинъ.
Австрія	47%	63%
Италія	40 „	66 „
Швейцарія	29 „	61 „
Франція	27 „	57 „
Великобрит. и Ирландія .	27 „	62 „
Бельгія	26 „	60 „
Германія	25 „	61 „
Соединенные Штаты. . .	13 „	59 „
Россія	10 „	43 „

Переходя отъ процентныхъ соотношеній къ абсолютнымъ числамъ, можемъ убѣдиться, что, хотя количество женщинъ въ Россіи, живущихъ на собственный заработокъ, правда, и ниже, чѣмъ въ другихъ странахъ, но все-же оно довольно велико. По даннымъ послѣдней переписи, на 63 милліона женскаго населенія Россіи женщинъ, существующихъ на личные заработки, насчитывалось свыше 6 милліоновъ; въ городахъ изъ 8 милліоновъ женщинъ 2 милліона (т. е. 25%) сами зарабатываютъ себѣ на существованіе; въ сельскихъ мѣстностяхъ на 55 милліоновъ всего женскаго населенія приходится 4 милліона женщинъ самостоятельныхъ. Если учесть все самодѣятельное населеніе Россіи (т. е. населеніе, живущее собственнымъ заработкомъ), то окажется, что изъ 33 милліоновъ самодѣятельныхъ лицъ 27 милліоновъ составляютъ мужчины и 6 милліоновъ женщины. Для лучшей иллюстраціи соотношенія, существующаго у насъ въ Россіи между женской и мужской частями населенія, живущими на свой заработокъ, приводимъ нѣсколько характерныхъ данныхъ, показы-

[1]) Проф. Пирсторфъ, „Женскій трудъ и женскій вопросъ“, стр. 27.

вающихъ, какъ велико участіе женскихъ трудовыхъ силъ въ промышленной жизни нашей страны [1]).

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.	Женщинъ.		Мужчинъ.		Общее число.
	Въ тысячахъ чел.	въ % отъ общ. ч.	Въ тысячахъ чел.	въ % отъ общ. ч.	
Горное и металлур. дѣло. .	10,8	5	218,0	95	228,8
Керамиковое произв. . .	10,4	8	115,3	92	125,7
Обраб. волокн. вещест. .	508,7	53	450,9	47	959,6
„ дерева	14,6	4	395,5	96	410,1
„ животн. прод. . .	9,5	6	144,7	94	154,2
„ питат. вещест. .	30,3	9	313,5	91	343,8
„ металловъ	9,6	2	615,3	98	624,9
Изготовленіе одежды . .	319,6	28	839,3	72	1158,9
Строительное дѣло . . .	2,1	0	714,8	100	716,9
Проч. отрасли обраб. промышленности . . .	66,5	15	380,3	85	446,8
Пути сообщенія	6,7	1	445,9	99	452,6
Желѣзн. дороги	15,4	6	246,8	94	262,2
Торговля	192,1	13	1303,0	87	1495,1
Проч. источн. существ. .	2978,5	39	4598,0	61	7576,5
Всего . . .	4174,8	28	10781,3	72	14956,1

Особенное распространеніе у насъ въ Россіи женскій трудъ имѣетъ въ текстильной промышленности. По даннымъ 1900 г., на 201 тыс. рабочихъ, занятыхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, приходилось 171 тыс. женщинъ; въ шерстяномъ производствѣ при 81.339 рабочихъ насчитывается 46.457 работницъ; въ льняномъ, пеньковомъ и джутовомъ на 33.899 мужчинъ приходится 33.616 женщинъ; въ шелковомъ производствѣ занято 12.337 мужчинъ и 12.437 женщинъ. Во всѣхъ перечисленныхъ ниже въ табличкѣ отрасляхъ

[1]) Сборникъ „Правовое Государство“, статья Чернышева, стр. 312.

текстильной промышленности женскій трудъ преобладаетъ надъ мужскимъ [1]).

Предпріятія.	Число работницъ.	Число рабочихъ.
На мѣшанныхъ бумагопрядильняхъ и ткацкихъ	52.317	45.599
„ бумаготкацкихъ	26.283	24.806
„ бумагопрядильняхъ	15.151	14.081
„ джутовыхъ фабрикахъ	6.810	3.686
„ предпр. полной обраб. шелка .	4.444	1.672
„ фабрикахъ сукна и легк. шерст. матерій	4.085	3.652
„ тюлевыхъ и кружевныхъ фабр.	3.636	2.500
„ шерстомойняхъ	3.535	1.105
„ фабр. брезента, пожарн. рукав., вязальн. и т. д.	3.090	1.370
„ фабр. тесьмы, бинтовъ, басона, аграм. и т. д.	2.365	2.450
„ шелко-крутильныхъ	2.204	482
„ льнотрепальняхъ	688	578

Женскихъ трудовыхъ силъ больше, чѣмъ мужскихъ, также въ красильняхъ—на 1.206 работницъ приходится всего 561 рабочій, въ бѣлошвейняхъ, золотошвейняхъ, портняжныхъ и т. п. мастерскихъ—на 1.178 работницъ 439 рабочихъ, въ производствѣ пуговицъ—на 679 женщинъ 639 мужчинъ и т. д. Абсолютно-крупная численность женщинъ замѣчается также на ткацкихъ фабрикахъ съ красильнымъ отдѣленіемъ—14½ тыс. женщинъ и 19½ тыс. мужчинъ, въ шерстоткацкихъ—7½ тыс. работницъ и 11½ тыс. рабочихъ, въ шерстепрядильныхъ и камвольныхъ—почти 5 тыс. женщинъ при 6 тыс. мужчинъ, на суконныхъ фабрикахъ—ок. 15 тыс. работницъ и 33½ тыс. рабочихъ, на льнопрядильняхъ—8000 женщинъ и 8200 мужчинъ, на полныхъ

[1]) Статистическій Справочникъ. Выпускъ III, 1908 г.

мануфактурахъ льна и пеньки — по 9½ тыс. тѣхъ и другихъ, и т. д.

Кромѣ текстильнаго производства женскій трудъ имѣетъ у насъ въ Россіи еще широкое распространеніе и въ другихъ отрасляхъ промышленности, напр. при обработкѣ питательныхъ веществъ, главнымъ образомъ: въ булочныхъ—4.391 женщина и 8.868 мужчинъ, въ химическомъ производствѣ, особенно при изготовленіи косметики—4.074 женщины и 4.508 мужчинъ, въ стеклянномъ производствѣ—около 5 тыс. женщинъ, въ фарфоровомъ—ок. 4 тыс., въ керамиковомъ и кирпичномъ—ок. 6 тыс. и т. д. Только въ металлообрабатывающей промышленности женскій трудъ примѣняется мало.

Приведенныхъ данныхъ, думается намъ, достаточно, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи женскаго труда въ промышленности Россіи. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что Россія относительно еще недавно вступила на путь крупно-капиталистическаго производства и что по мѣрѣ расширенія области капиталистическаго хозяйства промышленность ея будетъ притягивать и занимать все большее и большее количество женскихъ трудовыхъ силъ.

Вѣдь и сейчасъ въ Россіи въ болѣе крупныхъ городахъ, гдѣ сосредоточиваются крупно-капиталистическія предпріятія, женскій трудъ, особенно пролетарскій, занимаетъ при учетѣ женскихъ трудовыхъ силъ довольно солидное мѣсто. Возьмемъ для примѣра С.-Петербургъ: здѣсь, по переписи 1900 г., на каждыхъ 100 мужчинъ, живущихъ своимъ трудомъ, приходилось 40 женщинъ [1]). Останавливаясь подробнѣе на соотношеніи мужского и женскаго труда въ столицѣ, получаемъ слѣдующую картину:

[1]) На 100 мужчинъ, жившихъ своимъ трудомъ въ С.-Петербургѣ въ 1881 г. приходилось 27 женщинъ, въ 1890 г.—34 женщины, въ 1906 г.—уже 40 женщинъ. (Левинсонъ-Лессингъ, стр. 141—147).

Число лицъ, живущихъ своимъ трудомъ въ С.-Петербургѣ [1]).

	Въ тысячахъ человѣкъ			Въ % отъ общ. ч.	
	Общее число.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Число лицъ, занятыхъ въ промыслахъ:					
Хозяевъ	44,4	30,9	13,5	70	30
Занятыхъ въ администр. .	28,0	23,7	4,3	85	15
Рабочихъ	342,3	268,6	73,7	78	22
Одиночекъ	69,2	39,5	29,7	57	43
Число лицъ, занятыхъ въ друг. профессіяхъ:					
Казен. и частн. службой, въ либер. профессіяхъ . . .	87,8	74,8	13,0	85	15
Прислуга	51,4	41,1	10,3	80	20
Итого . .	623,1	478,6	144,5	77	23

Приведенная таблица показываетъ, что женщинъ болѣе всего среди лицъ, зарабатывающихъ пролетарскимъ трудомъ: на 269 тыс. рабочихъ приходится 74 тыс. работницъ и на 40 тыс. мужчинъ—„одиночекъ“ 30 тыс. женщинъ. Кто такія эти „одиночки“-женщины? Само собою разумѣется, это—наиболѣе эксплуатируемый слой мелкихъ ремесленницъ: портнихъ, вязальщицъ, цвѣточницъ и т. д., которыя у себя, на дому, въ качествѣ яко-бы самостоятельно-трудящихся, работаютъ на посредниковъ-капиталистовъ и подвергаются, вслѣдствіе своей распыленности и оторванности другъ отъ друга, наиболѣе-рѣзкому порабощенію капиталомъ. Значительно-меньшее число женщинъ въ интеллигентскихъ профессіяхъ—13 тыс. на 74 тыс. мужчинъ—и въ рубрикѣ «хозяевъ»—13 тыс. женщинъ на 31 тыс. мужчинъ.

1) Левинсонъ-Лессингъ.—О занятіяхъ женск. насел. С.-Петербурга по переписямъ 1881, 1890 и 1900 г.г. стр. 141—147. (Самодѣятельное населеніе Петербурга взято съ пригородами).

Каковы соотношенія, существующія въ области женскаго труда между различными соціальными группами населенія въ другихъ странахъ и какое мѣсто въ средѣ лицъ самостоятельно-зарабатывающихъ занимаютъ пролетаріи и пролетарки, показываютъ слѣдующія данныя:

СТРАНА.	Годъ переписи.	Все населеніе		Промыслов. населеніе		Въ томъ числѣ	
		мужчинъ	женщинъ	мужчинъ	женщинъ	рабочихъ	работницъ
		въ милліонахъ людей.					
Австрія	1890	11,7	12.2	7,8	6,2	4,4	5,3
Германія.	1895	25,4	26,4	15,5	6,6	9,3	5,3
Франція	1891	18,9	19,2	11,1	5,2	5,0	3,6
Англія и Уэльсъ	1891	14,1	14,9	8,9	4,0	5,4	3,1
Соединен. Штаты	1890	32,1	30,6	18,8	3.9	8,7	2,9
Итого. .	—	102,2	103,3	62,1	25,9	32,8	20,2

Въ Австріи, какъ видно изъ этой таблицы, число женщинъ-работницъ превосходитъ число мужчинъ: на 4½ милл. мужчинъ приходится свыше 5 милл. женщинъ. Въ Германіи работницы составляютъ болѣе половины мужского рабочаго населенія; то-же видимъ во Франціи и Англіи, и только въ Америкѣ соотношеніе это нѣсколько менѣе благопріятно для женщинъ.

Фактъ непрерывно-совершающейся эмансипаціи женщины на трудовомъ поприщѣ выступаетъ еще рельефнѣе, если сопоставить статистическія данныя относительно количества самостоятельно-зарабатывающихъ женщинъ за нѣкоторый періодъ времени. Женскій трудъ возрастаетъ безостановочно и при томъ во многихъ отрасляхъ труда относительно быстрѣе мужского. Приводимыя ниже данныя свидѣтельствуютъ

о быстромъ количественномъ возрастаніи женскихъ трудовыхъ силъ въ различныхъ странахъ [1]).

Приростъ населенія, живущаго на собств. заработокъ.

	За періодъ.	Въ милліонахъ человѣкъ.		Въ % отъ всего нас. своего пола.	
		мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
Австрія	1880—90	1,0	1,6	14	33
Франція	1881—96	1,2	1,1	12	22
Германія	1882—95	2,1	1,0	16	19
Соедин. Штаты	1880—90	4,1	1,3	28	48
Англія и Уэльсъ.	1881—91	1.1	0,6	12	15

Какъ видно, количество самостоятельно-зарабатывающихъ женщинъ возрастало по отношенію къ общему числу лицъ своего-же пола скорѣе, чѣмъ мужское самодѣятельное населеніе. Особенно замѣтенъ этотъ процессъ въ Соедин. Штатахъ и въ Австріи [2]).

И у насъ въ Россіи число женщинъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ, опять-таки главнымъ образомъ женщинъ рабочаго класса, растетъ безостановочно. Такъ, въ 1885 г. 660 тыс. фабричныхъ работницъ составляли 30% отъ всего промыслово-фабричнаго населенія Россіи; въ 1899 г. 1½ милліона работницъ составляли уже 44% этого населенія [3]).

[1]) Л. Браунъ. «Женскій вопр.», стр. 157 и 224.

[2]) Еще замѣтнѣе возрастаніе женскаго труда при сопоставленіи болѣе долгихъ періодовъ; такъ, напр., въ Соед. Штатахъ за 26 лѣтъ (съ 1870 по 1896 г.) число самодѣятельныхъ женщинъ поднялось съ 1.836 тыс. до 3.914 тыс., т. е. на 117%, тогда какъ число самодѣятельныхъ мужчинъ возросло съ 10.700 тыс. до 18.800 тыс., т. е. всего на 76%. Въ Англіи за 20 лѣтъ (съ 1871 по 1891 г.) количество самостоятельно-зарабатывающихъ женщинъ увеличилось на 21%, мужчинъ-же всего на 8% и т. д.

[3]) Соболевъ, „Женскій трудъ“ и т. д., стр. 73.

Разумѣется, вмѣстѣ съ ростомъ женскаго труда возрастаетъ постоянно и доля участія женщинъ въ производительной дѣятельности страны; уже и сейчасъ женщины производятъ около $^1/_3$ всей массы ежегодно-добываемыхъ на земномъ шарѣ для мірового рынка цѣнностей.

Указанный фактъ непрерывнаго возрастанія женскаго труда возбуждаетъ опасеніе многихъ буржуазныхъ экономистовъ, заставляя ихъ видѣть въ женщинѣ опасную конкурентку мужчины на трудовомъ поприщѣ и враждебно относиться къ расширенію сферы женскаго труда. Основательно-ли такое воззрѣніе, и въ самомъ-ли дѣлѣ женщина всегда является лишь „злостной“ конкуренткой мужчины?

Число трудящихся женщинъ растетъ непрерывно, но постоянно развивающіяся производительныя силы требуютъ также все бо̀льшаго и бо̀льшаго числа рабочихъ рукъ. Лишь въ извѣстные моменты техническихъ переворотовъ либо сокращается спросъ на новыя рабочія руки, либо происходитъ замѣщеніе одной категоріи рабочихъ другой: женщины замѣщаютъ мужчинъ, чтобы въ свою очередь быть вытѣсненными дѣтьми и подростками. Но всякій шагъ по пути техническаго прогресса вызываетъ черезъ опредѣленный срокъ усиленіе темпа производства, а этотъ новый подъемъ промышленной дѣятельности неминуемо связанъ съ новымъ спросомъ на рабочія руки всѣхъ категорій. Такимъ образомъ, несмотря на временныя задержки и подъ-часъ весьма рѣзкія колебанія, число рабочихъ, притягиваемыхъ промышленностью, въ конечномъ счетѣ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ міровыхъ производительныхъ силъ. *Абсолютно* возрастаетъ численность обѣихъ категорій рабочихъ—мужчинъ и женщинъ—и лишь *относительно* ростъ женскаго труда опережаетъ ростъ труда мужского. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взглянуть на послѣднюю изъ приведенныхъ выше

таблицъ, чтобы убѣдиться, при сопоставленіи абсолютныхъ чиселъ мужскихъ и женскихъ трудовыхъ силъ, что ростъ первыхъ ни въ коемъ случаѣ не совершается въ зачетъ послѣднихъ. Такъ, мы видимъ, что въ Германіи за 13 лѣтъ число мужчинъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ увеличилось свыше чѣмъ на 2 милліона, число-же женщинъ—всего на 1 милліонъ; во Франціи число мужчинъ возросло на $1,_2$ милліона, женщинъ—на $1,_1$ милл., въ Соед. Штатахъ число мужчинъ увеличилось свыше чѣмъ на 4 мил., число женщинъ всего нѣсколько болѣе, чѣмъ на 1 мил. и т. д. Только въ Австріи замѣчается болѣе или менѣе равномѣрный ростъ трудовыхъ силъ обоихъ половъ [1]).

Въ общемъ, на трудовомъ рынкѣ происходитъ не столько вытѣсненіе мужского труда женскимъ, сколько группировка трудовыхъ силъ этихъ двухъ категорій по профессіямъ: одни промыслы и профессіи въ самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе заполняются женщинами (домашнее услуженіе, текстильная отрасль промышленности, производство одежды), другія пользуются по преимуществу трудомъ мужчинъ (горное дѣло, металлургическое и механическое производства и т. д.). Количественное возрастаніе женскаго труда въ промышленности происходитъ несомнѣнно также въ зачетъ труда дѣтей—явленіе, которое во всякомъ случаѣ можно только привѣтствовать. По мѣрѣ развитія законодательной охраны малолѣтнихъ и повышенія возраста, при которомъ дѣти допускаются на промысловую работу, перегруппировка трудовыхъ силъ несомнѣнно совершается въ смыслѣ увеличенія числа женскихъ рабочихъ рукъ.

Такимъ образомъ, положеніе, утверждающее, будто женщина является наиболѣе-опасной конкуренткой

1) Несмотря на быстрый ростъ женскаго труда, нѣтъ ни одной отрасли промысловой дѣятельности, за исключеніемъ домашняго услуженія, гдѣ-бы женскій трудъ возрасталъ не только относительно, но и абсолютно въ зачетъ мужского.

мужчины на трудовомъ поприщѣ, можетъ быть принимаемо лишь съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о конкуренціи, существующей въ сферѣ профессіонально-интеллигентскаго труда, замѣтимъ лишь, что въ пролетарской средѣ женщина-работница является конкуренткой мужчины-рабочаго только въ тѣхъ случаяхъ, когда она стоитъ изолированно, когда она не пріобщена къ обще-пролетарской борьбѣ. Конкуренткой мужчины, „злостной“ конкуренткой, понижающей его заработную плату, безжалостно разбивающей плодъ его успѣховъ въ организованной борьбѣ съ капиталомъ, пролетарка является лишь тогда, когда она не втянута въ обще-классовое и профессіональное движеніе. Но развѣ-же въ такой мѣрѣ конкурентомъ не является всякій *неорганизованный* пролетарій, будь это—голодный деревенскій „сѣрый мужичекъ“, „бывшій человѣкъ“, выброшенный за бортъ интеллигентскихъ профессій, или просто лишенный постояннаго заработка рабочій? Женщина-работница постолько вредно вліяетъ на условія труда, посколько она сейчасъ еще представляетъ собою менѣе организованную часть рабочаго класса. Капиталъ охотно пользуется ею, чтобы противопоставлять ее болѣе сознательной, болѣе сплоченной части рабочаго класса. Но съ той минуты, какъ работница вступаетъ въ ряды организованныхъ борцовъ за освобожденіе своего класса, утвержденіе, будто она—пролетарка—является худшей конкуренткой пролетарія, теряетъ свою категоричность. Организованный пролетарій, къ какому-бы полу онъ ни принадлежалъ, утрачиваетъ свойство вредить своимъ товарищамъ по классу.

Ограничившись этими предварительными оговорками и бѣглыми статистическими примѣрами, попробуемъ теперь поискать отвѣта на поставленные выше вопросы. Желающихъ ближе ознакомиться съ условіями труда женщинъ, съ ростомъ женскихъ трудовыхъ силъ и ихъ значеніемъ въ хозяйственной жизни народовъ, отсы-

лаемъ къ спеціальнымъ сочиненіямъ по этому вопросу. Здѣсь важно было лишь еще разъ подчеркнуть ту тѣсную связь, какая несомнѣнно существуетъ между эмансипаціонными стремленіями женщинъ и тенденціей экономическаго развитія общества. Не упуская никогда изъ вида этой тенденціи, мы легче можемъ уяснить себѣ тотъ путь, которымъ должна слѣдовать женщина, широко понимающая задачу полнаго и всесторонняго женскаго освобожденія.

На вопросъ, что должны дѣлать женщины, желающія отстоять свои попираемые права и интересы, буржуазный идеологъ поспѣшитъ отвѣтить: „объединиться въ обще-женскую организацію". Женщины, подобно другимъ общественно-слабымъ элементамъ, должны сорганизоваться и сообща вступить въ борьбу со своими угнетателями—мужчинами. „Мы находимъ въ современной Россіи" —говоритъ профессоръ Хвостовъ—„немало энергичныхъ женщинъ, несмотря на безчисленныя затрудненія пролагающихъ себѣ путь къ знанію и свободѣ, но не встрѣчаемъ здѣсь такихъ организацій, которыми такъ сильно женское, какъ и всякое, движеніе за-границей [1]). А между тѣмъ, только на почвѣ организованныхъ и сплоченныхъ усилій возможенъ серьезный успѣхъ въ общественныхъ вопросахъ. И русскія женщины, поэтому, если онѣ хотятъ чего-нибудь достигнуть, должны организоваться и стараться выработать въ себѣ свойства, необходимыя для общественной дѣятельности".

Подобные совѣты не пропали даромъ; мы видимъ какъ за послѣдніе годы возникаютъ одна за другою женскія феминистскія организаціи. Феминизмъ въ Рос-

[1]) Проф. Хвостовъ писалъ свою работу: „Женщина наканунѣ новой эпохи" лѣтомъ 1905 г., когда „Союзъ равноправности женщинъ" только-что сорганизовался.

...отека ...ческий ...ведмый

сіи, въ томъ смыслѣ какъ мы привыкли его понимать,—явленіе безусловно новое. Первый феминистскій органъ „Женское Дѣло“ сталъ выходить въ 1899 г. [1]). Многіе годы эмансипаціонныя стремленія русскихъ женщинъ ограничивались лозунгомъ равнаго съ мужчинами права на образованіе. Начиная съ 60-ыхъ годовъ, когда женскій вопросъ впервые заявилъ у насъ о своемъ существованіи, и до послѣднихъ лѣтъ женское движеніе представляло собою не что иное, какъ исторію борьбы за расширеніе и распространеніе женскаго образованія, преимущественно высшаго. Въ успѣхѣ этого начинанія женщины буржуазныхъ классовъ не безъ основанія видѣли одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ расширенія сферы женскаго интеллигентнаго труда, служащаго главнымъ залогомъ ихъ экономической самостоятельности. Когда освобожденіе крестьянъ, измѣнившее кореннымъ образомъ экономическія и соціальныя отношенія Россіи, поставило значительную часть населенія въ необходимость изыскивать себѣ средства къ существованію, зародился въ Россіи и „женскій вопросъ“. Рядомъ съ работникомъ-интеллигентомъ по-реформенный строй сталъ выбрасывать на рынокъ труда незнакомый дотолѣ типъ женщины, ищущей, подобно своему собрату-мужчинѣ, работы, обезпечивающей ей хлѣбъ насущный. Обычный лозунгъ женщинъ—„свобода труда“—превратился въ устахъ русской женщины въ требованіе свободы образованія, такъ какъ безъ этого всѣ двери интеллигентнаго заработка оставались передъ ней закрытыми. Разумѣется, окончившія высшія учебныя заведенія женщины требовали также свободнаго доступа на государственную и частную службу, и это ихъ требованіе осуществлялось въ силу простого эко-

1) Ранѣе существовалъ съ 1898 г. только ежегодно-выходящій „Женскій календарь“. „Женское дѣло“ просуществовало всего два года, но съ 1904 г. появился новый феминистскій органъ—„Женскій Вѣстникъ“. Его замѣнилъ „Союзъ женщинъ“.

номическаго расчета, по мѣрѣ того какъ частные предприниматели и правительственныя учрежденія научались познавать выгоду пользованія болѣе дешевыми и болѣе покладистыми женскими трудовыми силами.

Сфера примѣненія женскаго интеллигентнаго труда постепенно расширялась, но лозунгомъ женщинъ попрежнему оставалось: „свобода образованія и профессій". О политическомъ равноправіи не могло быть и рѣчи—вѣдь и мужчины той эпохи являлись одинаково безправными. Что-же касается правоспособности женщинъ съ точки зрѣнія гражданской, то въ этой области положеніе русской женщины являлось, по сравненію съ западно-европейской ея товаркой, относительно сноснымъ [1]), и, слѣдовательно, въ этой сферѣ особыхъ импульсовъ для феминистской агитаціи на лицо не имѣлось.

Само собою разумѣется, что женское движеніе, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, носило вполнѣ опредѣленный буржуазный характеръ; оно охватывало лишь относительно-узкій кругъ женщинъ, по-преимуществу дворянскаго сословія, съ примѣсью нарождавшагося „разночиннаго" элемента. Никакихъ соціалистическихъ идеаловъ не найдемъ мы въ требованіяхъ передовыхъ борцовъ за женское равноправіе въ Россіи. Правда, русская промышленность съ каждымъ годомъ вербовала

---

[1]) По законодательству Россійскаго государства, женщина, достигшая совершеннолѣтія, признается вполнѣ дѣеспособной: она можетъ самостоятельно совершать гражданскіе акты, быть опекуншей даже постороннихъ лицъ, являться свидѣтельницей и т. д. Своимъ имуществомъ женщина располагаетъ сама, даже по выходѣ замужъ, такъ какъ законъ признаетъ раздѣльность имущества супруговъ. Опеки мужа надъ женой, какъ это имѣетъ мѣсто хотя-бы во Франціи, у насъ не существуетъ. Лишь въ правахъ наслѣдованія женщина является обдѣленной по сравненію съ мужчинами: по нисходящей линіи дочь наслѣдуетъ лишь $^1/_{14}$ недвижимаго и $^1/_7$ движимаго имущества, а по боковой линіи права женщинъ и еще меньше.

все новыя и новыя тысячи пролетарскихъ женщинъ, но казалось, что между эмансипированной интеллигенткой и труженницей съ мозолистыми руками существовала такая непроходимая пропасть, что о какихъ-либо точкахъ соприкосновенія между ними не могло быть и рѣчи.

Женщины двухъ противоположныхъ соціальныхъ лагерей сталкивались лишь на почвѣ филантропіи. Филантропія съ самаго начала женскаго движенія въ Россіи, какъ и всюду впрочемъ, гдѣ женскія организаціи еще не успѣли самоопредѣлиться, стояла на первомъ планѣ [1]). Всѣ существовавшія у насъ до послѣднихъ лѣтъ женскія организаціи носили по-преимуществу филантропическій характеръ. Женщины организовывались, создавали общества не для того, чтобы завоевывать реформы въ области женскаго равноправія, а для выполненія частныхъ задачъ благотворительности. Начиная съ крупнѣйшаго по своей дѣятельности „общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“ и кончая первымъ женскимъ клубомъ, основаннымъ „Женскимъ Взаимноблаготворительнымъ Обществомъ“, всѣ подобныя организаціи преслѣдовали, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, цѣли филантропическія.

Мы не желаемъ этимъ обвинить русскую женщину въ индиферентизмѣ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Можетъ-ли какая-либо другая страна похвастаться такимъ количествомъ поистинѣ величественныхъ и обаятельныхъ женскихъ образовъ „безыменныхъ героинь“, отдававшихъ свои силы, молодость, самую жизнь свою на борьбу за идеалы соціальной справедливости и политическаго освобожденія родины? Съ чѣмъ въ исторіи можетъ сравниться привлекательный по своей внутренней красотѣ образъ женщины—„кающейся дворянки“—70-хъ годовъ, которая, вмѣстѣ съ дворянской одеждой сбрасывала съ себя всѣ привиллегіи „бѣлой

[1]) Срав. главу „Женскія общества и ихъ задачи“ въ книгѣ „Женское движеніе“ Кечеджи-Шаповалова.

кости", чтобы слиться съ народомъ и уплатить ему хоть частицу долговъ своего класса... А позднѣе, когда подъ давленіемъ репрессій всякій протестъ неминуемо обращался въ жестокую схватку со старой властью, сколькихъ героинь, изумившихъ міръ своимъ самоотверженіемъ, своей душевной силой, своей безмѣрной преданностью народу, дали женщины Россіи... За „кающейся дворянкою" — этимъ нѣжнымъ, духовно-прекраснымъ обликомъ женщины—выступила величавая въ своемъ безстрашіи „разночинка", а за ними уже безпрерывной, неизсякаемой вереницей потянулись „массовыя" мученицы-работницы, борцы за освобожденіе своего класса... Мартирологъ женщинъ—борцовъ за идеалы соціальной справедливости неизмѣнно пополняется все новыми и новыми жертвами, и будущему историку переживаемой нами эпохи придется съ уваженіемъ склониться передъ этими свѣтлыми образами женщинъ-борцовъ и мученицъ...

Но не объ нихъ сейчасъ идетъ рѣчь. Мы говоримъ здѣсь исключительно о женщинахъ, стремящихся къ такъ называемой—женской эмансипаціи. Въ этой спеціальной области задачи и стремленія нашихъ первыхъ феминистокъ были крайне узкими и ограниченными.

Благотворительность и просвѣщеніе—такова была до послѣднихъ лѣтъ сфера дѣятельности женскихъ организацій. Даже первый женскій конгрессъ, предполагавшійся въ 1905 году, имѣлъ въ виду ограничить свои задачи только вопросами филантропіи и просвѣщенія[1]).

Картина рѣзко мѣняется послѣ памятныхъ январьскихъ дней. Революціонный потокъ, охватившій всѣ слои населенія, увлекъ за собою и дотолѣ скромныхъ

[1]) „Задачи перваго съѣзда русскихъ женщинъ обнимаютъ благотворительность и просвѣщеніе. Въ той и другой области русскія женщины давно принимаютъ дѣятельное участіе и потому онѣ могутъ многое сказать по даннымъ вопросамъ". („Женск. Вѣстникъ", 1905, № 1).

въ своихъ притязаніяхъ феминистокъ. Женскіе кружки подняли головы, оживились, заволновались. Послышались смѣлыя рѣчи, радикальныя требованія. Заявленія, постановленія, петиціи полетѣли въ земскія и городскія управы, въ радикальныя союзныя организаціи. Послѣдовалъ рядъ собраній и митинговъ съ рѣшительными политическими резолюціями. Въ 1905 году, кажется, не осталось въ Россіи уголка, гдѣ-бы такъ или иначе не раздавался голосъ женщинъ, напоминавшихъ о себѣ, требовавшихъ и себѣ новыхъ гражданскихъ правъ. Недавно-скромныя феминистки почувствовали, что возрожденіе страны и утвержденіе новаго государственнаго устройства является необходимой предпосылкой и для женской эмансипаціи. „До сихъ поръ"— говорится въ одномъ изъ женскихъ заявленій—„женщина могла мириться съ недостатками своего положенія и находить объясненіе своей безправности въ безправіи всѣхъ. Но теперь, наканунѣ переоцѣнки общихъ правъ, она не должна молчать. Она имѣетъ право стоять рядомъ со всѣми и требовать признанія своей равноправности, тѣмъ болѣе, что сама жизнь уже доказала ея трудоспособность. Мы твердо вѣримъ, что наступаетъ время для нашей родины, когда иниціатива и энергія всѣхъ гражданъ получатъ возможность примѣненія. Пора устранить ненормальность правового положенія женщины, ограничивающаго ее даже въ имущественныхъ правахъ. Неся всѣ повинности и платя всѣ налоги, она не имѣетъ голоса въ ихъ назначеніи и распредѣленіи и лишена возможности приносить ту пользу родинѣ, на которую чувствуетъ себя способной" [1]).

Женское движеніе покидаетъ свое прежнее скромное русло и вступаетъ на новый общественный путь. Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ треній. Среди

---

1) Кечеджи-Шаповаловъ, „Къ свободѣ", стр. 39.

нахлынувшихъ въ кадры женскихъ организацій новыхъ элементовъ стали рельефно обозначаться два теченія; однѣ, болѣе лѣвыя, стояли за необходимость точнаго опредѣленія своего обще - политическаго credo и выдвигали на первый планъ борьбу за *политическое* равноправіе женщинъ; правыя, напротивъ, держались старыхъ традицій, не желая впутывать „политику“ въ свои узко-феминистскія стремленія. Въ апрѣлѣ 1905 года образовался изъ болѣе-лѣвыхъ элементовъ „Союзъ равноправности женщинъ“—первая въ Россіи женская организація, принявшая опредѣленную политическую платформу. Между тѣмъ, правыя продолжали группироваться вокругъ „Женскаго взаимноблаготворительнаго общества“ и „Женскаго Вѣстника“, проводя въ жизнь идею политически - нейтральнаго феминизма. „Союзъ равноправности“ широко раскинулъ свои филіальныя отдѣленія по Россіи и уже черезъ годъ, въ маѣ 1906 г., по подсчету бюро, насчитывалъ въ рядахъ своихъ около 8000 человѣкъ [1]). Подъ своими расплывчатыми лозунгами организація эта надѣялась собрать женщинъ всѣхъ общественныхъ классовъ. И подобно тому, какъ въ дни своей юности кадеты выступали отъ имени всего народа, такъ-же точно и „Союзъ равноправности“ заявлялъ себя выразителемъ запросовъ всѣхъ русскихъ женщинъ. Но непрерывный ростъ классоваго самосознанія, неизбѣжная дифференціація соціальныхъ слоевъ населенія повели къ новой перегруппировкѣ и женскихъ общественныхъ элементовъ. Политическій блокъ, годившійся для извѣстныхъ цѣлей въ эпоху процвѣтанія „Союза Союзовъ“, становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что многія равноправки по своимъ убѣжденіямъ примыкали къ опредѣленнымъ политическимъ партіямъ. И вотъ, уже весною 1906 г. изъ петербургскаго отдѣленія „Союза“ выдѣлились: съ одной стороны—„лѣвыя“ равноправки, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ

[1]) „См. Равноправіе Женщинъ“—Отчеты и Протоколы, 1906 г.

примыкавшія къ революціоннымъ партіямъ, съ другой „правыя", основавшія „Женскую прогрессивную партію" [1]), близкую по духу къ „мирно-обновленцамъ" и едва-ли не столь-же малочисленную и безсильную, какъ эта послѣдняя. Объ эти выдѣлившіяся женскія организаціи ознаменовали свою дѣятельность устройствомъ политическихъ клубовъ, первая—болѣе или менѣе демократическаго типа [2]), вторая — съ сохраненіемъ буржуазной окраски, съ высокимъ членскимъ взносомъ и т. д.

Группировка женщинъ различныхъ общественныхъ слоевъ вокругъ политически- и соціально-разнородныхъ знаменъ произошла сама собою, помимо воли и желанія страстныхъ поборницъ объединенія женщинъ въ обще-женскую организацію. „Женская прогрессивная партія" явилась выразительницей требованій и запросовъ женщинъ крупной буржуазіи и, продолжая толковать о необходимости объединенія всѣхъ женщинъ безъ различія классовъ и политическихъ убѣжденій, все-же выработала собственную политическую программу, отвѣчающую вождѣленіямъ того соціальнаго слоя, выразительницей котораго она и является въ дѣйствительности. „Союзъ равноправности" объединилъ представительницъ либеральной оппозиціи „кадетствующаго" типа; вокругъ „Союза" группировались и группируются еще и сейчасъ женщины средней буржуазіи,

---

1) Органомъ этой партіи являлся „Женскій Вѣстникъ", редактировавшійся женщиной-врачемъ М. И. Покровской.

2) „Отличительной чертой женскаго политическаго клуба является его глубоко-демократическая организація, которая достигалась: во-первыхъ—тѣмъ, что доступъ на всѣ собранія былъ широко открытъ всѣмъ желающимъ, причемъ за входъ взималась минимальная плата въ 2 коп., во-вторыхъ—тѣмъ, что каждые 25 членовъ клуба, организованныхъ *партійно* или профессіонально, могли имѣть въ правленіи представителя для защиты своихъ интересовъ." (см. „Женскій политическій клубъ", статья М. Маргуліесъ въ „Женскомъ Календарѣ" за 1907 г.).

интеллигентки—по преимуществу. «Женскій политическій клубъ» въ Петербургѣ одобренъ былъ значительно болѣе радикальными элементами, но и здѣсь допустимость политическаго блока создавала расплывчатость стремленій и всего характера этой организаціи [1]). Отмежевавшись отъ всѣхъ болѣе умѣренныхъ по настроенію женскихъ организацій, члены «женскаго политическаго клуба», однако, не сумѣли сами уяснить ни себѣ, ни другимъ, выразительницами какого класса населенія онѣ являются и каковы ихъ ближайшія задачи? Должны-ли онѣ стать на защиту интересовъ пролетарокъ, крестьянокъ или вообще „трудящихся женщинъ"? Должны-ли онѣ преслѣдовать опредѣленныя феминистскія цѣли или работать на обще-политической почвѣ? Шатаніе между этими основными задачами отличало собою кратковременную дѣятельность „Жен. полит. клуба". Когда-же въ клубѣ возникъ вопросъ о подачѣ въ первую Государственную Думу петиціи съ требованіемъ распространенія на женщинъ избирательныхъ правъ,—петиціи, покрытой по преимуществу подписями городскихъ работницъ, то среди членовъ клуба произошло серьезное замѣшательство: клубная организація никакъ не могла отдать себѣ отчета въ томъ, какая собственно политическая партія ближе къ ней по духу, и кончила тѣмъ, что рѣшила направить петицію въ Трудовую группу.

---

[1]) Нельзя, однако, не отмѣтить, какъ одну изъ заслугъ „Женскаго политическаго клуба", попытку со стороны этой организаціи устроить впервые въ Петербургѣ политическіе клубы для женской пролетарской публики. Весною 1906 г. подобныхъ клубовъ было четыре, изъ которыхъ Василеостровскій отличался особенно оживленной дѣятельностью; здѣсь читались лекціи и велись бесѣды, имѣвшія цѣлью пробудить интересъ работницъ къ окружающей политической жизни. Послѣ полуторамѣсячнаго существованія клубы эти, вслѣдъ за распущеніемъ первой Думы, были закрыты полиціей. Тогда-же прекратилъ свое существованіе и „Женскій полит. клубъ".

Въ то время, когда женщины все еще толковали о необходимости женскаго блока, дѣйствительность самымъ наглядным и неотвратимымъ образомъ доказывала всю иллюзорность такого плана. Женскіе общественные элементы, подобно мужскимъ, неудержимо и быстро разслаивались и дифференцировались. Группировка женщинъ по феминистскимъ организаціямъ, стоящимъ на разныхъ ступеняхъ политическаго радикализма, совершалась сама собою, помимо воли поборницъ женскаго объединенія, въ силу неизбѣжно растущаго классоваго самосознанія всего русскаго общества. Эпоха женскаго политическаго блока закончила свое существованіе немногимъ позже мужского либеральнаго блока. И тѣмъ не менѣе, феминистки и равноправки всѣхъ оттѣнковъ продолжаютъ кричать о необходимости тѣснаго единенія всѣхъ женщинъ, о возможности существованія обще-женской партіи, преслѣдующей свои специфически-женскія цѣли. „Какъ-же намъ быть, какъ поступать, если мужчины только подъ нашимъ дружнымъ натискомъ готовы потѣсниться, чтобы дать намъ мѣсто рядомъ съ собою?“ аргументируютъ свой взглядъ равноправки, поддерживая мысль о необходимости образованія обще-женской организаціи.

Однако, подобная постановка вопроса имѣла-бы смыслъ только тогда, еслибъ *ни одна* изъ существующихъ политическихъ партій не выставляла въ своей программѣ требованія полной женской эмансипаціи.

Вооружаясь противъ равнодушія или даже враждебности мужчинъ къ вопросу женскаго равноправія, феминистски принимаютъ во вниманіе лишь представителей буржуазнаго либерализма всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, игнорируя существованіе многочисленной политической партіи, идущей въ вопросѣ о женскомъ равноправіи дальше самыхъ ярыхъ равноправокъ. Со времени появленія „Коммунистическаго Манифеста“ въ 1848 году соціалдемократія всегда стояла на стражѣ

интересовъ женщинъ. „Коммунистическій Манифестъ“ первый указалъ на тѣсную связь, существующую между общей пролетарской проблемой нашихъ дней и женскимъ вопросомъ; онъ прослѣдилъ, какъ капитализмъ постепенно вовлекаетъ женщину въ производство и дѣлаетъ ее соучастницей въ великой борьбѣ пролетаріата противъ гнета и эксплуатаціи. Соціалдемократія первая включила въ свою программу требованіе уравненія женскихъ правъ съ мужскими; устно и печатно требуетъ она всегда и всюду отмѣны всѣхъ ограниченій, тяготѣющихъ надъ женщиной; только подъ ея давленіемъ оказываются другія партіи и правительства принужденными проводить реформы, служащія ко благу женскаго населенія [1]). И въ Россіи эта партія является не только теоретической защитницей женскихъ интересовъ, но и на практикѣ всегда и всюду проводитъ принципъ женскаго равноправія.

Что-же въ такомъ случаѣ мѣшаетъ нашимъ «равноправкамъ» стать подъ защиту этой испытанной и могущественной партіи? Если правыхъ феминистокъ отпугиваютъ «крайности» соціалдемократіи, то «Союзу», договаривавшемуся до Учредительнаго Собранія, политическая позиція соціалдемократовъ должна-бы приходиться совершенно по душѣ. Но... тутъ-то и зарыта собака! При всемъ политическомъ «радикализмѣ» равноправки наши продолжаютъ оставаться на почвѣ вождѣленій собственнаго буржуазнаго класса. Политическая свобода является сейчасъ необходимой предпо-

---

[1]) „Еслибъ мы захотѣли регистрировать каждое отдѣльное требованіе с.-д. партіи и позиціи, которыя она принимала по отношенію къ позиціямъ другихъ партій“,—говоритъ Лили Браунъ—„то для этого потребовалось-бы написать цѣлую книгу. Каждый разъ, когда рѣчь заходила о спеціально-женскихъ правахъ, наша партія выступала на ихъ защиту“. Эти слова касаются лишь Германіи, но то-же можно повторить и относительно всѣхъ другихъ культурныхъ странъ.

сылкой роста и могущества русской буржуазіи; безъ нея—все экономическое благосостояніе послѣдней окажется построеннымъ на пескѣ. Капиталъ требуетъ извѣстныхъ нормъ и гарантій для своего роста и процвѣтанія; эти нормы обезпечиваются лишь участіемъ буржуазныхъ представителей въ управленіи страной. На очереди завоеваніе политическихъ правъ, одинаково цѣнныхъ, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ. Требованіе политическаго равноправія является со стороны женщинъ необходимостью, продиктованной самой жизнью.

Лозунгъ „свобода профессій" пересталъ казаться женщинѣ всеобъемляющимъ; только непосредственное участіе ея въ государственной жизни страны обѣщаетъ содѣйствовать подъему ея экономическаго благосостоянія. Отсюда — страстное желаніе женщинъ средней буржуазіи получить, наконецъ, доступъ къ избирательнымъ урнамъ; отсюда враждебность къ современному бюрократическому строю...

Однако, дальше требованія политическаго равноправія наши феминистки, такъ-же какъ и ихъ заграничныя сестры, не идутъ; широкіе горизонты, открываемые соціалдемократическимъ ученіемъ, остаются для нихъ чуждыми, непонятными. Феминистки добиваются равноправія въ рамкахъ существующаго классоваго общества, нисколько не посягая на основы послѣдняго; онѣ борются за свои женскія прерогативы, отнюдь не посягая на отмѣну всѣхъ существующихъ прерогативъ и привилегій...

Мы не обвиняемъ представительницъ буржуазно-женскаго движенія за этотъ „невольный грѣхъ"; онъ вытекаетъ неизбѣжно изъ ихъ классовой позиціи; мы не желаемъ умалять также значенія феминистскихъ организацій для успѣховъ чисто-буржуазнаго женскаго движенія; но мы желали-бы предостеречь женскій пролетаріатъ отъ увлеченія узко-феминистскими задачами.

Пока буржуазныя женщины ограничиваютъ свою дѣятельность пробужденіемъ самосознанія своихъ собственныхъ сестеръ, можно ихъ лишь привѣтствовать; но съ той минуты, какъ онѣ начинаютъ звать въ свои ряды женщинъ-пролетарокъ, соціалдемократы не должны, не смѣютъ молчать. Нельзя равнодушно смотрѣть на безполезную растрату силъ пролетаріата: необходимо поставить тогда прямой вопросъ: что могло-бы принести пролетаркамъ объединеніе съ буржуазными „сестрами" и чего, съ другой стороны, могутъ добиться женщины-работницы, опираясь, на собственную классовую организацію?

Возможно ли *единое* женское движеніе, спросимъ мы прежде всего, въ обществѣ, основанномъ на классовыхъ противоположностяхъ? Что женщины, участвующія въ своемъ освободительномъ движеніи, не представляютъ однородной массы—ясно для каждаго непредубѣжденнаго наблюдателя[1]).

---

[1]) Съ этимъ, разумѣется, не согласятся почтенные буржуазные изслѣдователи женскаго вопроса. Проф. Хвостовъ въ своей книгѣ о „Женщинѣ" замѣчаетъ, что „для женщинъ-работницъ женскій вопросъ все болѣе сливается съ общимъ рабочимъ вопросомъ, а это въ концѣ концовъ разобщаетъ женщинъ двухъ классовъ... Рознь эта однако по существу дѣла не столь велика, чтобы не было возможности соглашенія на почвѣ, по крайней мѣрѣ—интересовъ момента. У того и другого класса женщинъ есть общіе интересы, какъ напр. требованіе политическаго равноправія съ мужчинами и равнаго образованія... Въ большинствѣ культурныхъ странъ рознь эта особенно рѣзко не проявляется, и женщины разныхъ классовъ находятъ возможнымъ дружно работать на почвѣ общихъ интересовъ. Но тамъ, гдѣ примѣшивается сознательная политика обострения классовой вражды, тамъ объединеніе становится затруднительнымъ. Такъ обстоитъ дѣло въ Германіи, гдѣ соціалистическая партія вводитъ въ свою программу разрушеніе существующаго общественнаго строя и поддержаніе классовой борьбы" (стр. 48). Изъ аргументаціи

Женскій міръ, какъ и міръ мужской, раздѣленъ на два лагеря: одинъ по своимъ цѣлямъ, стремленіямъ и интересамъ примыкаетъ къ классамъ буржуазнымъ; другой тѣсно связанъ съ пролетаріатомъ, освободительныя стремленія котораго охватываютъ также и рѣшеніе женскаго вопроса во всей его полнотѣ. И цѣли, и интересы, и средства борьбы различны у той и другой категоріи борющихся женщинъ, хотя обѣ онѣ и руководствуются общимъ лозунгомъ „освобожденіе женщины". Каждая изъ борющихся группъ безсознательно исходитъ изъ интересовъ собственнаго класса, которые en masse придаютъ ея стремленіямъ и задачамъ специфическую классовую окраску. Стать выше своихъ классовыхъ интересовъ, пренебречь ими ради торжества цѣли другого класса можетъ отдѣльная женщина, но не сплоченная женская организація, отражающая въ себѣ всѣ реальные нужды и интересы создавшей ее общественной группы. Какими-бы радикальными ни казались требованія феминистокъ, нельзя упускать изъ вида, что феминистки по своему классовому положенію не могутъ бороться за коренное переустройство современной экономико-соціальной структуры общества, а безъ этого освобожденіе женщины не можетъ быть полнымъ.

Если въ отдѣльныхъ случаяхъ ближайшія задачи женщинъ всѣхъ классовъ и совпадаютъ, то конечныя цѣли обоихъ лагерей, опредѣляющія собою и направленіе движенія, и самую тактику, рѣзко между собою разнятся. Для феминистокъ—завоеваніе одинаковыхъ съ мужчинами правъ, въ предѣлахъ современнаго намъ капиталистическаго міра, представляетъ собою вполнѣ кон-

---

почтеннаго профессора вытекаетъ, что, не будь злонамѣренныхъ козней соціалдемократовъ, „поддерживающихъ классовую борьбу", полное сліяніе женщинъ въ обще-женскую партію было-бы вполнѣ возможнымъ.

кретную „самоцѣль“ [1]); для пролетарокъ—равноправіе сейчасъ есть лишь *средство* для дальнѣйшей борьбы съ экономическимъ порабощеніемъ рабочаго класса. Для феминистокъ—ближайшимъ врагомъ является вообще мужчина, несправедливо захватившій себѣ всѣ права и привилегіи, женщинамъ-же оставившій однѣ лишь цѣпи да обязанности. Всякая побѣда феминистокъ означаетъ уступку мужчинами ихъ исключительныхъ прерогативъ въ пользу „прекраснаго пола“. Совершенно иначе относятся къ своему положенію пролетарки: мужчина въ ихъ глазахъ вовсе не является врагомъ и угнетателемъ; напротивъ, онъ прежде всего товарищъ въ общей безрадостной долѣ, вѣрный соратникъ въ борьбѣ за лучшее будущее. Одни и тѣ-же общественныя отношенія порабощаютъ женщину и ея товарища; однѣ и тѣ же ненавистныя цѣпи капитализма пригнетаютъ ихъ волю и лишаютъ ихъ радостей и прелестей жизни. Правда, нѣкоторыя специфическія особенности современнаго строя ложатся съ удвоенной тяжестью на женщину; правда и то, что условія наемнаго труда превращаютъ подчасъ подругу-работницу въ злостную конкурентку мужчины. Но рабочій классъ знаетъ, кто виноватъ въ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ...

---

[1]) Самый принципъ равноправія разсматривается каждой группой женщинъ соотвѣтственно тому соціальному слою, къ которому она принадлежитъ. Женщины высшей буржуазіи, страдая всего сильнѣе отъ имущественнаго неравенства, у насъ въ Россіи, напр., въ правѣ наслѣдованія, хлопочутъ прежде всего объ устраненіи вредящихъ женскимъ интересамъ параграфовъ гражданскаго уложенія. Для женщинъ средней буржуазіи равноправіе сводится къ вопросу о „свободѣ труда“. Однако, тѣ и другія сознаютъ необходимость обезпеченія за собою права голоса въ управленіи страною, такъ какъ безъ этого никакое завоеваніе, никакая реформа не могутъ быть прочными. Отсюда—перенесеніе центра проблемы на борьбу за политическое полноправіе.

Женщина-работница ничуть не меньше, чѣмъ ея собратъ по несчастію, ненавидитъ то ненасытное чудовище съ позолоченной пастью, которое съ одинаковой алчностью набрасывается на мужчину, женщину или ребенка, лишь-бы высосать изъ нихъ всѣ соки и жирѣть, разростаться за-счетъ милліоновъ человѣческихъ жизней... Тысячи нитей прочно связываютъ женщину-работницу съ ея товарищемъ-рабочимъ, тогда какъ стремленія буржуазной женщины кажутся ей чуждыми и непонятными; не согрѣваютъ они изболѣвшейся пролетарской души, не обѣщаютъ они женщинѣ того свѣтлаго будущаго, на которое съ надеждой и упованіемъ обращены глаза всего эксплуатируемаго человѣчества... Въ то время, когда феминистки, толкуя о необходимости женскаго блока, протягиваютъ свои руки младшимъ сестрамъ—пролетаркамъ, эти „неблагодарныя созданія“ недовѣрчиво косятся на своихъ далекихъ и чуждыхъ товарокъ, тѣснѣе смыкаясь вокругъ близкихъ, понятныхъ и дорогихъ ихъ сердцамъ чисто-пролетарскихъ организацій.

Политическія права, доступъ къ избирательнымъ урнамъ и депутатскимъ кресламъ—вотъ истинная цѣль буржуазно-женскаго движенія. Но можетъ-ли политическое равноправіе, при цѣлостности капиталистически-эксплуататорскаго строя, обезпечить женщинѣ рабочаго класса избавленіе отъ той бездны золъ и страданій, которыя преслѣдуютъ и угнетаютъ ее, какъ женщину и какъ человѣка?

Наиболѣе-сознательныя пролетарки знаютъ, что ни политическое, ни юридическое равноправіе не въ силахъ разрѣшить женскаго вопроса во всей его полнотѣ. Пока женщина принуждена будетъ продавать свою рабочую силу и сносить кабалу капитализма, пока живъ будетъ современный эксплуататорскій способъ производства новыхъ цѣнностей, до тѣхъ поръ не стать ей свободной, независимой личностью, женой, выбирающей

мужа лишь по влеченію сердца, матерью, безъ страха глядящей на будущее своихъ дѣтей.... Конечной цѣлью пролетарки является разрушеніе стараго антагонистическаго классоваго міра и сооруженіе міра иного, лучшаго, въ которомъ не будетъ болѣе способовъ для эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Разумѣется, эта конечная цѣль не исключаетъ стремленія пролетарскихъ женщинъ къ возможному раскрѣпощенію ихъ даже и въ рамкахъ теперешняго буржуазнаго уклада жизни, но осуществленіе подобнаго требованія постоянно натыкается на преграды, воздвигаемыя самимъ капиталистическимъ строемъ. Стать истинно-свободной и полноправной женщина сможетъ лишь въ мірѣ обобществленнаго труда, гармоніи и справедливости.

Этого не желаютъ, не могутъ понять феминистки: имъ кажется, что при достиженіи формально-признаннаго буквою закона равноправія онѣ прекрасно сумѣютъ устроиться и въ „старомъ мірѣ угнетенія и порабощенія, стоновъ и слезъ“. И это до извѣстной степени вѣрно; если для большинства женщинъ-пролетарокъ уравненіе въ правахъ съ мужчинами означало-бы сейчасъ лишь уравненіе „въ безправіи“, то для „избранныхъ“—для буржуазокъ—оно и въ самомъ дѣлѣ открывало-бы двери къ новымъ, неизвѣданнымъ еще правамъ и привилегіямъ, составлявшимъ до сихъ поръ достояніе однихъ лишь мужчинъ буржуазнаго класса. Но вѣдь каждое подобное завоеваніе, каждая новая прерогатива буржуазной женщины давали-бы ей въ руки лишь новое орудіе для эксплуатаціи младшей сестры и все больше и больше углубляли-бы пропасть, отдѣляющую женщинъ двухъ противоположныхъ соціальныхъ лагерей. Интересы сталкивались-бы рѣзче, острѣе; стремленія взаимно-противорѣчили бы другъ другу.

Гдѣ-же въ такомъ случаѣ тотъ общій „женскій вопросъ“, гдѣ то единство задачъ и стремленій, о кото-

ромъ столько толкуютъ феминистки? Трезвый взглядъ на дѣйствительность показываетъ, что такого единства нѣтъ и быть не можетъ. Напрасно стараются феминистки увѣрить себя, что „женскій вопросъ вовсе не есть вопросъ политической партіи“ и что „рѣшеніе его возможно лишь при участіи всѣхъ партій и всѣхъ женщинъ“, какъ говоритъ радикальная нѣмецкая феминистка Минна Кауэръ; логика фактовъ опровергаетъ это утѣшительное самообольщеніе феминистокъ.

Было-бы безполезно доказывать всѣмъ буржуазнымъ женщинамъ зависимость побѣды женскаго дѣла отъ обще-пролетарской побѣды, но, обращаясь къ тѣмъ изъ нихъ, кто умѣетъ отрѣшиться отъ узкихъ задачъ „политики момента“, кто можетъ шире взглянуть на общія судьбы женщинъ, мы настойчиво рекомендуемъ не звать въ свои ряды чуждыхъ по духу сестеръ-пролетарокъ! Сбросьте съ себя пышные покровы идеалистической фразеологіи, въ которые вы — женщины буржуазныхъ классовъ — такъ охотно драпируетесь, и, вооружившись трезвыми уроками исторіи, защищайте вы сами свои собственные классовые права и интересы, оставляя пролетарокъ итти инымъ путемъ, бороться иными мѣрами за свободу и счастье женщины. А чей путь короче и чьи средства вѣрнѣе—это покажетъ сама жизнь...

Борьба за экономическую независимость женщинъ.

„Женскій вопросъ, какъ и современный рабочій вопросъ, — дитя крупнаго производства, революціонизированнаго благодаря примѣненію механической силы пара и электричества. Это — не политическій и не моральный вопросъ (хотя онъ и заключаетъ въ себѣ политическіе и моральные элементы), но—вопросъ экономическій".

Клара Цеткинъ.

Женскій вопросъ—это, въ конечномъ счетѣ, вопросъ куска хлѣба. Корни его глубоко зарыты въ экономикѣ. Чтобы рѣшиться потребовать равноправія съ мужчиной, женщина должна была стать прежде всего экономически-самостоятельной.

Почему женщины именно въ XIX вѣкѣ вступили на свой освободительный путь, почему „женскій вопросъ" сталъ настойчиво тревожить умы лишь тогда, когда женскій трудъ получилъ повсемѣстное распространеніе? Развѣ не было раньше замѣчательныхъ женщинъ? Развѣ меньше ощущали онѣ весь ужасъ своего угнетенія? Развѣ онѣ—эти женщины прошлаго—менѣе достойны были свободы и равноправія? Вспомнимъ древніе вѣка, знаменитыхъ гетеръ—ученицъ древнихъ философовъ, совѣтницъ

великихъ мужей Греціи... Вспомнимъ полные тонкой духовной красоты образы женщинъ начала среднихъ вѣковъ, титаническія натуры эпохи Возрожденія... Женщинъ превозносили, имъ пѣлись дифирамбы, ихъ ненавидѣли, ихъ страшились, и все-же никому не могло серьезно притти въ голову потребовать ихъ уравненія въ правахъ съ мужчинами. Если отдѣльные великіе мыслители, предвосхищавшіе ходъ историческихъ судебъ человѣчества, выступали иногда на защиту „прекраснаго пола", ихъ голоса оставались голосами вопіющихъ въ пустынѣ. Условія и формы производства порабощали женщинъ на всемъ протяженіи человѣческой исторіи и низводили ихъ постепенно на ту ступень угнетенія и зависимости, на которой большинство изъ нихъ обрѣтается и до сихъ поръ.

Потребовался колоссальный переворотъ во всей соціально-экономической структурѣ общества, чтобы вернуть женщинѣ утраченное ею значеніе и независимость. То, что въ свое время оказывалось не по плечу геніальнѣйшимъ мыслителямъ, разрѣшали теперь бездушныя, но всесильныя условія производства. Тѣ самыя силы, которыя когда-то закабалили женщину въ рабство, затянувшееся на тысячелѣтія, въ дальнѣйшей стадіи своего развитія вновь ведутъ ее на путь свободы и независимости.

Женскій вопросъ, т. е. конфликтъ между современнымъ безправнымъ положеніемъ женщины и пробудившимся въ ней сознаніемъ своей личности, своего равноправія съ мужчиной, могъ возникнуть только какъ результатъ коллизіи между застывшими формами общежитія и переросшими ихъ производственными отношеніями. Пока женщина не принимала непосредственнаго участія въ товарномъ производствѣ, пока ея трудовая дѣятельность ограничивалась по-преимуществу добываніемъ благъ для домашняго потребленія, о женскомъ вопросѣ не могло быть и рѣчи. Въ глухихъ деревняхъ, не захва-

ченныхъ еще всесильнымъ круговоротомъ товарнаго обращенія, „женскій вопросъ“ и по-сейчасъ отсутствуетъ. Для его возникновенія необходимы опредѣленныя, объективныя условія: экономическая самостоятельность женщины при неизмѣнности ея соціально-политическаго безправія. Лишь съ того времени, когда женщина стала производить товарныя цѣнности для внутренняго или мірового рынка, могъ подвергнуться общественной оцѣнкѣ ея трудъ, и должно было существенно измѣниться ея соціальное положеніе.

Оставляя въ сторонѣ всю длинную, въ высшей степени поучительную, исторію измѣненія правового и соціальнаго положенія женщины въ связи съ развитіемъ и эволюціей хозяйственныхъ формъ, заглянемъ лишь въ глубь среднихъ вѣковъ, чтобы отыскать тамъ первые проблески борьбы женщинъ за ихъ экономическую независимость. Въ мелкомъ ремесленномъ производствѣ среднихъ вѣковъ встрѣчаемъ мы не только первыхъ пролетаріевъ, сбросившихъ съ себя феодальную кабалу и выносящихъ на трудовой рынокъ свою „вольную“ рабочую силу, но и первыхъ „свободныхъ“ женщинъ, массами торгующихъ своими рабочими руками.

Пауперизація деревень, обнищаніе крестьянства, непрерывныя войны, чудовищная смертность наиболѣе подвижной части населенія—мужчинъ, подвергавшихся тысячамъ опасностей, болѣзней и другихъ случайностей, которыми изобиловали средніе вѣка, способствовали быстрому росту численности экономически-необезпеченныхъ и одинокихъ женщинъ, выбрасывавшихся на общій рынокъ труда *). Гонимыя голодомъ, одино-

*) „Статистическія данныя, относящіяся къ тремъ наиболѣе значительнымъ средневѣковымъ городамъ, единогласно показываютъ такой сильный перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ въ извѣстномъ возрастѣ, что неизбѣжно является предположеніе о томъ, что къ концу среднихъ вѣковъ женскій вопросъ въ городахъ имѣлъ болѣе жгучій и рѣзкій характеръ.

чествомъ, необходимостью прокормить своихъ кровныхъ родныхъ, женщины второй половины средневѣковья стучались въ двери ремесленныхъ мастерскихъ почти съ той-же настойчивостью, съ какой осаждаютъ онѣ сейчасъ фабричныя конторы, занимая мѣста рядомъ съ учениками, подмастерьями и даже мастерами.

Женщины не только проникали въ самыя разнообразныя отрасли производства, но и забирали въ свои руки цѣлые цехи. Текстильное производство издревле считалось женской спеціальностью, и, хотя ткачество въ XII вѣкѣ обратилось въ отрасль преимущественно мужского труда, все-же пряденье и чесанье шерсти, наматыванье ея на катушки продолжали оставаться въ рукахъ женщинъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ мы находимъ громадный контингентъ чесальщицъ, прядильщицъ, мотальщицъ, шпульницъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, напр.—Франкфуртѣ, находившихся подъ особымъ наблюденіемъ членовъ муниципалитета. Въ Кельнѣ въ тѣ-же времена существовалъ особый цехъ мотальщицъ, которыя по цеховому статуту обязаны были состоять

чѣмъ въ настоящее время. Изъ достаточно-надежной переписи Нюрнбергскаго населенія, произведенной въ концѣ 1449 года мы видимъ, что въ зажиточномъ классѣ на 1000 взрослыхъ мужчинъ приходилось 1168 женщинъ. Но перевѣсъ женскаго населенія наблюдался не только въ зажиточномъ классѣ, а и среди лицъ, находившихся въ услуженіи (работники, подмастерья и служанки). Если мы возьмемъ всѣ эти классы населенія въ совокупности, то найдемъ 1207 женщинъ на 1000 мужчинъ. Въ Базелѣ отношеніе половъ въ 1454 году было, повидимому, такое-же. Въ С.-Албанскомъ и Леонардскомъ приходахъ на 1000 мужчинъ старше 14 лѣтъ приходилось 1246 женщинъ того-же возраста. Наконецъ, перепись, охватившая въ 1385 году большую часть взрослаго населенія во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, дала 1536 мужчинъ и 1689 женщинъ, т. е. на 1000 мужчинъ круглымъ счетомъ 1100 женщинъ. Послѣдняя цыфра ниже дѣйствительной; есть основанія думать, что перевѣсъ женскаго населенія во Франкфуртѣ-на-Майнѣ былъ въ 1385 году значительно больше." (Бюхеръ, „Женскій вопросъ въ средніе вѣка", стр. 8).

въ ученичествѣ 6 лѣтъ, причемъ мастерицы не имѣли права держать у себя болѣе 3-хъ работницъ. Самое ткачество тоже не повсемѣстно исключало участіе женскихъ трудовыхъ силъ; такъ, напримѣръ, въ Мюнхенѣ цехъ ткачей даже привлекалъ къ себѣ женщинъ, въ расчетѣ такимъ образомъ пресѣчь конкуренцію неорганизованнаго женскаго труда *). Тканье-же холста, тканье и стирка вуалей—эти ремесла уже всецѣло принадлежали женщинѣ **). Въ XIV и даже XV столѣтіяхъ изготовленіе шнуровъ и позументовъ все еще являлось спеціальностью преимущественно женщинъ. Французскія шелко-ткачихи и прядильщицы, вязальщицы, кошельщицы, модистки въ XIII и XIV столѣтіяхъ были объединены въ самостоятельные, почти исключительно женскіе, цехи; въ Кельнѣ въ XIII столѣтіи существуетъ цѣлый рядъ „женскихъ союзовъ"—

*) Бюхеръ „Женскій вопросъ въ средніе вѣка", стр. 16.

**) „Больше всего женщинъ можно было найти въ текстильной промышленности и въ цехахъ ткачей. Въ Силезіи уже въ XIV столѣтіи число прядильщицъ превышало число прядильщиковъ; въ Бременѣ, Кельнѣ, Дортмундѣ, Данцигѣ, Шпейерѣ, Ульмѣ и Мюнхенѣ было много шерсто- и льно-ткачихъ на дому. Въ Базельскихъ податныхъ реестрахъ 1453 года упоминаются цеховыя ткачихи ковровъ; но женщины были заняты также и какъ скорняки, пекари, поясники, вязальщики гербовъ, стригальщики сукна, ременщики, кожевники, золотобиты. Особенно во Франціи, гдѣ составленный Этьеномъ Буало въ 1254 г. сводъ статутовъ ремесленниковъ даетъ возможность сдѣлать точный обзоръ всѣхъ областей женскаго труда, женщины были заняты въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ ремесленнаго производства. Мы находимъ въ большомъ числѣ женскихъ ученицъ и подмастерьевъ у гранильщиковъ, шелкопрядильщиковъ, игольщиковъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, какъ, напримѣръ, въ ткацкой и бахромной, женщины могли стать мастерами и принимать учениковъ; между тѣмъ какъ въ первое время допущенія женщинъ въ ремесло только дочери мастеровъ и служанки принимались въ число учениковъ, впослѣдствіи все больше росло и число чужихъ женщинъ, принимавшихся для обученія ремеслу" (Л. Браунъ, „Женскій вопросъ", стр. 37—38).

швей, прядильщицъ, вышивальщицъ, шерсто- и золотопрядильщицъ. Въ портняжномъ ремеслѣ женщины, правда, постоянно вытѣснялись мужчинами, и на этой почвѣ возникали длительные раздоры между портными и швеями, но еще въ XIV столѣтіи во Франкфуртѣ, въ Майнцѣ и др. рейнскихъ городахъ швеи допускались въ цехъ даже на облегченныхъ условіяхъ; такъ, женщина, желавшая заняться портняжнымъ ремесломъ, должна была при вступленіи въ цехъ внести вмѣсто 3 фунтовъ всего 30 шилинговъ и поставить полчетверти вмѣсто четверти вина. Женщины допускались къ участію на равныхъ правахъ въ слѣдующіе цехи: скорняковъ (Силезія, Франкфуртъ), поясниковъ, вышивальщиковъ гербовъ (Страсбургъ, Кельнъ), четочниковъ (Любекъ), суконщиковъ (Франкфуртъ), кожевниковъ (Нюрнбергъ), золотопрядильщиковъ и золотобитцевъ (Кельнъ).

Наибольшее распространеніе имѣлъ женскій трудъ въ средніе вѣка въ слѣдующихъ, частью цеховыхъ, частью „свободныхъ“ отрасляхъ производства: свѣчномъ, войлочномъ, сукновальномъ, льнопрядильномъ и ткацкомъ, золотошвейномъ, бѣлошвейномъ, портняжномъ, пекарномъ и ременномъ. Сверхъ того, можно было встрѣтить женщинъ еще и въ цѣломъ рядѣ другихъ профессій—басонщицъ, позументщицъ, вязальщицъ, заплатчицъ, мѣховщицъ, прачекъ, рогожницъ, плетельщицъ корзинъ, банщицъ и даже женщинъ-цирюльниковъ *).

Торговля также занимала женщинъ: рыночныя торговки, торговки съѣстными припасами (фруктами, сырами, яйцами, курами, солью и т. д.), перекупщицы и старьевщицы вовсе не были рѣдкимъ явленіемъ въ глубинѣ средневѣковья.

*) Вмѣстѣ съ. пріобщеніемъ женщинъ къ физическому труду долженъ былъ открыться для нихъ доступъ и въ интеллигентныя профессіи, что мы и видимъ на дѣлѣ: такъ, въ XIV столѣтіи во Франкфуртѣ встрѣчаются женщины-врачи, учительницы, художественныя переписчицы и т. п.

О томъ, какъ велико было участіе женщинъ въ средневѣковомъ производствѣ, можно судить по городскимъ актамъ, регистрировавшимъ налогоспособное населеніе, къ которому тогда относились исключительно лица, занятыя какимъ-либо промысломъ. Въ Франкфуртѣ съ 1354 по 1463 г. въ составѣ налогоспособнаго населенія женщинъ насчитывалось отъ 18 до 25% *).

Женщины стремились проникать во всѣ доступныя имъ отрасли труда; когда-же не хватало имъ мѣста въ мастерскихъ, онѣ шли искать спасенія отъ беззащитнаго одиночества и нищеты подъ сѣнью монастырей, въ спеціальныхъ женскихъ трудовыхъ пріютахъ бегинокъ, „Божьихъ домахъ“ и т. п.

Но, по мѣрѣ того какъ женскій трудъ распространялся отъ ремесла къ ремеслу, росла естественная враждебность мужчинъ къ опасной, дешевой конкуренткѣ. Сначала мужчины пытались обезвредить неорганизованный женскій трудъ, обязавъ женщинъ участвовать въ цехахъ. Но, по мѣрѣ роста конкуренціи внутри самыхъ цеховъ, по мѣрѣ образованія самостоятельныхъ женскихъ союзовъ и цеховъ, отстаивавшихъ свои экономическіе интересы, тактика конкурентовъ-мужчинъ измѣнялась. Одинъ за другимъ цехи стали ограничивать доступъ женщинамъ, преслѣдуя и строго наказывая мастеровъ, привлекавшихъ въ свои мастерскія лицъ женскаго пола **). Цѣпко держали

*) Бюхеръ. „Женскій вопросъ въ средніе вѣка“, стр. 41.

**) „Такъ, когда одинъ мастеръ-поясникъ въ серединѣ XVI столѣтія, въ Страсбургѣ, обучилъ ремеслу своихъ обѣихъ падчерицъ, то возбудилъ гнѣвъ союза подмастерьевъ своего цеха въ такой сильной степени, что дѣло дошло до стачки, длившейся два года и кончившейся пораженіемъ мастера и женскаго труда. Въ другомъ случаѣ успѣшно было пущено въ ходъ другое средство борьбы—бойкотъ. Шнуровщики въ Страсбургѣ жаловались на то, что нюрнбергскіе мастера употребляютъ въ своемъ ремеслѣ дѣвушекъ, чѣмъ вредятъ ремеслу; они грозили, что объявятъ всѣхъ шнуровщиковъ, обучавшихся въ Нюрнбергѣ,

мастера въ своихъ рукахъ цеховыя привиллегіи, и, чтобы преградить путь къ ремесламъ «бродячему люду», искавшему спасенія отъ ужасовъ феодальнаго произвола въ городахъ, они издавали все новые и новые стѣснительные цеховые регламенты; годы ученичества удлинялись, расходы на званіе подмастерья повышались, надежды на самостоятельное мастерство окончательно утрачивались. Женскій трудъ искоренялся самымъ беззастѣнчивымъ образомъ.

Но, при всей строгости и изобрѣтательности цеховыхъ статутовъ, ограничительная тактика мужчинъ оказалась-бы безсильной въ борьбѣ съ предложеніемъ дешеваго женскаго труда, если-бы на помощь мужчинамъ не явился могущественный союзникъ—*производительныя силы.* На рубежѣ новыхъ вѣковъ все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться новые виды производства, уклоняющіеся отъ стѣснительной цеховой регламентаціи. Безчисленныя, праздныя руки голодныхъ пролетаріевъ ищутъ себѣ приложенія помимо цеховъ: появляется способъ раздачи работъ на домъ, черезъ посредника или мастера. Женщина ухватилась за эту особенно доступную ей форму труда со всей той жадностью, на какую толкалъ ее голодъ. Новый видъ производства выбросилъ женщинъ изъ мастерской и, казалось, навсегда вернулъ ихъ домашнему очагу. Но

негодными, и нечестными, если этому злу не будетъ положенъ конецъ... Мужчина считалъ ниже своего достоинства работать рядомъ съ женщиной. Уставы портняжныхъ, поясничныхъ и кошельщичьихъ организацій категорически воспрещали это подмастерьямъ. Нюрнбергскіе переплетчики-подмастерья объявляли нечестнымъ каждаго, кто работалъ со служанкой, и то, что первоначально предписывали одни союзы подмастерьевъ и цехи, впослѣдствіи было воспринято городскими и государственными постановленіями. Эти послѣднія воспрещали не только работу женщинъ въ цехахъ, но и считали ее позорящей каждаго мужчину, работавшаго совмѣстно съ женщинами.“(Лили Браунъ, „Женскій вопросъ“, стр. 41—42)

это возвращеніе „въ домъ“ было сущей гибелью для женщинъ. Вѣдь женщина уже вступала на порогъ экономической сомостоятельности; казалось, еще одно ея усиліе, и она будетъ признана полноправнымъ работникомъ. И вотъ, въ эту-то пору слѣпыя экономическія силы по своему распорядились ея судьбой. Самая ужасная, самая вопіющая форма эксплуатаціи наемнаго труда водворилась тогда бокъ-о-бокъ съ регламентированнымъ, степеннымъ цеховымъ производствомъ. Образчики подобной эксплуатаціонной системы производства существуютъ еще и сейчасъ въ формѣ „работы на дому“ (sweeting system). Домашній трудъ высасывалъ изъ женщины всѣ жизненные соки; онъ взваливалъ на ея слабыя плечи двойную работу: профессіональную и узко-домашнюю.

Втеченіе всего мануфактурнаго періода видимъ мы женщину въ собственной темной, закоптѣлой избушкѣ, молчаливо и незамѣтно трудами рукъ своихъ снабжающею міровой рынокъ предметами роскоши и продуктами первой необходимости. Только при томъ условіи, что женщина отъ зари до зари съ согнутой спиной трудилась надъ тканьемъ, пряжей, вышиваньемъ, выдалбливаніемъ кожи и т. д., могъ ея трудъ выдерживать конкуренцію съ ненавистными для нея цехами — монополистами, баловнями судьбы, аристократами труда. Поэтому-то, французскія пролетарскія женщины и добивались такъ настойчиво отмѣны цеховыхъ ограниченій и такъ радостно привѣтствовали это событіе въ 1791 г., считая его первымъ шагомъ на пути къ своему экономическому освобожденію. Но, чтобы подобный переворотъ въ соціально-правовыхъ отношеніяхъ сдѣлался возможнымъ, потребовалось новое вмѣшательство производительныхъ силъ. Ремесленно-цеховая исключительность загнала женщину въ домъ; сѣдой властелинъ—паръ вызвалъ ее обратно на открытую трудовую дорогу.

Въ дѣлѣ утвержденія экономической самостоятельности женщины машина сыграла громадную роль. «Кто вздумалъ-бы писать исторію пролетарскаго женскаго труда въ XIX вѣкѣ», говоритъ Лили Браунъ, «тому пришлось-бы въ то-же время писать и исторію машины; она, точно чародѣй, своимъ монотоннымъ шумомъ и огненнымъ дыханіемъ увлекала изъ тихаго домашняго очага безконечныя вереницы блѣдныхъ женщинъ и подчиняла ихъ своей службѣ» *). Фабричный трудъ впервые послѣ среднихъ вѣковъ снова далъ женщинѣ возможность существовать самостоятельно, съ той лишь разницей, что прежде только относительно-небольшое количество женщинъ пріобщалось къ товарному производству, теперь-же количество самодѣятельныхъ женщинъ, будучи уже весьма значительнымъ, съ каждымъ днемъ и во всѣхъ странахъ безпрерывно возрастаетъ. Но съ той минуты, какъ женщина почувствовала подъ собою твердую почву экономической независимости, прежнее безправіе въ обществѣ, прежняя подчиненность въ семьѣ стали для нея вдвое горше и невыносимѣе. Уже во времена великой французской революціи недовольство своимъ соціальнымъ и экономическимъ положеніемъ достигло въ женской средѣ такой напряженности, что «дочери народа» со всей страстностью импульсивныхъ женскихъ сердецъ примкнули къ великимъ событіямъ. Нищета въ Парижѣ и Ліонѣ—этихъ главнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ—достигала гигантскихъ размѣровъ **); проституція росла чудовищнымъ образомъ. Въ Парижѣ къ концу XVIII столѣтія насчитывалось до 70 тыс. проститутокъ. Голодъ и нищета царили въ кварталахъ пролетаріевъ; дѣти гибли, какъ мухи. Страданія жен-

*) Л. Браунъ. „Женскій вопросъ", стр. 189.

**) Въ Ліонѣ въ 1787 г. насчитывалось 30 тыс. нищихъ; въ Парижѣ на 680 тыс населенія приходилось 116 тыс. нищихъ (см. К. Каутскій, „Классов. против. во Франц. въ 1789 г.").

щинъ, за себя и за своихъ дѣтей, переходили всѣ границы терпѣнія. «Изъ двухъ рабочихъ депутацій», разсказываетъ Лили Браунъ, „которыя, добиваясь помощи, явились въ Національное Собраніе, одна состояла изъ женщинъ и была отправлена ими. Онѣ пришли точно дѣти къ отцу: онѣ жаловались на свою нужду, онѣ просили о помощи, но сами не знали, какъ имъ можно помочь“ *). Возможность добывать себѣ средства къ жизни, право на «честный кусокъ хлѣба»—таковъ былъ основной лозунгъ пролетарскихъ женщинъ временъ революціи. Въ одной изъ петицій женщинъ къ королю онѣ требовали предоставленія имъ равнаго съ мужчинами права на трудъ, закрытія мужчинамъ доступа къ отраслямъ женскаго труда, взамѣнъ чего онѣ готовы были обязаться не работать въ спеціально-мужскихъ ремеслахъ. «Мы хотимъ имѣть работу не для того, чтобы узурпировать авторитетъ мужчинъ, а чтобы какъ-нибудь влачить свое существованіе.»

Желаніе женщинъ было удовлетворено въ большей мѣрѣ, чѣмъ онѣ могли ожидать. Но не король откликнулся на ихъ молящій голосъ: бездушная, хотя и болѣе могущественная, чѣмъ любой король, сила—*капитализмъ*, продолжая творить свою неустанную работу, разрушительную и созидательную въ одно и то-же время, со стихійной силой пріобщала женщинъ къ одной отрасли производства за другой. Подчиняя и порабощая женщину своей волѣ, капитализмъ неуклонно выводилъ ее на дорогу ея экономической самостоятельности. Не феминистки съ ихъ гордымъ кличемъ—«дорогу женщинѣ», а именно пролетарки своею грудью расчищали женщинѣ этотъ тернистый путь.

Пролетарка боролась за свободу труда еще тогда, когда самый трудъ буржуазными женщинами считался позоромъ. Буржуазка преблагополучно ютилась еще

*) Lefaure, „Le socialisme pendant la révolution“.

въ своей домашней скорлупѣ, благоденствуя на счетъ мужа, отца или любовника, въ то время какъ пролетарка, въ безпощадной борьбѣ за хлѣбъ насущный, практически осуществляла уже боевой лозунгъ феминистокъ: право на трудъ.

Для женщинъ буржуазныхъ классовъ женскій вопросъ возникаетъ значительно позже вступленія пролетарокъ на трудовой путь, приблизительно въ серединѣ XIX столѣтія. Когда волна необезпеченности, подъ вліяніемъ чудовищныхъ успѣховъ капитализма, достигла и среднихъ классовъ населенія, когда совершавшійся экономическій переворотъ сдѣлалъ ненадежнымъ и шаткимъ имущественное благосостояніе мелкой и средней буржуазіи, тогда передъ буржуазной женщиной встала грозная диллема: либо нищета, либо право на трудъ. Дочери и жены среднихъ и мелкихъ буржуа начали стучаться въ двери университетовъ, художественныхъ мастерскихъ, редакцій, конторъ и т. п., наводняя собою всѣ доступныя имъ отрасли „свободныхъ профессій“. Стремленіе къ наукѣ, къ высшимъ духовнымъ благамъ, являлось вовсе не внезапно-созрѣвшей въ буржуазной женщинѣ потребностью—это былъ все тотъ-же вопросъ „куска хлѣба“...

Съ первыхъ-же шаговъ своихъ на трудовомъ пути женщина изъ буржуазіи встрѣтила со стороны мужчинъ самый рѣзкій отпоръ своимъ стремленіямъ. Завязалась глухая, упорная борьба между мужчиной-профессіоналомъ, облюбовавшимъ свои „тепленькія мѣстечки“, и женщиной—неофиткой въ дѣлѣ добыванія хлѣба насущнаго. Эта-то борьба и породила „феминизмъ“ — невольное стремленіе буржуазныхъ женщинъ сплотиться, опереться другъ на друга и общими силами дать отпоръ общему врагу—мужчинѣ. Но вышедшія на трудовую дорогу феминистки, гордо величающія себя „авангар-

домъ женскаго движенія", напрасно забываютъ, что въ дѣлѣ завоеванія экономической самостоятельности, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, онѣ шли лишь по стопамъ своихъ младшихъ сестеръ и пользовались трудами ихъ мозолистыхъ рукъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли серьезно говорить о томъ, что феминистки пробили трудовую „дорогу женщинѣ", если во всѣхъ странахъ женское буржуазное движеніе зарождалось тогда, когда пролетарки уже сотнями тысячъ наводняли фабрики и мастерскія, завладѣвая одной промышленной отраслью за другой. Только благодаря тому, что трудъ женщинъ-работницъ получилъ признаніе на міровомъ рынкѣ, смогла и женщина-буржуазка занять то самостоятельное положеніе въ обществѣ, которое составляетъ гордость феминистокъ.

Возьмемъ хотя-бы Англію—эту передовую страну буржуазно-женскаго движенія. Что мы тамъ видимъ? Въ концѣ XVIII столѣтія въ Англіи насчитывались 142 бумагопрядильни, занимавшія, рядомъ съ 26.000 мужчинъ, 35.000 дѣтей и 31.000 женщинъ; между тѣмъ, о борьбѣ буржуазныхъ женщинъ за „свободу труда" еще рѣшительно ничего не было слышно. На рубежѣ XIX столѣтія раздается лишь одинокій голосъ Маріи Вольстонкрафтъ, требовавшей поднятія уровня женскаго образованія и пріобщенія женщинъ къ благамъ культуры ради подготовки „лучшихъ матерей". Въ 1841 г. промышленность Англіи занимаетъ уже около $^1/_2$ милліона работницъ (изъ 464 тыс. работницъ 258 тыс. занято въ текстильномъ производствѣ и 177 тыс. въ изготовленіи одежды); онѣ принимаютъ самое дѣятельное участіе въ классовой борьбѣ, и являются рядовыми борцами Чартистскаго движенія. Уже въ 1824 г. тредъ-юніоны насчитываютъ своими членами многихъ ткачихъ Ланкашира, а въ Овеновскомъ „Grand National" участвуетъ не мало женщинъ *).

*) Веббъ, „Истор. анг. тредъ-юніоновъ", стр. 124.

Англійскія пролетарки испытываютъ на себѣ всѣ превратности классовой борьбы и занимаютъ замѣтное мѣсто среди самостоятельно-зарабатывающаго населенія, въ то время какъ ихъ буржуазныя сестры дѣлаютъ лишь свои первые, робкіе шаги по пути экономической эмансипаціи.

Доступъ къ хуже-оплачиваемымъ профессіямъ—учительницъ, почтовыхъ и телеграфныхъ чиновницъ—открылся передъ женщинами буржуазіи прежде всего; расширившаяся, благодаря усиливающемуся темпу жизни, потребность въ дешевыхъ интеллигентскихъ силахъ со стороны государства, городскихъ учрежденій и промышленно-комерческихъ предпріятій сильно содѣйствовала привлеченію буржуазныхъ женщинъ къ самостоятельному труду. Въ 1853 г. международное телеграфное агентство впервые принимаетъ на службу женщинъ; въ 1846 г. первое высшее учебное заведеніе—женская учительская семинарія—открываетъ свои двери женщинамъ. „Перепись 1831 г. въ Англіи еще не упоминаетъ ни объ одной профессіи, принадлежавшей женщинамъ, кромѣ категоріи домашней прислуги; перепись-же 1881 г. насчитываетъ уже 331 различную профессію женщинъ“ *). Медленно, постепенно открываются передъ буржуазными женщинами должности учительницъ, бухгальтершъ, кассиршъ, чиновницъ, стенографистокъ и т. д. Экономическая самостоятельность порождаетъ въ женщинахъ естественное недовольство своимъ политическимъ безправіемъ и соціальной подчиненностью. Лишь въ 60-хъ годахъ женское буржуазное движеніе принимаетъ сколько-нибудь серьезные размѣры, т. е. тогда, когда женское пролетарское движеніе, тѣсно связанное съ классовой борьбой пролетаріата, имѣетъ уже за собою цѣлую исторію.

Во Франціи, знаменитая „новая женщина“ третьяго сословія, выступившая въ 30-хъ годахъ въ свой освобо-

*) М. Качеджи-Шаповаловъ. „Женское движеніе“, стр. 29.

дительный походъ, повторяла лишь лозунги „дочерей народа", защищавшихъ свои права на трудъ и на хлѣбъ передъ лицомъ самого грознаго конвента. Допущеніе женщинъ къ интеллигентскимъ профессіямъ и открытіе передъ ними дверей университетовъ—таковы были основныя требованія французскихъ буржуазокъ. Другими словами, онѣ выступили на защиту лозунга „свободы труда" уже тогда, когда женщины рабочаго класса успѣли проклясть эту свободу и въ кровавыхъ событіяхъ въ Ліонѣ напомнить обществу, что „свободная эксплуатація мужского и женскаго труда все-же имѣетъ свои границы *)".

Въ Германіи женское буржуазное движеніе, преслѣдующее тѣ-же цѣли, что и въ другихъ странахъ—доступъ къ интеллигентскимъ профессіямъ—ведетъ свое начало съ шестидесятыхъ годовъ. Между тѣмъ, нарождавшаяся крупная промышленность Германіи уже давно создала обширныя кадры самостоятельно-зарабатывающихъ пролетарокъ, и эти женщины, особенно ткачихи, такъ-же какъ и ихъ иностранныя товарки, успѣли уже въ полной мѣрѣ вкусить сладость „права на трудъ" при современномъ эксплуатаціонномъ строѣ.

Въ Америкѣ женское буржуазное движеніе дѣлаетъ особенно быстрые успѣхи. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ вида своеобразныхъ условій экономической жизни Америки. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ-бы женщина въ такой мѣрѣ участвовала въ производительной дѣятельности страны, какъ Америка. Колонистъ-фермеръ, этотъ прежній законодатель соціальныхъ и правовыхъ нормъ въ Америкѣ, нуждался въ трудовыхъ силахъ своей жены и дочерей; благосостояніе его зависѣло отъ рабочихъ рукъ его семьи. Женщина являлась работницей не только въ домѣ, но и въ полѣ, на пастбищѣ, въ лѣсу; она претерпѣвала всѣ превратности борьбы съ чуждой и

*) Въ періодъ 1830—1845 г. положеніе фабричныхъ работницъ было особенно печальнымъ: въ Ліонѣ при 14 ч. раб. днѣ годовой заработокъ шелкоткачихъ рѣдко превышалъ 300 фр.

дикой природой; она съ ружьемъ въ рукѣ защищала семейное имущество отъ разграбленія туземцевъ. То, что американская женщина являлась не только потребительницей и распредѣлительницей благъ, добытыхъ мужчинами, но и самостоятельной ихъ производительницей, давало ей возможность занять совсѣмъ особое положеніе; въ общественномъ сознаніи она являлась равноцѣнной съ мужчиной общественной единицей. Тѣмъ острѣе ощущала она свое политическое безправіе, тѣмъ несправедливѣе казалось ей игнорированіе ея, какъ гражданки со стороны государственныхъ установленій. Въ Америкѣ меньше всего наблюдалось вліяніе пролетарокъ на открытіе доступа женщинамъ въ различныя отрасли труда. Тѣмъ не менѣе, врядъ-ли женское движеніе въ Америкѣ достигло-бы такой интенсивности, если-бы въ моментъ возникновенія оно не опиралось на огромный и при томъ быстро растущій контингентъ женщинъ рабочаго класса. Въ 1816 г. въ однѣхъ только прядильняхъ Массачузетса рядомъ съ 10 тыс. рабочихъ занято было 66 тыс. женщинъ, а когда въ 60-хъ годахъ начинается расцвѣтъ американскаго феминистскаго движенія, основываются первые женскіе колледжи и передъ женщинами открываются двери интеллигентскихъ профессій, работница уже имѣетъ за собою длинную и мрачную исторію развитія профессіональнаго пролетарскаго труда.

Эмансипаціонныя стремленія русскихъ буржуазокъ совпадаютъ съ оживленіемъ экономической и государственной жизни Россіи въ 60-хъ годахъ. Недостатокъ въ интеллигентскихъ силахъ—врачей, учителей, чиновниковъ и т. д.—открылъ и женщинамъ доступъ къ этимъ профессіямъ и временно пропустилъ ихъ сквозь строго-охранявшіяся двери высшихъ учебныхъ заведеній. Но развѣ интеллигентныя работницы первыми вступали на трудовую дорогу и завладѣвали профессіей за профессіей? Еще въ крѣпостной Россіи женскій пролетарскій

трудъ имѣлъ широкое распространеніе; на многихъ фабрикахъ, особенно въ текстильномъ производствѣ, количество женщинъ еще въ началѣ столѣтія превосходило количество мужчинъ*). Проклиная безотрадную судьбу, дающую такой просторъ использованію женскихъ рабочихъ рукъ, трудилась фабричная по 18 час. въ сутки; слѣпла въ своей родной избѣ надъ пряжей, тканьемъ, вышиваньемъ, плетеньемъ кружевъ кустариха, не подозрѣвая, что она—обиженная судьбою пролетарка—прокладываетъ путь будущимъ свободнымъ и равноправнымъ женщинамъ. И эта забитая, на-видъ покорная и смирившаяся „рабыня труда“ умѣла однако всегда дружно и безстрашно бороться за общія пролетарскія нужды, умѣла отважно возвышать свой голосъ каждый разъ, когда переполнявшаяся чаша долготерпѣнія рабочаго люда грознымъ потокомъ изливалась на перепуганныхъ эксплуататоровъ. Въ „фабричныхъ бунтахъ“ 40-хъ и 50-хъ годовъ женщина была такимъ-же неизбѣжнымъ участникомъ, какъ и въ фабричной работѣ. Но, защищая этимъ путемъ свои экономическіе интересы, отстаивая болѣе сносныя условія труда, работница закладывала прочный фундаментъ и для трудовой самостоятельности буржуазной женщины. Трудъ пролетарокъ убѣдилъ міръ въ способности женщинъ производить товарныя цѣнности; съ тѣхъ поръ двери самостоятельнаго заработка стали открываться и передъ женщинами другихъ общественныхъ классовъ.

Первою вступивъ на трудовую дорогу, пролетарка продолжаетъ и до сихъ поръ господствовать по своей численности въ рядахъ самодѣятельныхъ женщинъ.

---

*) На большой Ярославской Мануфактурѣ, напр., на 1625 мужчинъ приходилось 2250 женщинъ; женскій трудъ былъ распространенъ во всѣхъ производствахъ, и только въ писчебумажномъ и стекляномъ работали почти исключительно мужчины. (См. М. Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика“).

Пользуясь данными послѣднихъ переписей, ознакомимся съ распредѣленіемъ женскаго самодѣятельнаго населенія по основнымъ отраслямъ труда и съ соотношеніемъ между буржуазнымъ и пролетарскимъ трудомъ женщинъ:

СТРАНЫ.	Года перепис.	Наемныхъ работницъ		Женщинъ либер. профес., интел. труда		Всего самодѣят. женщинъ.
		въ тыс.	въ %	въ тыс.	въ %	
Австрія	1890	5.310	85	935	15	6.245
Германія	1895	5.293	80	180	3	6.578
Франція	1891	3.584	69	300	6	5.191
Англія	1891	3.113	78	307	8	4.016
Соед. Штаты. . . .	1890	2.865	74	312	8	3.915

Въ Германіи женскій трудъ имѣетъ наибольшее распространеніе въ сельскомъ хозяйствѣ: такъ, по переписи 1895 г., здѣсь было 2.753 тыс. женщинъ; за нимъ слѣдуетъ промышленность, занимавшая 1.521 тыс. женскихъ силъ; затѣмъ идетъ торговля и транспортъ, въ которыхъ числилось 579½ тыс. женщинъ; наконецъ, на либеральныя профессіи и государств. службу падало всего 180 тыс. женщинъ; остатокъ относится статистикой къ „неопредѣленнымъ“ или „перемѣннымъ“ профессіямъ. Во Франціи сельское хозяйство также пока еще занимаетъ наибольшее число женскихъ трудовыхъ элементовъ; изъ всего числа самодѣятельныхъ женщинъ Франціи: 1.800 тыс. приходилось на сельское хозяйство; 1.400 тыс.—на промышленность, 600 тыс.—на торговлю и транспортъ и лишь 300 тыс. на интеллигентскія профессіи. Въ Англіи промышленность вербуетъ наибольшее число женщинъ—въ ней занято 2.382 тыс. женщинъ (изъ нихъ 845 тыс. въ текст. производствѣ и 884 тыс. въ произв.

платья); въ домашнемъ и личномъ услуженіи занято 2.170 тыс.; въ сельскомъ хозяйствѣ и рыболовствѣ—172 тыс.; въ торговлѣ 48 тыс., и интеллигентскимъ трудомъ — 307 тысячъ. Въ Америкѣ наибольшій контингентъ женщинъ находимъ въ домашнемъ и личномъ услуженіи—всего 1.700 тыс.; ок. 1 мил. занято въ промышленности, 680 тыс. въ сельскомъ хозяйствѣ, 228 тыс. въ торговлѣ и транспортѣ и 312 тыс. въ свободныхъ и иныхъ интеллигентскихъ профессіяхъ.

Какой незначительной горсточкой кажутся самостоятельно-зарабатывающія буржуазки въ общей массѣ самодѣятельныхъ женщинъ культурныхъ странъ!

Посмотримъ теперь, какъ складывается у насъ, въ Россіи, взаимоотношеніе между женскимъ буржуазнымъ и пролетарскимъ трудомъ.

Изъ числа 6.260.976 самостоятельно-зарабатывающихъ женщинъ занято: *).

въ сельск. хозяйствѣ, рыболовн. и лѣсномъ промыслахъ	2.086.169
поденной работой, услуженіемъ, и въ прочихъ подобн. профессіяхъ	1.673.605
въ промышл. и горномъ дѣлѣ . .	982.098
въ торговлѣ	299.403
въ либеральн. проф., на госуд. и частн. службѣ	126.016
въ транспортѣ	22.116

Изъ числа 2.086 тысячъ женщинъ, самостоятельно зарабатывающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, по подсчету Чернышева **), на пролетарскій элементъ падаетъ всего 753 тыс. или 36,1%; но на самомъ дѣлѣ цифра эта значительно выше, такъ какъ, помимо работницъ и прислуги, сюда-же слѣдуетъ отнести и безземельныхъ крестьянокъ, живущихъ на случайные заработки, рыбачествомъ, кустарными промыслами и т. п., ошибочно отно-

*) В. Кильчевскій, „Необходим. свѣдѣнія женщинамъ“, стр. 20.
**) Чернышевъ, „О всеобщемъ избират. правѣ“. Стр. 311 и 314.

симыхъ статистикой къ категоріи не-пролетарскаго труда, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности именно эти женщины, не имѣющія прочнаго заработка въ сельскомъ хозяйствѣ, и являются наиболѣе обездоленными и эксплуатируемыми элементами женскаго населенія.

Въ промышленности пролетарскій элементъ нѣсколько выше: на его долю изъ 982 тыс. женщ. приходится 389 тыс. или 39,6 %. Но и это число не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности; по существу, сюда-же слѣдовало отнести изъ рубрики „прочихъ профессій“ значительное число пролетарокъ, добывающихъ средства къ жизни промышленной работой въ томъ или другомъ ея видѣ.

Что касается рубрики, охватывающей „прочія профессіи или источники существованія“, то здѣсь мы видимъ повтореніе уже указанной ошибки: изъ 2.186 тысячъ женщинъ лишь 1.622 относятся статистикой къ категоріи пролетарскаго труда, между тѣмъ именно въ этой растяжимой рубрикѣ „прочихъ профессій“, среди 564 тыс. якобы самостоятельныхъ, не-наемныхъ трудовыхъ силъ, попадается много женщинъ, работающихъ на капиталъ у себя на дому, причемъ ихъ работа фактически представляетъ лишь разновидность пролетарскаго труда. Стоитъ разобрать детальнѣе, изъ какихъ группъ составляется рубрика „прочихъ профессій“, чтобы убѣдиться въ правильности сказаннаго. Возьмемъ самодѣятельный элементъ хотя-бы крупнѣйшихъ городовъ Россіи, относимый статистикой въ эту рубрику, и посмотримъ, изъ кого собственно онъ состоитъ*):

Прислуга и поденщицы	506	тыс.
Лица, живущ. съ доходовъ на имущество, на средства учрежденій, родственниковъ, и т. д.	232	„

*) Чернышевъ, „О всеобщемъ избир. правѣ“, стр. 314.

Лица, занятыя въ либ. проф., казен. службой и т. п.	73	тыс.
Лица, существ. на проч. источники дохода	87	„
Всего . . .	898	тысячъ.

Даже и при такой несовершенной классификаціи бросается въ глаза преобладающая цифра пролетарокъ надъ женщинами, имѣющими самостоятельную буржуазную профессію, т. е. именно надъ тѣми женскими элементами, которыми пополняются кадры феминистокъ. Женщины, относимыя къ категоріи самодѣятельныхъ, но живущія на доходы съ имущества, представляютъ несравненно менѣе благопріятный матеріалъ для воспріятія эмансипаціонныхъ стремленій феминистокъ.

Въ Петербургѣ по переписи 1900 г. на 13.175 самодѣятельныхъ женщинъ, занятыхъ врачебной, литературной, учебной и т. п. дѣятельностями, а также служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, приходилось (73.724 + 10.281 =) 84.005 работницъ и прислуги, 13.478 „хозяевъ“ и 29.702 „одиночекъ“. Въ процентахъ это соотношеніе выражается слѣд. образомъ *):

Хозяекъ	11,09	15,04
Занятыхъ админ. должн.	3,95	
Работницъ	59,52	84,94
Одиночекъ	25,42	

Это сопоставленіе наглядно показываетъ преобладаніе женскихъ пролетарскихъ группъ надъ остальными категоріями самодѣятельныхъ женщинъ. Но еще рельефнѣе выступаетъ это явленіе, если детализировать женскій трудъ въ Петербургѣ по крупнѣйшимъ отраслямъ производства. Такъ, въ 1900 г. самодѣятельныя женщины распредѣлялись по слѣд. группамъ:

*) Лев. Лес. „О занятіяхъ женскаго насел. С.-Петерб. и т. д.“ стр. 119.

Отрасли труда:	Хозяйки.	Занят. админ. должн.	Работницы.	Одиночки.
Производство одежды и обуви	2.479	57	19.298	11.449
Обраб. волокн. веществъ .	120	20	11.304	576
Произв. питат. веществъ и табачное	79	26	7.505	126
Банщицы, прачки	398	49	5.371	5.138
Кожевен., бумажн., резин. произв.	92	19	4.139	38
Торговля	1.238	1.638	3.146	2.192
Трактирный промыселъ .	5.268	109	2.395	19
Полиграф. искусства . . .	66	383	756	9
Перевозное дѣло	243	1.669	132	—
Промысл. занятіе неизв. .	9	6	6.626	7.179

Какъ показываютъ приведенныя данныя, только въ такихъ областяхъ труда, гдѣ мелкое производство еще преобладаетъ, — напр., въ торговомъ, въ трактирномъ промыслахъ—число самодѣятельныхъ женщинъ-хозяекъ относительно высоко; во всѣхъ-же остальныхъ отрасляхъ наемный трудъ и тѣсно съ нимъ связанный трудъ „одиночекъ“ численно подавляетъ не только группу хозяекъ, но и интеллигентныя или полу-интеллигентныя профессіи женщинъ, занятыхъ въ администраціи предпріятій, въ качествѣ бухгалтершъ, кассиршъ, конторщицъ и т. п.

Этихъ бѣглыхъ данныхъ, думается намъ, достаточно, чтобы дать представленіе о значительности той роли, какую играетъ въ различныхъ странахъ трудъ женщинъ рабочаго класса, и объ его подавляющемъ преобладаніи надъ трудомъ женщинъ-буржуазокъ.

Однако, все-возрастающая милліонная армія промышленныхъ работницъ, завоевывающая шагъ за шагомъ для всѣхъ женщинъ „право на трудъ“, сама не радостью, а проклятьемъ встрѣчаетъ это право. Въ то время, какъ буржуазная женщина съ ликованіемъ въ душѣ вступаетъ въ каждыя новыя открывающіяся передъ ней

двери интеллигентныхъ профессій, пролетарка идетъ къ новому станку съ тяжелой покорностью судьбѣ *). Ближайшая мечта буржуазныхъ женщинъ—„свобода профессій для женщинъ"—давно превратилась для пролетарки въ горькую реальность.

Трудъ вывелъ женщину на прямую дорогу къ ея экономической самостоятельности, но современныя капиталистическія отношенія сдѣлали условія труда невыносимыми, гибельными для нея; условія эти ввергли ее въ самыя пучины нищеты; они ее познакомили со всѣми ужасами капиталистической эксплуатаціи и заставили извѣдать до дна чашу страданій, причиняемыхъ губительными для здоровья и жизни условіями производства. И пролетарки прокляли ту „свободу труда", которую такъ яростно защищаютъ ихъ буржуазныя „сестры".

Надо-ли повторять обще-извѣстный фактъ, что трудъ работницъ обставленъ во всѣхъ отношеніяхъ еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ трудъ рабочаго. Статистикой давно и неоспоримо установлено, что во всѣхъ отрасляхъ производства женскія трудовыя силы оплачиваются значительно ниже мужскихъ.

---

*) „Въ литературѣ и въ жизни часто приходится слышать о недостаткѣ занятій для женщинъ, объ ограниченности для нихъ сферы приложенія труда. Какъ совмѣстить такую жалобу съ фактомъ хозяйственнаго труда многихъ милліоновъ женщинъ?" спрашиваетъ проф. Соболевъ. „Дѣло въ томъ, что жалобы раздаются вовсе не въ тѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, гдѣ женскій трудъ широко примѣняется, а въ сферѣ интеллигентныхъ, такъ называемыхъ „либеральныхъ профессій"... „Этимъ и объясняется одностороннее освѣщеніе женскаго вопроса, какъ вопроса о расширеніи сферы труда женщинъ. Это расширеніе давнымъ давно совершилось и продолжаетъ совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главный центръ вопроса не въ этомъ, а въ улучшеніи труда и заработка женщинъ". (Соболевъ, „Женскій трудъ", стр. 80).

Такъ, въ Англіи, по Гриффену, средняя недѣльная заработная плата рабочаго равняется 24 шил. 7 пен.; работница-же выручаетъ всего половину—12 шил. 8 пен. Въ главнѣйшихъ производствахъ Англіи, занимающихъ большое количество женщинъ, мы находимъ такое соотношеніе въ оплатѣ мужскаго и женскаго труда:

Заработная плата въ недѣлю*)

Производства:	мужчинъ	женщинъ
Хлопчатобумажное .	25 шил. 3 пен.	15 шил. 3 пен.
Шерстяное	23 „ 2 „	13 „ 3 „
Мѣдное	29 „ 7 „	12 „ 11 „
Типографіи (крупн.).	33 „ 8 „	11 „ 9 „
Чулочное	24 „ 5 „	11 „ 6 „
Цинковое	33 „ 8 „	10 „ 5 „
Льняное	19 „ 9 „	8 „ 11 „
Добываніе кам. угля	22 „ 11 „	8 „ 2 „
Добываніе руды . .	16 „ 6 „	5 „ 10 „

Въ Америкѣ, гдѣ общее положеніе работницъ относительно болѣе удовлетворительно, чѣмъ въ Европѣ, также замѣчается большая неравномѣрность въ оплатѣ труда. Въ Нью-Іоркѣ, напр., заработная плата въ хлопчато-бумажной промышленности выражается слѣдующимъ образомъ **):

Недѣльный заработокъ					у мужчинъ	у женщинъ.
Ниже	5 дол.				6.298 чел.	13.004 чел.
Не ниже	6 „				3.186 „	6.264 „
Отъ	6 „	до	7	дол.	2.958 „	4.177 „
„	7 „	до	8	„	2.905 „	1.979 „
„	8 „	до	9	„	1.945 „	488 „
„	9 „	до	10	„	1.741 „	148 „

*) Г. Ностицъ, „Рабочій классъ Англіи“ и т. д. стр. 422.

**) Кечеджи-Шаповаловъ, „Женское движеніе“, стр. 19 и 20.

Отъ	10 дол.	до 12	дол.	1.361	чел.	52	чел.
„	12 „	до 15	„	769	„	13	„
„	15 „	до 20	„	577	„	23	„
„	20	и выше		275	„	15	„

Это распредѣленіе наглядно показываетъ, что наибольшее количество женщинъ стекается въ хуже-оплачиваемыхъ отрасляхъ труда; 7 дол. въ недѣлю, это—высшая норма оплаты женскаго труда, выше которой она подымается очень рѣдко. Высшая заработная плата мужчинъ въ Масачусетсѣ достигаетъ 25,41 дол., женщинъ—8,57 дол.; низшая у первыхъ спускается до 7,09 дол., у вторыхъ до 4,62 дол. *).

Во Франціи средній заработокъ мужчины, по подсчету Пеллутье, равняется 4 фр. 85 сант. въ день; средняя-же оплата женскаго труда составляетъ лишь половину, т. е. 2 фр. 45 сант. Брошюровщицы въ Парижѣ при 12—14-часовомъ рабочемъ днѣ едва зарабатываютъ отъ 1 фр. 75 сант. до 2 фр., тогда какъ заработокъ брошюровщика достигаетъ въ день 7—8 фр. Въ 1900 г. парижскія брошюровщицы устроили стачку и потребовали повышенія расцѣнки труда съ расчетомъ повысить свой заработокъ хотя-бы до 3 фр. въ день. Въ льнопрядильномъ производствѣ во Франціи ткачи зарабатываютъ до 3 фр. 50 с. въ день, ткачихи до 2 фр. 55 с.; въ пеньково-ткацкомъ производствѣ средній заработокъ ткачей 2 фр. 50 с., ткачихъ—1 фр. 50 сант.; въ суконномъ—ткачъ можетъ выработать до 6 фр. въ день, женщина-же ткачиха не болѣе 5 фр., средній-же ея заработокъ равняется 1 фр. 85 с., въ то время какъ средній заработокъ ткача 2 фр. 60 с. Еще разительнѣе эта разница для трепальщиковъ и трепальщицъ въ пеньковомъ производствѣ: высшая норма оплаты труда первыхъ 5 фр., вторыхъ 2 фр. 40 с. Въ бумагопрядильномъ производствѣ прядильщикъ зараба-

*) Лили Браунъ, „Женскій вопросъ“, стр. 265.

тываетъ отъ 4 до 5 фр. въ день, прядильщица — отъ 1 фр. 50 с. до 2 фр. 75 с.; въ бумаготкацкомъ — ткачъ получаетъ въ день отъ 2 фр. до 4 фр. 25 с., ткачиха— отъ 1 фр. 50 с. до 3 фр. 75 с.; въ шерстоткацкомъ производствѣ средняя оплата мужчинъ 4 фр., женщинъ 3 фр. 5 с. Въ бумажномъ производствѣ мужчина зарабатываетъ въ среднемъ отъ 2 фр. 35 с. до 4 фр. 45 с. женщина — отъ 1 фр. 45 с. до 2 фр. 35 с.

На одномъ изъ крупнѣйшихъ въ Парижѣ рафинадныхъ заводовъ за работу перенесенія тяжелыхъ ящиковъ сахара съ одного конца помѣщенія въ другой, за которую не взялся-бы мужчина и за 50 сант. въ часъ, работница получала всего 20 сант. Въ среднемъ на рафинадныхъ заводахъ въ Парижѣ рабочій получаетъ 4 фр. 50 сан. въ день, женщина-же 2 фр.—2 фр. 25 с. Есть цѣлый рядъ профессій во Франціи, гдѣ женщина зарабатываетъ 50 сант. въ день (ок. 20 коп.)— оплата труда, неслыханная для мужчины-рабочаго *).

Въ Бельгіи, минимумъ мужской заработной платы начинается съ цифры $1^1/_2$ фр. въ день, въ то время какъ минимумъ женскаго суточнаго заработка — 1 франкъ и даже меньше. Для мужчинъ максимумъ оплаты составляютъ 7 фр. и болѣе; для женщинъ—4 фр. „Вдобавокъ"—сообщаетъ Герценштейнъ **),— „изъ 450.000 обслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи мужчинъ-рабочихъ этимъ максимумомъ въ 7 и болѣе фр. пользовались 400 чел., т. е. 0,80%, а изъ 72.300 женщинъ-работницъ только 300, т. е. 0,41%, получали плату въ 4 фр. и болѣе. Значитъ, пропорція женщинъ съ ихъ высшимъ окладомъ не составляетъ и половины той-же пропорціи у мужчинъ. Для того-же числа (450.000) рабочихъ-мужчинъ наиболѣе-частая рабочая плата составляла 3—$3^1/_2$ франка; ее получаютъ 100.000 человѣкъ, или

*) Ф. и М. Пелетутье „Жизнь рабочихъ во Франціи". 75.
**) Герценштейнъ, „Дѣтскій и женскій трудъ", стр. 38—39.

22,22% ; у женщинъ-же самая частая плата отъ 1 до 1½ фр.; ее имѣютъ 22.398 работницъ, т. е. 31%. Такимъ образомъ, у женщинъ преобладаетъ ихъ низшая предѣльная заработная плата, а у мужчинъ—ихъ средняя. Подобное-же отношеніе наблюдается и въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ рабочіе-мужчины получаютъ въ среднемъ 1 фр. 98 сант. (75 к.) въ день, работницы — 1 фр. 22 сантима (45 к.). Чтобы существовать въ Бельгіи сколько-нибудь сносно, необходимо имѣть заработокъ, превышающій 3 фр. 50 с., а такъ какъ у 31% работницъ заработокъ колеблется между 1 и 1½ фр., то можно легко себѣ представить, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ проходитъ жизнь большинства бельгійскихъ работницъ.

Въ Германіи средній дневной заработокъ рабочаго равняется 67½ коп. на наши деньги; средній же заработокъ работницы едва достигаетъ 45 коп.; дѣвочки-подростки зарабатываютъ и того менѣе; въ среднемъ— 36 коп. При высшей нормѣ оплаты труда мужчина въ Германіи можетъ заработать 1 р. 35 к., женщина-же всего 79 к. Въ Берлинѣ средній дневной заработокъ рабочаго 1 р. 8 к., работницы—65 к. Но существуютъ цѣлые округа, гдѣ женщина въ состояніи выработать — взрослая 22 к., подростокъ всего 13 к. *). Въ верхнеэльзасскихъ прядильняхъ въ восьмидесятыхъ годахъ мужчины зарабатывали въ день отъ 1 мар. 80 пф. до 4 мар., женщины — отъ 1 мар. 70 пф. до 2 мар. Въ ткацкой промышленности Германіи, если заработная плата рабочаго достигаетъ 3 м. 30 пф. въ день, то женщины въ лучшемъ случаѣ зарабатываютъ 2 м. 40 пф. „Въ Манхеймѣ 56% мужчинъ зарабатывали ежедневно отъ 15 до 25 мар.; 71% женщинъ только отъ 8 до 10 мар., на заработокъ въ 35 мар., могли разсчитывать

*) Э. Вурмъ, „Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ", глава: „Доходы рабочихъ".

1½% мужчинъ и только 0,08% женщинъ достигали своей максимальной платы 30—36 мар.“ *).

Женщины—нагрузчицы, работающія въ Данцигѣ при разгрузкѣ кораблей, получаютъ 3 мар. Чернорабочій въ Берлинѣ, Франкфуртѣ и нѣк. друг. городахъ Германіи получаетъ отъ 2 м. 25 пф. до 3 м. въ день; женщина-же — чернорабочая въ состояніи выработать всего отъ 1 м. 10 пф. до 1 м. 80 пф. Въ Дармштадтѣ типографскіе рабочіе получаютъ отъ 18 до 28 мар. въ недѣлю. Женщины, исполняющія ту-же работу при томъ-же количествѣ часовъ, зарабатываютъ всего 6—12 мар. Литографы вырабатываютъ въ недѣлю до 40 м.; женщина, занятая въ литографіи при той-же работѣ, получаетъ максимумъ 11 мар. На позументныхъ фабрикахъ мужчина получаетъ 15—25 м., женщина 4—12 м. **).

Въ Финляндіи на бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ женщина вырабатываетъ отъ 35 пенни до 2 фин. мар. въ день, мужчина отъ 1 м. 80 п. до 2 м. 30 п. — въ Таммерфорсѣ; въ Або оплата труда нѣсколько выше: заработокъ работницы колеблется отъ 1 м. до 2 м. 50 п., рабочаго—отъ 2 м. 50 м. до 3 м. 50 п. Въ льнопрядильняхъ Таммерфорса рабочій получалъ въ день отъ 1 м. 60 п. до 2 м. 80 п., работница—отъ 1 м. 15 п. до 1 м. 50 п.; въ шерстопрядильняхъ мужчина зарабатываетъ до 2 м. въ день, женщина отъ 80 п. до 1 м. Въ писчебумажномъ производствѣ встрѣчается такая оплата: 3 м. въ день мужчинѣ и 1 м. 80 п. женщинѣ ***). На пивоваренныхъ заводахъ въ Гельсингфорсѣ рабочій зарабатываетъ отъ 3 до 5 мар. въ день, работница отъ 2 м. 25 п. до 3 м. Трудъ женщинъ оплачивается въ Финляндіи на 50 и даже на 100% ниже мужского, а бываютъ случаи, когда относительный заработокъ женщинъ и еще ниже; такъ, переплетчицы

*) Л. Браунъ, „Женскій вопросъ“, стр. 265.

**) „Женское движеніе за 50 лѣтъ“, Міръ Божій за 1903 г.

***) А. Коллонтай, „Жизнь финл. рабочихъ“, стр. 81—83.

въ Гельсингфорсѣ получали всего 1/3 заработка мужчинъ.

Наконецъ, въ Россіи, по вычисленію Дементьева, мѣсячный заработокъ рабочаго центральныхъ губерній равнялся 13 р. 53 к., средній-же заработокъ женщинъ 10 р. 35 к.; въ бумаготкацкомъ производствѣ рабочій зарабатывалъ въ мѣсяцъ 13 р. 27 к., работница 11 р.; въ прядильно-ткацкихъ и шерстопрядильныхъ отдѣленіяхъ суконныхъ фабрикъ мужчина получалъ въ среднемъ въ мѣсяцъ 15 р. 32 к., женщина—6 р. 17 к.; въ ситценабивныхъ средній мѣсячный заработокъ рабочаго равнялся 15 р. 38 к., работницы — 6 р. 7 к.; въ пивомедоваренномъ производствѣ средняя мѣсячная оплата труда достигаетъ 12 р. для мужчинъ и 6 р. для женщинъ; въ кожевенно-лайковомъ и перчаточномъ производствѣ женщина зарабатывала въ среднемъ 6 р. 64 к., мужчина 13 р. 61 к. *). Въ Виленскомъ округѣ въ 1885 г. средняя мѣсячная оплата труда рабочаго вычислялась въ 20 р. 92 к., работницы—въ 9 р. 20 к.; въ Царствѣ Польскомъ въ текстильномъ производствѣ мужчина зарабатывалъ тогда-же въ среднемъ 20 к., женщина — 15 к. въ день.

Въ промышленныхъ районахъ средней Россіи въ текстильномъ производствѣ—если заработокъ мужчины равнялся 15 к. въ день, то заработокъ женщины не достигалъ и 9 к.; въ Харьковскомъ округѣ въ 50-ти производствахъ средняя дневная оплата труда равнялась 12 к. для рабочаго и 7 к. для работницы **).

Въ Россіи женщина обыкновенно получаетъ около половины мужской платы. Есть производства, гдѣ трудъ женщинъ оплачивается и выше, напр. на табачныхъ фабрикахъ, — здѣсь женщина получаетъ обыкновенно

*) Пажитновъ, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, стр. 75.
**) Дементьевъ, «Фабрика и т. д.», стр. 137.

около двухъ третей мужского заработка; но существуютъ и такія отрасли труда, гдѣ заработокъ женщинъ едва достигаетъ 1/3 мужского. При сельскихъ работахъ оплата женскаго труда особенно низка; здѣсь женщины не всегда вырабатываютъ и 2/5 мужского заработка.

Неравномѣрность оплаты мужского и женскаго труда обусловливается, разумѣется, не физической природой женщинъ, не качественно-худшей ихъ работой, а рядомъ соціально-экономическихъ причинъ, вліяющихъ на расцѣнку трудовой силы женскаго пола. Среди этихъ причинъ первое мѣсто несомнѣнно занимаетъ тотъ фактъ, что долгіе годы цѣнности, производимыя женщиной, не попадали въ круговоротъ мѣновой торговли; отсюда дѣлалось ложное, до сихъ поръ тяготѣющее надъ женщиной, заключеніе о низкихъ производительныхъ способностяхъ лицъ женскаго пола *). Рядомъ съ этой основной причиной существуетъ еще и другое обстоятельство: предполагается, что женщина покрываетъ своимъ заработкомъ лишь часть своихъ потребностей; основное-же содержаніе ея падаетъ на главу семьи — мужчину. Такимъ образомъ, тотъ minimum потребностей, который ставитъ предѣлъ пониженію заработной платы мужчинъ, можетъ быть, по распространенному убѣжденію, еще пониженъ для женщинъ. И, хотя огромная часть женскаго трудового населенія существуетъ совершенно самостоятельно, безъ поддержки отца или мужа, всегда почему-то предполагается, что женщина зарабатываетъ лишь „на булавки“. На пониженіе расцѣнки женскаго труда вліяетъ отча-

*) Продукты, производимые женщиной въ домашнемъ хозяйствѣ, по сравненію съ продуктами крупной промышленности, производимыми механическимъ способомъ, отвѣчаютъ лишь небольшому количеству общественно-необходимаго труда, изъ чего дѣлаютъ ошибочный выводъ о незначительной трудоспособности женщинъ“.—Кл. Цеткинъ, „Женщина“ и т. д., стр. 11.

сти и меньшая притязательность женщинъ, и наконецъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя женщины, въ самомъ дѣлѣ, своимъ личнымъ трудомъ покрываютъ лишь часть своихъ потребностей.

Неравномѣрность въ оплатѣ мужского и женскаго труда объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что женскій трудъ примѣняется по преимуществу въ хуже-оплачиваемыхъ профессіяхъ и въ отдѣленіяхъ предпріятій, гдѣ требуется менѣе квалифицированный трудъ; „такъ, напр., на сигарныхъ фабрикахъ Лондона мужчины получаютъ по 35 шил. въ недѣлю, женщины по 12—18 шилл., потому что первые работаютъ высшіе сорта сигаръ, оплачиваемые по 4—5 шил. съ тысячи, вторыя-же только дешевые сорта, за которые онѣ получаютъ лишь по 1—3 шил. съ тысячи (1 шил.=12 пенс. =ок. 50 к.). По Сидней Веббу, въ $^{9}/_{10}$ промышленнаго труда не существуетъ никакой конкуренціи между мужчинами и женщинами, такъ какъ и тѣ, и другія заняты различными процессами; при этомъ на долю женщинъ приходятся-хуже оплачиваемыя занятія“ *).

Лили Браунъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ отраслей, гдѣ при исполненіи однороднаго труда заработокъ мужчинъ и женщинъ весьма мало или даже совсѣмъ не разнится между собою. Въ хлопчато-бумажной, шерстяной и шелковой промышленности Англіи средній заработокъ рабочаго и работницы почти одинаковъ; недѣльная заработная плата рабочаго колеблется по округамъ между 19 шил. 7 пенс. и 21 шил. 11 пен.; заработокъ женщинъ—между 19 шил. и 21 шил. 4 пенс. Трудъ ткачей и ткачихъ въ Нью-Джерсеѣ (Сѣв. Америка) оплачивается одинаково. Но если мы внимательнѣе прослѣдимъ за способами приведенія къ одному уровню расцѣнки мужского и женскаго труда, то убѣдимся, что отъ этого „уравненія“ въ большинствѣ случаевъ

*) Кечеджи-Шаповаловъ, „Женское движеніе“, стр. 122.

остаются въ выигрышѣ не рабочіе, а г-да предприниматели. Въ самомъ дѣлѣ, мужская заработная плата имѣетъ несомнѣнную тенденцію понижаться до уровня заработка женщинъ и, если женскій заработокъ уравнивается съ мужскимъ, то происходитъ это въ большинствѣ случаевъ отъ понижения расцѣнки труда рабочаго до уровня женской заработной платы въ данной отрасли. Лишь организованность пролетаріата обоего пола можетъ противодѣйствовать этой печальной тенденціи, и потому-то лозунгъ работницъ „равная плата за равный трудъ", означающій поднятіе заработка женщинъ до высшаго уровня, всегда находитъ живую поддержку со стороны рабочихъ. Рабочій въ такой-же мѣрѣ, какъ и работница, заинтересованъ въ томъ, чтобы поднять расцѣнку женскаго труда выше ея современнаго голоднаго уровня.

Низкая расцѣнка женскаго труда заставляетъ рабочія организаціи изыскивать различные способы борьбы съ этимъ зломъ. Англійскія работницы предлагали установить спеціальные тарифы заработной платы для женщинъ, но подобное средство только ухудшило-бы положеніе работницъ, утвердивъ болѣе низкую расцѣнку женскаго труда, и не только-бы не устранило, но еще обострило конкуренцію съ трудомъ мужчинъ. Нѣкоторые мѣшанные союзы нашли другой исходъ: они постановили, чтобы мужчины исполняли болѣе трудную, а женщины болѣе легкую и, слѣдовательно, хуже-оплачиваемую работу; но этотъ выходъ есть не болѣе, какъ санкціонированіе существующаго положенія вещей, и во всякомъ случаѣ онъ не служитъ къ огражденію интересовъ работницъ. Ланкаширскіе ткачи нашли, пожалуй, наиболѣе правильный выходъ, установивъ опредѣленную аккордную расцѣнку, имѣющую одинаковую силу для женщинъ и мужчинъ. „Правда", сообщаетъ Лили Браунъ, „вслѣдствіе этого само-собою произошло раздѣленіе по поламъ: женщины стали работать при

узкихъ, мужчины при широкихъ станкахъ. Однако, работа распредѣляется между рабочими и работницами въ зависимости отъ силы и ловкости каждаго даннаго лица, такъ что случается, что сильная женщина работаетъ за широкимъ станкомъ, а слабый мужчина оказывается за станкомъ узкимъ".

На низкую расцѣнку женскаго труда, помимо всѣхъ перечисленныхъ выше соціально-экономическихъ причинъ, вліяетъ отчасти также недостатокъ профессіональной подготовки женщинъ, дѣлающій трудъ послѣднихъ менѣе производительнымъ. Когда, напр., Лондонскій союзъ наборщиковъ рѣшилъ наконецъ принимать работницъ, съ условіемъ, однако, чтобы онѣ работали по установленному тарифу, то оказалось, что всего одна женщина въ состояніи была выполнить требованія организаціи и доводить свой трудъ до опредѣленнаго уровня производительности. Противъ этого недостатка женскаго труда средство найти нетрудно,—достаточно позаботиться о томъ, чтобы поднять какъ общій, такъ и профессіональный уровень развитія работницъ.

Что касается другихъ, болѣе глубокихъ, соціально-экономическихъ причинъ, вліяющихъ на низшую расцѣнку женскаго труда, то для борьбы съ ними у пролетарки имѣется одно лишь вѣрное средство—совмѣстная съ рабочими профессіональная организація. Добиться, съ помощью крѣпкаго и хорошо-сплоченнаго союза, повышенія заработка женщинѣ тѣмъ легче, что, какъ уже было указано, отъ подобнаго повышенія въ выигрышѣ останется не только работница, но и ея товарищъ по профессіи—мужчина. Враждебность, съ которой въ свое время относились къ женскому труду рабочіе мужчины, не желавшіе принимать работницъ въ союзы и этимъ надѣявшіеся повліять на сокращеніе женскаго труда, уже давно уступила мѣсто

сознательному признанію общности интересовъ рабочихъ и работницъ. *)

То-же совпаденіе интересовъ существуетъ въ рабочемъ классѣ и по вопросу о длинѣ рабочаго дня. И въ этомъ отношеніи трудъ женщинъ поставленъ въ худшія условія, чѣмъ трудъ мужчинъ: рабочій день длиннѣе въ тѣхъ производствахъ, гдѣ заняты исключительно или преимущественно женщины, если только къ безмѣрному увеличенію рабочаго дня не встрѣчается законодательныхъ преградъ. Одновременно наблюдается, что, предѣльный рабочій день работницъ постепенно понижаетъ и рабочее время мужчинъ до нормы, установленной для женщинъ. Фактъ этотъ настолько общеизвѣстенъ, что на немъ останавливаться не будемъ.

Одинаково желательными для обѣихъ категорій рабочихъ являются и болѣе гигіеническія условія производства, а также исключеніе женщинъ изъ тѣхъ профессій, которыя особенно пагубно отражаются на женскомъ организмѣ. Женскій трудъ имѣетъ до сихъ поръ широкое распространеніе въ самыхъ вредныхъ отрасляхъ промышленности.

Кто хочетъ убѣдиться, какимъ пыткамъ подвергается женщина-работница въ современной намъ индустріи, какъ безпощадно поглощаетъ капиталъ молодость, силы, самую жизнь женщины, тотъ пусть откроетъ прекрасныя главы труда Лили Браунъ, спеціально-посвященныя разсмотрѣнію этого вопроса.

Что можетъ быть ужаснѣе работы въ ткацко-прядильняхъ? А между тѣмъ женскій трудъ является преобладающимъ именно въ этомъ производствѣ. Гнойные чирьи на-

*) Только въ Англіи все еще встрѣчается рядъ трэдъ-юніоновъ, которымъ ихъ закоренѣлые предразсудки мѣшаютъ открыть двери женщинамъ, несмотря на то, что еще въ 1889 г. на конференціи трэдъ-юніоновъ постановлено было принимать работницъ въ число членовъ проф. организацій.

рукахъ, воспаленіе глазъ, фурункулы, экземы—вотъ обычныя послѣдствія работы прядильницъ. Фабрикація сѣрой ваты и связанная съ этимъ сортировка ея отбросовъ, часто бывшихъ въ употребленіи и служившихъ при перевязкахъ, является источникомъ заразъ. Приготовленіе зеркалъ, свинцовыхъ бѣлилъ, раскрашиваніе оловянныхъ игрушекъ дѣйствуетъ разрушающе на женскій организмъ, порождаетъ болѣзни половыхъ органовъ, ведетъ къ выкидышамъ, безплодію, полному умственному разстройству. Еще ужаснѣе работа на ртутныхъ фабрикахъ, обрекающихъ женщину на гніеніе заживо. При фабрикаціи сахара, при нагрузкѣ свекловицы тоже употребляются преимущественно женщины, „такъ какъ онѣ проворнѣе мужчинъ и меньше боятся грязи и дождя". *) О разрушающемъ дѣйствіи работы на рафинадныхъ заводахъ, при невыносимо-высокой температурѣ, говорить не приходится. Самое печальное то, что милліоны женщинъ, будучи заняты трудомъ, совершенно несвойственнымъ ихъ организму, разрушаютъ не только свое здоровье, а губятъ этимъ и слѣдующія поколѣнія. Постоянное стояніе на ногахъ вызываетъ серьезное разстройство женскихъ половыхъ органовъ; въ конфекціонной промышленности стегальщицы неизбѣжно наживаютъ женскія болѣзни; швея, проработавшая на машинѣ 10 лѣтъ, готова для больницы. Преждевременные роды **), выкидыши и всякаго рода заболѣванія, отражающіяся на функціи материнства,—неизбѣжное послѣдствіе многихъ профессіональныхъ занятій современныхъ рабынь капитала. Женщины втеченіе 11—12 час. въ сутки таскаютъ огромныя тяжести,

*) Пеллутье, „Жизнь рабочихъ во Франціи", стр. 73.

**) Фабричная инспектрисса въ герцогствѣ Баденскомъ отмѣтила увеличеніе преждевременныхъ родовъ у работающихъ: въ 1882—1886 г. подобныхъ родовъ насчитывалось въ среднемъ за годъ 1039, за періодъ 1887—1891 г.—уже 1244. Также замѣчается увеличеніе числа операцій при родахъ (съ 1118 до 1385 въ годъ).

толкаютъ и тащутъ лотки или доверху-нагруженныя тачки, переносятъ съ мѣста на мѣсто плотно-набитые ящики и изнемогаютъ подъ непосильной, несвойственной женскому организму тяжестью труда, въ то время какъ тысячи здоровыхъ и сильныхъ мужчинъ тщетно ищутъ приложенія своихъ свободныхъ рабочихъ рукъ.

Въ подобныхъ ненормальностяхъ повинны, разумѣется, капиталистическо-эксплуататорскія условія нашихъ дней. Работница страдаетъ не оттого, что передъ ней заперты тѣ или другія категоріи труда, а потому, что двери, ведущія къ гибельному заработку, открыты передъ ней слишкомъ широко и гостепріимно...

Но какъ-же женщинѣ бороться съ этимъ всевозрастающимъ зломъ? Какъ ей отстаивать свои интересы? Какъ сдѣлать условія труда менѣе для себя гибельными? Не опереться-ли ей въ этомъ случаѣ на своихъ буржуазныхъ сестеръ? Быть можетъ, онѣ являются надежными спутницами въ дѣлѣ завоеванія болѣе сносныхъ условій труда и лучшаго матеріальнаго положенія? Посмотримъ, какой отвѣтъ даетъ на это сама дѣйствительность.

Мы затрудняемся указать хотя-бы одинъ фактъ въ исторіи борьбы пролетарской женщины за ея матеріальное благосостояніе, на которомъ отразилось-бы въ благопріятномъ для работницы смыслѣ обще-феминистское движеніе. Чего-бы ни добились пролетарки въ области поднятія ихъ экономическаго положенія, онѣ прежде всего этимъ обязаны объединеннымъ усиліямъ рабочаго класса—въ цѣломъ, въ частности же—самимъ себѣ. Исторія борьбы работницъ за лучшія условія труда, за болѣе сносную жизнь есть исторія борьбы пролетаріата за свое освобожденіе.

Что, какъ не страхъ передъ грознымъ взрывомъ недовольства пролетаріата — въ цѣломъ, заставляетъ

фабрикантовъ повышать расцѣнку труда, сокращать рабочее время, вводить болѣе сносныя условія работы? Что, какъ не опасеніе „рабочихъ бунтовъ", побуждаетъ правительства ставить законодательнымъ путемъ предѣлъ эксплуатаціи труда капиталомъ?

Фабричное законодательство, это—одинъ изъ радикальнѣйшихъ способовъ защиты интересовъ пролетаріата; но, повинно-ли, хотя-бы косвенно, феминистское движеніе въ проведеніи хотя-бы одного охранительнаго закона? Въ самомъ дѣлѣ, когда, при какихъ условіяхъ встрѣчаемся мы съ попытками законодательной нормировки женскаго труда? Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на исторію возникновенія и развитія фабричнаго законодательства различныхъ странъ, чтобы убѣдиться, какъ мало сочувствія встрѣчали эти законодательные акты въ феминистскихъ сферахъ и какъ явно обязаны они своимъ появленіемъ на свѣтъ исключительно растущей мощи рабочаго движенія. Каждый разъ, когда волна рабочаго недовольства грозила подняться на опасную для правящихъ классовъ высоту, они спѣшили укрыться отъ нея подъ сѣнью фабричныхъ законовъ. На первыхъ ступеняхъ своего развитія государственная охрана труда, правда, распространяетъ свою „попечительную заботу" только на дѣтей и женщинъ, но и отъ этой однобокой защиты въ выигрышѣ остается рабочій классъ — въ цѣломъ. Улучшатся-ли санитарно-гигіеническія условія труда въ женскихъ мастерскихъ, сократится-ли трудъ дѣтей, запретятъ-ли имъ ночную работу — все это идетъ на пользу всему пролетаріату *).

*) „Можно было-бы подумать, что запрещеніе подросткамъ и женщинамъ всѣхъ возрастовъ работать болѣе 10 часовъ въ сутки не касается труда взрослыхъ мужчинъ. Но это невѣрно. Издать постановленіе, что ни подростки, ни женщины всѣхъ возрастовъ, не должны работать болѣе 10 часовъ въ сутки, фактически зна-

И рабочіе это прекрасно понимаютъ. Поэтому они являются всегда горячими сторонниками законодательной защиты женскаго и дѣтскаго труда. Правда, было время, когда классовое самосознаніе рабочихъ было еще слабо развито, когда и пролетаріи, и пролетарки недружелюбно встрѣчали вмѣшательство закона въ область договорныхъ отношеній; но эта стадія классоваго развитія уже давно пройдена. Теперь каждая работница съ радостью привѣтствуетъ всякое законодательное постановленіе, имѣющее цѣлью огражденіе ея трудовыхъ интересовъ. Въ противоположность феминисткамъ, она не видитъ ничего унизительнаго для ея „женскаго достоинства“ въ томъ, что многіе параграфы закона берутъ подъ свою особую защиту только дѣтей и лицъ женскаго пола; она готова привѣтствовать всякое постановленіе, ставящее границу аппетитамъ предпринимателей.

Законодательная охрана женскаго труда является тѣмъ болѣе важной и необходимой, что при современныхъ условіяхъ вовлеченіе женщинъ въ профессіональное и партійное движеніе осуществимо лишь въ томъ случаѣ, если будетъ поставленъ извѣстный предѣлъ эксплуатаціи женскаго труда. Какъ извѣстно, лучше всего организуются тѣ рабочіе элементы, которые обладаютъ большимъ досугомъ и болѣе высокой заработной платой. Женщины-же принадлежатъ какъ-разъ къ категоріи наихудше поставленныхъ рабочихъ: и заработокъ ихъ ниже, и досуга у нихъ меньше. Не слѣдуетъ забывать, что большинство работницъ являются не только профессіоналками, но еще и матерями, и хозяйками. Самая блестящая агитація и пропаганда среди работницъ безсильны привлечь къ организаціи

чило-бы постановить, чтобы на всѣхъ фабрикахъ машины работали не болѣе 10 часовъ“. Рѣчь Гибсона 1844 г.; цитировано по Е. Кувшинской—„Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи“, стр. 193.

широкія женскія массы, если существованіе женщинъ будетъ находиться на низшемъ соціальномъ и экономическомъ уровнѣ. Передъ нами заколдованный кругъ: положеніе женщины не можетъ улучшиться, если она не приметъ сама дѣятельнаго участія въ рабочемъ движеніи; принять-же въ немъ участіе она въ состояніи лишь тогда, когда улучшатся условія ея существованія. И выходъ изъ этого положенія въ томъ, что организованный рабочій классъ завоевываетъ фабричные законы, облегчающіе прежде всего условія наемнаго труда женщинъ.

„Ланкаширскія ткачихи, до изданія охранительнаго закона", — сообщаетъ Лили Браунъ, — „подвергались такой-же эксплуатаціи и были такъ-же неспособны къ организаціи, какъ въ настоящее время большинство работницъ. Только послѣ того, какъ законъ лишилъ ихъ возможности соглашаться на плохія условія труда, онѣ начали вступать членами въ профессіональные союзы и ассоціаціи". *)

Вотъ, почему вопросъ о законодательной охранѣ женскаго труда пріобрѣтаетъ для всего рабочаго класса первенствующее значеніе.

Законодательная охрана женскаго труда ведетъ свое начало отъ мощнаго чартистскаго движенія. Невольный страхъ передъ растущей силой рабочаго движенія способствовалъ проведенію въ Англіи въ 1842 г. билля лорда Эшли, въ которомъ запрещалась подземная работа женщинъ и дѣтей моложе 10 лѣтъ. Это былъ первый шагъ къ ограниченію эксплуатаціи женскаго труда. Вторымъ шагомъ явился законъ 8 іюня 1847 г., устанавливавшій для всѣхъ женщинъ, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ, максимальный 10 часовой рабочій день. Чартизмъ окончательно замеръ въ 50-хъ годахъ; вмѣстѣ съ нимъ изсякла и уступчи-

*) Л. Браунъ, „Женскій вопросъ", стр. 406.

вость имущихъ классовъ. Оживляется фабричное законодательство въ Англіи лишь въ 90-хъ годахъ, когда рабочіе начинаютъ снова, рядомъ крупныхъ забастовокъ, напоминать о предѣлахъ своего долготерпѣнія. Законъ 1891 г. воспрещаетъ работу женщинъ въ 4-хъ-недѣльный послѣродовой періодъ, а „актомъ о фабрикахъ и мастерскихъ“ 1901 г. дѣйствительное рабочее время подростковъ и женщинъ ограничивается 10 час. въ текстильномъ и $10^1/_2$ часовъ въ прочихъ производствахъ; по субботамъ въ текстильной промышленности работу предписано заканчивать въ 11 час. утра или въ 1 часъ дня, смотря по времени ея начала, съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣйствительная работа по субботамъ составляла 5—$5^1/_2$ час. Въ остальныхъ производствахъ субботній трудъ можетъ длиться до 2—4 часовъ дня, и здѣсь дѣйствительное рабочее время доходитъ до $7^1/_2$ час. Въ общемъ, сумма рабочихъ часовъ въ недѣлю для женщинъ не должна превосходить $55^1/_2$ час. въ текстильномъ и 60 часовъ въ остальныхъ производствахъ. По законодательному акту 1901 года, ночнымъ временемъ считается промежутокъ между 9 час. веч. и 6 час. утра, въ теченіе котораго женщины не могутъ быть допускаемы къ труду. Разумѣется, всѣ эти постановленія проведены въ Англіи, какъ показываетъ и самая исторія рабочаго движенія, подъ непосредственнымъ натискомъ рабочихъ. Какъ къ нимъ относятся англійскія феминистки и приложили онѣ хоть малѣйшее стараніе къ осуществленію требованій рабочихъ и работницъ въ этой области, увидимъ ниже.

Самостоятельное выступленіе французскаго пролетаріата во время революціи 1848 года вызвало въ жизнь, правда, призрачные, мартовскіе законы, устанавливавшіе 10 час. рабочій день для рабочихъ обоего пола въ Парижѣ и 11 час. рабочій день для провин-

ціи *). Постановленіе это, „навязанное предмѣстьями Парижа", какъ говорила тогда буржуазія, вызвало цѣлую бурю негодованія; 9-го сентября максимальный рабочій день удлиненъ былъ до 12 часовъ, при цѣломъ рядѣ исключеній. Фактически французская работница тогда надолго распрощалась съ какой-бы то ни было охраной ея труда и снова отдана была въ безконтрольную эксплуатацію предпринимателей. Только въ 1874 г. Національное собраніе, послѣ долгихъ споровъ, приняло законъ, запрещавшій ночной трудъ малолѣтнихъ и подземную работу женщинъ.

Когда французскіе соціалисты прочнѣе обосновались въ палатѣ депутатовъ, вопросъ о регулировкѣ дѣтскаго и женскаго труда снова выдвинутъ былъ на очередь. 2-го ноября 1892 г. изданъ былъ законъ, бравшій подъ свою защиту какъ дѣтей, такъ и женщинъ, занятыхъ на фабрикахъ, заводахъ, въ рудникахъ, въ мастерскихъ. По этому закону дѣвушки отъ 18 до 21 года, а равно и совершеннолѣтнія женщины не могли трудиться болѣе 11 часовъ въ сутки; для подростковъ-же трудовой день нормировался 60 часами въ недѣлю. Ночной трудъ женщинъ если и не вполнѣ устранялся, то все-же сокращался.

Многочисленныя исключенія послѣдующихъ годовъ анулировали и эти скромныя охранительныя постановленія. Недовольство рабочихъ росло, и соціалистическіе депутаты во всеуслышаніе требовали болѣе дѣйствительныхъ фабричныхъ законовъ. Борьба между палатой и сенатомъ тянулась до 1900 г. Наконецъ, палатѣ удалось отстоять охранительное законодательство,

*) Постановленіе это, мотивировавшееся тѣмъ, что „слишкомъ-длинный рабочій день не только нарушаетъ здоровье рабочаго, но и препятствуетъ развитію его духовныхъ способностей и, такимъ образомъ, нарушаетъ его человѣческое достоинство" издано было по предложенію Люксембургской комиссіи 2-го марта 1848 г.

вступившее въ силу въ 1904 году. Въ настоящее время рабочій день женщинъ нормированъ 10 часами; запрещенъ ночной трудъ (между 9 веч. и 5 утра), въ принципѣ воспрещена посмѣнная работа (допущено много исключеній.*) Въ томъ-же 1900 году издано краткое постановленіе, предписывающее торговцамъ обзаводиться въ магазинахъ сидѣніями для приказчицъ, и, хотя до сихъ поръ хозяева, имѣя стулья, запрещаютъ приказчицамъ ими пользоваться, тѣмъ не менѣе это предписаніе можетъ быть отнесено къ числу „принципіальныхъ“ завоеваній пролетарокъ.

Въ Германіи начало законодательства по охранѣ женскаго труда совпадаетъ съ ростомъ вліянія соціалдемократической фракціи въ рейхстагѣ. Еще въ 1877 г. соціал-демократія внесла въ рейхстагъ законопроектъ, имѣвшій цѣлью улучшить положеніе работницъ, ограничить рабочее время, охранить беременныхъ и роженицъ, запретить женщинамъ ночной трудъ, работу подъ землей и т. д. Предложеніе это, правда, было отклонено большинствомъ рейхстага, но позднѣе, въ рядѣ постановленій 1891, 1897 и 1900 годовъ, основныя положенія соціалдемократическаго законопроекта почти цѣликомъ вошли въ жизнь. Въ настоящее время въ Германіи рабочій день женщинъ нормированъ 11-ю часами, при часовомъ перерывѣ для обѣда (для ведущихъ собственное хозяйство допускается $1^1/_2$-часовой перерывъ). Наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней работа должна длиться не болѣе 10 час. Ночной трудъ, отъ $8^1/_2$ ч. веч. и до $5^1/_2$ ч. утра, запрещенъ. Имѣется воскресный отдыхъ, хотя большое количество исключеній значительно ослабляетъ это постановленіе. Сверхурочная работа допускается лишь съ оговорками. Абсолютно воспрещенъ женскій трудъ подъ землей. Сверхъ того, существуютъ еще: 4-хъ-

*) Поль Луи, „Женскій трудъ во Франціи“, стр. 7—10.

недѣльный, а съ разрѣшенія врача и 6-ти-недѣльный отдыхъ для роженицъ и *обязательное* страхованіе на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ, инвалидности и старости; родовой періодъ относится къ категоріи „болѣзней“ и даетъ женщинѣ право получать втеченіе 6 недѣль безплатное леченіе и лекарства, съ сохраненіемъ 50—75% заработной платы, какъ и при остальныхъ заболѣваніяхъ.

Законопроектъ, имѣвшій цѣлью охранять трудъ кельнершъ и обсуждавшійся въ рейхстагѣ, также вызванъ былъ въ жизнь соціалъ-демократіей: это она явилась руководительницей перваго движенія среди кельнершъ и заставила предпринять спеціальное обслѣдованіе ихъ положенія. Точно также подъ давленіемъ соціал-демократіи сдѣлана была первая попытка государственной регламентаціи труда въ домашней промышленности, послѣ крупной стачки рабочихъ и работницъ конфекціоннаго производства въ 1896 г., заставившей общество заглянуть въ самыя нѣдра нищеты и эксплуатаціи, мимо которыхъ оно раньше проходило совершенно безучастно. „Даже Бисмаркъ, этотъ злѣйшій врагъ соціалдемократіи“,—говоритъ Лили Браунъ,—„и тотъ долженъ былъ признать, что не будь соціалдемократіи въ Германіи, не было-бы и соціальныхъ реформъ“. *)

У насъ, въ Россіи, такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, буржуазно-женское движеніе не оказало, да и не могло оказать никакого вліянія на развитіе фабричнаго законодательства. Какъ ни скудны имѣющіяся у насъ законодательныя постановленія, охраняющія трудъ женщинъ и дѣтей, они все-же, хотя-бы принципіально, устанавливаютъ границу эксплуатаціи капиталомъ рабочихъ силъ дѣтей и женщинъ. Но и эти скромныя охранительныя постановленія лишь съ большимъ напряже-

*) Лили Браунъ, „Женщина и политика“, стр. 53.

ніемъ силъ, лишь тяжелыми жертвами удалось вырвать изъ рукъ власть-имущихъ.

Стихійная „эпидемія“ забастовокъ 1878—79 гг., внушительныя и бурныя стачки, вспыхивавшія по всей Россіи (на Кренгольмской мануфактурѣ, въ Нарвѣ, въ Перми, въ Жирардовѣ, въ Петербургѣ и др. мѣстахъ) въ началѣ 80-хъ годовъ, вынудили встревоженное правительство прибѣгнуть къ ограниченію предпринимательскихъ аппетитовъ. Законъ 1 іюня 1882 г. бралъ подъ свою охрану однихъ малолѣтнихъ. Предполагалось, что дѣти, „надломленныя физически и нравственно легко поддаются воспріятію революціонныхъ ученій“. Но и послѣ изданія іюньскаго закона волненія среди рабочихъ не утихали; напротивъ, они роспространялись, перекидываясь съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе упорнаго кризиса въ хлопчато-бумажномъ производствѣ. Массовая безработица служила источникомъ неослабѣвающаго рабочаго движенія. Сами петербургскіе фабриканты, изъ опасенія близкаго краха и подъ вліяніемъ неурядицъ затяжного экономическаго кризиса, обратились къ петербургскому градоначальнику съ просьбою запретить женщинамъ и несовершеннолѣтнимъ ночную работу въ текстильномъ производствѣ. Такого рода мѣра, по ихъ мнѣнію, являлась бы единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ „къ сокращенію производства, которое достигло въ послѣднее время столь значительныхъ размѣровъ, что товаромъ переполнились всѣ рынки“. *) Неутихавшее стачечное движеніе подкрѣпляло наиболѣе неотразимымъ доводомъ это „прошеніе“ фабрикантовъ. Повсемѣстныя волненія рабочихъ въ 1885 г., знаменитый „бунтъ“ на Никольской мануфактурѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, сопровождавшійся разгромомъ фабричныхъ зданій, вынудили правитель-

*) Поссе, „Исторія рабочаго законодательства въ Россіи“. стр. 54.

ство на новыя уступки. Фабричное законодательство вступило въ свою вторую стадію, и подъ охрану закона взята была работница.

3-го іюня 1885 г. изданъ былъ законъ, воспрещавшій *ночную работу женщинъ и подростковъ* (моложе 17 лѣтъ) на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. По откровенному заявленію государственнаго совѣта, законъ этотъ вызванъ былъ въ жизнь тѣмъ, что правительство „озабочивалось изысканіемъ способовъ къ возможному устраненію на будущее время фабричныхъ забастовокъ и безпорядковъ".

Черезъ годъ—3-го іюня 1886 г. (съ дополненіями отъ 1 отября 1886 г.)—издается другой важный законъ, регулирующій взаимоотношенія между хозяевами и рабочими. Этотъ законъ является уже непосредственнѣйшимъ результатомъ волненій рабочихъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Одной изъ главныхъ причинъ знаменитаго „бунта", въ которомъ участвовало 8000 человѣкъ рабочихъ и работницъ, являлась особая система штрафовъ, достигавшая за годъ до 300.000 рублей и составлявшая 40% заработной платы рабочихъ. Новый законъ вмѣшивался въ договорныя отношенія предпринимателей и рабочихъ и устанавливалъ рядъ ограничительныхъ правилъ: введены были расчетныя книжки, запрещена выдача заработной платы товаромъ, („truck system"), установленъ срокъ выдачи платы (не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ), размѣры штрафовъ должны были утверждаться фабричными инспекторами, были воспрещены вычеты изъ заработка за долги и т. д.

Тогда-же были значительно расширены полномочія фабричной инспекціи и установленъ особый высшій органъ инспекціи—фабричное присутствіе.

Впрочемъ, осталось достаточное количество лазеекъ капиталу, обезпечивавшихъ власть фабрикантовъ надъ рабочими. „Такъ, фабрикантъ по самому ничтожному поводу можетъ выбросить рабочаго изъ фабрики, мо-

жетъ своей властью расторгнуть договоръ найма даже „за дерзость или дурное поведеніе рабочаго“, тогда какъ рабочій для уничтоженія договора долженъ обращаться къ содѣйствію суда; да и то, чтобы имѣлся къ тому поводъ, фабрикантъ долженъ быть уличенъ чуть-ли не въ уголовщинѣ. *)

Относительное затишье въ рабочемъ движеніи, наступившее по окончаніи промышленнаго кризиса, при новомъ оживленіи промышленности, дало возможность, начиная съ 90-хъ годовъ, смягчать предписанія законовъ 1882—86 гг. Закономъ 1890 г. разрѣшены: 6-ти часовой *ночной* трудъ для дѣтей 12—15 лѣтъ въ одномъ изъ вреднѣйшихъ производствъ—стекляномъ, 6-ти часовой дневной трудъ безъ перерыва или 8-ми часовой по 4½ часа кряду, въ заведеніяхъ, работающихъ двумя смѣнами. Что касается ночной работы женщинъ и подростковъ, то законъ 1890 г. внесъ и въ него весьма существенную оговорку, фактически уничтожающую запрещеніе 1885 г.: работа подростковъ и женщинъ по ночамъ допускается, съ разрѣшенія губернаторовъ, въ особо-уважительныхъ случаяхъ, при совмѣстной работѣ съ главой семейства. Это исключеніе объяснялось „соображеніями нравственнаго характера“; предполагалось, что нравственности работницы будто-бы грозитъ слишкомъ большая „опасность“, если она ночные часы будетъ проводить внѣ переполненной вредными испареніями мастерской, безъ напряженнаго труда, безъ борьбы со сномъ... Затѣмъ предоставлено было фабричной инспекціи разрѣшать малолѣтнимъ воскресную и праздничную работу, а, по соглашенію министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, допускать на фабричную работу дѣтей моложе 12 лѣтъ.

Потребовался новый, на этотъ разъ организован-

*) М. Лунцъ, „Фабричное законодательство въ Россіи“, „Рабочій Ежегодникъ“, 1906 г.

ный, взрывъ рабочаго движенія, чтобы поколебать безмятежное спокойствіе господствующихъ классовъ и напомнить о необходимости новаго, болѣе дѣйствительнаго вмѣшательства въ „свободную“ область трудовыхъ отношеній. Рядъ частичныхъ забастовокъ въ Петербургѣ въ 1894—95 гг., волненія на Ярославской мануфактурѣ въ апрѣлѣ 1895 г. и стачка 1896 г. въ Петербургѣ, державшаяся болѣе 2-хъ недѣль и охватившая 30000 ткачей, мужчинъ и женщинъ, оказали свое дѣйствіе.

Министерство финансовъ созвало совѣщаніе съ фабрикантами и заводчиками всѣхъ промышленныхъ районовъ, которое пришло къ заключенію о необходимости ограничить рабочій день взрослыхъ законодательнымъ путемъ. Рабочіе напряженно ожидали обѣщаннаго закона; петербургскіе рабочіе грозили забастовкой, если законъ не появится къ 1-му января 1897 года. Дѣйствительно, когда первое число прошло безъ признаковъ закона, текстильщицы и текстильщики фабрики Максвелля забастовали; волненіе перекинулось и на другія предпріятія—бастовало около 18.000 человѣкъ; поднялись даже толки о всеобщей забастовкѣ. Тогда министерство финансовъ поспѣшило заявить, что законъ о рабочемъ днѣ вскорѣ поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Дѣйствительно, 2-го іюня 1897 г. появился новый законъ, ограничивающій рабочій день взрослыхъ. Правда, рабочіе ожидали введенія $10^1/_2$ час. рабочаго дня, а новый законъ устанавливалъ какъ норму $11^1/_2$ час. максимумъ для фабрикъ, заводовъ, шахтъ и рудниковъ; ожидалось полное запрещеніе ночныхъ работъ для тѣхъ отраслей, гдѣ не требуется непрерывности производства,—законъ-же устанавливалъ лишь максимальный 10 час. рабочій день, въ случаѣ, если работа захватывала и ночное время. Кромѣ того, законъ предупредительно допускалъ „сверхурочную“ работу и только наканунѣ Рождества требовалъ окончанія работъ къ

полудню; вообще-же рабочій день наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней ограничивался 10 часами. Помимо воскресныхъ, установлено было еще 14 обязательныхъ праздничныхъ дней въ году. Въ непрерывныхъ производствахъ законъ допускалъ продолжительность труда до 16—18 час. при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ, какъ правило-же разрѣшалъ повышеніе рабочаго съ $11^1/_2$ до 12 час.

Но, какъ ни убоги были эти постановленія, какъ ни растяжимо составлены охраняющій трудъ параграфы, все-же принципіальное признаніе необходимости нормировки рабочаго дня взрослыхъ являлось новымъ завоеваніемъ рабочаго класса. Стоило, однако, рабочимъ волненіямъ временно пріутихнуть, чтобы правительство услужливо поспѣшило навстрѣчу фабрикантамъ и заводчикамъ и всевозможными „разъясненіями“, „дополненіями“ и „исключеніями“ въ конецъ уничтожило дѣйствіе и этихъ слабыхъ попытокъ законодательной охраны труда. Такъ какъ въ непрерывныхъ производствахъ допущенъ былъ 12 час. рабочій день, правительство издало длинный списокъ непрерывныхъ производствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ названіемъ. По закону 1897 г., сверхурочные часы допущены были въ размѣрѣ не болѣе 120 часовъ въ году; теперь административнымъ путемъ предоставлено было право въ неограниченныхъ размѣрахъ пользоваться сверхурочной работой. Циркуляромъ уничтожены и обязательные 4 дня отдыха въ мѣсяцъ. По новымъ правиламъ 1903 г., фабричная инспекція, состоявшая раньше въ вѣдѣніи министерства финансовъ, по департаменту торговли и мануфактуръ, перешла къ отдѣлу промышленности и фактически оказалась подчиненной губернаторамъ *).

Стачечное движеніе на югѣ Россіи въ 1902—1903 г.,

*) „По настоянію министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, 30 мая 1903 г. временно, въ измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ узаконеній, постановлено было, что мѣстные чины фабричной

показавшее, что недовольство рабочихъ грозитъ новыми волненіями, снова послужило импульсомъ къ изданію правилъ 1-го іюля 1903 г. о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. Нечего и говорить, что законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими насквозь проникнутъ классовымъ духомъ; уступая агитаціи промышленниковъ, законъ уменьшилъ предполагавшіеся размѣры вознагражденія, ограничилъ область примѣненія правилъ и предоставилъ фабрикантамъ полную возможность заставить рабочаго, во избѣжаніе волокиты, соглашаться на любое грошевое вознагражденіе. Ничего не принесъ съ собою и законъ 11 іюня 1903 г. о старостахъ.

Въ результатѣ промысловая работа въ Россіи обставлена какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ и изобилуетъ цѣлымъ рядомъ вопіющихъ злоупотребленій, не смягчаемыхъ даже формальными законодательными предписаніями. Въ цѣломъ рядѣ производствъ, занимающихъ большое количество женскихъ трудовыхъ силъ, ночной трудъ не уничтоженъ, норма рабочаго дня — 11½ час., чрезмѣрная сама по себѣ, удлиняется произвольно, вслѣдствіе ряда допускаемыхъ закономъ обходовъ и исключеній; даже не существуетъ предпраздничнаго досуга для семейныхъ работницъ,—этой многочисленной и притомъ все-возрастающей рабочей категоріи; роженица-мать не ограждена отъ необходимости бросать только-что появившееся на свѣтъ существо и въ полу-больномъ состояніи простаивать по 11½ ч. за фабричной работой... Есть-ли еще другая „культурная“ страна, гдѣ бы трудъ женщинъ былъ поставленъ въ столь неблагопріятныя условія, гдѣ-бы само государство съ такой близорукой жестокостью относилось

инспекціи дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полиціймейстера)“. В. Поссе. „Исторія рабочаго законодательства въ Россіи“, стр. 65.

къ судьбѣ матерей, своихъ гражданъ, и такъ безразсудно способствовало массовой смертности ребятъ?

Въ рядѣ намѣчающихся передъ русскимъ пролетаріатомъ ближайшихъ его задачъ несомнѣнно видное мѣсто займетъ разработка цѣлесообразной охраны труда, распространяющей свою заботу прежде всего на несовершеннолѣтнее и женское рабочее населеніе Россіи. Надо-ли повторять, однако, что осуществить эту задачу, провести ее въ жизнь подъ силу только самому пролетаріату — въ цѣломъ. Только дѣйствуя въ рядахъ собственной классовой партіи, только опираясь на свою особую классовую программу, сможетъ женщина-работница добиться лучшихъ условій труда, болѣе сноснаго существованія. Ни одна изъ наирадикальнѣйшихъ женскихъ буржуазныхъ организацій, ни одна изъ существующихъ буржуазныхъ партій не въ состояніи отвѣтить полностью на запросы и требованія того класса, чьи экономическіе интересы находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами другихъ не-пролетарскихъ слоевъ населенія.

Оставляя въ сторонѣ партіи, стоящія правѣе кадетовъ и, слѣдовательно, даже не претендующія на сотрудничество и союзничество съ рабочимъ классомъ, посмотримъ, что обѣщаетъ женщинѣ-работницѣ трудовая программа партіи „народной свободы“?

Рядомъ съ требованіемъ введенія восьми-часового рабочаго дня, гдѣ возможно—сейчасъ, гдѣ-же это затруднительно для производства,—„постепенно“, поставлено и спеціальное требованіе законодательной защиты работницы: „развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей и установленіе мѣръ охраны труда мужчинъ въ особо-вредныхъ производствахъ“. Никакихъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ указаній относительно принциповъ, на которыхъ должно быть построено охранитель-

ное законодательство, здѣсь не имѣется; должны-ли существовать особыя рубрики закона, охраняющія женщинъ-матерей, должна-ли запрещаться ночная работа, распространяется-ли законодательная охрана на всѣ категоріи женскаго труда,—объ этомъ въ программѣ партіи „народной свободы“ совершенно умалчивается. Несмотря на то, что представители этой партіи готовы подъ-часъ выражать свое сочувствіе даже соціализму (конечно культурному—заграничному, а не нашему — „варварскому!“), дальнѣйшая конкретизація требованій партій по рабочему вопросу поставила-бы г-дъ кадетовъ въ весьма критическое положеніе и заставила-бы раскрыть карты тамъ, гдѣ было-бы всего выгоднѣе для нихъ отдѣлаться общими, ничего не опредѣляющими положеніями. Эта „осторожность“ г-дъ кадетовъ, въ вопросѣ о защитѣ трудовыхъ интересовъ пролетаріата должна раскрыть работницамъ глаза на истинный характеръ друзей „народной свободы“ и заставить пролетарокъ съ осмотрительностью относиться къ широковѣщательнымъ обѣщаніямъ партіи въ предвыборные періоды...

Не многимъ больше обѣщаетъ женщинамъ рабочаго класса и партія „народныхъ соціалистовъ“. Правда, здѣсь встрѣчается обще-пролетарское требованіе 8 ч. раб. дня (не болѣе 48 раб. часовъ въ недѣлю), „минимальныя расцѣнки труда“, устанавливаемыя по соглашенію между профессіональными организаціями и мѣстнымъ самоуправленіемъ, участіе рабочихъ въ управленіи промышленными заведеніями и, наконецъ, „охрана труда сообразно съ требованіями научной гигіены и постановка его подъ наблюденіе избираемой рабочими инспекціи“. Вотъ и все. Ни единымъ словомъ не обмолвилась „соціалистическая“ партія о необходимости отмѣны ночного труда для взрослыхъ, о срокѣ обязательнаго отдыха для роженицъ, о предпраздничномъ досугѣ для работницъ-домохозяекъ, о заботѣ государства или ком-

мунальнаго самоуправленія о судьбѣ младенцевъ и дѣтей рабочаго класса. Конечно, мы имѣемъ передъ собою лишь проектъ программы; но, развѣ не должны обозначаться въ немъ основные, руководящіе принципы, подлежащіе лишь дальнѣйшей детальной разработкѣ? Обойти молчаніемъ охрану спеціально-женскаго и дѣтскаго труда, значитъ—не сообразоваться съ назрѣвшими потребностями рабочаго класса, значитъ — игнорировать его ближайшіе запросы. Если-бы даже вся программа „народныхъ соціалистовъ“ пришлась по душѣ русской пролетаркѣ, то одного этого существеннаго для работницъ упущенія было-бы достаточно, чтобы показать имъ, въ самомъ-ли дѣлѣ „народно-соціалистическая“ партія въ состояніи защищать спеціальные нужды и интересы рабочаго класса — въ цѣломъ и въ частности—интересы женщинъ-работницъ.

Многимъ-ли больше обѣщаетъ работницамъ родственная „н.-соц.“ партія „соціалистовъ-революціонеровъ“? Здѣсь, въ программѣ, рядомъ съ требованіями, общими для всѣхъ категорій взрослыхъ рабочихъ, о 8 час. раб. днѣ, обязательномъ страхованіи, минимальныхъ расцѣнкахъ труда и т. п., встрѣчается спеціальное требованіе: „запрещеніе женскаго и дѣтскаго труда въ извѣстныхъ отрасляхъ производства и въ извѣстные періоды“. Это уже—нѣчто болѣе опредѣленное. Тѣмъ не менѣе, и въ этой программѣ отсутствуютъ указанія тѣхъ нормъ, какія должны служить руководствомъ при разработкѣ охранительныхъ законоположеній. На основаніи с.-р. программы работница можетъ заключить, что партія эта принципіально сочувствуетъ охранѣ трудовыхъ интересовъ женщинъ. Но существуетъ-ли дѣйствительное, исчерпывающее созвучіе между требованіями этой партіи и ея собственными, совпадаютъ-ли нормы той и другой стороны, на это работница тщетно будетъ искать здѣсь отвѣта. Это явленіе, впрочемъ вполнѣ естественное: вдумчивую заботливость къ судь-

бѣ подростающаго поколѣнія собственнаго класса, къ условію труда своихъ женъ, сестеръ и матерей можетъ проявить лишь та организація, которая, какъ въ фокусѣ, собираетъ въ себѣ всѣ многочисленныя потребности породившаго ее экономическаго класса. Такой организаціей является во всѣхъ странахъ собственная рабочая партія.

Ни одна партія въ мірѣ не беретъ подъ свою защиту женщину въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ соціалдемократія. Работница прежде всего членъ рабочаго класса, а чѣмъ удовлетворительнѣе положеніе, чѣмъ выше благосостояніе каждаго члена всемірной пролетарской семьи, тѣмъ въ бо̀льшемъ выигрышѣ остается въ концѣ концовъ и весь рабочій классъ. Стоитъ открыть программу рабочей партіи любой страны, чтобы найти въ ней требованія широкихъ соціальныхъ мѣропріятій, защищающихъ, вмѣстѣ съ трудомъ всѣхъ рабочихъ, въ частности—спеціально-женскій трудъ. Разработкѣ этихъ мѣропріятій удѣляется и на ежегодныхъ партійныхъ съѣздахъ въ каждой странѣ и на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ самое заботливое вниманіе.

Еще на третьемъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ приняты постановленія по вопросу объ охранѣ женскихъ трудовыхъ интересовъ: введеніе всесторонней и дѣйствительной охраны работницъ, занятыхъ, какъ въ крупной, такъ и въ мелкой промышленности, въ торговыхъ заведеніяхъ, у себя на дому, съ установленіемъ отвѣтственности предпринимателя за нарушеніе закона и съ расширеніемъ функцій многочисленной и независимой фабричной инспекціи. Установленіе максимальнаго 8 час. раб. дня для взрослыхъ, съ тѣмъ чтобы недѣльная сумма рабочихъ часовъ не превосходила 44. Обезпеченіе работницамъ предпраздничнаго досуга. Запрещеніе давать работницамъ, по окончаніи работы въ мастерской, еще заказы

для исполненія на дому. Двухъ-недѣльный срокъ перерыва въ работѣ до родовъ и шестинедѣльный послѣ родовъ, съ сохраненіемъ обычнаго размѣра заработка, уплачиваемаго въ этотъ періодъ государствомъ. Устраненіе женщинъ въ періодъ беременности отъ ряда вредныхъ производствъ. Изданіе спеціальныхъ охранительныхъ законовъ, ограждающихъ интересы сельскихъ работницъ и прислуги. Установленіе равной расцѣнки труда рабочаго и работницы.

Впослѣдствіи эти постановленія были детализированы, соотвѣтственно съ потребностями пролетаріата каждой страны. Въ Германіи вопросу о спеціальной охранѣ женскаго труда посвящены были обсужденія на Ганноверскомъ съѣздѣ 1899 г., на которомъ и были приняты слѣдующія требованія:

„Полное запрещеніе женскаго ночного труда. Запрещеніе пользоваться женскимъ трудомъ для такихъ работъ, которыя особенно вредны для женскаго организма. Законодательное ограниченіе рабочаго дня для женщинъ восмью часами. Освобожденіе работницъ отъ работы по субботамъ послѣ обѣда. Увеличеніе срока, втеченіе котораго беременныя и роженницы пользуются охраной со стороны закона, самое меньшее до одного мѣсяца передъ родами и до двухъ мѣсяцевъ послѣ нихъ. Запрещеніе дѣлать какія-бы то ни было исключенія изъ этого постановленія на основаніи врачебнаго свидѣтельства. Распространеніе законодательной охраны труда на домашнюю промышленность. Назначеніе женскихъ фабричныхъ инспектриссъ. Обезпеченіе полной свободы коалицій для работницъ. Активное и пассивное избирательное право для работницъ при выборахъ въ промышленные суды“. *)

Какъ видно изъ приведенныхъ постановленій, соціалдемократія всегда простираетъ свои требованія законо-

*) Лили Браунъ, „Женскій вопросъ“, стр. 413.

дательной охраны на женщинъ, не только какъ на работницъ, но и какъ на матерей; здоровье и жизнеспособность будущаго поколѣнія привлекаютъ къ себѣ гораздо больше заботливаго вниманія со стороны наиболѣе обездоленной и эксплуатируемой части человѣчества, чѣмъ со стороны радикальныхъ поборницъ „чисто-женскаго дѣла“.

Пусть женщина-работница откроетъ программу рабочей партіи любой страны; всюду встрѣтитъ она заботливое отношеніе къ ея судьбѣ, и какъ члена рабочаго класса, и спеціально—какъ женщины и матери. Подобныя-же требованія, касающіяся женскаго труда, выставлены и русскими рабочими въ ихъ программѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста недомолвкамъ и расплывчатымъ пожеланіямъ общаго характера, дающимъ широкій просторъ для истолкованія требованій въ любомъ направленіи, какъ мы это видѣли въ программахъ другихъ политическихъ партій. „Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ“, программа эта требуетъ: установленія максимальнаго 8 час. рабочаго дня для взрослыхъ рабочихъ обоего пола; непрерывно-продолжающагося не менѣе 42 час. въ недѣлю отдыха; запрещенія сверхурочныхъ работъ, а также ночного труда (отъ 9 час. вечера до 6 час. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ непрерывность работы требуется техническими условіями производства; допущенія къ промысловому труду только лицъ, достигшихъ 16-ти-лѣтняго возраста; ограниченія труда подростковъ (отъ 16 до 18 лѣтъ) 6-ю часами въ сутки и т. д. Всѣ эти постановленія ограждаютъ трудъ женщины, какъ члена рабочаго класса, продающаго свою рабочую силу капиталу, независимо отъ пола; но рядомъ существуютъ также требованія, охраняющія работницу спеціально какъ женщину: „Воспре-

щеніе женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе женщинъ отъ работы втеченіе 4-хъ недѣль до и 6-ти недѣль послѣ родовъ, съ сохраненіемъ заработной платы въ обычномъ размѣрѣ за все это время; устройство при всѣхъ заводахъ, фабрикахъ и др. предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ женщины, яслей для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей; освобожденіе отъ работы женщинъ, кормящихъ ребенка грудью, не рѣже, чѣмъ черезъ три часа, и не менѣе, чѣмъ на 1/2 часа".

Разумѣется, требованія эти не исчерпываютъ собою многообразныхъ назрѣвшихъ нуждъ и запросовъ женщинъ-работницъ. Но, когда женскій пролетаріатъ въ большемъ числѣ заполнитъ собою рабочія организаціи, когда онъ тѣснѣе сомкнется вскругъ обще-рабочаго знамени, тогда явится для работницъ возможность вліять на расширеніе и дополненіе програмныхъ требованій въ желательномъ для нихъ направленіи; тогда только рабочая, программа въ самомъ дѣлѣ, во всей полнотѣ охватитъ и выразитъ насущныя потребности женскаго пролетаріата и у насъ.

Но и въ настоящемъ своемъ видѣ програмныя требованія рабочихъ, по вопросу о защитѣ интересовъ женскаго пролетаріата являются, наиболѣе полными, наиболѣе исчерпывающими, въ сравненіи съ программами всѣхъ остальныхъ политическихъ партій.

Однако, если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, если ни одна изъ существующихъ политическихъ партій въ Россіи не беретъ подъ свою защиту женщину-работницу въ той мѣрѣ, какъ это дѣлаютъ рабочія организаціи, то, быть можетъ, срёди своихъ „буржуазныхъ сестеръ" работницы найдутъ вѣрныхъ союзницъ въ дѣлѣ отстаиванія своихъ трудовыхъ интересовъ.

Прежде всего напрашивается въ этомъ отношеніи вопросъ: могутъ-ли a priori феминистки оказаться искренними поборницами и убѣжденными сторонницами за-

щиты наемнаго труда? Кто составляетъ ядро феминистскихъ организацій? Очевидно—женщины буржуазныхъ классовъ. Лишь вокругъ этого сплоченнаго ядра, дающаго „тонъ“ стремленіямъ и задачамъ данной организаціи, группируются менѣе сознательные, политически менѣе зрѣлые, полу-пролетарскіе, рѣже вполнѣ пролетарскіе элементы. Не только практическое проведеніе въ жизнь любого вопроса, но и принципіальное къ нему отношеніе вырабатываются организаціей въ зависимости отъ преобладанія въ ней тѣхъ или другихъ соціальныхъ элементовъ. Законодательная охрана труда не имѣла для женщинъ буржуазныхъ классовъ того значенія, какое она пріобрѣтаетъ для женщинъ-пролетарокъ; отсюда—либо отрицательное, либо, въ лучшемъ случаѣ, пассивное отношеніе къ вопросамъ законодательной защиты труда и медленное, неохотное склоненіе буржуазокъ за самые послѣдніе годы въ сторону соціальнаго реформизма, да и то не во всѣхъ странахъ и не во всѣхъ слояхъ буржуазно-женскаго движенія.

Долгіе годы феминистки нападали со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ неофиткамъ, на законодательную нормировку спеціально-женскаго труда. Вооружаясь всѣмъ архаическимъ арсеналомъ либерализма, онѣ подкрѣпляли свои доводы давно-похороненной теоріей „государственнаго невмѣшательства“.

Еще весьма недавно, въ 1900 г., на женскомъ международномъ конгрессѣ въ Парижѣ, феминистки выступили противницами спеціальной охраны женскаго труда, усматривая въ законахъ, регулирующихъ работу женщинъ, посягательство на „свободу“ и „равноправіе“ прекраснаго пола. Конгрессъ нашелъ, что законы эти, подъ предлогомъ защиты женщинъ, только вредятъ ихъ интересамъ, затрудняя имъ доступъ во всѣ отрасли труда.

„Всякій разъ, когда посягаютъ на свободу“,—говорилъ на парижскомъ конгрессѣ Фредерикъ Пасси,—„съ какими-бы добрыми намѣреніями это ни дѣлалось, по-

ступаютъ дурно, дѣлаютъ нѣчто худшее, чѣмъ то зло, которое желаютъ исправить, нанося ущербъ самому святому, что есть въ человѣкѣ,—его волѣ, его личности, его отвѣтственности. И мужчинъ, и женщинъ желаютъ взять подъ опеку; съ насъ довольно опеки, довольно заставъ, довольно преградъ!"

Конгрессъ рѣшительно возсталъ противъ всякихъ законовъ, ограничивающихъ трудъ женщинъ, и вотировалъ слѣдующее предложеніе: „Принимая во вниманіе, что при современномъ положеніи общества всякій покровительственный законъ, имѣющій въ виду исключительно женщину, превращается роковымъ образомъ въ угнетающій ее законъ, конгрессъ требуетъ для нея полной свободы труда". И далѣе: „Принимая во вниманіе современное положеніе женщины въ обществѣ, конгрессъ требуетъ полной отмѣны всякаго закона, который, подъ предлогомъ покровительства женщинѣ, только стѣсняетъ свободу ея труда".

Аналогичное рѣшеніе принялъ и состоявшійся за годъ до парижскаго, въ 1899 г., лондонскій конгрессъ. Тогда фабричная работница миссъ Гиксъ въ краткой, но сильной рѣчи протестовала противъ такого постановленія. На парижскомъ-же конгрессѣ работницы совершенно отсутствовали, и потому протестовать было некому. Миссъ Гиксъ говорила: „Здѣсь много толковали о томъ, что фабричное законодательство приноситъ работницамъ одинъ вредъ и что онѣ возстаютъ противъ него. Я сама работница, и могу сказать вамъ, леди и джентльмены, что это все—неправда. Мы, работницы, доказали свое отношеніе къ фабричному законодательству во время проведенія фабричнаго закона 1895 года, когда всѣ рабочіе союзы и женскія кооперативныя общества агитировали на митингахъ въ пользу этого закона и посылали петиціи въ парламентъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься спасеніемъ падшихъ дѣвушекъ, вы бы лучше помогли имъ добиться лучшаго

экономическаго положенія; тогда эти паденія прекратятся сами собою, а однимъ изъ главныхъ средствъ этого является фабричное законодательство.“ *)

Тотъ-же принципъ неограниченной свободы женскаго труда не разъ проводился и отдѣльными представительницами феминизма на практикѣ. Такъ, напр., во Франціи въ газетѣ „La Fronde“, издававшейся одною изъ видныхъ поборницъ женскаго движенія, введена была „изъ принципа“ ночная работа въ типографіи, въ которой работали исключительно женщины. Такъ какъ женскій ночной трудъ во Франціи запрещенъ, то власти нѣсколько разъ привлекали издательницу къ судебной отвѣтственности, но, убѣжденная „равноправка“, она упорно продолжала демонстрировать міру способность женщинъ трудиться по ночамъ наравнѣ съ мужчинами, какъ будто капиталистическій строй, и безъ ея услужливаго урока, не доказалъ этого печальнаго факта съ слишкомъ жестокой очевидностью!

Въ Англіи, гдѣ феминистское движеніе носитъ на себѣ особенно-яркую печать буржуазнаго либерализма, поборницы женскаго равноправія и до сихъ поръ не могутъ вполнѣ освободиться отъ ненависти къ законодательной нормировкѣ труда женщинъ. Въ 1903 г., на съѣздѣ крупнѣйшей по своему значенію въ Англіи женской организаціи—„Женской Либеральной Федераціи„ (Women's Liberal Federation), феминистки протестовали противъ законодательной охраны работницъ и въ резолюціи своей требовали равныхъ условій труда для женщинъ и мужчинъ! Сколько вреда интересамъ работницъ принесли эти рьяныя поборницы женскаго равноправія своей однобокой, специфически-равноправской политикой, когда въ 1895 году возстали противъ правительственнаго билля, имѣвшаго цѣлью расширить

*) Т. Богдановичъ, „Женское движеніе за 50 лѣтъ“. „Міръ Божій“, 1903 г.

область законодательной охраны труда. Съ яростью ополчились тогда буржуазныя женщины на этотъ билль и повели противъ него открытую и ожесточенную агитацію. Боролись даже противъ такого несомнѣннаго по своей пользѣ постановленія, какъ увеличеніе срока освобожденія женщинъ отъ труда въ послѣднія недѣли беременности и въ послѣ-родовой періодъ. Многимъ памятна та борьба, какую велъ тогда организованный пролетаріатъ противъ буржуазныхъ сторонницъ „свободы договора“. Къ сожалѣнію, часть женскаго пролетаріата, несознательная, сбитая съ толку боевой позиціей феминистокъ и ихъ эффектнымъ лозунгомъ—„дорогу женщинѣ“, примкнула къ противницамъ благодѣтельнаго для нея билля. Шумъ, поднятый по поводу этого вопроса, далъ возможность буржуазіи ослабить рядъ важныхъ предписаній въ новомъ законѣ, клонившихся къ охранѣ интересовъ трудящихся.

Разумѣется, феминистки мотивировали свое отрицательное отношеніе къ законодательной охранѣ труда тѣмъ, что всякое выдѣленіе женскаго труда въ особую категорію въ конечномъ счетѣ невыгодно отзывается на матеріальныхъ интересахъ женщинъ и усиливаетъ конкуренцію со стороны „свободныхъ“ отъ законодательной опеки мужчинъ. „Но вотъ, что странно“,—замѣчаетъ по этому поводу Беатриса Веббъ—„противницы неравныхъ условій труда для обоихъ половъ весьма рѣдко выступаютъ защитницами даже тѣхъ законодательныхъ постановленій, которыя распространяются одинаково и на мужчинъ, и на женщинъ рабочаго класса“. *) Наиболѣе искреннія феминистки, по словамъ Веббъ, и не отрицаютъ своего несочувствія фабричному законодательству—*вообще*.

Впрочемъ, это и естественно. Охранительные законы, это—плодъ многолѣтней борьбы рабочаго класса

*) B. Webb, „Women and the factory acts“, 1898.

со своими непосредственными антагонистами-хозяевами; всякая дальнѣйшая попытка развить, расширить, углубить положенія, имѣющія цѣлью охранять интересы труда, по самой сути дѣла не можетъ встрѣчать сочувствія въ представителяхъ буржуазнаго класса, безразлично, къ какому-бы полу они ни относились. По мѣрѣ того, какъ прежній, чистой воды либерализмъ сходитъ съ міровой сцены, уступая мѣсто „соціальному реформизму“, съ его проповѣдью „гармоніи интересовъ“ и стремленіемъ сгладить, затушевать растущій классовый антогонизмъ, постепенно мѣняется и отношеніе феминистокъ къ вопросу о законодательной охранѣ женскаго труда. Политика открытой борьбы замѣняется гибкой политикой уступокъ; „притупленіе классовыхъ противорѣчій“ —таковъ лозунгъ, которымъ буржуазный міръ силится затуманить растущее классовое самосознаніе рабочаго класса. Въ сердцахъ многихъ феминистокъ эта новая панацея отъ разростающейся классовой дифференціаціи не могла не найти отклика. Не даромъ феминистки считаютъ себя призванными служить связующими звеньями между различными классами населенія.

На международномъ женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, въ 1904 г., феминистки высказались за необходимость законодательной охраны женскаго труда. Это былъ новый курсъ, который приняло женское международное движеніе. Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться въ резолюціяхъ и постановленіяхъ женскихъ буржуазныхъ организацій требованія спеціальной защиты трудящихся женщинъ. Феминистки разсуждаютъ такъ: если спеціальная регламентація женскаго труда и вредитъ чистотѣ принципа „свободы“ и „равноправія“, то, съ другой стороны, защита мѣропріятій, направленныхъ къ благу главнымъ образомъ пролетарокъ, должна-же привлечь къ безкорыстнымъ поборницамъ женскаго дѣла — феминисткамъ сердца

„младшихъ сестеръ“—пролетарокъ. Изрѣдка бросаемыя рабочему классу подачки—не лучшій-ли это, не самый-ли мудрый способъ водворить миръ и спокойствіе на землѣ?.. Такъ думаютъ тѣ феминистки, которыя восприняли принципъ охраны женскаго труда.

Посмотримъ теперь, какъ относятся къ этому важному вопросу наши соотечественницы, куда склоняются ихъ симпатіи: въ сторону-ли послѣдовательнаго либерализма на англійскій ладъ или соціальнаго реформизма, вызваннаго въ жизнь растущей мощью рабочаго класса?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, вспомнимъ, при какихъ обстоятельствахъ, въ какой соціально-политической атмосферѣ родились на свѣтъ наши первыя феминистскія организаціи политическаго характера. Первый делегатскій съѣздъ Союза Равноправности, выработавшій платформу и уставъ Союза, имѣлъ мѣсто въ періодъ лихорадочно-повышенной жизнедѣятельности всѣхъ мыслящихъ и оппозиціонныхъ элементовъ Россіи. „Кровавое воскресенье“ еще живо было въ памяти; глухо бурлило пролетарское море; чувствовалось, что въ „низахъ“ неспокойно, что тамъ совершается процессъ наростанія бури, что вся атмосфера пропитана революціоннымъ электричествомъ... Съѣзды новообразовывающихся союзовъ и партій всѣхъ видовъ и оттѣнковъ говорили повышеннымъ тономъ, выражали смѣлыя требованія, отважныя пожеланія... „Учредительное собраніе“ сдѣлалось лозунгомъ дня. Передъ пролетаріатомъ считала долгомъ расшаркиваться каждая организація. Общему хору голосовъ вторилъ и „Союзъ Равноправности“. Платформа его заявляетъ, что представительницы Союза Равноправности женщинъ признаютъ безусловно необходимымъ не только рядъ общихъ коренныхъ политическихъ реформъ, не только уравненіе гражданскихъ и политическихъ правъ женщинъ съ правами мужчинъ, но и „охрану труда женщинъ и обязательное страхованіе ихъ наравнѣ съ мужчинами“

(пунктъ б). Въ „Уставѣ“, же указывается, что однимъ изъ средствъ достиженія цѣлей союза служитъ—„содѣйствіе улучшенію положенія трудящейся женщины и охрана женскаго труда“ (пунктъ г). Такимъ образомъ, „Союзъ“ принципіально провозгласилъ себя сторонникомъ охраны женскаго труда. Такого рода позиція естественно вытекала изъ окружавшей политической атмосферы, толкавшей Союзъ на возможно-большій „радикализмъ“. „Если нашъ Союзъ хочетъ быть союзомъ жизни и борьбы“—говорится въ 3-мъ бюллетенѣ „Союза“ послѣ съѣзда въ октябрьскіе дни,—„если онъ хочетъ быть не дамскимъ, а женскимъ, онъ долженъ найти средства широко раздвинуть рамки своей работы и итти навстрѣчу женщинѣ-работницѣ“—способъ разсужденія, обычный для феминистокъ, ставшихъ на путь соціальнаго реформизма.

„Союзомъ“ живо ощущалась необходимость въ поддержкѣ пролетарокъ, въ демократизаціи своей дѣятельности. „Мысль о демократизаціи нѣсколько разъ проскальзывала въ работахъ съѣзда,—пишется въ томъ-же 3-мъ бюллетенѣ,—нѣсколько разъ были сдѣланы предложенія подобнаго рода, но почему-то большого и серьезнаго вниманія вопросъ къ себѣ не привлекъ.“ Констатируя этотъ фактъ не безъ нѣкотораго удивленія, равноправки тутъ-же сами находятъ ему и объясненіе: „Надо думать, что причиной было то нервное, напряженное настроеніе, которое, благодаря всему, совершавшемуся за стѣнами залы засѣданій, не давало возможности сосредоточиться даже на важномъ. За стѣнами залы стояла пролетарская масса—та рабочая женщина, о которой мы говорили на съѣздѣ, та рабочая женщина, улучшить жизнь которой ставитъ своей задачей „Союзъ“ и которой, увы, не было не только на съѣздѣ, но почти и въ „Союзѣ“.

Въ то время, такъ-же какъ и теперь, цѣлая пропасть раздѣляла тѣхъ женщинъ, что стояли „за стѣнами

засѣданій" женскаго съѣзда, отъ тѣхъ, что добросовѣстно выдумывали планы, какъ-бы „облагодѣтельствовать" и привлечь къ себѣ сердца этихъ, стоящихъ тамъ, „за стѣнами", работницъ, докучливо-мѣшающихъ сосредоточиться. Но, несмотря на эту явную рознь и отчужденность двухъ женскихъ лагерей, представительницы Союза продолжали толковать объ „единомъ женскомъ дѣлѣ". Среди женщинъ,—писали онѣ въ своемъ бюллетенѣ по поводу съѣзда,—классовыя различія вовсе не являются столь непреодолимыми, какъ среди мужчинъ. „Союзъ равноправности" съ полной готовностью идетъ навстрѣчу всѣмъ женщинамъ и разсчитываетъ, что именно онъ, а не кто-либо другой, нашелъ „потерянные ключи" отъ женскаго счастья: этими ключами союзъ надѣется отомкнуть двери счастья для всѣхъ женщинъ безъ различія классовъ. При такомъ „оптимистическомъ" и повышенномъ настроеніи включеніе въ программу требованія охраны женскаго труда являлось неизбѣжнымъ. Можно скорѣе удивляться тому, что требованіе это выражено слишкомъ неопредѣленно. Если мужскія буржуазныя партіи не конкретизировали своихъ требованій, то на это у нихъ имѣлись спеціальныя основанія. Можно-ли то-же сказать относительно нашихъ радикальныхъ равноправокъ, не побоявшихся въ свое время высказаться за Учредительное собраніе, и все-же съ такой осторожностью обошедшихъ пунктъ объ охранѣ женскаго труда? Не наводитъ-ли это на цѣлый рядъ размышленій и не заставляетъ-ли подозрѣвать, что подобная формулировка принята была „не спроста"? Отмѣтимъ заодно еще болѣе характерный фактъ, а именно, что ни въ одной резолюціи, ни въ одномъ постановленіи „Союза" не находится болѣе точнаго опредѣленія требованій равноправокъ въ области охраны труда, и поэтому такъ и остается невыясненнымъ, на чемъ-же остановились-бы наши лѣвыя феминистки—на требованіи широкой законодатель-

ной охраны интересовъ работницы, какъ представительницы рабочаго класса, или на узкой защитѣ ея, только какъ женщины и матери? Не разсѣяли этихъ сомнѣній члены „Союза“ и на практикѣ, такъ какъ за все время существованія „Союза“ они не дѣлали никакихъ попытокъ въ самомъ дѣлѣ „содѣйствовать улучшенію положенія трудящейся женщины“ и никоимъ образомъ не способствовали ея борьбѣ за лучшія условія труда.

Этотъ жизненный для рабочей женщины вопросъ постоянно игнорируется буржуазными феминистками. Впрочемъ, это и естественно: съ одной стороны, практическое осуществленіе реформъ въ этой области, какъ-бы благодѣтельны онѣ ни были для пролетарки, ничего-бы не дало большинству членовъ Союза; съ другой стороны — всякая дальнѣйшая конкретизація требованій, а тѣмъ болѣе активная борьба за ихъ осуществленіе, неминуемо внесла-бы невѣроятную смуту въ нѣдра „гармонически“ настроеннаго „Союза“. Если-бы одна часть равноправокъ, по своему спеціальному положенію или душевному складу ближе стоящая къ пролетаркамъ, согласилась съ положеніями, выставляемыми рабочимъ классомъ, то другая часть членовъ „Союза“ несомнѣнно возопила-бы объ „измѣнѣ“ обще-женскому дѣлу, особенно—разъ осуществленіе новыхъ положеній повлекло-бы за собою матеріальный ущербъ для болѣе „солидныхъ“ приверженцевъ „Союза“. Достаточно было-бы поставить ребромъ вопросъ о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ, чтобы расколоть и нарушить хваленое „единство“ „Союза“... Ограничившись общимъ мѣстомъ по такому существенному пункту программы, какъ вопросъ объ охранѣ труда, наши равноправки во всякомъ случаѣ показали, что онѣ способны вести „тонкую политику“ и дипломатически находить выходъ изъ затруднительнаго положенія... Что-же! въ ихъ будущей „политической карьерѣ“ и это—цѣнное качество...

Гораздо наивнѣе и прямолинейнѣе оказались правыя феминистки—составительницы программы „Женской прогрессивной партіи“. Эта организація, какъ уже было указано, состоитъ изъ соціальныхъ элементовъ, примыкающихъ къ болѣе крупной буржуазіи. Выступи „Женская прогрессивная партія“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ со своими требованіями, она, вѣроятно, воплотила-бы въ себѣ принципъ чистаго „либерализма“ и ни словомъ не обмолвилась-бы объ охранѣ женскаго труда. Но политическая атмосфера тѣхъ дней не благопріятствовала такому рѣзкому отдѣленію оппозиціонныхъ элементовъ. Волна освободительнаго движенія, поднимавшаяся съ низовъ, захлестывала даже въ окна буржуазныхъ женщинъ и заставляла ихъ ощущать свою зависимость отъ бурныхъ валовъ обще-народнаго недовольства. На-глухо закупориться, не слушать голосовъ, доносящихся „снизу“, значило — потерять возможность дѣйствовать, значило—отказаться отъ проведенія въ жизнь собственныхъ стремленій...

Чтобы остаться побѣдительницами въ общей борьбѣ, для этого необходимо расположить, привлечь къ себѣ сердца женщинъ рабочаго класса,—женщинъ „съ мозолистыми руками“, которыя въ нужную минуту не побоялись-бы грудью своей отстаивать женскія требованія... Но, какъ привлечь къ себѣ этихъ недовѣрчивыхъ, чуждыхъ по духу пролетарокъ? Остается одно: посулить имъ самую широкую защиту ихъ *женскихъ* интересовъ. Правда, при такой постановкѣ вопроса могутъ легко пострадать соціальныя прерогативы основного ядра „Женской прогрессивной партіи“,—особенно, если работницы ухватятся за программныя требованія и (отъ чего упаси Боже!) еще проведутъ кое-что въ жизнь... Но какъ-же быть? Какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты?

„Женская политическая партія“ блестяще вышла изъ этого весьма затруднительнаго положенія. Въ свою

программу она добросовѣстно вписала тѣ требованія, которыя касаются охраны *спеціально-женскаго* труда, и полнымъ молчаніемъ обошла всѣ тѣ мѣропріятія, которыя могли-бы послужить интересамъ рабочаго класса—въ цѣломъ! Однако, эта премудрая тактика едва-ли въ состояніи ввести кого-либо въ заблужденіе, и если расплывчатая и осторожная формулировка требованій „Союза“ еще можетъ поддержать нѣкоторую иллюзію объ единствѣ требованій и желаній женщинъ всѣхъ слоевъ населенія, то детальное опредѣленіе задачъ и стремленій „Женской прогрессивной партіи“ не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ ложныхъ надеждъ.

Требованія „прогрессивной партіи“ по рабочему вопросу начинаются съ торжественнаго провозглашенія законодательной защиты всѣхъ формъ женскаго наемнаго труда. Далѣе слѣдуетъ указаніе цѣлаго ряда цѣлесообразныхъ и весьма даже желательныхъ мѣропріятій, каковы: введеніе женской фабричной инспекціи въ промышленныхъ заведеніяхъ; освобожденіе женщинъ отъ работы втеченіе 4-хъ недѣль до и 6-ти недѣль послѣ родовъ, съ сохраненіемъ полной заработной платы; устройство яслей при предпріятіяхъ; освобожденіе женщины, кормящей грудью, каждые три часа всякій разъ по получасу; замѣна мастеровъ для надзора за работой женщинъ мастерицами, и, наконецъ, равное вознагражденіе за равный трудъ. Чего-же еще? Требованія, какъ видно, весьма радикальныя; недаромъ-же большинство изъ нихъ списаны съ соціалъ-демократеческой рабочей программы... Но гдѣ-же, въ такомъ случаѣ, требованіе 8 час. рабочаго дня, отмѣна ночного труда, распространеніе законодательной охраны на домашнее производство и на домашнихъ служащихъ? Защищать женщину не только, какъ таковую, не только, какъ мать, но и какъ работницу, какъ представительницу рабочаго класса,—совершенно не входитъ въ задачи феминистокъ. Какъ послѣдовательныя

поборницы только женскихъ интересовъ, наши правыя феминистки готовы взять подъ свою защиту пролетарку, готовы позаботиться о ней, готовы отстаивать,—но не ея классовые интересы — Боже избави! а ея специфическія женскія нужды и потребности. „Законодательная защита наемнаго труда во всѣхъ областяхъ“,— гласитъ программа партіи „прогрессистокъ“, но подъ этимъ широковѣщательнымъ положеніемъ слѣдуетъ подразумѣвать весьма скромныя пожеланія:—аккуратное кормленіе грудью дѣтей работницъ, отдыхъ въ родовой періодъ и назначеніе женщинъ на мѣста мастеровъ и фабричныхъ инспекторовъ. Вотъ и все! Ни слова объ ограниченіи труда женщинъ во вредныхъ производствахъ, ни слова о нормировкѣ рабочаго времени!...

Классовая позиція „прогрессистокъ“, очевидно, ставитъ предѣлъ ихъ великодушнымъ порывамъ въ области соціальной политики и заставляетъ ихъ ограничивать кругъ своихъ пожеланій узкимъ, анти-соціальнымъ феминизмомъ...

До какой степени члены „Женской прогрессивной партіи“ далеки отъ пониманія классоваго характера требованій рабочаго класса и какъ спутаны въ ихъ представленіи требованія чисто-феминистскія съ задачами и требованіями соціально-политическими, видно изъ той-же программы. Любопытно, что рядомъ съ требованіемъ учрежденія женской фабричной инспекціи, въ той-же самой фразѣ встрѣчается пожеланіе—допущенія женщинъ къ санитарному надзору за изготовленіемъ и продажею пищевыхъ продуктовъ, а рядомъ съ требованіемъ равнаго вознагражденія за равный трудъ, чисто-феминистское пожеланіе—уравненіе женщинъ въ служебномъ отношеніи съ мужчинами; затѣмъ идетъ требованіе—уравненіе женщинъ въ правахъ наслѣдованія, допущеніе ихъ во всѣ области государственныхъ, общественныхъ и частныхъ занятій и.

наконецъ, равный съ мужчинами надѣлъ земли для крестьянокъ. И все это въ одномъ абзацѣ съ законодательной охраной труда! Очевидно, „Женская прогрессивная партія“ имѣла въ виду такъ сконцентрировать всѣ сулимыя ею блага, чтобы удовлетворить женщинъ всѣхъ слоевъ населенія и чтобы количествомъ и компактностью своихъ требованій произвести наиболѣе сильное впечатлѣніе.

Но оставимъ пока въ сторонѣ программныя пожеланія правыхъ и лѣвыхъ феминистокъ и прослѣдимъ, какъ отражалась въ практикѣ жизни ихъ „внѣклассовая“ позиція. Отношеніе къ домашнимъ служащимъ и къ ихъ требованіямъ, это—пробный камень для каждой женской организаціи, претендующей на роль внѣклассовой защитницы женскихъ интересовъ. Пока пробудившіеся запросы пролетарскихъ женщинъ посягаютъ лишь на предпринимательскій карманъ, пока рабочее движеніе разыгрывается гдѣ-то вдали, за предѣлами собственнаго жилища, до тѣхъ поръ феминистки, являясь интеллигентками по преимуществу, относятся къ нему, если не всегда сочувственно, то во всякомъ случаѣ терпимо. Но картина рѣзко мѣняется, едва дѣло коснется ихъ собственнаго домашняго очага: всякое стремленіе домашней прислуги выбиться изъ своей рабской подчиненности и зависимости встрѣчается „хозяйками“, будь онѣ даже архи-феминистки, какъ посягательство на чужія привиллегіи. Каждая уступка требованіямъ прислуги сопряжена съ жертвой со стороны хозяйки; интересы сталкиваются остро, непосредственно, и всѣ прекрасныя слова объ обще-женской партіи разлетаются, какъ дымъ... Періодъ рѣзкихъ столкновеній между феминистками и ихъ домашними рабынями пережитъ былъ Германіей въ 1899 г.; служанки впервые подняли голосъ на защиту собственныхъ интересовъ, сорганизовались и вступили въ борьбу съ хозяевами за болѣе сносное, болѣе

достойное человѣка существованіе. Враждебность, съ которой эти попытки встрѣчены были лагеремъ буржуазныхъ поборницъ равноправія, какъ нельзя яснѣе подтверждаетъ всю иллюзорность внѣклассовой позиціи феминистокъ. Теперь, когда организація женской прислуги стала представлять собою извѣстную соціальную силу, отношеніе къ ней со стороны феминистокъ естественно измѣнилось: ради торжества женскаго дѣла приходится считаться и съ прислугой и при случаѣ сулить и ей кой-какія блага отъ сотрудничества съ поборницами женскаго равноправія.

У насъ, въ Россіи, гдѣ положеніе домашней прислуги еще несравненно-тягостнѣе, чѣмъ въ Германіи, эта рознь между хозяйками и домашними рабынями должна ощущаться еще живѣе и непосредственнѣе. Въ памятный 1905 годъ, — годъ всеобщаго подъема, когда всѣ задавленные, порабощенные современнымъ режимомъ общественные элементы пробудились къ жизни, напомнила о себѣ и домашняя прислуга. Загляните въ газеты 1905 г., и вы увидите, какъ онѣ пестрятъ изумительными сообщеніями объ открытыхъ выступленіяхъ служанокъ, даже въ далекихъ, медвѣжьихъ уголкахъ Россіи. Выступленія эти выражались либо въ формѣ дружно-проводимыхъ забастовокъ, либо въ видѣ уличныхъ демонстрацій. Бастовали и волновались кухарки, прачки, горничныя, выступая то по профессіямъ, то объединяясь подъ общимъ наименованіемъ „служанокъ“. Протестъ прислуги, какъ зараза, переносился съ мѣста на мѣсто. Брошенный въ періодъ революціоннаго подъема лозунгъ—„объединяйтесь“ налету подхваченъ былъ служанками, и на первыя-же собранія въ Петербургѣ и Москвѣ прислуга явилась въ огромномъ количествѣ.

Какъ-же реагировали на это серьезное для женскаго дѣла явленіе наши передовыя феминистки—борцы за освобожденіе женщины? Союзъ Равноправности

сдѣлалъ, въ началѣ своего возникновенія, нѣсколько попытокъ сорганизовать прислугу (во Владимірѣ, Пензѣ, Москвѣ, Харьковѣ); но, какъ не безъ недоумѣнія и грусти констатируютъ сами равноправки, эти попытки успѣха не имѣли. Чѣмъ-же объясняется неуспѣхъ феминистскихъ начинаній въ этой области при рѣдкоблагопріятной общественной атмосферѣ, при исключительномъ предрасположеніи служанокъ къ организаціи? Бросить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ могутъ слѣдующіе факты: Въ Харьковѣ „союзъ равноправности“ образовалъ спеціальную „комиссію по изученію положенія женской прислуги“. Эта комиссія вошла въ сношенія съ женскимъ домашнимъ персоналомъ и разработала особый проектъ требованій и уставъ для союза прислуги. „На довольно-многолюдномъ“ засѣданіи союза проектъ этотъ принятъ былъ прислугой, но каковъ былъ его характеръ и насколько онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчалъ потребностямъ домашнихъ рабынь, можно судить по тому, что соціал-демократы устроили нѣсколько собраній со спеціальной цѣлью выяснить прислугѣ непріемлемость проекта, выработаннаго при ближайшемъ участіи и подъ руководствомъ самихъ хозяекъ.

Организованные рабочіе тогда-же предложили другой проектъ требованій, включавшій и минимумъ жалованья, и норму рабочаго дня, и опредѣленные часы и дни отдыха и т. д. Большинство прислуги стало подписываться подъ этими требованіями и поддерживать этотъ проектъ устава соціал-демократовъ, о чемъ съ недоумѣніемъ и искреннимъ огорченіемъ повѣствуютъ благожелательныя равноправки. Та-же участь постигала равноправокъ почти всюду, когда онѣ вплотную подходили къ фабрично-заводскимъ работницамъ, надѣясь сгруппировать ихъ вокругъ своего женскаго знамени. „Стоило разбудить политическое самосознаніе пролетарокъ, чтобы онѣ,

покидая ряды союза, спѣшили вступать въ собственную классовую партію и становиться „партійными работницами“. *) Передовыя равноправки утѣшали себя при этомъ мыслью, что онѣ служатъ лишь „школой“ для пробужденія самосознанія пролетарокъ; но тотъ, кто знакомъ съ настроеніемъ „союза“, съ его задачами и стремленіями, прекрасно понимаетъ, что это лишь манера faire bonne mine au mauvais jeu. Женщины-работницы всѣхъ отраслей труда, женщины-пролетарки нужны феминисткамъ, какъ базисъ, какъ фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть воздвигнуто зданіе женской равноправности. При всемъ наискреннѣйшемъ желаніи откликнуться на назрѣвшіе запросы женщины-работницы — вообще и въ частности — домашней служащей, „союзъ“ не сумѣлъ и не могъ выполнить взятой на себя миссіи, и организаціонный потокъ, охватившій въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г. всѣ слои рабочаго класса, пронесся мимо равноправокъ, по невѣдомому буржуазнымъ женщинамъ руслу.

Послѣдовательнѣе и откровеннѣе оказываются и въ этомъ вопросѣ представительницы „Женской прогрессивной партіи“. Онѣ даже и не пытаются затуманивать свои намѣренія и истинныя задачи. „Вопросъ о прислугѣ особенно близокъ хозяйкамъ“,—говоритъ „Женскій Вѣстникъ“—поэтому онъ заслуживаетъ со стороны интеллигентныхъ женщинъ бо̀льшаго вниманія. Имъ необходимо согласовать свои собственныя удобства съ удобствами прислуги. Имъ надо установить съ прислугой такія отношенія, чтобы крестьянская дѣвушка, живя въ чужой сторонѣ, находила со стороны образованной хозяйки участіе, гуманность и вниманіе къ ея потребностямъ.“ Прекрасныя, достойныя похвалы пожеланія! Но какъ-же наши прогрессистки предполагаютъ осуществить въ жизни эти благородные и возвышенные

*) „Отчеты и протоколы“, 1906 г., стр. 3.

рецепты для „интеллигентныхъ хозяекъ“? Оказывается—вопросъ о положеніи прислуги рѣшается весьма просто, и остается удивляться, какъ это раньше никто до этого не додумывался: прислуга должна быть приходящей. Этимъ сразу разрѣшаются всѣ сложности и ненормальности взаимо-отношеній хозяекъ и прислуги и прекращается всякая эксплуатація. Но тогда возникаетъ вопросъ, гдѣ-же будетъ ютиться прислуга? И на этотъ счетъ указывается „выходъ“: Надо „организовать артель прислуги“; для начала, нѣсколько хозяекъ сговариваются между собою и организуютъ общежитіе прислуги; затѣмъ нанимаютъ служанку „съ условіемъ чтобы она *обязана* была (курсивъ мой—А. К.) вступить въ артель прислуги, жить въ общежитіи для послѣдней, приходить къ нимъ работать на нѣсколько часовъ; а остальное время“,—великодушно поясняетъ „Женскій Вѣстникъ“—„она можетъ употреблять по своему усмотрѣнію“... „Мы полагаемъ, что подобная артель моглабы имѣть большой успѣхъ и доставила-бы много удобствъ, какъ хозяевамъ, такъ и прислугѣ“ *),—главное, конечно,—добавимъ мы отъ себя,—хозяевамъ. Съ полнымъ сознаніемъ всей премудрости своего рѣшенія вопроса о прислугѣ, „Женскій Вѣстникъ“ присовокупляетъ, что главной задачей „артели приходящей прислуги должно быть *гарантированіе* хозяевамъ добросовѣстнаго отношенія съ ихъ стороны (т. е. со стороны прислуги) къ своимъ обязанностямъ“.

Поставивши себѣ цѣлью улучшить положеніе домашнихъ рабынь, поборницы женскаго равноправія неожиданно съѣхали на огражденіе собственныхъ, хозяйскихъ, интересовъ. Это, по крайней мѣрѣ, откровенно съ ихъ стороны; послѣ такого открытаго заявленія, чей интересъ имъ ближе къ сердцу, нечего опасаться, что даже малосознательные женскіе проле-

*) «Женскій Вѣстникъ», 1905 г. № 12.

тарскіе элементы попадутся въ сѣти нашихъ правыхъ феминистокъ,

Всѣми этими выхваченными изъ жизни примѣрами мы вовсе не желаемъ бросать упрека феминисткамъ въ преднамѣренномъ желаніи опутать своими сѣтями „довѣрчивыхъ“ пролетарокъ. Напротивъ—не подлежитъ сомнѣнію, что феминистки дѣйствуютъ искренно и подходятъ къ пролетаркамъ съ наивной вѣрой въ солидарность задачъ и стремленій женщинъ всѣхъ классовъ населенія. Не тѣшила-ли себя подобной-же иллюзіей французская буржуазія въ концѣ XVIII вѣка, воображая себя выразительницей и служительницей интересовъ всѣхъ демократическихъ слоевъ населенія? Но всѣ благожелательныя попытки равноправокъ объединить подъ однимъ общимъ знаменемъ всѣхъ рѣшительно женщинъ неизбѣжно обречены на гибель. Не могутъ феминистки своими требованіями отвѣтить одновременно экономическимъ запросамъ тѣхъ, кто продаетъ свою рабочую силу, и тѣхъ, кто, покупая ее, стремится изъ нея извлечь наибольшую для себя выгоду. Для наиболѣе чуткихъ къ соціальному злу феминистокъ остается одинъ,—увы! весьма несовершенный путь,—путь залѣчиванія, при помощи филантропіи зіяющихъ ранъ современнаго человѣчества...

Большинство женскихъ организацій въ Англіи ставитъ себѣ филантропическія задачи. Благотворительность методически, широко и даже планомѣрно проводится въ жизнь. Но, несмотря на это, нужда—острая, бьющая по нервамъ и колющая благочестивую совѣсть англичанина, растетъ, растетъ и растетъ... Въ 1905 г. въ Лондонѣ голодъ и безработица сорганизовали грандіозную уличную демонстрацію пролетарокъ. Изнуренныя, измученныя непосильнымъ трудомъ, нищетой, голодовками, доведенныя до отчаянія безвыходностью своего положенія, внушительной толпой высыпали онѣ на главныя улицы Лондона. Однѣ несли на своихъ ру-

кахъ малютокъ, другія держали знамена съ надписями: „Безработные! требуйте права на трудъ!“ „Женщины требуйте права голоса, чтобы пересоздать соціальный строй!“ „Работу нашимъ мужьямъ! хлѣба нашимъ дѣтямъ!“ Женщины шли къ премьеру добиваться „работы, работы, работы“... Въ своей петиціи къ министру рѣзко и отчетливо говорили пролетарки, что онѣ, женщины рабочаго класса, долго молчали, но теперь чаша терпѣнія переполнилась, и онѣ должны напомнить о себѣ. Дольше выносить безработицу и голодъ нѣтъ силъ. Демонстрація—единственный способъ заявить о своихъ нуждахъ, привлечь къ себѣ вниманіе; вѣдь работницы до сихъ поръ не имѣютъ возможности въ качествѣ народныхъ представительницъ защищать свои интересы. Пусть англійское правительство знаетъ, что дольше молчать и мириться съ нищетой и голодомъ, съ зависимостью и униженіемъ женщины-работницы не станутъ. Если ихъ требованія не будутъ удовлетворены, онѣ сумѣютъ заставить дрожать тѣхъ, кто такъ несправедливо угнетаетъ народъ!...

Передъ такимъ взрывомъ отчаянія и рѣшимости безсильны всѣ благожелательныя начинанія феминистокъ. Что такое всѣ эти пріюты для работницъ, общежитія для приказчицъ, столовыя для бѣдныхъ женщинъ, очаги для молодыхъ дѣвицъ, когда случаи голодной смерти регистрируются въ газетахъ, какъ обычное явленіе, когда жители Лондона испытываютъ тѣ-же муки голода что знавали наши праотцы, не имѣвшіе иного орудія труда, кромѣ плохо-отесаннаго камня... Но тогда голодъ былъ естественъ и неизбѣженъ, тогда природа была всесильна, производительность-же человѣческаго труда—ничтожна. А теперь,—теперь голодная смерть въ центрѣ Лондона, полнаго колоссальныхъ съѣстныхъ запасовъ, это—величайшій упрекъ, сильнѣйшее изъ обвиненій, какія грядущее человѣчество броситъ капиталистическому XX вѣку. Напрасно пытаются буржуазныя жен-

щины посредствомъ благотворительности избавиться отъ назойливыхъ уколовъ совѣсти, порождаемыхъ зрѣлищемъ нищеты и отчаянія и униженія ихъ „младшихъ сестеръ“. Что можетъ сдѣлать самая образцовая благотворительность противъ растущей пролетаризаціи массъ, противъ непрерывнаго увеличенія могущества капитала? Передъ охватившимъ весь земной шаръ соціальнымъ зломъ безсильно опускаются руки наиболѣе чуткихъ феминистокъ. Не вычерпать имъ чайной ложкой благотворительности моря страданій и нищеты, порождаемыхъ капиталистической эксплуатаціей наемнаго труда!...

Передъ картиной разростающихся соціальныхъ бѣдствій съ грустнымъ недоумѣніемъ должна останавливаться искренняя поборница женскаго дѣла. Не можетъ не видѣть она, какъ мало дало до сихъ поръ пролетаркѣ обще-женское движеніе, какъ безсильно оно измѣнить къ лучшему условія труда и жизни женщины рабочаго класса. Туманно-сѣрымъ, безпросвѣтнымъ должно представляться грядущее человѣчества тѣмъ женщинамъ-борцамъ за равноправіе, которыя не усвоили себѣ пролетарскаго міровоззрѣнія, которыя не питаютъ бодрящей вѣры въ наступленіе болѣе совершеннаго общественнаго строя. Какъ неполно, частично, компромисно должно казаться имъ освобожденіе женщины при сохранности и неприкосновенности всего современнаго капиталистическаго міра! Какое уныніе должно охватывать наиболѣе-глубокихъ и чуткихъ поборницъ женскаго дѣла!.. При современныхъ уродливыхъ соціальныхъ отношеніяхъ не падать духомъ можетъ только одинъ рабочій классъ. Мѣрной, желѣзной поступью идетъ онъ неуклонно къ своей цѣли, увлекая за собою и женщину-работницу. Смѣло вступаетъ пролетарка на свой тернистый путь труда; онъ ранитъ ей ноги, онъ терзаетъ ея тѣло, онъ

полонъ опасныхъ пропастей и настороженно выслѣживающихъ ее жадныхъ хищниковъ...

Но, только вступивъ на этотъ путь, можетъ женщина достичь заманчиво-мерцающей вдали цѣли—своего всесторонняго освобожденія въ обновленномъ мірѣ труда... Въ своемъ тяжеломъ шествіи къ свѣтлому будущему пролетарка—эта еще недавно униженная, безправная, забитая рабыня—попутно научается сбрасывать съ себя всѣ навязываемыя ей рабскія добродѣтели: шагъ за шагомъ становится она самостоятельнымъ работникомъ, независимой личностью, свободной возлюбленной... Это она, въ совмѣстной борьбѣ съ пролетаріемъ, завоевываетъ право на трудъ женщинѣ; это она,—„младшая сестра“ упорно, неотступно пробиваетъ путь „свободной“, „равноправной“ женщинѣ будущаго...

Чего-же послѣ этого искать женщинѣ-работницѣ въ союзѣ съ буржуазными феминистками? И кто, собственно, останется въ выигрышѣ отъ подобнаго союза? Ужъ, конечно, не женщина-работница: ея спасеніе, ея будущее въ ея собственныхъ рукахъ. Стоя на стражѣ своихъ классовыхъ интересовъ, не позволяя обольщать себя великолѣпными рѣчами объ общности „все-женскаго міра“, работницы-женщины не должны и не могутъ забывать, что, если цѣль буржуазныхъ женщинъ—утвержденіе собственнаго благополучія въ рамкахъ современнаго намъ антогонистическаго общества, то ихъ цѣль иная—на мѣсто стараго отживающаго міра воздвигнуть новый, свѣтлый храмъ всеобщаго труда, товарищеской солидарности и радостной свободы...

Бракъ и семейная проблема.

„Современная форма семьи не есть послѣдняя форма. Новое общество создастъ и новую форму семьи".

(К. Каутскій. „Коммент. къ Эрфурт. программѣ").

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другой стороны женскаго вопроса — вопроса семейнаго. Надо-ли говорить о томъ значеніи, какое для дѣйствительной эмансипаціи женщинъ имѣетъ разрѣшеніе этого больного и сложнаго вопроса нашихъ дней? Стремленіе женщинъ къ равноправію, разумѣется, не исчерпывается борьбою за политическую правоспособность, доступомъ къ докторскимъ и инымъ ученымъ степенямъ и равною оплатою за равный трудъ. Чтобы стать дѣйствительно свободной, женщина должна сбросить тяготѣющія на ней путы современной, отжившей, принудительной формы семьи. Рѣшеніе семейнаго вопроса не менѣе важно для женщины, чѣмъ завоеваніе ею политическаго равноправія, чѣмъ утвержденіе ея полной экономической самостоятельности.

При современныхъ, обычаемъ и закономъ утвержденныхъ, формахъ семейнаго уклада женщина страдаетъ, не только какъ человѣкъ, но и какъ жена, и какъ мать. Въ большинствѣ культурныхъ странъ гражданское уложеніе ставитъ женщину въ бо́льшую или меньшую зависимость отъ мужчины и признаетъ за

мужемъ не только право распоряжаться ея имуществомъ, но и господствовать надъ ней морально и физически. Стоитъ вспомнить гражданскій кодексъ Франціи, по которому женщина со дня заключенія брачнаго договора теряетъ всякую гражданскую дѣеспособность: имущество ея переходитъ въ управленіе мужа; никакихъ актовъ безъ согласія мужа она совершать не можетъ; даже квартирный контрактъ требуетъ засвидѣтельствованія „хозяина и властелина"; строжайшіе законы охраняютъ святость семейнаго очага, вполнѣ санкціонируя двойную мораль; прелюбодѣяніе мужа, и то лишь при наличности извѣстныхъ условій, по закону наказуется денежнымъ штрафомъ, нарушеніе-же супружеской вѣрности со стороны жены—двумя годами тюрьмы. Надъ незамужней женщиной тяготѣетъ родительская-отцовская власть, но, оставаясь внѣ брака, она все-же нѣсколько свободнѣе и независимѣе. Зато ея „дѣвственную чистоту" французскіе законы блюдутъ зорко, тяжко наказывая дѣвушку-мать тѣмъ, что на нее одну взваливаютъ всѣ послѣдствія внѣбрачнаго сожительства: какъ извѣстно, статьею 350-й гражданскаго уложенія Франціи „поиски отца воспрещаются".

Если въ другихъ странахъ законы и менѣе сурово относятся къ женщинѣ, то все-же принципъ подчиненности законной жены своему мужу и властелину подчеркивается ими въ бо́льшей или меньшей степени.

У насъ, въ Россіи, замужнія женщины не могутъ вступать въ договоръ личнаго найма безъ разрѣшенія со стороны мужа. Точно также векселя, выдаваемые ею безъ его санкціи, признаются недѣйствительными. Жена, по нашему законодательству, обязана повиноваться мужу, и власть послѣдняго поставлена выше власти родительской. Женѣ вмѣняется также въ обязанность раздѣлять мѣстожительство своего супруга, и еще весьма недавно этотъ послѣдній могъ по этапу вытребовать къ себѣ „непокорную жену", желавшую

избавиться отъ него, какъ отъ постылаго, а подчасъ даже ненавистнаго супруга...

А тамъ, гдѣ кончается оффиціально, узаконенное семейное порабощеніе женщины, вступаетъ въ свои права такъ называемое „общественное мнѣніе". Это общественное мнѣніе создается и поддерживается буржуазіей, въ цѣляхъ охраненія „священнаго института собственности". Санкціонируется лицемѣрная „двойная мораль". Буржуазное общество сдавливаетъ женщину невыносимыми экономическими тисками, оплачивая ея трудъ непомѣрно низко; оно лишаетъ ее права гражданина подымать голосъ въ защиту своихъ попираемыхъ интересовъ и лишь любезно предлагаетъ ей альтернативу: либо брачная кабала, либо объятія презираемой и преслѣдуемой явно, но поощряемой и поддерживаемой тайно проституціи.

Надо-ли останавливаться на темныхъ сторонахъ современной брачной жизни—на страданіяхъ женщины, тѣсно связанныхъ съ семейнымъ укладомъ нашихъ дней? Объ этомъ уже столько писалось и говорилось. Беллетристика полна тяжелыхъ картинъ нашей семейной и брачной неурядицы. Сколько психологическихъ трагедій на этой почвѣ, сколько искалѣченныхъ жизней и изуродованныхъ существованій! Для насъ сейчасъ важно лишь отмѣтить, что современный семейный укладъ въ большей или меньшей степени пригнетаетъ женщинъ всѣхъ классовъ и слоевъ населенія. Обычаи и традиціи одинаково преслѣдуютъ дѣвушку-мать, къ какому-бы слою населенія она ни принадлежала; законы одинаково отдаютъ подъ опеку мужа и буржуазку, и пролетарку, и крестьянку.

Не напали-ли мы, наконецъ, на тотъ пунктъ женскаго вопроса, гдѣ женщины всѣхъ классовъ въ самомъ дѣлѣ могутъ другъ другу протянуть руки и сообща вступить въ борьбу съ угнетающими ихъ условіями? Быть можетъ, общее горе, страданіе сглаживаетъ про-

пасть классоваго антагонизма и создаетъ общность стремленій и задачъ у женщинъ разныхъ лагерей? Быть можетъ, на почвѣ общихъ желаній и цѣлей возможно сотрудничество между женщинами-буржуазками и пролетарками? Борются-же буржуазныя феминистки и за болѣе свободныя формы, брака и за „право на материнство"; поднимаютъ-же онѣ свой голосъ въ защиту всѣми преслѣдуемой проститутки. Посмотрите, какъ богата феминистская литература исканіемъ новыхъ формъ брачнаго сожительства и смѣлыми порывами къ „моральному равноправію" половъ! Въ самомъ дѣлѣ, если въ области экономическаго освобожденія женщины-буржуазки плетутся лишь въ хвостѣ много-милліонной арміи пролетарокъ, пробивающихъ путь „новой женщинѣ", то въ борьбѣ за разрѣшеніе семейнаго вопроса не принадлежитъ-ли пальма первенства именно феминисткѣ?

У насъ, въ Россіи, женщины средняго буржуазнаго класса,— та армія самостоятельно-зарабатывающихъ женщинъ, что въ 60-хъ годахъ сразу оказалась выброшенною на рынокъ труда,—уже давно практически разрѣшили для себя многія запутанныя стороны брачнаго вопроса, смѣло перешагнувъ черезъ традиціонный церковный бракъ и замѣнивъ консолидированную форму семьи легко расторжимымъ союзомъ, болѣе отвѣчающимъ потребностямъ подвижного интеллигентнаго слоя населенія. Но субъективное разрѣшеніе этого вопроса единичными женщинами не мѣняетъ дѣла и не скрашиваетъ общей мрачной картины семейнаго быта. Если кто разрушаетъ современную форму семьи, такъ это—не титаническія усилія отдѣльныхъ болѣе сильныхъ индивидуальностей, а мертвыя и, все-же, властныя производительныя силы, которыя неотступно, шагъ за шагомъ, ведутъ строительство жизни на новыхъ началахъ...

Постараемся-же отвѣтить здѣсь на два существенныхъ вопроса: 1) чьими усиліями — пролетарскими или

феминистскими—достигается постепенное освобожденіе женщины отъ семейнаго гнета? и 2) существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ общность стремленій у феминистокъ и пролетарокъ въ области семейнаго вопроса, или же здѣсь, какъ и во всѣхъ остальныхъ областяхъ, проявляется классовая рознь, рѣзко дѣлящая женщинъ на два противоположныхъ, подъ-часъ враждебныхъ лагеря?

Приходится-ли еще доказывать, что въ семейномъ укладѣ современности не все обстоитъ благополучно, что существующая форма якобы моногамной семьи непрестанно разлагается и разрушается въ самомъ корнѣ? Принудительно закрѣпляемая въ интересахъ буржуазной собственности сложнымъ гражданскимъ уложеніемъ, современная семья день за днемъ теряетъ свою устойчивость, свою былую крѣпость. Естественныя узы, въ свое время спаивавшія семью въ недѣлимую соціальную ячейку, слабѣютъ и отпадаютъ вмѣстѣ съ отмираніемъ породившихъ ихъ экономическихъ формъ. Сплоченный, крѣпкій, нерушимый семейный союзъ, въ которомъ вся власть принадлежала единственному кормильцу, единственному добывателю богатствъ—отцу и мужу,– таковъ былъ идеалъ семейнаго быта, отвѣчавшій потребностямъ нарождавшагося „третьяго сословія“. Въ тѣ времена, когда третье сословіе еще только приступало къ своей великой миссіи — накопленію чудовищныхъ богатствъ въ нѣдрахъ семьи,—нерушимость и устойчивость семейныхъ формъ являлись однимъ изъ условій успѣха буржуазіи въ ея борьбѣ за существованіе съ другими слоями населенія. Недаромъ буржуазія XVII и XVIII-го вѣковъ кичилась своею нравственностью и самодовольно противопоставляла свои семейныя добродѣтели нравамъ порочнаго, легкомысленнаго дворянства, не постигшаго великаго таинства капиталистическаго накопленія и смотрѣвшаго

на семью, не какъ на хранительницу, а какъ на расточительницу накопленныхъ богатствъ. Чтобы сдѣлать семью устойчивѣе, чтобы выше поднять престижъ семейныхъ добродѣтелей, третье сословіе дѣлало все, отъ него зависящее. Пущена была въ ходъ религія, проповѣдывавшая нерасторжимость церковнаго таинства брака, законъ, каравшій прелюбодѣяніе жены, и мораль, провозглашавшая „святость семейнаго очага“. А когда буржуазія заняла господствующее соціальное положеніе, когда всѣ нити мірового производства стали сходиться въ ея рукахъ, тогда ея мораль, ея нравственные и гражданскіе кодексы, имѣвшіе цѣлью охранять именно ея классовые интересы, постепенно обратились въ нормы, обязательныя и для другихъ слоевъ населенія. Мораль „третьяго сословія“ признана была моралью общечеловѣческой. Узко-классовый матеріальный разсчетъ заставлялъ буржуазію заботиться о „чистотѣ“ брачнаго ложа и преслѣдовать „незаконорожденныхъ“, т. е. тѣхъ, кто не могъ и не долженъ былъ наслѣдовать хоть частицу скопляемыхъ семьей сокровищъ; классовый расчетъ помогалъ укрѣпленію нормъ „двойной морали“ и установленію „строгихъ“ законодательныхъ положеній въ области семейнаго права. И вотъ, всѣ мы, воспитанные на искусственныхъ нормахъ половой нравственности, имѣющихъ исключительной цѣлью охрану интересовъ буржуазіи, мы преклоняемся до сихъ поръ передъ этими классовыми принципами, какъ передъ высшими идеологическими категоріями, мы готовы признавать ихъ нормативными принципами нравственности!

Одновременно съ провозглашеніемъ капиталистическаго производства непреходящей, вѣчной формой хозяйственной жизни человѣчества моногамный бракъ признанъ былъ неизмѣннымъ и постояннымъ соціальнымъ институтомъ. Эволюціонная точка зрѣнія на бракъ осуждалась и преслѣдовалась съ той-же страстностью и ненавистью, съ какой отрицался и оспаривался эволю-

ціонизмъ въ хозяйственной жизни общества. Собственность и семья слишкомъ тѣсно связаны между собою; расшатывая одинъ изъ этихъ устоевъ буржуазнаго міра, нельзя быть увѣреннымъ въ прочности другого. Поэтому-то буржуазія всегда такъ тщательно охраняла свои семейныя начала; поэтому-же отстаивала она всюду съ такой страстностью и продолжаетъ до сихъ поръ отстаивать обветшалыя формы брачнаго уклада современности.

Но экономическая эволюція, пережитая человѣчествомъ—гибель мелкаго, ремесленнаго производства, торжество машиннаго труда, колоссальный ростъ городовъ, лихорадочный темпъ ихъ производительной и торговой жизни — эволюція эта не могла не отразиться на формахъ семейнаго сожительства и должна была поколебать казавшіеся незыблемыми устои буржуазной семьи.

Вотъ уже цѣлое столѣтіе ведется непрерывный споръ между сторонниками старыхъ воззрѣній на семью, какъ на неизмѣнный соціальный институтъ, и приверженцами новыхъ теорій, для которыхъ современная форма брачнаго сожительства есть лишь преходящая историческая категорія. Не столько историческіе примѣры и этнографическія изысканія, сколько живая дѣйствительность изо дня въ день твердитъ о неустойчивости современной семьи, о непрерывно совершающемся семейномъ распадѣ. Все рѣже слышатся голоса, утверждающіе, будто современная семья является институтомъ постояннымъ и неизмѣннымъ, и самый споръ о семейныхъ отношеніяхъ уже переносится въ другую плоскость. Буржуазные идеологи заняты теперь вопросомъ: какими „реформами“ сохранить въ цѣлости замкнутую буржуазную семью, какими мѣрами воспрепятствовать ея дальнѣйшему разложенію?

Ничто такъ не раздражаетъ буржуазію, какъ утвержденіе послѣдователей научнаго соціализма относительно неизбѣжности радикальныхъ измѣненій въ об-

ласти семейнаго быта въ связи съ переустройствомъ хозяйственныхъ основъ общества на новыхъ, коллективистскихъ, началахъ. Съ удвоенной страстностью начинаютъ тогда буржуазные идеологи кричать о томъ, что современная семья можетъ перейти въ цѣлости и неприкосновенности въ любой реформированный строй и что измѣненіе производственныхъ отношеній вовсе еще не влечетъ за собою неизбѣжности переворота въ формахъ сожительства половъ.

Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Чтобы какая-либо форма соціальнаго общенія людей могла быть устойчивой, для этого необходима наличность тѣхъ экономическихъ причинъ, которыя въ свое время вызвали въ жизнь именно такую, а не другую форму общественныхъ взаимоотношеній. Въ тѣ времена, когда преобладало натуральное хозяйство, семья являлась прежде всего экономической ячейкой, производительницей всѣхъ необходимыхъ благъ для данной группы лицъ *).

По мѣрѣ развитія и укрѣпленія мѣнового хозяйства члены семьи могли все въ большей и большей мѣрѣ удовлетворять свои потребности и безъ помощи семьи, какъ хозяйственной ячейки; тѣмъ не менѣе, вплоть до XIX вѣка, т. е. до расцвѣта крупно-капиталистическаго производства, семья сохраняла за собою еще цѣлый рядъ мелкихъ хозяйственныхъ функцій, привносившихъ въ моральный брачный союзъ, рѣшающій и опредѣляющій экономическій моментъ. До тѣхъ поръ, пока семья въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ являлась производительницей цѣнностей, соціальное ея существованіе было обезпечено; крѣпкія, жизненныя узы связывали членовъ

*) „Чѣмъ меньше развитъ трудъ человѣка, чѣмъ ограниченнѣе количество его продуктовъ, а слѣд. и размѣръ общественнаго богатства, тѣмъ большее значеніе въ общественномъ устройствѣ имѣютъ семейныя узы". (Энгельсъ, „Происхожденіе семьи" и т. д., стр. 1).

ея гораздо прочнѣе, чѣмъ самые суровые законодательные кодексы, принудительныя нормы морали. Но съ той минуты, какъ крупно-капиталистическое производство вырвало изъ рукъ семьи ея привычныя хозяйственныя обязанности, семья утратила свое значеніе необходимой экономической ячейки и этимъ осуждена была на медленное, но неизбѣжное разложеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь тѣ экономическія спайки, которыя дѣлали когда-то семью такой устойчивой и жизненной? Возьмемъ для начала семью буржуазную и посмотримъ, какія функціи изъ тѣхъ, что долгія столѣтія лежали на ней, еще сохранились въ ея нѣдрахъ до нашихъ дней.

Производительная дѣятельность семьи, въ смыслѣ изготовленія длиннаго перечня предметовъ первой необходимости, сведена до минимума; область домашняго хозяйства сужена до неузнаваемости. Гдѣ вы встрѣтите теперь буржуазную семью, которая занималась-бы приготовленіемъ свѣчей, мыла и пива, пряжей и тканьемъ, консервированіемъ на зиму продуктовъ, печеньемъ хлѣба, шитьемъ одежды для всѣхъ домашнихъ? Нѣтъ выгоды, нѣтъ необходимости затрачивать силы членовъ семьи на добываніе и изготовленіе тѣхъ предметовъ, хотя-бы и первой необходимости, которые за дешевую плату пріобрѣтаются въ любомъ торговомъ заведеніи. Одна отрасль хозяйства за другой ускользаетъ изъ рукъ домовитой хозяйки, превращаясь въ объектъ промышленной спекуляціи. Съ ростомъ и воцареніемъ крупно-капиталистическаго производства семья утрачиваетъ роль былой производительной ячейки и, переставая играть роль самостоятельной хозяйственной единицы, постепенно теряетъ свое значеніе въ экономической жизни общества *).

*) У насъ, въ Россіи, гдѣ крупно-капиталистическое производство не имѣетъ первенствующаго значенія, въ область домашняго хозяйства входитъ несравненно больше производитель-

Но, если въ нѣдрахъ семьи и прекратилось производство и добываніе предметовъ потребленія, то, быть можетъ, за семьей все еще сохраняются другія хозяйственныя функціи? Являлась-же семья втеченіе многихъ вѣковъ своего существованія не только самостоятельной созидательницей цѣнностей, но и вѣрной ихъ хранительницей. Домъ, утварь, семейныя сокровища—все это свято сберегалось и сохранялось ею.

Малоподвижная, прикрѣпленная къ собственности, землѣ, дому, семья недавняго прошлаго являлась наиболѣе надежнымъ аппаратомъ для сбереженія фамильныхъ богатствъ, а при такомъ положеніи вещей крѣпость семейныхъ узъ самымъ тѣснымъ образомъ связывалась съ имущественными интересами рода. Распадись семья,—и фамильныя сокровища распылятся, разойдутся по рукамъ.

Иное дѣло теперь: банки и иныя сберегательныя учрежденія въ полной мѣрѣ перенимаютъ сберегательныя функціи семьи; это они, а не морально-половые союзы принимаютъ на себя храненіе и сбереженіе уже накопленныхъ фамильныхъ богатствъ. Къ тому-же, богатства эти все чаще и чаще выражаются въ портативныхъ процентныхъ бумагахъ, совершенно не нуждающихся въ спеціальной заботѣ о нихъ домочадцевъ. При непрерывно увеличивающейся подвижности жизни, развитіи путей сообщенія, способствующемъ частымъ перемѣщеніямъ семействъ съ мѣста на мѣсто, всякое громоздкое имущество обращается въ обузу; единственнымъ необременительнымъ выразителемъ цѣнностей при такихъ условіяхъ являются деньги и процентныя бумаги. Такимъ образомъ, изъ круга домашнихъ обязанностей изъемлется и прежняя, привычная функція семьи—сбереженіе накопленныхъ цѣнностей.

ныхъ функцій, чѣмъ на Западѣ; цѣлый рядъ отраслей хозяйства, уже перешедшихъ за-границей въ руки капиталистическаго производства, продолжаетъ у насъ составлять привычную принадлежность домоводства.

А потребленіе,—это неотъемлемое условіе семейнаго быта,—развѣ оно въ прежней мѣрѣ практикуется въ домашнемъ кругу? Рестораны, клубы, меблированные дома, гостиницы замѣняютъ собою привычный домашній очагъ. Крупная, денежная буржуазія проводитъ полжизни, слоняясь по фешенебельнымъ курортамъ, пользуясь услугами отелей-дворцовъ; средняя и мелкая буржуазія, стремясь сбросить съ себя докучливыя хозяйственныя заботы и сократить расходы „по дому", ютится по меблированнымъ комнатамъ, столуется въ ресторанахъ, работаетъ въ публичныхъ библіотекахъ, въ общественныхъ лабораторіяхъ, въ національныхъ галлереяхъ и музеяхъ.

По мѣрѣ того, какъ растущимъ спросомъ на дешевыя трудовыя силы во всѣхъ областяхъ труда женщина выманивается изъ своей узкой семейной ячейки и пріобщается къ потоку самодѣятельнаго населенія, такого рода жизнь получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Пока единственнымъ кормильцемъ семьи являлся мужъ, пока своимъ заработкомъ онъ одинъ привносилъ въ домъ всѣ доступныя семьѣ матеріальныя блага, пока отъ него, главнымъ образомъ, зависѣло благополучіе жены и дѣтей, до тѣхъ поръ семью опутывали и тѣсно связывали узы, часто вовсе незнакомыя теперешнимъ семьямъ. Теперь, и въ мелко-буржуазной, да даже и въ средне-буржуазной семьѣ женщина все чаще и чаще своимъ заработкомъ покрываетъ часть домашнихъ потребностей; уничтожается въ корнѣ зависимость жены отъ мужа, дочери отъ отца, и одна за другою слабѣютъ и рвутся могучіе скрѣпы, когда-то спаивавшіе между собою членовъ буржуазной семьи.

Что остается семьѣ въ наши дни? Какія функціи еще лежатъ на ней, какія нити еще связываютъ ея членовъ? Быть можетъ, воспитаніе дѣтей? Но гдѣ-же тѣ буржуазные отцы и матери, которые сами занимаются

воспитаніемъ и образованіемъ своего потомства? Не только мелкая и средняя, но даже и крупная буржуазія не брезгаютъ общественными воспитательными и образовательными учрежденіями. Дѣтскіе сады, элементарныя школы получаютъ небывалое распространеніе, не говоря уже о среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Воспитательныя обязанности точно такъ-же, какъ и остальныя функціи семьи, переходятъ отъ замкнутой семейной ячейки въ вѣдѣніе общества или государства.

Что-же остается семьѣ послѣ этого? Какова ея задача при современномъ намъ индивидуалистически-классовомъ укладѣ общества? Исключительно — передача по прямой линіи родового и благопріобрѣтеннаго имущества. Трудная расторжимость современнаго брака имѣетъ цѣлью способствовать выполненію этой единственной задачи теперешней семьи — семьи, служащей не моральнымъ запросамъ личности, а интересамъ собственности. Не показываетъ-ли намъ вся исторія современнаго брака, что институтъ этотъ вызванъ былъ въ жизнь чисто-утилитарными разсчетами и лишь въ рѣдкихъ, особенно благопріятныхъ случаяхъ привносился въ него моральный элементъ въ видѣ привязанности.

Съ утвержденіемъ своего господства буржуазія перестала лицемѣрить и открыто стала выставлять свои брачные союзы, какъ родъ торговыхъ сдѣлокъ, выгодныхъ „аферъ“. Изъ союза „двухъ любящихъ сердецъ“, какимъ любятъ изображать бракъ буржуазные идеологи, онъ при современныхъ условіяхъ все чаще и чаще превращается въ циничную куплю приданаго или продажу титула. Свадьбы, совершаемыя по газетнымъ объявленіямъ это—нѣчто столь обычное, что моральное чувство щепетильнаго буржуа и не думаетъ возмущаться. О счастливомъ исходѣ подобныхъ браковъ „по разсчету“ свидѣтельствуетъ все возрастающая цифра разводовъ*). Требованія

*) А. Бебель—„Женщина и соціализмъ“, стр. 113 и 114.

расторженія браковъ столь многочисленны, что одинъ вѣнскій судья въ отчаяніи воскликнулъ: „скоро жалобы о разбитыхъ бракахъ будутъ столь-же часты, какъ и жалобы о разбитыхъ стеклахъ“.

Статистика не въ состояніи дать вѣрную картину численности „разбитыхъ браковъ“, такъ какъ огромное число расходящихся супруговъ не прибѣгаетъ къ формальному разводу. Не слѣдуетъ также забывать, что законы всѣхъ государствъ всячески затрудняютъ расторженіе браковъ и, такимъ образомъ, препятствуя насильственнымъ путемъ расхожденію супруговъ, часто удерживаютъ отъ разложенія столь полезные союзы, какъ браки милліоновъ съ титуломъ или земли съ капиталомъ...

Однако, если семья въ классѣ буржуазномъ неудержимо разлагается, если день за днемъ отмираютъ всѣ прежніе скрѣпы, обезпечивавшіе когда-то ея жизненность, значитъ-ли это, что и во всѣхъ остальныхъ слояхъ населенія совершается тотъ-же неумолимый процессъ семейнаго распада? Мы знаемъ, что было время, когда феодально-дворянская семья шла къ полному упадку и разлагалась самымъ явнымъ и неопровержимымъ образомъ; но въ то-же время нарождавшееся третье сословіе свято блюло семейныя традиціи, справедливо усматривая въ цѣлостности семейнаго начала вѣрный оплотъ для своего растущаго соціальнаго могущества. Быть можетъ, и сейчасъ разлагается лишь семья средней и высшей буржуазіи, тогда какъ въ буржуазіи мелкой, напр., въ крестьянствѣ, семейныя начала по-прежнему жизнеспособны?

Не говоря уже о западно-европейскомъ крестьянствѣ, претерпѣвающемъ всецѣло тѣ-же вліянія, отъ дѣйствія которыхъ разлагается семья и въ остальныхъ слояхъ буржуазіи, но и въ нашемъ „косномъ“ русскомъ крестьянствѣ совершается рѣзкая эволюція семейныхъ отношеній. Уже одинъ переходъ отъ большой—родовой—семьи къ „семьѣ малой“, одинъ фактъ массовыхъ раз-

дѣловъ служитъ яркимъ показателемъ разложенія прежнихъ формъ семейнаго уклада крестьянства.

„Малая“ семья, какъ извѣстно, основана на совершенно иныхъ хозяйственныхъ началахъ; здѣсь женщина сразу получаетъ больше простора и возможности завоевывать себѣ самостоятельное положеніе „хозяйки“ и домоправительницы. Въ „большой“—родовой—семьѣ она—лишь одна изъ многочисленныхъ механическихъ исполнителей чужой воли, воли главы семейства; при отсутствіи опредѣленнаго раздѣленія труда, на ея долю не остается никакой иниціативы, и, сколько бы она ни трудилась, нѣтъ никакой возможности учесть количество цѣнностей, привносимыхъ ею въ хозяйство. Отсюда обезцѣненіе ея труда, отсюда ея полная зависимость. Въ малой семьѣ женщина работаетъ не меньше, а подъ часъ и больше, но зато она завѣдуетъ опредѣленной областью хозяйства, является индивидуальной производительницей, и труды рукъ ея легко поддаются учету и оцѣнкѣ. На ней лежитъ домоводство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, включая сюда—пряденье, тканье, уходъ за скотиной, даже продажу хозяйственныхъ продуктовъ; и лишь въ страдную пору она является только подсобницей мужа въ полевыхъ работахъ. Зато и мужъ не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ хозяйство жены. „Въ Малороссіи,—сообщаетъ Александра Ефименко,—гдѣ, вслѣдствіе особенныхъ мѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, гораздо раньше распалась родовая семья, чѣмъ въ Великороссіи, такое раздѣленіе труда, обязанностей и правъ доведено до значительной степени. Мужъ никогда не вмѣшивается въ дѣла жены, предоставляя ихъ на полное ея благоусмотрѣніе и произволъ: „се бабское хозяйство“,—говоритъ малороссъ“. Но именно въ Малороссіи бытовое положеніе крестьянки значительно сноснѣе, чѣмъ въ Великороссіи, гдѣ все еще господствуетъ начало старой родовой семьи.

Та относительно, большая независимость, которой пользуется женщина въ малой семьѣ, естественно сдѣлала ее ярой защитницей этой формы семейныхъ отношеній и толкаетъ крестьянскую женщину на примѣненіе всѣхъ находящихся въ ея распоряженіи средствъ, чтобы добиться раздѣла; тутъ пускаются въ ходъ и клевета, и лесть, и неуживчивость. „Народъ,—утверждаетъ А. Ефименко,—какъ у великороссовъ, такъ и у другихъ славянъ признаетъ женщину злой противницей общей совмѣстной, родовой жизни и считаетъ ее главной причиной паденія стараго порядка“ *). Если это утвержденіе и не вполнѣ вѣрно, то во всякомъ случаѣ характерно; несомнѣнно, существуютъ причины болѣе глубокія, чѣмъ „неуживчивость“ и „сварливость“ бабъ, которыя способствуютъ распаду родового быта. Ссорились-же бабы и раньше; однако, это не вело къ повсемѣстнымъ раздѣламъ и переходу отъ большой къ „малой“ семьѣ.

Прочность семейныхъ началъ находится въ обратномъ отношеніи къ распространенности мѣнового хозяйства въ деревнѣ, это—фактъ общеизвѣстный. Тамъ, гдѣ крестьянство не захвачено еще всемірнымъ потокомъ торговыхъ сношеній, гдѣ господствуетъ первобытное, замкнутое, натуральное хозяйство, тамъ старинная форма патріархальной семьи удерживается во всей своей архаической неприкосновенности. Семья въ такомъ случаѣ продолжаетъ оставаться прежде всего экономической ячейкой, производительницей всѣхъ жизненныхъ благъ,—ячейкой, крайне важной, даже и необходимой для всѣхъ ея членовъ. Экономическіе скрѣпы, стягивающіе крестьянскую семью, гарантируютъ въ такомъ случаѣ ея устойчивость и жизненность; о разводахъ здѣсь ничего не слышно. Правда, бракъ

*) Александра Ефименко, „Изслѣдованія народной жизни“, стр. 92.

тутъ не является „моральнымъ союзомъ“, но зато онъ всецѣло покоится на реальномъ фундаментѣ производственныхъ отношеній. Наша русская родовая крестьянская семья, со всѣми ея уродливыми пережитками старины, съ безапелляціоннымъ порабощеніемъ женщины, съ ея неограниченной властью „хозяина“ надъ всѣми домочадцами, могла просуществовать неизмѣнно до нашихъ дней, только благодаря тому, что наше крестьянство удержало до конца XIX столѣтія древнія, давно пройденныя и оставленныя другими народами, формы хозяйственныхъ отношеній.

Однако, прежнія застывшія нормы патріархальнаго быта теряютъ свою былую устойчивость, какъ только крестьянское хозяйство оказывается втянутымъ въ общій потокъ мірового товарообмѣна. Нравственные принципы въ области семейной морали, всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ казавшіеся столь непреложными и незыблемыми, начинаютъ терять свою категоричность и выходятъ изъ обихода крестьянства вмѣстѣ съ домотканной льняной рубахой и самодѣльной сохой.

Переходъ крестьянской семьи отъ „большой“ къ „малой“,—переходъ, порождаемый указанными экономическими причинами, лишь ускоряетъ процессъ дальнѣйшаго разложенія семьи. Пусть народные обычаи переносятъ въ лоно малой семьи принципы безправія и зависимости жены отъ главы семьи — хозяина; практика жизни становится въ рѣзкое противорѣчіе съ этими принципами. Тѣ-же экономическія условія малой семьи обезпечиваютъ женщинѣ извѣстную экономическую самостоятельность и порождаютъ въ самыхъ темныхъ глубинахъ крестьянства конфликтъ между отжившими бытовыми началами и реальными жизненными отношеніями. А это уже первый шагъ къ возникновенію „женскаго вопроса“ и въ крестьянской средѣ.

Что недовольство женщинъ крестьянскаго сословія растетъ вмѣстѣ съ эволюціей семейныхъ формъ,—о томъ

свидѣтельствуетъ небывалый ростъ женскаго монашества. Въ 1855 г. послушницъ въ монастыряхъ насчитывалось 7091; въ 1902 г. ихъ было уже 32.029. Несомнѣнно, тяга въ монастырь крестьянокъ (а изъ нихъ-то преимущественно и вербуются послушницы) указываетъ на ихъ растущее желаніе уйти отъ тяготы крестьянской семейной жизни, съ ея постоянной экономической необезпеченностью и непосильнымъ трудомъ. О томъ-же свидѣтельствуетъ и распространеніе такъ называемаго „черничества“ среди крестьянскихъ дѣвушекъ. „Чернички“, обрекающія себя на оффиціальное безбрачіе, тѣмъ не менѣе не отказываются отъ любви; напротивъ, отвоевавъ себѣ извѣстную независимость въ семьѣ (ихъ заработокъ считается священнымъ и никто изъ семьи на него не посягаетъ), онѣ пользуются свободой и въ сферѣ чувства. Въ этомъ стремленіи къ монашеству, черничеству, а также въ уходахъ въ городъ, въ фабричный центръ „на заработки“, сказывается ростъ самосознанія крестьянокъ, которымъ становится „невтерпежъ“ ихъ прежняя семейная кабала. Особенно ощутительно разложеніе крестьянской семьи у насъ. въ Россіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя въ изобиліи выбрасываютъ женщинъ на аграрно-трудовой рынокъ *).

Женщина, идущая за сотни верстъ, въ чужую губернію на сельскіе заработки, женщина, участвующая въ отхожихъ промыслахъ, — это уже новый типъ крестьянки, напоминающій по своей психологіи скорѣе фабричную работницу, чѣмъ безропотную „деревенскую бабу“, покорно влачившую на себѣ всѣ тяготы домашней жизни, освященныя традиціями патріархальнаго быта. Самая семья въ такихъ случаяхъ принимаетъ

*) Какъ велико количество женщинъ, участвующихъ въ отхожихъ промыслахъ, видно изъ того, что изъ 11-ти уѣздовъ одной только Тверской губ. въ 80-ые годы уходило — 20.929 женщинъ въ годъ.

иной обликъ, теряетъ свою замкнутость, закостенѣлость, становится подвижной, разобщенной и, слѣдовательно—легче расторжимой. Пробираясь въ самые глухіе деревенскіе уголки, новыя производственныя отношенія подчиняютъ себѣ и измѣняютъ прежнія формы соціальнаго сожительства. Внѣдряясь въ деревню, проникая собою всѣ мѣстныя аграрныя отношенія, капитализмъ измѣняетъ не только физіономію западно-европейской крестьянской семьи, но наноситъ рѣшительные удары и патріархальному быту нашего русскаго крестьянства. Медленно, но непрестанно совершается въ крестьянской семьѣ рядъ серьезныхъ измѣненій, нарушающихъ ея прежнюю, привычную устойчивость и незыблемость...

Остается еще наиболѣе-многочисленный слой современнаго общества—классъ пролетаріевъ. Какъ обстоятъ дѣла семьи въ этомъ классѣ населенія? Не найдемъ-ли мы хотя-бы тутъ условій, обѣщающихъ жизненность нынѣшнему семейному укладу? Можно-ли, однако, серьезно ставить подобный вопросъ? Гдѣ она,—семья, у современнаго рабочаго, у продавца своей рабочей силы? *)

Едва забрезжитъ свѣтъ, и мужъ, и жена—оба спѣшатъ покинуть свое тѣсное, убогое жилище, чтобы послушно отвѣтить на призывный зовъ фабричнаго гудка и покорно отдаться во власть бездушныхъ, но всесильныхъ властелиновъ-машинъ. До поздняго вечера остаются супруги внѣ дома; дѣти предоставлены

*) „Капиталистическій способъ производства, въ большинствѣ случаевъ, не устраняетъ для рабочаго необходимости жить своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ; но онъ отнимаетъ всѣ свѣтлыя стороны этой жизни, оставляя лишь ея темныя стороны, главнымъ образомъ изнуреніе женщины, ея оторванность отъ общественной жизни. Промышленный трудъ женщины означаетъ въ настоящее время не освобожденіе ея отъ домашней работы по хозяйству, а прибавленіе къ старому бремени еще новаго". („Коммент. къ Эрфурт. программѣ", стр. 31).

попеченію Господа Бога; въ лучшемъ случаѣ—о нихъ заботится дряхлая или потерявшая трудоспособность сосѣдка... Улица, шумная, грязная, развратная улица, вотъ — ихъ воспитательница, вотъ — первоначальная школа пролетарскихъ дѣтей... Если мастерская удалена отъ дому, родители и въ обѣденное время не загляды-ваютъ въ свои запущенныя обиталища. Жильцы и жи-лички, больные, алкоголики, старики и дѣти—пришлый, чуждый элементъ разрушаетъ послѣднюю иллюзію се-мейной изолированности. А нищета неотвязно стучится въ окно и хищными глазами выслѣживаетъ случайную неудачу — болѣзнь, безработицу, смерть члена семьи, рожденіе ребенка, чтобы своими алчными когтями впиться въ пролетарскую семью, разодрать, разметать ее по свѣту... При такихъ условіяхъ, бракъ, даже за-ключенный по взаимной склонности, быстро превра-щается въ непосильное ярмо, отъ котораго обѣ сто-роны такъ часто ищутъ забвенія въ водкѣ...

Низкій заработокъ мужа, непрерывный спросъ со стороны капитала на дешевыя женскія рабочія руки толкаютъ женщину въ раскрытыя объятія капиталисти-ческаго производства. Но съ той минуты, какъ фабрич-ныя двери захлопываются за женщиной-работницей. участь пролетарской семьи рѣшена. Медленно, но не-отвратимо идетъ семейная жизнь рабочаго на убыль. Домашній очагъ тухнетъ и перестаетъ быть центромъ, объединяющимъ членовъ семьи.

Какой насмѣшкой, какимъ кощунствомъ звучатъ всѣ сантиментальные выкрики буржуазіи „о святости семейнаго очага“ и „материнства“, когда милліоны, де-сятки милліоновъ матерей не въ состояніи выполнять даже элементарнѣйшихъ своихъ обязанностей. По властному призыву капитала, матери отрываютъ отъ своей груди ребенка, не научившагося еще отличать свѣтъ отъ тьмы, и послушно толпятся у фабричныхъ воротъ. Какъ калѣчатся и уродуются дѣти еще въ ут-

робѣ матери зловредными газами и испареніями *), какъ гибнутъ милліоны дѣтскихъ жизней, поглощая уже съ материнскимъ молокомъ ядовитыя вещества, какъ сотнями сгораютъ въ деревенскихъ избахъ ребятишки, бросаемые въ страдную пору на произволъ судьбы, какъ матери, родныя матери, постепенно отравляютъ дѣтей своихъ опіумомъ, чтобы они своимъ плачемъ не мѣшали заканчивать спѣшные заказы, — обо всемъ этомъ прекрасно освѣдомлены буржуазные защитники современнаго брака и материнства. Но лицемѣрію буржуазіи нѣтъ границъ. Что ей за дѣло до того, что дѣти работницъ, занятыхъ на спичечныхъ и ртутныхъ фабрикахъ, при фабрикаціи зеркалъ или свинцовыхъ бѣлилъ, родятся съ изуродованной костной системой, со слабой жизнедѣятельностью, родятся только для того, чтобы умереть въ мучительныхъ судорогахъ?! Что изъ того, что выкидыши и мертворожденія являются неизбѣжнымъ результатомъ безобразной эксплуатаціонной системы современнаго промышленнаго труда женщинъ?! Что изъ того, что, доведенныя до изступленія голодомъ и нищетой, матери бросаютъ своихъ дѣтей въ „фабрики ангеловъ“, что статистика обнаруживаетъ непрерывный ростъ дѣтоубійства, что среди этихъ „преступныхъ матерей“ насчитываются не однѣ только дѣвушки, брошенныя своими любовниками, но и законныя жены пролетаріевъ, почтенныя матери семействъ?! **).

---

*) Въ недоношенномъ плодѣ пролетарскаго потомства нерѣдко находятъ свинецъ, ртуть, іодъ, фосфоръ, никотинъ и др. яды.

**) „Въ Англіи дѣтоубійство совершается не однѣми только матерями-дѣвушками, старающимися спасти тѣмъ свою честь, но и замужними женщинами, которыхъ гнусный расчетъ или бѣдность заставляютъ истреблять плодъ своего чрева.“ (Шашковъ, стр. 380). „Въ январскую полночь въ Лондонѣ къ одному констеблю подходитъ на улицѣ какая-то женщина и спрашиваетъ: „гдѣ полицейскій домъ?“—„Что вамъ тамъ нужно?“—спрашиваетъ

Несмотря на весь кричащій ужасъ этихъ повседневныхъ фактовъ, лицемѣрные буржуазные защитники современной семьи съ неослабѣвающимъ энтузіазмомъ продолжаютъ пѣть гимны „священной роли материнства“ и ополчаться на профессіональный трудъ женщинъ (конечно—только на словахъ), отрывающій мать отъ колыбели младенца.

„Святая обязанность материнства“! Но, чѣмъ можетъ проявляться эта роль женщины въ рабочемъ классѣ при современныхъ условіяхъ женскаго наемнаго труда? Гдѣ та необходимая забота о здоровьѣ ребенка, гдѣ тотъ минимумъ гигіеническихъ условій, какой необходимъ для сохраненія жизни младенца? Дѣтская смертность, особенно въ первый годъ жизни младенцевъ, достигаетъ въ средѣ пролетаріата ужасающихъ размѣровъ. „Въ то время, какъ изъ младенцевъ буржуазнаго класса на первомъ году жизни умираетъ 8%“,—говоритъ Лили Браунъ,—„дѣтей рабочихъ въ этомъ возрастѣ умираетъ около 30%. Въ богатыхъ кварталахъ Берлинскаго Фридрихштадта изъ 1000 грудныхъ младенцевъ умираетъ 148, въ бѣдномъ кварталѣ Веддингъ умираетъ на 1000—348!..“ „Въ какой тѣсной зависимости отъ возрастанія женскаго труда находится смертность младенцевъ, видно изъ этой смертности въ промышленныхъ центрахъ“. *)

Табачная индустрія представляетъ собою одну изъ вреднѣйшихъ въ этомъ отношеніи отраслей, — наи-

---

ее констебль.—„Мнѣ нужно отдать себя подъ стражу, потому что я умертвила своего ребенка.“—„Почему вы это сдѣлали?“—„Изъ нужды,—я не могла долѣе видѣть, какъ онъ мучился отъ голода.“ Нужны-ли еще комментаріи къ этому трагическому діалогу?

Въ той-же Англіи въ 1862 г. насчитывалось 5709 насильственныхъ дѣтскихъ смертей отъ удушенія, обжоговъ, ушибовъ, потопленія, яда, повѣшенія, обезглавленія и даже погребенія заживо; случаи эти объяснялись преимущественно тѣмъ, что „родители ихъ находились въ крайней бѣдности“.

*) Л. Браунъ, „Профессія и матер.“, стр. 9—10.

большее число мертворожденій падаетъ въ индустріи на дѣтей табачныхъ работницъ; если даже ребенокъ и родится здѣсь живымъ, то его ждетъ медленное отравленіе молокомъ матери, пропитаннымъ никотиномъ. Громадна также дѣтская смертность при занятіи матерей въ бумажномъ производствѣ; въ Германіи она достигаетъ 48%. Той-же участи подвержены и дѣти текстильныхъ работницъ; въ Англіи у матерей, занятыхъ обработкою волокнистыхъ веществъ, умирало 22% младенцевъ въ возрастѣ до одного года; въ Германіи—38%.

А что ждетъ дитя пролетарской семьи, если оно благополучно миновало всѣ смертельныя опасности, щедрой рукой разсыпанныя на его пути до и послѣ рожденія? Голодъ, холодъ, нищета, злобные окрики, побои подъ усталую руку, отчаяніемъ вызванное пожеланіе „хоть бы ты сдохъ!“; затѣмъ — мрачные годы ученичества или машинный станокъ, въ часы досуга— улица, драка, брань, кабакъ и много, много побоевъ... Вотъ это при современномъ строѣ называется воспитаніемъ „подъ бдительнымъ окомъ матери!“

Нѣтъ, какъ-бы ни отмахивались нѣжныя маменьки изъ буржуазной среды отъ будущаго коллективистскаго строя съ его принципомъ общественнаго воспитанія, сколько-бы ни упрекали онѣ соціалистовъ за „бездушіе“, за варварское желаніе отнять у нихъ ихъ „кровныхъ малютокъ“, можно наперед сказать, что всякая иная, отличная отъ теперешней, форма воспитанія спасетъ милліоны маленькихъ жизней... Не будетъ больше, по крайней мѣрѣ, несчастныхъ малютокъ, которыхъ мать привязываетъ къ кровати, уходя на заработки, не будетъ привычнаго для насъ дѣтскаго мартиролога, порождаемаго трагическими для ребятъ случайностями — попалъ подъ экипажъ, вывалился изъ окна, утонулъ въ кадкѣ воды... Жизнь пролетарскихъ малютокъ до того безобразна, до того полна самыхъ дикихъ лишеній и недѣтскихъ страданій, что потеря родителей и соб-

ственной семьи нерѣдко является для нихъ благомъ. Пріюты, сооруженные филантропами или государствомъ, при всѣхъ огромныхъ ихъ недочетахъ, становятся весьма часто спасеніемъ для дѣтей пролетаріевъ.

Пусть любвеобильныя буржуазныя мамаши, возстающія противъ соціалистовъ за ихъ намѣреніе „оторвать малютокъ отъ материнской груди“, пусть признаются онѣ чистосердечно, сколько пролетарскихъ матерей сейчасъ, при теперешнемъ буржуазномъ строѣ, остаются у колыбелекъ своихъ малютокъ *). Нельзя-же закрывать глаза на безостановочный ростъ труда замужнихъ женщинъ. За 12 лѣтъ въ Германіи число замужнихъ женщинъ-работницъ возросло на 300 тысячъ; въ 1882 г. въ Германіи на каждыя 1000 работницъ приходилось замужнихъ 173, въ 1895 г. уже 215. По послѣднимъ даннымъ, на каждую тысячу работницъ приходится въ Австріи 450 замужнихъ, въ Германіи около 220, во Франціи около 200; на самомъ дѣлѣ, цифра эта значительно выше, такъ какъ статистика относитъ въ рубрику замужнихъ только тѣхъ женщинъ, чей бракъ освященъ закономъ и церковью, между тѣмъ какъ среди работницъ все чаще и чаще встрѣчается свободное сожительство, при которомъ на женщину—жену и мать—ложатся всѣ обычныя семейныя обязанности.

Матеріальная необезпеченность пролетарской семьи гонитъ замужнюю женщину на фабричную работу, и, пока существуетъ наемная система труда, пока капи-

---

*) „... Въ прежнее время нѣкоторые рабовладѣльцы разлучали мужей съ женами и отнимали у родителей подростковъ, ставшихъ способными къ труду; но капиталисты пошли дальше этихъ ужасовъ рабства: они отрываютъ отъ матерей *грудныхъ дѣтей,* заставляя поручать ихъ чужимъ людямъ; тысячи дѣтей ежедневно подвергаются такой участи; о нихъ заботятся благотворительныя учрежденія, долженствующія облегчать матерямъ возможность разлуки съ дѣтьми.“ „Комментаріи къ Эрфуртской программѣ“, глава „Разрушеніе семьи въ раб. классѣ“.

талъ заинтересованъ въ привлеченіи къ производству болѣе дешевыхъ трудовыхъ рукъ, до тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ основаній ожидать уменьшенія промышленнаго труда замужнихъ пролетарокъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричными инспекторами Эльзасъ-Лотарингіи, 82% всѣхъ замужнихъ работницъ обращались къ промышленному труду изъ-за неимѣнія другихъ средствъ существованія; въ Аахенѣ количество замужнихъ женщинъ, гонимыхъ на фабрику безысходной нуждой, было еще выше—88%; въ Шлезвигѣ оно достигало 96% *)! Г-да предприниматели, часто наиболѣе-яростные противники женской эмансипаціи и самостоятельности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о женщинахъ ихъ собственнаго класса, съ циничной откровенностью признаются, что замужняя женщина—это самый любезный ихъ сердцу объектъ для эксплуатаціи. Еще-бы! Чего-чего ни стерпитъ работница-мать, съ чѣмъ только ни готова она бываетъ мириться, на какія только возмутительныя, кабальныя условія работы ни согласится, лишь-бы не вернуться домой съ пустыми руками, лишь-бы не слышать раздирающаго душу плача голодныхъ ребятишекъ!.. Дѣвушки работницы, по мнѣнію фабрикантовъ, слишкомъ независимы, слишкомъ смѣлы и дерзки и притомъ гораздо легче поддаются пропагандѣ зловредныхъ идей, чѣмъ обремененныя семействомъ замужнія женщины. Неудивительно, что предприниматели дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы притягивать въ предпріятія замужнихъ работницъ. А при такомъ положеніи вещей, когда, съ одной стороны, экономическая необходимость гонитъ женщину на заработки, а съ другой—капиталистическое производство встрѣчаетъ ее съ распростертыми объятіями, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что пролетарская семья быстро и неудержимо идетъ къ полному распаду.

*) Hirsch, „Verbrechen und Prostitution".

Итакъ, сколько-бы буржуазія ни кричала о ненарушимости и неизмѣнности семейныхъ началъ, семья — современная, замкнутая, собственническая, узко-индивидуалистическая семья —обречена на гибель и разложеніе. На глазахъ у всего міра домашній очагъ тухнетъ во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія, и, конечно, никакими искуственными мѣрами не раздуть его гаснущее пламя...

„Бракъ представляетъ одну сторону половой жизни буржуазнаго общества, проституція—другую. Бракъ—лицевая сторона медали, проституція—обратная. Если мужчина не находитъ удовлетворенія въ бракѣ, онъ обыкновенно ищетъ удовлетворенія въ проституціи. Мужчинамъ, живущимъ внѣ брака, по своему желанію или по необходимости, точно такъ-же, какъ и мужчинамъ, вступившимъ въ бракъ, но обманувшимся въ своихъ ожиданіяхъ, гораздо легче, чѣмъ женщинамъ удовлетворять свою половую страсть". *)

Всѣми презираемая, всѣми гонимая, но тайно поощряемая, проституція своими пышными, ядовитыми всходами заглушаетъ всякіе остатки семейной добродѣтели. Окутывая общество какъ-бы гнилою тиною, она своимъ смраднымъ дыханіемъ отравляетъ чистыя радости любовнаго обіценія между полами. Проституція въ наши дни достигаетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ никогда не знало человѣчество, даже въ періоды наибольшаго своего духовнаго упадка.

Что такое эти полу-религіозные греческіе диктеріоны, римскіе лупанаріи, жизнерадостная проституція „походныхъ женщинъ" или степенная цеховая проституція среднихъ вѣковъ, явно гонимый, но тайно поощряемый циничный развратъ эпохи реформаціи? Что такое эти

*) А. Бебель, „Женщ. и соціал.", стр. 154.

тысячи фривольныхъ гризетокъ восемнадцатаго столѣтія по сравненію съ массовой продажей женскаго тѣла, практикуемой въ наши дни?

Какъ ядовитая зараза, переносится проституція съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну, изъ города въ деревню, отравляя собою атмосферу современной соціальной жизни. Цѣлыя профессіи, цѣлые слои общества оказываются подчиненными ея гибельному вліянію.

Столько писалось и говорилось обо всѣхъ ужасахъ проституціи, что нѣтъ надобности здѣсь останавливаться подробно на мрачныхъ картинахъ, иллюстрирующихъ эту „обратную сторону медали“ современной формы семьи и брака. Достаточно указать на количество женщинъ, принужденныхъ заниматься проституціей, чтобы понять всю громадность этого явленія, всю пагубность его дѣйствія на современную семейную жизнь. Въ 1900—1901 гг. въ главнѣйшихъ городахъ Европы насчитывалось приблизительно слѣдующее число женщинъ, занимавшихся въ той или иной формѣ продажей своего тѣла *):

Въ Лондонѣ	на	4.500.000	жителей	250.000 простит.
„ Парижѣ	„	2.800.000	„	100.000 „
„ Петербургѣ	„	1.400.000	„	отъ 30.000 до 50.000 „
„ Берлинѣ	„	2.000.000	„	50. 000 простит.
„ Вѣнѣ	„	1.500.000	„	30.000. „
„ Варшавѣ	„	1.400.000	„	25.000 „

Цифры эти слишкомъ ярко говорятъ сами за себя, чтобы нуждаться въ комментаріяхъ. Разумѣется, численность оффиціально-зарегистрированной, такъ сказать „легальной“, проституціи значительно ниже показанной; но для насъ важно не то, что числится по оффиціальнымъ отчетамъ врачебно-полицейскаго надзора, а интересны тѣ данныя, которыя рисуютъ намъ дѣйствительное положеніе вещей. Тайная проституція, по мнѣнію многихъ серьезныхъ изслѣдователей этого

*) Женщина-врачъ Дрентельнъ, „О проституціи“.

вопроса, всегда въ значительной мѣрѣ превышаетъ явную—отъ 5 до 10 разъ; а есть даже данныя, позволяющія думать, что увеличеніе это и еще крупнѣе. Такъ, въ 1900 г. въ Парижѣ были оффиціально зарегистрированы 5.183 проститутки, тогда какъ тайныхъ насчитывалось, по однѣмъ даннымъ, свыше 100.000, по другимъ—даже 120.000. Д-ръ Канкаревичъ вычисляетъ, что въ Лондонѣ *) 1 проститутка, приходится на каждыхъ 9 женщинъ, въ Парижѣ—на 14 женщинъ, въ Берлинѣ и Петербургѣ—на 20 женщинъ и т. д. Въ Россіи въ 90-хъ годахъ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, во всѣхъ городахъ насчитывалось 45.000 проститутокъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ одномъ Петербургѣ, по приблизительнымъ подсчетамъ, проституціей промышляетъ, по меньшей мѣрѣ, 30.000 женщинъ.

Не только тайная проституція, которой несомнѣнно принадлежитъ первое мѣсто, но и проституція регистрируемая растетъ безостановочно. По отчетамъ мѣстнаго полицейскаго управленія, въ Берлинѣ каждую ночь арестуютъ по меньшей мѣрѣ 5—6 молодыхъ дѣвушекъ, впервые попадающихъ въ руки врачебно-полицейскаго надзора; такимъ образомъ, ежегодно прибываетъ приблизительно 2.000 явныхъ проститутокъ. „Въ Берлинѣ“,—говоритъ Хиршъ,—„съ 1875 по 1896 г. проституція росла почти въ два раза быстрѣе народонаселенія“. **) А рядомъ съ проституціей, регламентируемой и санкціонируемой закономъ, тайными дорожками, гонимая голодомъ, одиночествомъ, беззащитностью, пробирается временная, случайная или, какъ ее обозначаетъ наука, „сезонная“ проституція. Особенно способствуетъ развитію „случайной“ или „сезонной“ проституціи существованіе цѣлаго ряда промышленныхъ

*) Д-ръ Рэйанъ говоритъ, что въ Лондонѣ проституціей живетъ по крайней мѣрѣ 400 тыс. человѣкъ.

**) Hirsch, „Verbrechen und Prostitution“, стр. 10.

отраслей, лишь въ опредѣленныя времена года занимающихъ женскія трудовыя силы. Женщина, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году работающая до полнаго истощенія, за плату, которой едва хватаетъ на покрытіе необходимыхъ жизненныхъ потребностей, на остальную часть года выбрасывается на улицу безъ всякаго обезпеченія *). „Мало того“,—говоритъ д-ръ Блашко,—„что во всѣхъ крупныхъ городахъ тысячи трудящихся женщинъ, получающихъ скудную плату, вынуждены искать въ проституціи постояннаго, болѣе или менѣе существеннаго, *побочнаго заработка*, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, гдѣ процвѣтаетъ сезонная работа, мы встрѣчаемъ проституцію въ видѣ временнаго, но уже главнаго занятія, чередующагося такимъ образомъ съ собственнымъ промысломъ работницъ“. **) Въ публикуемыхъ свѣдѣніяхъ о заработной платѣ работницъ на фабрикахъ готоваго бѣлья и платьевъ союзныя правительства Германіи даже сами констатируютъ, что, „чаще-же случается, что малоспособныя легкомысленныя и склонныя къ нарядамъ работницы, не имѣющія притомъ родственниковъ, становятся проститутками добровольно или по необходимости, когда онѣ въ безработное время лишены возможности найти себѣ средства къ жизни“. ***)

У насъ, въ Россіи, существуетъ особый родъ такъ называемой,—„ярмарочной“ проституціи. Крестьянки, кустарихи, прислуга и др. женщины, занимающіяся втеченіе всего года „честнымъ трудомъ“, обыкновенно оставляющимъ осязательную брешь въ ихъ годовомъ бюджетѣ, съѣзжаются на ярмарки, чтобы путемъ продажи, если не своихъ трудовыхъ рукъ, то хоть своего тѣла пополнить тяготѣющій надъ ними дефицитъ. „Изъ сообщеній многихъ врачей узнаемъ“,—пишетъ женщина-

*) См. „Ярмарочная проституція“, статья М. Покровской.
**) Д-ръ Блашко, „Проституція начала XIX в.“, стр. 16.
***) Тамъ же.

врачъ Дрентельнъ, — „что во время нижегородской ярмарки женщины ближайшихъ къ Нижнему-Новгороду селеній почти поголовно занимаются проституціей". *)

Весь ужасъ современной проституціи заключается въ томъ, что къ ней вынуждены прибѣгать все болѣе и болѣе широкіе круги женскаго населенія. Что представляютъ собою эти 6.000 оффиціальныхъ проститутокъ въ Парижѣ или 5.000 въ Петербургѣ по сравненію съ 100.000 или 30.000 и болѣе тѣхъ, которыя, имѣя „честный заработокъ", вынуждены все-же прибѣгать къ продажѣ своихъ ласкъ?

Страшно подумать: къ проституціи привлекаются не однѣ одинокія, заброшенныя своими любовниками, дѣвушки, какъ это принято думать, но весьма нерѣдко и законныя жены рабочихъ, крестьянъ и ремесленниковъ которыя только этимъ путемъ оказываются въ состояніи поддерживать существованіе своихъ близкихъ. „Прежде", — справедливо замѣчаетъ Хиршъ, — „этому позорному ремеслу отдавались лишь женщины изъ слоя лумпенпролетаріевъ; теперь, даже самодѣятельныя женщины, благодаря всемогуществу капитала, принуждены оцѣнивать свое тѣло на деньги. Проституція, бывшая нѣкогда роскошью, которую могло себѣ позволять общество, но потеря которой ни въ коемъ случаѣ не свелабы его съ ума, превратилась теперь въ учрежденіе самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связанное съ общественнымъ организмомъ, въ своего рода „необходимое зло." (Verbrechen und Prostitution, стр. 14).

Мало развѣ примѣровъ, когда женщина при помощи проституціи поддерживаетъ цѣлую семью, воспитываетъ братьевъ, сестеръ, кормитъ престарѣлыхъ родителей? По свѣдѣніямъ Parent-Duchâtelet, изъ 5.183 проститутокъ—1.441 привлечены были къ „позорному ремеслу"

*) Дрентельнъ, „О проституціи", стр. 5. Крестьянство выбрасываетъ на Нижегородскую ярмарку до 74% проституирующихъ тамъ женщинъ. Дрентельнъ, „О проституціи", стр. 18.

бѣдностью и нищетой; другихъ въ проституцію вовлекли: потеря родителей, изгнаніе изъ родительскаго дома и безпризорность (1.255), желаніе содержать слабыхъ и больныхъ родителей (87), желаніе воспитать своихъ младшихъ братьевъ, сестеръ, племянниковъ и т. п. (29), желаніе овдовѣвшихъ или покинутыхъ своими любовниками женщинъ воспитать многочисленную семью, оставшуюся на ихъ рукахъ (23), пріѣздъ въ Парижъ съ цѣлью устроиться и найти средства къ существованію (280), обольщеніе господами и, затѣмъ, потеря службы (289). Такимъ образомъ, изъ 5183 женщинъ,—3354 вступили на путь „позорнаго ремесла“ изъза хлѣба насущнаго, одежды, крова для себя или для своихъ кровныхъ близкихъ“... *)

По обслѣдованію д-ра Обозненко, въ Петербургѣ, изъ 2934 женщинъ 1712 сослались на нужду, бѣдность, отсутствіе заработка, какъ на причину, толкавшую ихъ на позорный путь; сверхъ того, оказалось нѣсколько десятковъ женщинъ, которыя, по ихъ словамъ, обратились къ позорному промыслу вслѣдствіе болѣзни, лишившей ихъ способности къ труду, или, ужасно сказать, „ради воспитанія дѣтей.“ **)

Эти свѣдѣнія опять-таки касаются лишь оффиціальной, регламентированной проституціи; но именно среди тайныхъ или случайныхъ проститутокъ находится наибольшее число женщинъ, принужденныхъ ради семьи, ради ближнихъ прибѣгать къ этому „подсобному заработку“.

Современный капиталистически - эксплуатаціонный строй толкаетъ мать ради ребенка и ребенка ради матери на путь „позорнаго ремесла“. Даже нѣжный, младенческій возрастъ не въ состояніи охранить дитя

*) Сабининъ, „Проституція“, стр. 79.

**) Проф. Елистратовъ, „Бѣдн. и простит.“ № 3 „Союза Женщ.“, 1907 г.

рабочаго класса отъ хищническихъ притязаній пресыщеннаго разврата буржуазіи. Съ 5-ти-6-ти-лѣтняго возраста продаются дѣвочки для растлѣнія туго-набитымъ мошнамъ и гибнутъ тысячами, никогда не познавъ невинныхъ радостей дѣтства. Въ Москвѣ, по словамъ Шашкова, изъ 957 опрошенныхъ проститутокъ одна начала свою профессію съ 11 лѣтъ, 5 съ 12 лѣтъ. Но есть рядъ данныхъ, показывающихъ, что дѣтская проституція въ Россіи начинается съ 9-ти лѣтняго возраста. Профессоръ Тарновскій утверждаетъ, что большинство проститутокъ въ Россіи находится въ возрастѣ между 13 и 17 годами. Въ Парижѣ возрастъ большинства проститутокъ колеблется отъ 13 до 23 лѣтъ *). Въ наиболѣе „утонченныхъ" притонахъ Неаполя держатъ проститутокъ не старше 15 лѣтъ. Въ Лондонѣ есть дома съ проститутками моложе 14 лѣтъ. Но вѣдь это-же дѣти! Тѣ самыя дѣти, которыя сидятъ на школьныхъ скамьяхъ, для которыхъ въ буржуазныхъ семьяхъ нанимается цѣлый персоналъ воспитательницъ и учительницъ, о правильной гигіенѣ души и тѣла которыхъ столько хлопочутъ, пишутъ, говорятъ... Волосы становятся дыбомъ, когда представишь себѣ этихъ малютокъ, этихъ дѣтей рабочаго класса! А вѣдь дѣтская проституція, это — неизбѣжный спутникъ пролетаріата, это — дань, взимаемая именно съ него гнуснымъ безудержнымъ развратомъ. Но, что всего ужаснѣе, такъ это то, что въ ряды дѣтей-проститутокъ попадаютъ не только однѣ сироты, что на путь „позора и презрѣнія" дѣти толкаются даже самими родителями... И эти родители—далеко не „изверги", какими ихъ любятъ изображать сантиментальные буржуазные беллетристы; съ душевной болью, съ сердцемъ, обливающимся кровью, бросаютъ матери своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ вертепы разврата. Но вѣдь для нихъ,

*) Сабининъ, „Проституція", гл. IX.

для матерей - пролетарокъ, нѣтъ выбора въ судьбѣ своихъ дѣтей: либо послать свое дитя на фабрику, отдать его во власть капитала, смотрѣть, какъ изо-дня въ день тяжелая, непосильная работа начнетъ выматывать изъ ея ребенка здоровье, молодость, самую жизнь; либо уступить его хищникамъ другого рода, роднымъ братьямъ эксплуататоровъ труда... Что изъ того, что на голову ребенка падетъ позоръ и осужденіе! Блѣдное изнуренное лишеніями дитя хоть сытно поѣстъ, хоть въ теплѣ поживетъ... Соблазнъ великъ, а материнское сердце такъ слабо... *)

И дѣтская проституція начинаетъ принимать ужасающіе, невѣроятные размѣры. Она растетъ на-ряду съ ростомъ дѣтскаго промышленнаго труда: та часть дѣвочекъ-подростковъ, которая по состоянію рынка не поглощается промышленностью, выбрасывается въ загрязненное русло „позорнаго промысла“. Мутныя, омерзительныя, зараженныя волны уносятъ съ собою и дѣвушку, соблазненную „бариномъ“, и почтенную мать семейства, которой не на что прокормить своихъ ребятъ, и дѣвочку-подростка, для которой имѣются въ жизни лишь два пути—каторжный наемный трудъ, съ болѣе или менѣе случайной проституціей, или „житье на легкихъ хлѣбахъ“, съ неизбѣжной заболѣваемостью и ранней смертью... Служители буржуазной науки проповѣдуютъ, что проституція — „неизбѣжное зло“, что она встрѣ-

*) Въ Тулѣ, по словамъ д-ра Архангельскаго, матери сами приводятъ своихъ невинныхъ шестнадцатилѣтнихъ дочерей въ дома терпимости, ибо „дочкѣ не для чего итти въ замужество съ пьянымъ мужикомъ дракуномъ. Пусть лучше перебѣсится отъ 16 до 18 лѣтъ“, а потомъ будетъ работать на фабрикѣ и т. д. Содержательницы домовъ терпимости охотно берутъ дѣвушекъ и поручаютъ матери сначала лишить дочь невинности... „Въ такіе цвѣтущіе годы“ у дочери-проститутки „много гостей, она нарядна, много зарабатываетъ, и бываетъ, что даже матери даетъ денегъ, помогая ей въ ея бѣдности.“ (Сабининъ, „Проституція“, стр. 89).

чалась во всѣ времена человѣческой исторіи, что существуетъ цѣлый контингентъ женщинъ, которыя только и жаждутъ того, какъ-бы попасть въ ряды проститутокъ. Это, по ихъ словамъ, — типъ „вырождающихся“, типъ „врожденныхъ преступницъ“, дополняющихъ ряды „преступныхъ типовъ“ среди мужчинъ. Опираясь на Ломброзо, проф. Тарновскій находитъ даже весьма „удобнымъ“ существованіе подобныхъ женщинъ: благодаря этимъ, отмѣченнымъ природой, со дня рожденія обреченнымъ на продажу своихъ ласкъ, женскимъ типамъ, мужчины могутъ въ должной мѣрѣ удовлетворять свои физіологическія потребности. И эту гипотезу будто-бы „вполнѣ“ подтверждаютъ анатомическія и патологическія особенности строенія черепныхъ костей, таза и т. д. у проститутокъ и преступниковъ. Но, что остается загадкой для почтенныхъ представителей буржуазной науки, это: Почему наибольшее число „преступныхъ типовъ“ находится среди женщинъ необезпеченныхъ слоевъ населенія, почему чаще всего проститутки вербуются изъ рабочаго класса и крестьянскаго сословія? *) Почему для Петербурга Эстляндская губернія дала проститутокъ больше, чѣмъ вся Финляндія, а отдаленная Витебская губер. и еще болѣе отдаленная Смоленская, съ ихъ бѣднымъ населеніемъ, съ ихъ вырубленными лѣсами и болотами, съ песчаной, каменистой почвой, почти негодной для земледѣлія, дали каждая порознь почти вдвое болѣе проститутокъ, чѣмъ сосѣдняя Выборгская губ.? **) Почему именно въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода встрѣчается такое изобиліе „прирожденныхъ проститутокъ“? Почему, наконецъ, „женская прислуга“ обнаруживаетъ такой огромный процентъ, физически - ненормальныхъ индивиду-

*) Проститутки изъ крестьянскаго сословія составляютъ для Петербурга 65%.

**) Елистратовъ, „Бѣдн. и прост.“, № 3 „Союза женщинъ“.

умовъ, процентъ необыкновенно большой въ сравненіи съ тѣмъ, который даютъ женщины въ другихъ слояхъ общества?

Если-бы истина была на сторонѣ Ломброзо, то женщины всѣхъ классовъ общества должны были-бы имѣть своихъ представительницъ въ проституціи въ такой-же примѣрно пропорціи, въ какой эти классы представлены въ женскомъ населеніи. Но, какъ мы видимъ, на самомъ дѣлѣ такой пропорціональности нѣтъ. Этимъ самымъ доказывается ошибочность теоріи Ломброзо и справедливость того взгляда, что „внѣшнія жизненныя условія предрасполагаютъ пролетаріатъ къ проституціи сильнѣе, чѣмъ матеріально-обезпеченный классъ". *) Можно-ли въ самомъ дѣлѣ серьезно оспаривать эти пристрастныя и лживыя утвержденія представителей классовой учености? Не опровергаетъ-ли сама жизнь на каждомъ шагу искусственно-сооруженныя гипотезы, имѣющія цѣлью внушить буржуазіи пріятное убѣжденіе, что „все обстоитъ благополучно", что „культурный мірокъ", съ которымъ она сжилась и сроднилась, попрежнему проченъ и незыблемъ. Такъ было—такъ будетъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о „врожденныхъ" типахъ проститутокъ, достаточно бросить хотя-бы бѣглый взглядъ на контингентъ женщинъ, вербуемыхъ развратомъ. Откуда берутся всѣ эти сотни тысячъ женщинъ, торгующихъ своимъ тѣломъ? Какой слой населенія поставляетъ наибольшую ихъ часть?

„Статистическія данныя",—писалъ еще Шашковъ,—„несомнѣнно доказываютъ, что всѣ почти безъ исключенія публичныя женщины происходятъ изъ класса рабочихъ или бѣдныхъ крестьянъ. Мы могли-бы завалить читателей десятками подобныхъ статистическихъ

*) Шашковъ—„Историч. судьбы женщины", стр. 509.

таблицъ, доказывающихъ этотъ въ высшей степени поучительный фактъ *).

Женская домашняя прислуга, продавщицы въ магазинахъ, ремесленницы, дочери хуже-оплачиваемыхъ рабочихъ, наконецъ, фабричныя работницы—таковъ живой матеріалъ, изъ котораго современная жизнь вылѣпливаетъ обладательницъ „желтаго билета".

„Особенно испытываютъ матеріальную нужду: личная прислуга, мастерицы, портнихи, бѣлошвейки, поденщицы, прачки и работницы на фабрикахъ и заводахъ. Ничтожный заработокъ при исполняемой работѣ не въ состояніи имъ обезпечить самыя первыя необходимыя потребности, кратковременный тѣлесный отдыхъ и дать хотя малое нравственное утѣшеніе; онѣ по необходимости дѣлаются рабынями труда и хозяевъ. Болѣзнь и непродолжительная потеря мѣста и работы оставляютъ ихъ безъ копейки денегъ и затѣмъ выставляютъ на улицу... И часто ничего не остается беззащитной, убитой горемъ и нуждою, неспособной къ новой работѣ женщинѣ, какъ вступить на путь разврата и въ немъ навсегда утратить человѣческій обликъ... благо на выручку всегда является мужчина съ его похотливыми вожделѣніями..." (Сабининъ—„Проституція", стр. 79).

Въ Германіи **) въ 1898 г. изъ 152 проститутокъ прежде были:

работницами, портних., продавщиц.	66 чел., т. е.	43,4%,
служанками	78 „ „ „	51,3%,
жили при родителяхъ	7	5,3%,
воспитательницами	1	

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ 30% зарегистрованныхъ проститутокъ принадлежали раньше къ домашней прислугѣ, 22% были кельнершами, 13%—фабричными ра-

*) Шашковъ—„Историч. судьбы женщины", стр. 509.
**) Д-ръ Блашко—„Проституція", стр. 20.

ботницами, остальные 35% распредѣлялись между остальными профессіями. *)

По русской статистикѣ 45,5% зарегистрированныхъ проституткъ находились ранѣе въ домашнемъ услуженіи, 8,4% были швеями и портнихами, 3%—фабричными работницами, 2,4% — чернорабочими и 6,4% не имѣли опредѣленныхъ занятій. **)

Въ Петербургѣ, по даннымъ д-ра Обозненко, изъ 5.189 проституткъ: 40,4% вышли изъ домовой прислуги, 12,2%—изъ портнихъ, 11%—изъ ремесленницъ и только 6%—изъ фабричныхъ работницъ. ***) Въ Италіи въ 1878 г. изъ 10.000 зарегистрованныхъ проституткъ 2.574 служили горничными. Вообще, статистика показываетъ, что наибольшее число проституткъ даетъ домашняя прислуга, прислуга ресторанная (кельнерши за-границей), затѣмъ ремесленницы; фабричныя-же работницы въ рядахъ открытыхъ проституткъ занимаютъ послѣднее мѣсто.

„И заграничныя, и русскія данныя“,—говоритъ проф. Елистратовъ,—„одинаково указываютъ на то, что тяжелая дань, выплачиваемая поднадзорной проституціи, подлежащей статистическому учету, домашнею прислугою, значительно выше, нежели жертвы, выбрасываемыя въ омутъ патентованнаго разврата фабричными работницами. Такъ, по даннымъ для всей Россіи, домашняя прислуга даетъ поднадзорныхъ проституткъ разъ *въ пять* больше, чѣмъ фабричныя работницы, по сравненію съ численностью этихъ обѣихъ профессій.“ ***)

Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ то время, какъ участіе домашней прислуги въ регистрированной проституціи все увеличивается, фабричныя работницы представ-

*) Hirsch, l. c., стр. 97.

**) Сабининъ—„Проституція“, стр. 80.

***) Сабининъ—„Проституція“, стр. 84.

****) Елистратовъ—„Бѣдность и проституція“, № 4 „Союза Женщинъ“. 1907 г.

ляютъ, повидимому, все менѣе и менѣе благопріятный матеріалъ для вербовки ихъ въ кадры „живого товара". По даннымъ д-ра Блашко, за 44 года число открытыхъ проститутокъ, выброшенныхъ изъ рядовъ промышленныхъ работницъ, понизилось въ Берлинѣ съ 71% до 43%. Это явленіе до извѣстной степени объясняется тѣмъ, что, по сравненію съ положеніемъ и условіями труда на фабрикахъ 50 лѣтъ тому назадъ, абсолютный уровень матеріальнаго благосостоянія рабочихъ и работницъ повысился и что, конечно, такое повышеніе не можетъ благопріятствовать отвлеченію женскаго элемента въ кадры проститутокъ. Къ тому-же, интеллектуальный и моральный уровень фабричныхъ работницъ, вовлеченныхъ въ широкое русло классоваго движенія, съ его возвышающими и ободряющими перспективами, несомнѣнно, оказываетъ вліяніе и на моральный обликъ фабричныхъ работницъ. Если даже „черная нужда" и выгонитъ фабричную работницу на улицу, и заставитъ расплачиваться тѣломъ за кусокъ хлѣба, въ работницѣ этой все-же сохранится большая сила сопротивленія мутной житейской волнѣ, чѣмъ у изолированной, лишенной бодрящаго сознанія товарищеской общности и солидарности, домашней прислуги.

Однако, самый фактъ малаго процента вербуемыхъ среди фабричныхъ работницъ открытыхъ проститутокъ не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать. Нельзя забывать, что промышленная работница, оставаясь у своего станка, слишкомъ часто принуждена бываетъ пополнять свой черезчуръ низкій заработокъ временной или случайной продажей своего тѣла своимъ-же „товарищамъ" въ общей борьбѣ, своимъ-же союзникамъ по сооруженію лучшаго будущаго... Часто только такимъ путемъ и удается работницѣ покрыть кричащій дефицитъ ея бюджета. Вся разница между положеніемъ прислуги и работницы та, что у работницы проституція играетъ роль „подсобнаго промысла", тогда какъ у служанокъ

она становится превалирующей профессіей. Правда, по мѣрѣ того, какъ упорная борьба рабочаго класса повышаетъ экономическое его положеніе, для женщинъ-работницъ сокращается необходимость прибѣгать къ „подсобному заработку"; однако, нельзя обольщать себя иллюзіей, будто привлеченіе женщинъ къ современному крупно-капиталистическому эксплуатаціонному производству спасаетъ отъ необходиимости сворачивать на торный путь. Напротивъ, слишкомъ часто участіе женщинъ въ промышленности является причиной ихъ нравственнаго паденія. Оставимъ даже въ сторонѣ чисто-экономическія причины, заставляющія фабричную работницу торговать своимъ тѣломъ. Развѣ мало видимъ мы примѣровъ, какъ предприниматели, хозяева, директора промышленныхъ заведеній устраиваютъ себѣ гаремы изъ своихъ работницъ? А мастера и надсмотрщики? Развѣ рѣдки случаи, когда дѣвушку или женщину преслѣдуютъ, штрафуютъ, разсчитываютъ за то только, что она отказалась быть „уступчивой" и подчиниться капризу мастера... „У многихъ фабрикантовъ"— сообщаетъ г-жа Добіе, говоря о Франціи,—„вошло въ обычай не давать дѣвушкамъ работы, не лишивъ ихъ предварительно невинности. Законъ и администрація смотрятъ на это сквозь пальцы." Таковы обычаи въ промышленномъ мірѣ!...

Профессіи, хуже всего оплачиваемыя, ставящія женщину въ наибольшую зависимость отъ покупщика ея рабочей силы, даютъ и наибольшій контингентъ проститутокъ.

Нужно-ли еще послѣ этого доказывать, что врожденность не играетъ здѣсь никакой роли, что причины паденія женщины всецѣло кроются въ ея экономическомъ положеніи? По свѣдѣніямъ д-ра Обозненко, изъ числа проститутокъ, значившихся въ спискахъ Калинкинской больницы въ Петербургѣ, 70% были ранѣе рабынями тяжелаго, наемнаго труда, деспотизма

хозяевъ и постоянной нужды. По сообщенію А. Ф. Кони, 83% проститутокъ передъ паденіемъ не имѣли никакихъ средствъ къ жизни.

Д-ръ Комменжъ, изслѣдователь проституціи во Франціи, человѣкъ вполнѣ преданный интересамъ своего класса, констатируетъ, что недостаточный заработокъ и бѣдность являются наиболѣе частыми побудительными причинами проституціи.

Другой авторъ, Шашковъ, столь-же мало повинный въ приверженности къ матеріалистическому пониманію исторіи, также однако утверждаетъ, что „главная, почти единственная причина европейской проституціи заключается въ ужасной бѣдности массъ. Передъ нами болѣе двадцати ученыхъ монографій о промыслѣ разврата, и почти всѣ авторы ихъ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что законная мать проституціи — бѣдность. Уже одно такое единство мнѣній, не встрѣчающееся въ рѣшеніи другихъ соціальныхъ вопросовъ, свидѣтельствуетъ о несомнѣнной достовѣрности факта.“

Надо-ли еще подтверждать это положеніе словами другихъ авторитетовъ? Надо-ли еще и еще доказывать истинность высказываемыхъ мыслей? Не достаточно-ли вспомнить, въ какихъ ужасныхъ матеріальныхъ условіяхъ принуждены жить женщины рабочаго класса? Не касаясь вредной для здоровья и физически-мучительной обстановки труда, не останавливаясь на укладѣ домашней жизни, на устройствѣ и жилища работницъ*),

*) По имѣющемуся у насъ подъ руками берлинскому обслѣдованію оказывается, что цѣлая треть охваченныхъ анкетой проститутокъ ютится въ углахъ, а около 6% и совсѣмъ не имѣютъ *никакого* пристанища. Въ частности, еще болѣе краснорѣчивы данныя о жилищахъ дѣвицъ до 20 лѣтъ: собственною квартирою обладаютъ лишь какія-нибудь $3^1/_2$%; 40% пользуются только „угломъ“ для сна, а $9^1/_2$% не имѣетъ даже и такого угла. („Бѣдность и прост.“, проф. Елистратова). Мрачную картину жилищныхъ условій работницъ, продавщицъ, кельнершъ даетъ въ своемъ трудѣ „Рабочій трудъ на Западѣ“ проф. Херкнеръ.

замѣтимъ, что самъ по себѣ уровень заработной платы работницы служитъ уже достаточнымъ стимуломъ, чтобы толкать женщину въ раскрытыя объятія разврата и снабжать рынокъ живого женскаго тѣла неослабѣвающимъ притокомъ „свѣжихъ силъ“. „Число проститутокъ“—справедливо утверждаетъ Бебель—„растетъ въ той-же мѣрѣ, въ какой растетъ число женщинъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ качествѣ работницъ, получающихъ заработную плату—слишкомъ высокую, чтобы умереть, и слишкомъ низкую, чтобы жить. Усиленію проституціи способствуютъ промышленные кризисы, сдѣлавшіеся необходимыми въ буржуазномъ мірѣ и несущіе нищету и нужду сотнямъ тысячъ семействъ.“ *) Что промышленные кризисы всегда благопріятствуютъ росту проституціи, это—фактъ, не подлежащій оспариванію. Въ Англіи въ 1865 году, во время хлопчатобумажнаго кризиса, число молодыхъ проститутокъ, вербовавшихся изъ арміи безработныхъ, въ одинъ годъ увеличилось больше, чѣмъ за всѣ предыдущія 25 лѣтъ. Такую-же картину встрѣчаемъ и повсемѣстно. Привлеченіе женщины въ ряды продавцевъ рабочей силы—вотъ источникъ, породившій колоссальный ростъ и развитіе торговли женскимъ тѣломъ. И, чѣмъ хуже оплачивается профессіональный трудъ женщины, чѣмъ раньше вовлекается она въ жестокую борьбу за свое существованіе, тѣмъ скорѣе и неизбѣжнѣе ждетъ ее торная дорожка...

Трудъ домашнихъ рабынь оплачивается особенно низко; и именно эта профессія выбрасываетъ на проституціонный рынокъ наибольшее количество женскаго тѣла. **) У насъ въ провинціи мѣсячный заработокъ

*) А. Бебель, „Женщ. и соц.“, стр. 170

**) „Какое вліяніе имѣетъ скудное жалованье служанокъ“—говоритъ по поводу „искушеній“ прислуги д-ръ Блашко—„видно изъ того, что по статистическимъ даннымъ, собраннымъ Берендтомъ, изъ 78 служанокъ—38, т. е. почти половина получали по 120 мар. (менѣе 60 р.) въ годъ“. (Блашко, „Проституція“, стр. 22).

служанокъ колеблется отъ 3 до 8 руб., что составляетъ въ годъ 36 р.—96 р. Этими деньгами служанка должна покрывать всѣ свои личныя потребности и не только на нихъ одѣваться (причемъ отъ нея зачастую требуютъ, чтобы одежда была „приличная"), но нерѣдко даже покупать и свое „горячее", т. е. чай и сахаръ; изъ этихъ денегъ она зачастую должна помогать роднымъ, а если у нея есть ребенокъ, то и отсылать плату за его содержаніе; послѣдняя-же сплошь и рядомъ превышаетъ и весь-то ея скромный заработокъ. Какъ-же быть въ такомъ случаѣ? Какъ не польститься на болѣе „легкое" житье? Оно, по крайней мѣрѣ, гарантируетъ отъ постоянныхъ, тяжелыхъ по своей повторности, лишеній? Малѣйшая случайность, невѣрный шагъ, и не успѣла дѣвушка опомниться, какъ она уже числится въ рядахъ „отверженныхъ..."

За прислугой слѣдуютъ мелкія ремесленницы. Трудно сказать, кто поставленъ въ худшія условія—бѣлошвейки или портнихи? Въ Германіи предприниматели-посредники доводятъ эксплуатацію труда портнихъ до такой степени, что даже наиболѣе-ловкая работница не въ состояніи выработать въ недѣлю болѣе 8—9 марокъ (3 р. 70 к.—4 р.), а менѣе опытная и того меньше — 4—5 мар. Къ тому-же, изготовленіе одежды относится къ такимъ промысламъ, гдѣ работа по преимуществу «сезонная»; другими словами, работница бываетъ занята всего какихъ-нибудь 4 — 5 мѣсяцевъ въ году. Можно-ли удивляться послѣ того, что проституція именно среди этой категоріи промышленныхъ работницъ легче всего вербуетъ своихъ рекрутовъ? Горькая, безысходная нужда, полная зависимость отъ хозяина и посредника, изнурительно-долгій день, отсутствіе моральной и матеріальной поддержки вынуждаютъ ремесленницу искать пропитанія въ профессіи, къ которой она съ самаго начала относится съ презрѣніемъ и отвращеніемъ? А вѣдь во всѣхъ странахъ именно этой отраслью промышленности

(изготовленіемъ одежды) занято-особенно много женскихъ трудовыхъ силъ.

Во Франціи заработокъ ремесленницъ колеблется, по Гоннару, между 1 фр. 60 сант. и 4 фр. 10 сант. въ день; между тѣмъ, минимальныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при заработкѣ въ 2 фр. 75 сант., и то при отсутствіи какихъ-бы то ни было экстренныхъ непредвидѣнныхъ расходовъ, вродѣ вызываемыхъ болѣзнью, безработицей, временнымъ сезоннымъ затишьемъ и т. п.; точно также въ эту сумму не входитъ и поддержка престарѣлыхъ родителей или братьевъ и сестеръ. *)

Что сказать про нашихъ русскихъ ремесленницъ? Достаточно посмотрѣть на условія ихъ жизни и работы, чтобы вмѣстѣ съ проф. Херкнеромъ изумиться тому, откуда вообще берется у женщинъ рабочаго класса такой запасъ мужества, чтобы противостоять искушеніямъ жизни? Темныя, загрязненныя, тѣсныя, сырыя квартиры съ гробовымъ запасомъ воздуха на человѣка, съ несмолкаемымъ шумомъ бранящихся сосѣдей, плачемъ дѣтей, окриками старшихъ, утомительное до болѣзненности сидѣнье въ согнутомъ положеніи за иглой, скудная, часто несвѣжая пища, тревожныя ночи на жесткой, тѣсной нарѣ „на двоихъ“ — такова обычная картина существованія ремесленницъ...

---

*) „Публицистъ Шарль Бенуа обслѣдовалъ рядъ конкретныхъ бюджетовъ парижскихъ работницъ иглы. Оказалось, что, при всей экономіи расходныхъ статей, эти бюджеты обычно заключались болѣе или менѣе крупнымъ дефицитомъ; а если удавалось сводить концы съ концами, то лишь съ такими лишеніями, какъ отказъ отъ отопленія, перенесеніе центра тяжести питанія на картофель, постояннымъ недоѣданіемъ и т. д. Въ періодъ-же мертваго сезона, систематически-прерывающаго профессіональную работу несчастныхъ труженицъ иглы на цѣлые мѣсяцы, равновѣсіе бюджета, если и мыслимо, то развѣ только при жизни, граничащей съ настоящимъ голоданіемъ.“ („Союзъ женщ.“, № 4, 1907 г., стр. 4).

Въ Петербургѣ швеи, работающія въ мастерскихъ, получаютъ отъ 8 до 30 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, безъ квартиры, причемъ заработокъ этотъ распредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Гарнировщицы и закройщицы получ. въ мѣс.	25—30 р. и болѣе
Корсажницы	15—20 „
Рукавницы	10—15 „
Юбочницы менѣе искусныя	8—15 „
„ болѣе искусныя	15—20 „

Болѣе высокій заработокъ закройщицъ и юбочницъ объясняется тѣмъ, что эта категорія труда—наиболѣе квалифицированная въ портняжномъ ремеслѣ и что лишь очень небольшое количество ремесленницъ въ состояніи имъ заниматься: закройщицъ, юбочницъ и гарнировщицъ требуютъ только самыя крупныя мастерскія; въ среднихъ и мелкихъ этимъ дѣломъ вѣдаетъ обыкновенно сама „хозяйка“. Такимъ образомъ, заработокъ большинства ремесленницъ-портнихъ не превышаетъ 20 руб. Если вспомнить, что изъ этой суммы долженъ быть покрытъ расходъ на квартиру и одежду, особенно—теплую, безъ которой невозможно обойтись въ Петербургѣ, что хозяйскіе харчи зачастую являются недостаточными или неудовлетворительными и вызываютъ необходимость пополнять и эту статью расходовъ изъ своего кармана, то можно-ли послѣ этого удивляться частымъ случаямъ „паденія“ ремесленницъ?

Не лучше, если не хуже, обставленъ трудъ бѣлошвеекъ: закройщица въ мастерской получаетъ отъ 12 до 20 руб. на всемъ готовомъ, лишь особенно-искуснымъ удается заработать до 25—30 р. въ мѣсяцъ. Мѣтельщицы получаютъ 10—13 р. въ мѣсяцъ при хозяйскомъ пропитаніи и квартирѣ, поденно-же 70 к. Особенно плохо оплачивается трудъ бѣлошвеекъ и швей, работающихъ не въ мастерской, а у себя на дому, на магазины готоваго бѣлья и платья. За дюжину дамскихъ рубашекъ, со всевозможными ухищреніями, склад-

ками да прошивками, магазинъ платитъ отъ 80 к. до 4 руб., между тѣмъ какъ на подобную дюжину приходится потратить по меньшей мѣрѣ 6—7 дней. Дюжина панталонъ, требующая тѣхъ-же 6-ти дней работы, оплачивается магазинами отъ 1 р. 80 к. до 3 руб.; за дюжину юбокъ или шелковыхъ блузъ, занимающихъ, по меньшей мѣрѣ, 12 дней работы, платится по 6 руб. Заработная плата корсажницы на хозяйскихъ харчахъ безъ квартиры—8 р. въ мѣсяцъ; лишь искусныя въ состояніи выработать 15—17 руб. Даже закройщицы въ корсетныхъ и бандажныхъ мастерскихъ заработываютъ не болѣе 25 руб. въ мѣсяцъ.

Въ магазинахъ дамскихъ шляпъ лишь самыя умѣлыя въ состояніи заработать 30 руб. въ мѣсяцъ; простая-же работница получаетъ всего 10 руб. Очень невеликъ контингентъ особенно-выдающихся по своему умѣнію гарнировщицъ, которыя зарабатываютъ по 60 р. въ мѣсяцъ, но за то эти-то, обременительныя для магазина, работницы во время мертваго сезона всего чаще и выбрасываются изъ мастерской.

Цвѣточница при своей квартирѣ получаетъ отъ 8 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Папиросница, работающая у себя на дому, зарабатываетъ отъ 10 до 20 руб. на всемъ своемъ. Чулочница вырабатываетъ отъ 8 до 15 руб; большинство получаетъ 12 руб. и лишь особенно искусныя въ состояніи поднять свой заработокъ до 30 руб. Заработная плата перчаточницъ даже въ большихъ магазинахъ не превышаетъ 8—10 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Работая на дому у себя, особенно-искусная перчаточница въ состояніи сработать до 10 паръ въ день и заработать 1 руб. въ сутки; но такихъ немного, и потому въ дѣйствительности заработокъ перчаточницъ значительно ниже *). Басонщицы вырабатываютъ на своихъ харчахъ и квар-

*) „Женскій календарь“ за 1903 г., стр. 483 и слѣд.

тирѣ отъ 4 до 18 руб. Легко себѣ представить условія жизни женщины, зарабатывающей въ Петербургѣ въ мѣсяцъ 4 руб. Прачки въ прачешныхъ заведеніяхъ получатъ 12—18 руб. на своихъ харчахъ и 6 руб. на хозяйскихъ; при поденной работѣ обычный мѣсячный заработокъ достигаетъ 6 руб.

Если положеніе ремесленницъ поражаетъ своей необезпеченностью, то условія труда фабричныхъ работницъ у насъ, въ Россіи, немногимъ лучше. Въ Западной Европѣ и Америкѣ фабричная работница не только получаетъ болѣе высокую заработную плату, но и пользуется преимуществомъ болѣе постояннаго заработка. У насъ и этого нельзя сказать, особенно въ послѣдніе годы тяжелаго, затяжного промышленнаго кризиса съ его массовыми разсчетами и непрерывнымъ сокращеніемъ производства въ той или другой отрасли труда.

Въ текстильномъ производствѣ въ Петербургѣ, занимающемъ въ особенномъ изобиліи женскія трудовыя силы, работница выручаетъ въ день отъ 55 до 1 р. 20 к.; ватерщицы,—наиболѣе распространенная категорія текстильщицъ,—преимущественно получаютъ 80—85 коп. въ день, т. е., за вычетомъ воскресныхъ дней, около 20 р. въ мѣсяцъ *). Въ табачномъ производствѣ, въ которомъ

*) Во время печатанія книги мнѣ пришлось установить, что въ текстильномъ производствѣ существуетъ не малый контингентъ работницъ, годовой заработокъ которыхъ не достигаетъ и 150 р. (ок. 12 р. въ мѣсяцъ). Возможно-ли просуществовать на такія средства? Возьмемъ, для примѣра, приблизительный бюджетъ сравнительно высоко-оплачиваемой ткачихи, получающей въ мѣсяцъ около 22 р. (270 р. въ годъ). За уголъ безъ стирки и варки пищи ей приходится платить 3—$3^{1}/_{2}$ р. въ мѣсяцъ; на ѣду, весьма скромную, — по преимуществу хлѣбъ, колбаса, селедка, чай, горячая пища—въ видѣ исключенія,—тратится ею—10—12 р. въ мѣсяцъ; одежда, бѣлье, обувь—поглощаютъ въ среднемъ 3—4 р. въ мѣсяцъ; между тѣмъ остаются еще такія необходи-

женщины составляютъ, по подсчету рабочихъ профессіональныхъ органовъ, приблизительно 4/5 всего рабочаго персонала, работница при 10—10½ час. рабочемъ днѣ вырабатываетъ отъ 40 до 90 к., но наиболѣе распространенная плата 40—45 к. въ день или 10—14 руб. въ мѣсяцъ. Изъ этой суммы не исключены многочисленные и весьма обременительные для кармана работницы штрафы за прогульные дни, за опозданіе (по 25 к. за каждые 10 мин.). *) На конфектныхъ фабрикахъ работница при 12 час. рабочемъ днѣ получаетъ 45—50 к.,

---

мыя статьи расхода, какъ расходъ на баню, стирку бѣлья (около 70 к. въ недѣлю), освѣщеніе, почту и т. п. Чтобы удовлетворить самыя элементарныя культурныя потребности—купить газету, книгу, сдѣлать свой взносъ въ профессіональную кассу или позволить себѣ самое скромное развлеченіе—приходится отказывать себѣ въ необходимомъ, урѣзывать себѣ въ питаніи, выгадывать на одеждѣ (скупая истлѣвшія, часто зараженныя вещи у старьевщиковъ), лишая себя освѣщенія по вечерамъ и т. п. Если одинокая и притомъ относительно „высоко“ оплачиваемая работница съ трудомъ сводитъ концы съ концами, то что сказать о тѣхъ женщинахъ, которыя зарабатываютъ 9—12 р. въ мѣсяцъ, особенно, если у нихъ на рукахъ престарѣлая мать, братишка, сестричка, „незаконный“ ребенокъ...

*) „При этомъ ни болѣзнь, ни серьезныя семейныя обстоятельства, послужившія причиной опозданія или неявки, въ разсчетъ не принимаются. На одной изъ петербургскихъ фабрикъ въ лѣтнее время работницы, отдавшія на день дѣтей въ ясли, просили отпускать ихъ на 10 минутъ раньше, чтобы имѣть возможность въ установленный часъ брать дѣтей домой. Но приказчикъ не нашелъ эту причину уважительной. И женщины принуждены были подвергаться ежедневному штрафу съ рискомъ потерять работу или же оставлять дѣтей дома на произволъ судьбы. Фабричная администрація не считается съ индивидуальными условіями жизни рабочаго: вѣдь посредствомъ этихъ штрафовъ она возвращаетъ себѣ часть издержекъ производства, ибо общая сумма штрафовъ составляетъ нерѣдко порядочную часть заработной платы“. („Женск. вопр. и проф. союзы“, ст. С. Д., „Союзъ Женщинъ“, № 4, 1907 г., стр. 9).

а въ горячую предпраздничную работу, длящуюся до 11 час. ночи, ей прибавляются всего 25 к. *).

Писчебумажное производство также занимаетъ значительное число женщинъ. На фабрикахъ между Бѣлоостровомъ и селомъ Александровскимъ въ сортировочномъ отдѣленіи, хуже всего обставленномъ въ гигіеническомъ отношеніи, работаютъ исключительно женщины, зарабатывающія при 15-ти-часовомъ рабочемъ днѣ 30—60 к. въ день. Въ воздухѣ мастерскихъ стоитъ пыль столбомъ, на потолкахъ, стѣнахъ, окнахъ можно пыль сгребать лопатой; рабочіе страдаютъ разстройствомъ зрѣнія, у большинства задѣты легкія... За заставами въ Петербургѣ наиболѣе-распространенный мѣсячный заработокъ женщины, занятой въ болѣе мелкихъ предпріятіяхъ, не превышаетъ 8—12 руб. Если принять во вниманіе, что за самое скромное помѣщеніе,—„1/2 койки“,—приходится платить въ мѣсяцъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р., что черный хлѣбъ стоитъ не менѣе 2 1/2 к. фунтъ, что второй сортъ мяса обходится по 17—18 к. за фунтъ, что на эти-же 8—12 руб. работницѣ нужно обуться и одѣться, а зачастую поддерживать и цѣлую семью, — безработнаго мужа, дѣтей, престарѣлыхъ родителей, — то станетъ вполнѣ очевидно, что безъ „подсобнаго заработка“, въ видѣ тайной проституціи, ей не просуществовать.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричными инспекторами за 1900—1901 г., работница получаетъ 12 руб. въ мѣсяцъ, рабочій-же—20 руб. Случается, впрочемъ, что заработокъ работницы въ провинціи понижается до невѣроятнаго уровня. **) Такъ, кіевскій окружный ин-

*) „Женскій календарь“, 1903 г. Цѣлая категорія работницъ въ конфектномъ производствѣ при поштучной работѣ зарабатываетъ 9—12 руб. въ мѣсяцъ; 15-рублевый заработокъ считается уже „хорошимъ“.

**) О заработкѣ кустарихъ и говорить нечего: рогожницы едва зарабатываютъ 5 руб. въ мѣсяцъ. Есть промыслы, гдѣ обычный заработокъ не превышаетъ 9—10 коп. въ день.

спекторъ сообщаетъ, что на одной гильзовой фабрикѣ въ Уманѣ женщины и подростки зарабатывали 2—4 р. въ мѣсяцъ, а на табачной фабрикѣ въ Житомірѣ— около 2 р. 50 к., и только у немногихъ табачницъ мѣсячный заработокъ достигалъ 9 руб. *)

Въ сахароваренномъ производствѣ, также занимающемъ изрядное количество женщинъ, заработная плата работницъ колеблется между 4 и 15 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ и между 3 и 12 р. на заводскомъ содержаніи. Есть крупныя текстильныя мануфактуры въ Москвѣ, гдѣ женщина получаетъ всего 6 — 8 р. въ мѣсяцъ. „На что намъ жить, — говорятъ работницы, — когда одни харчи становятся по 3—8 р. въ мѣсяцъ, да за квартиру одиночка отдаетъ 3 — 4 р., семейная-же и всѣ 6 — 8 р.; не только ничего не остается, но еще и не хватаетъ. Поневолѣ приходится подработывать."

На 149 предпріятіяхъ Тверской губ., занимавшихъ свыше 25 тыс. рабочихъ, въ 1898 г. средній заработокъ женщинъ равнялся 138 р. въ годъ безъ стола и квартиры. Несовершеннолѣтнія работницы получали еще меньше—въ среднемъ около 9 р. въ мѣсяцъ, дѣвочки до 15 лѣтъ—3 р. 75 к. въ мѣсяцъ.

Еще печальнѣе положеніе рудниковыхъ работницъ: за 12-ти-часовой рабочій день несовершеннолѣтнія сортировщицы угля получаютъ максимумъ 30 к. въ день. На Уралѣ даже взрослыя женщины выработываютъ въ день только 25—45 к., конная-же поденщица получаетъ не свыше 80 коп. Есть мѣста въ Пермской губ., гдѣ дневной заработокъ взрослой рудниковой работницы не превосходитъ 20 к. **)

Нужны-ли еще коментаріи къ этимъ даннымъ? Не достаточно-ли краснорѣчиво свидѣтельствуютъ они о

*) Пажитновъ. — „Положеніе рабочаго класса въ Россіи", стр. 149 и др.

**) „Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочихъ".

томъ, что основнымъ импульсомъ, толкающимъ женщину-работницу на скользкій путь „легкой наживы“, является ея полная экономическая необезпеченность?

Сердце холодѣетъ, когда знакомишься съ мрачными картинами жизни проститутокъ... Какихъ только ужасовъ не случается ей перевидѣть! какихъ страданій не приходится переиспытать! Горе, униженіе, побои, презрѣніе общества, болѣзнь, нищета и одинокая смерть... Казалось-бы, женщина, которой хоть мелькомъ привелось заглянуть въ этотъ адъ, должна была-бы безъ оглядки бѣжать отъ этой мрачной бездны. Но развѣ-же лучше жизнь ремесленницы, прислуги и даже фабричной работницы, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ трудъ, даже въ крупномъ производствѣ, обставленъ отвратительно? Развѣ имъ—этимъ сотнямъ тысячъ пролетарокъ, продающихъ капиталу свою рабочую силу, живется лучше, свѣтлѣе, привольнѣе? Загляните въ эти мрачные подвалы, въ эти темные углы съ „койками на двухъ“, гдѣ ютится большинство женщинъ рабочаго класса, подышите хоть разъ тѣмъ спертымъ, удушливымъ, насыщеннымъ всякими испареніями и нечистотами, воздухомъ, которымъ у себя „на-дому“ приходится дышать работницѣ, пробуйте хоть одинъ день питаться той скудной, нездоровой, несвѣжей пищей, которой утоляютъ голодъ женщины рабочаго класса,—и вы поймете, что этотъ адъ „честнаго заработка“ стоитъ другого ада,—ада проституціи...

Презрѣніе общества? Но, Боже мой! Много-ли „уваженія“ къ себѣ видятъ, оставаясь „честными“, всѣ эти швеи, папиросницы, табачницы, ткачихи, что съ утра до поздней ночи маются на работѣ, чтобы, послѣ полубезсонной ночи на узкой койкѣ, въ тѣсномъ, переполненномъ жильцами помѣщеніи, завтра снова начать ту же каторжную жизнь?! И такъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ, до самой смерти!.. Не лучше-ли хоть нѣсколько лѣтъ, хоть годъ одинъ прожить въ празд-

ности, въ сытости, непритязательномъ веселіи?! „Хоть день—да мой!“ Сколько надо мужества, сколько нравственной стойкости и уже развитаго самосознанія, чтобы предпочесть „честный заработокъ“ со всѣмъ его адомъ—безчестному, но по крайней мѣрѣ „сытому“!...

Лицемѣрно-двойственное отношеніе къ проституціи является характернымъ для буржуазіи и оттѣняетъ ея классовую позицію и въ этомъ, казалось бы, общечеловѣческомъ вопросѣ. Въ самомъ дѣлѣ, проституція, этотъ неизбѣжный придатокъ современнаго классоваго общества, этотъ коррективъ къ отживающей принудительной формѣ теперешней семьи, всей тяжестью ложится на неимущіе классы. Здѣсь, въ темныхъ и затхлыхъ подвалахъ, пускаетъ она свои гибельные ростки; свои ядовитые когти вонзаетъ она всего чаще въ тѣло пролетарія и, хотя своимъ смраднымъ дыханіемъ отравляетъ всю общественную атмосферу, но бичемъ является по преимуществу для рабочаго класса. Вотъ, почему буржуазія и не спѣшитъ бить тревогу: если-бы главный контингентъ продажныхъ женщинъ поставлялъ классъ имущихъ, отношеніе ея къ этому вопросу, надо полагать, было-бы инымъ...

Разгадку двусмысленнаго поведенія правительствъ всѣхъ странъ по отношенію къ проституціи приходится искать именно въ классовой точкѣ зрѣнія, насквозь пропитывающей и этотъ соціальный вопросъ. Осуждаемая религіей, преслѣдуемая обществомъ и даже закономъ, проституція тѣмъ не менѣе не только терпится, но и нормируется государствомъ. Признанная необходимой для удовлетворенія естественной половой потребности мужчины, проституція со времени образованія классоваго общества въ той или иной формѣ служитъ „громоотводомъ разврата“, гарантіею семейныхъ началъ и охраною чистоты „честныхъ“ буржуазокъ.

Мы не говоримъ уже о проституціи древняго, до-христіанскаго міра. Но, даже начиная со среднихъ вѣковъ, правительствами и магистратами съ одной стороны — „терпѣлись“ всѣ эти „бордели“, „женскіе дома“, „дома дѣвицъ“ и т. п. *), а съ другой —издавался цѣлый рядъ безчеловѣчно-жестокихъ законовъ и постановленій, подвергавшихъ проститутку всякимъ униженіямъ, истязаніямъ и поруганію **). Короли пользовались услугами проституткъ, причисляли ихъ къ своему двору и назначали особыхъ чиновниковъ для управленія ими, и это не мѣшало имъ въ то-же время преслѣдовать и истязать, всячески унижать женщинъ занимающихся проституціей,

*) Разрѣшеніе открывать бордели послѣдовало въ Лондонѣ—въ 1180 г., въ Гамбургѣ—въ 1292 г., въ Регенсбургѣ—въ 1306 г. въ Цюрихѣ — въ 1314 г., въ Базелѣ — въ 1356 г., въ Вѣнѣ—въ 1384 г., вь Ульмѣ—въ 1440 г. Особаго расцвѣта бордели достигли въ XV столѣтіи; въ это время они получили названіе „домовъ терпимости“ (Сабининъ, „Проституція“, стр. 39).

**) Проститутки почти вездѣ подвергаются истязанію и безчеловѣчнымъ наказаніямъ: обрѣзанію волосъ, носовъ, ушей, заклейменію, наказанію розгами и кнутами, тюремному заключенію, ссылкѣ. Во многихъ мѣстахъ онѣ находились въ вѣдѣніи палача и не имѣли права переступать предѣлы своего квартала. (Сабининъ, „Проституція“, стр. 56).

Въ Германіи дѣвушку, обличенную въ развратѣ, сѣкли публично розгами, съ барабаннымъ боемъ проводили по улицамъ города и изгоняли изъ него навсегда, не понимая, что, лишивъ ее куска хлѣба и пристанища, вынуждаютъ ее навсегда отдаться промыслу развратомъ. Во Франціи такихъ женщинъ штрафовали деньгами, сажали въ тюрьму, бичевали, изгоняли, и администрація дѣйствовала при этомъ съ самымъ возмутительнымъ произволомъ. Проститутокъ сажали здѣсь на деревянную лошадь, нещадно дули кнутомъ и затѣмъ при колокольномъ звонѣ изгоняли изъ города; если онѣ возвращались, то, отрубивъ имъ одну руку, ихъ изгоняли снова. Иногда ихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, или, привязавъ къ хвосту дикой лошади, угоняли ихъ въ поле. Сплошь и рядомъ всѣ эти варварскія жестокости творились ради забавы или изъ желанія ограбить публичные дома и поживиться отъ проститутокъ зажиточныхъ (Шашковъ, „Историч. судьбы женщины“, стр. 500).

а под-часъ и умерщвлять ихъ цѣлыми сотнями, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, въ минуты лицемѣрнаго раскаянія *). Буржуазія и духовенство, широко пользовавшіяся услугами проституціи и тайно ее поддерживавшія, открыто бичевали ее и преслѣдовали. Народъ, видя въ ней яркое и до ужаса оголенное выраженіе своего собственнаго безправія, ненавидѣлъ ее всѣми силами своей импульсивной души и всячески старался уничтожить, сжить со свѣту, осыпая бранью, каменьями, разрушая дома терпимости, терзая и убивая отдѣльныхъ несчастныхъ жертвъ „позорнаго промысла". Но сколько народъ ни боролся съ продажей женскаго тѣла, классовое общество, порождавшее необходимость продажи рабочей силы, неустанно создавало все новыя и новыя жертвы „общественнаго темперамента".

Современное общество недалеко ушло отъ средневѣковой жестокости, замѣнивъ открытое истязаніе и періодическое избіеніе проститутокъ строго установленнымъ законодательными регламентами моральнымъ избіеніемъ проститутокъ. Въ эпоху консульства „третье сословіе", съ присущимъ ему „раціонализмомъ" и приверженностью къ законодательной охранѣ своихъ интересовъ, впервые провозгласило принципъ государственной регламентаціи проституціи. Въ 1800 г. во Франціи установленъ былъ врачебно-полицейскій надзоръ, а въ 1802 г. впервые выданъ „желтый билетъ".

*) Иногда публичныя женщины гибли цѣлыми сотнями заразъ. Такъ, при Генрихѣ III маршалъ Строцци „распорядился бросить въ рѣку Луару 800 публичныхъ дѣвушекъ, слѣдовавшихъ за его лагеремъ". Въ 1560 г., подъ вліяніемъ протестантскаго ригоризма, въ Парижѣ былъ предпринятъ крестовый походъ на проституцію; полиція, вмѣстѣ съ чернью, разрушала публичные дома, конфисковала найденныя въ нихъ имущества, изгоняла проститутокъ изъ города, бичевала ихъ, клеймила, словомъ, употребляла всевозможныя жестокости, чтобы стереть ихъ съ лица парижской земли. (Шашковъ, „Историч. судьбы женщины", стр. 500).

Проституція, до тѣхъ поръ лишь терпѣвшаяся государствомъ, сдѣлалась явленіемъ узаконеннымъ, признаннымъ властями. И, тѣмъ не менѣе, привычное лицемѣріе не позволяетъ открыто признать банкротство отжившихъ семейныхъ формъ и неизбѣжный ростъ проституціи на почвѣ капиталистическихъ отношеній. Все русское законодательство о „позорномъ промыслѣ“ пропитано этимъ лицемѣрнымъ духомъ. Въ интересахъ сохраненія буржуазной семьи, питомницы наслѣдниковъ капитала, торговля женскимъ тѣломъ поощряется, но, съ точки зрѣнія „оффиціальной нравственности“, она осуждается строго и безъ снисхожденія; а чтобы въ собственныхъ глазахъ сохранить престижъ „высокой нравственной чистоты“, буржуазное общество спѣшитъ вымещать на проституткахъ оскорбленіе своей показной добродѣтели, всячески отравляя и безъ того несладкую жизнь этихъ несчастныхъ «жрицъ порока» *).

*) Спеціальные регламенты опредѣляютъ рѣшительно всю жизнь поднадзорной женщины и дѣлаютъ ея существованіе немногимъ менѣе тягостнымъ, чѣмъ тюремное заключеніе закоренѣлыхъ злодѣевъ. Вотъ примѣръ берлинскаго регламента для поднадзорныхъ проститутокъ:

„Женщина, промышляющая своимъ тѣломъ и находящаяся по причинѣ этого подъ надзоромъ полиціи, должна соблюдать слѣдующія постановленія:

1. Она должна подвергаться медицинскому осмотру и являться для этой цѣли чрезъ извѣстные промежутки въ полицію.

2. Заболѣвъ одной изъ специфическихъ болѣзней или какой-либо другой, она должна предоставить помѣстить себя въ указанный полиціей госпиталь и оставаться тамъ впредь до излеченія.

3. Она должна носить одежду простую и приличную.

5. Запрещается ей: проходить по нѣкоторымъ улицамъ (указываемымъ спеціально полиціей), стоять вблизи церквей, школъ, университетовъ, общественныхъ памятниковъ, казармъ, посѣщать театры и принадлежащіе къ нимъ сады, концерты, цирки, зоологическіе и ботаническіе сады и кататься въ открытомъ экипажѣ по запрещеннымъ улицамъ.

11. Ей запрещается жить вблизи церквей, школъ, универси-

Когда въ Москвѣ собирались учредить врачебно-полицейскій комитетъ, то предполагалось сперва дѣлать въ пользу казны сборы съ публичныхъ домовъ. Но потомъ это было признано неудобнымъ, „въ особенности потому, что учрежденіе какого-бы то ни было сбора съ публичныхъ женщинъ не согласовалось-бы съ духомъ нашихъ законовъ, ибо сіе могло-бы казаться дозволеніемъ правительства промышлять непотребствомъ, такъ какъ закономъ оно строго преслѣдуется“ *).

Въ Германіи мы встрѣчаемъ ту-же двойственность: уголовнымъ закономъ преслѣдуется квартирохозяинъ, помѣстившій у себя проститутку. А „съ другой стороны, полиція принуждена терпѣть тысячи женщинъ, занимающихся проституціей, и должна ихъ охранять въ ихъ ремеслѣ, разъ только онѣ записаны въ реестръ проститутокъ и подчиняются установленнымъ для нихъ правиламъ, напр., періодическому осмотру врачей. Но если государство допускаетъ проститутокъ и этимъ поддерживаетъ ихъ ремесло, то оно должно допускать и квартиры для нихъ и даже—въ интересахъ общественнаго здоровья и порядка—имѣть дома, гдѣ проститутки

тетовъ, общественныхъ учрежденій, казармъ и всѣхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ § 5, а также жить въ первомъ и подвальномъ этажахъ домовъ, выходящихъ на улицу. Запрещается ей также жить въ отеляхъ, гостинницахъ, меблированныхъ комнатахъ и входить туда. Ей запрещается жить у лицъ, уличенныхъ въ сводничествѣ, и посѣщать ихъ. (Богдановичъ, „Женское движеніе“, стр. 212—213).

*) „Въ послѣднихъ строкахъ интересно опасеніе, что правительство могутъ заподозрить въ намѣреніи покровительствовать разврату. Повидимому, та-же боязнь до сихъ поръ удерживаетъ отъ изданія закона, создающаго постоянные врачебно-полицейскіе комитеты. Несмотря на то, что послѣдніе существуютъ въ Россіи болѣе полустолѣтія, они до сихъ поръ сохраняютъ характеръ временной мѣры и утвержденіе ихъ совершается не законодательнымъ путемъ, а административнымъ“. (М. Покровская, „Ярмарочная проституція“, стр. 12).

могли-бы заниматься своимъ ремесломъ. Какія противорѣчія! Съ одной стороны, государство оффиціально признаетъ, что проституція необходима; съ другой, оно наказываетъ проститутокъ и сводничество. Такое отношеніе государства показываетъ, что для современнаго общества проституція является сфинксомъ, загадку котораго ему не разгадать". (Бебель, „Женщина и соціализмъ", стр. 158).

Да, такова послѣдовательность современнаго буржуазнаго общества!

Но мало того, что проституція, какъ соціальное явленіе, есть естественный плодъ современнаго классоваго общества; самые акты, регламентирующіе проституцію, насквозь пропитаны классовой точкой зрѣнія. „Красной нитью",—говоритъ профессоръ Елистратовъ,— „проходитъ черезъ рядъ мѣстныхъ регламентовъ моментъ классоваго разграниченія проституціи, строго соблюдаемый и практикой полиціи нравовъ". *) Наше законодательство допускаетъ принудительный осмотръ и заключеніе въ госпиталь только категоріи „бродящихъ", „подлыхъ" (т. е. низшаго сословія) и „подозрительныхъ дѣвокъ". Такъ гласитъ статья 158 постановленій 1890 г.: почти то-же говоритъ и старый сенатскій указъ 1763 г.: „приказали... однакожъ въ непотребствѣ обличающихся женщинъ осматривать и по излеченіи на поселеніе отсылать только такихъ, кои *подлы* и *бродящія*".

Еще опредѣленнѣе высказывается въ этомъ смыслѣ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, данное губернаторамъ 17 октября 1844 г., на основаніи котораго фактически и до сихъ поръ дѣйствуетъ надзоръ за проституціей въ провинціяхъ Россіи. „Само собою разумѣется, что дѣйствію мѣръ, которыя могутъ быть признаны нужными въ этомъ случаѣ, должны быть под-

*) Проф. Елистратовъ, „О прикрѣпл. женщины къ простит.", стр. 27.

вергнуты только лица, которыя по своему образу жизни, такъ и по *званію* и другимъ *общежительнымъ отношеніямъ*, могутъ подлежать онымъ.“ Этотъ-же принципъ вошелъ и въ спеціальные регламенты отдѣльныхъ городовъ; если и существуютъ отступленія, то самая ихъ случайность и послабленія, дѣлаемыя для женщинъ состоятельныхъ классовъ, особенно рѣзко подчеркиваютъ классовый характеръ этихъ постановленій. *)

Весь ужасъ регламентаціи въ томъ и заключается, что она обрушивается всецѣло на женщинъ несостоятельныхъ классовъ; передъ богатыми-же проститутками, какъ полиція, такъ и регламенты только почтительно снимаютъ шапку. „Вездѣ, можно сказать, попадаютъ подъ надзоръ проститутки менѣе состоятельныя. Агенты недостаточно искусны, а притомъ и не имѣютъ порою возможности уличить проститутку высшаго полета. Необходимо для этого много такта; иначе можно сильно поплатиться. Кромѣ того, проститутки этого рода всегда найдутъ защитниковъ, готовыхъ ихъ выручить, а въ крайнемъ случаѣ взять ихъ на поруки. Во всѣхъ городахъ преобладаютъ проститутки низшаго разряда. Чѣмъ хуже надзоръ, тѣмъ меньше болѣе-зажиточныхъ и интеллигентныхъ проститутокъ. Полиція, не желая задавать себѣ лишній трудъ и наживать

*) „Образцомъ регламента, по которому мѣропріятія полиціи нравственности ограничиваются всецѣло, безъ какихъ-либо отступленій, одними лишь невладѣющими слоями населенія, могутъ служить правила рижскаго врачебно-полицейскаго комитета. Согласно § 158 этихъ правилъ — объ открытіи источниковъ сифилитической заразы, — комитетъ, „по полученіи свѣдѣній объ источникѣ заразы, входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла и, если имѣются достаточные къ тому поводы, вызываетъ къ себѣ указанное лицо“, только въ томъ случаѣ, „если оно принадлежитъ къ *низшимъ классамъ* населенія, т. е. къ числу ремесленниковъ, служителей, рабочихъ, работницъ и т. п.“ (Елистратовъ, „О прикрѣпленіи женщины къ проституціи“, стр. 23—24. Курсивъ мой).

непріятности, ограничивается только заборомъ захудалыхъ и бродячихъ женщинъ.“ („Прост. въ гор.“ стр. 36, цитир. по проф. Елистратову.)

Такъ какъ проститутка „высшаго полета“ въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ по происхожденію къ классу буржуазному, то бдительное око врачебно-полицейскаго надзора равнодушно проходитъ мимо нея, съ удвоеннымъ рвеніемъ обрушиваясь на тѣхъ женщинъ, чье соціальное положеніе не внушаетъ къ себѣ довѣрія предержащимъ властямъ. „Въ тѣхъ трущобахъ, въ которыхъ ютится женщина рабочаго класса, несчастье и порокъ такъ тѣсно смѣшались, что нѣтъ возможности съ перваго взгляда различить одно отъ другого. Впрочемъ, городовой не имѣетъ ни времени, ни желанія размышлять — онъ рѣшаетъ дѣло быстро и... безапелляціонно: женщина, взятая имъ на улицѣ, въ угловой квартирѣ или въ ночлежномъ домѣ, считается проституткой; съ ней поступаютъ, какъ съ развратною женщиной, хотя-бы, кромѣ неимѣнія опредѣленнаго мѣстожительства и занятій, не было ни единаго намека на то, что она промышляетъ развратомъ. („Поднадзорныя прост.“, стр. 32—33; цитир. по проф. Елистратову.)

Существующія правила врачебно-полицейскаго надзора это,—опасная угроза всему женскому пролетаріату, особенно—ютящемуся на окраинахъ. Не говоря уже о періодахъ острой безработицы, когда женщина естественно, безъ „особо-уважительныхъ причинъ“, находится на улицѣ, пролетарка въ любой праздничный день рискуетъ подвергнуться позорному осмотру. Потеря паспорта или иная случайность усугубляютъ тяжесть положенія и часто ставятъ передъ работницей альтернативу: либо высылка на родину по этапу, либо подчиненіе врачебно-полицейскому надзору (въ такомъ случаѣ, но *только въ такомъ*, врачебный комитетъ всѣ хлопоты о полученіи новаго паспорта беретъ на себя). Подобное положеніе вещей существуетъ,

разумѣется, не только въ Россіи, но и во всѣхъ буржуазныхъ странахъ. „Не подвергается контролю“,— говоритъ д-ръ Блашко, — „почти вся элегантная проституція, такъ называемыя — дамы полу-свѣта, представляющія для полиціи своего рода noli me tangere („не тронь меня“). Масса, подвергающаяся осмотру, почти всюду состоитъ изъ самыхъ несчастныхъ и обездоленныхъ подонковъ. Покорно и тупоумно, изъ года въ годъ, втеченіе десятилѣтій, совершаютъ эти падчерицы судьбы свою обычную „прогулку“ къ мѣсту осмотра“ *).

Современное классовое общество ухитряется даже и всѣми презираемую проституцію расколоть на два класса. „Лучшій сортъ“ болѣе обезпеченныхъ проститутокъ захватывается буржуазнымъ классомъ, служитъ ему, живетъ съ нимъ бокъ-о-бокъ и до извѣстной степени дѣлитъ съ нимъ его привиллегіи. „Худшій сортъ“— эта плоть отъ плоти рабочаго класса или несостоятельнаго крестьянства—до дна испиваетъ чашу безправія, униженія и горя...

Ясно, что проблема уничтоженія проституціи, проблема оздоровленія отношеній между полами является проблемой класса пролетарскаго, — проблемой, самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ связанной съ условіями труда и производства. Если для другихъ классовъ и слоевъ населенія разрѣшеніе „брачнаго“, а слѣдовательно и проституціоннаго, вопросовъ имѣетъ по-преимуществу психологически-моральный интересъ, то для пролетаріата это—одинъ изъ основныхъ вопросовъ жизни, одинъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ будущее. Борьба съ проституціей и уродливыми формами современной семьи, другими словами, борьба съ классовыми учрежденіями современнаго буржуазнаго міра, непосред-

*) Блашко, „Проституція“, стр. 36.

ственно вытекаетъ изъ обще-пролетарской борьбы и входитъ въ нее, какъ неотъемлемая составная часть.

Голодъ и эксплуатація—неизсякаемые родники, питающіе проституцію; классовое общество — источникъ сопровождающихъ ее золъ. Можно-ли послѣ этого удивляться, что вопіющіе факты униженія женщины въ этой области всего чаще падаютъ на представительницъ рабочаго класса! Купля-продажа женскаго тѣла тѣсно связаны съ куплей-продажей женскихъ трудовыхъ рукъ; окончательно исчезнутъ проституція сможетъ лишь вмѣстѣ съ исчезновеніемъ наемнаго труда.

Но развѣ въ предѣлахъ нашего эксплуататорскаго классоваго общества не существуетъ способовъ смягчать и облегчать страданіе и ужасъ, порождаемые какъ самымъ фактомъ существованія проституціи, такъ и законодательной ея регламентаціей? Борьба съ проституціей и лицемѣрно-узаконяющими ее постановленіями является одной изъ наиболѣе-живыхъ сторонъ дѣятельности буржуазныхъ женщинъ. На всѣхъ женскихъ международныхъ конгрессахъ вопросу о проституціи и оздоровленіи нравовъ посвящалось особое вниманіе. Выступая поборницами аболиціонистскаго движенія, требуя полной отмѣны регламентаціи проституціи, какъ промысла, феминистки выступали на защиту своихъ угнетенныхъ сестеръ и какъ-бы являлись выразительницами «внѣ-классоваго» обще-женскаго интереса. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

По вопросу о проституціи и связанныхъ съ нею оскорбительныхъ для женщины формальностяхъ интересы женщины всѣхъ классовъ населенія до извѣстной степени соприкасаются между собою; это не подлежитъ сомнѣнію. Пропасть, отдѣляющая интеллигентную труженицу отъ пролетарки, стирается предъ возможностью очутиться въ рядахъ паріевъ женскаго населенія. Слу-

чайность — болѣзнь, неудача — и самостоятельно-зарабатывающая интеллигентка подвержена всѣмъ соблазнамъ «легкой наживы», а тамъ—недалеко и до знакомства съ попечительнымъ окомъ врачебно-полицейскаго надзора... Регламентація одинаково ненавистна женщинамъ всѣхъ слоевъ населенія. Но методы борьбы какъ съ самой проституціей, такъ и съ нормирующими ее правилами рѣзко разнятся между собою у женщинъ буржуазнаго и пролетарскаго міровоззрѣній. Для буржуазокъ—задача борьбы съ проституціей почти цѣликомъ сводится къ отмѣнѣ существующей регламентаціи и къ изданію новыхъ „правилъ“, менѣе оскорбительныхъ для женщины, но столь-же попечительныхъ въ смыслѣ охраны „общественной нравственности“. Корень зла, порождающій проституцію, остается скрытымъ для большинства феминистокъ; онѣ готовы вѣрить, что съ отмѣной позорной регламентаціи, съ принятіемъ „строгихъ мѣръ“ противъ „увеселительныхъ“ заведеній и, наконецъ, съ проведеніемъ въ жизнь соціально-политическихъ реформъ, облегчающихъ ранніе браки, можно рѣшить вопросъ о проституціи, въ предѣлахъ современнаго классоваго міра. Буржуазныя женщины съ наивностью буржуазныхъ идеологовъ XVIII вѣка все еще вѣрятъ, будто „женскій вопросъ“ и, въ частности, „вопросъ семейный“ могутъ быть разрѣшены парою разумно составленныхъ регламентовъ!..

Впрочемъ, кажущаяся наивность подобной точки зрѣнія имѣетъ подъ собою твердую классовую почву. Протестуя противъ отдачи женщинъ подъ наглую и безконтрольную власть врачебно-полицейскаго надзора, феминистки пугливо останавливаются на полумѣрахъ, постоянно опасаясь, какъ-бы полная свобода и безконтрольность частныхъ половыхъ отношеній не расшатала въ конецъ „семейныхъ устоевъ“ буржуазіи и не отразилась на добродѣтели ихъ мужей и сыновей...

Съ полной отчетливостью формулировали нѣмецкія феминистки свои буржуазныя опасенія на женскомъ конгрессѣ въ Галле (октябрь 1905 г.). Требуя, съ одной стороны, отъ общества признанія „единой морали“ для мужчинъ и женщинъ, отрицая за государствомъ право вмѣшиваться въ отношенія частной половой морали, онѣ, съ другой стороны, настаивали на необходимости *охраны общественной нравственности* мѣрами того-же государства; подъ этой защитой, однако, вовсе не понималась охрана эксплуатируемыхъ или совращаемыхъ молодыхъ существъ; наоборотъ—предполагалось устраненіе съ пути „порядочнаго общества“ всякаго рода непристойныхъ явленій, „оскорбляющихъ общественную мораль и приличіе“. Лицъ, виновныхъ въ подобнаго рода проступкахъ, слѣдовало-бы, по мнѣнію строгихъ блюстительницъ „приличій“ въ Галле, привлекать къ отвѣтственности и достойнымъ образомъ наказывать.

Проповѣдуя принципъ государственнаго невмѣшательства въ вопросы половой морали, являясь сторонницами аболиціонизма, буржуазныя женщины непослѣдовательно сами спѣшатъ поставить границы только-что провозглашеннымъ началамъ свободы и укрыться подъ сѣнью привычныхъ моральныхъ устоевъ. Бракъ, современный принудительный союзъ двухъ индивидуумовъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, остается наиболѣе надежнымъ оплотомъ экономическаго благосостоянія средней буржуазной женщины и заставляетъ ее судорожно цѣпляться за сохраненіе этого института во всей его формально-юридической неприкосновенности

Нѣмецкія женщины въ Галле вынесли по этому поводу резолюцію слѣдующаго содержанія: Всѣ теоріи, провозглашающія уравненіе правъ отца и матери въ бракѣ, устанавливающія равную отвѣтственность мужа и жены и т. п., но расшатывающія при этомъ связанную съ бракомъ моральную отвѣтственность супруговъ, должны

быть признаны несостоятельными и потому отвергнуты. Подъ теоріями, „расшатывающими моральную отвѣтственность“, повидимому, подразумѣвались „свободные принципы“ соціалъ-демократіи, ея въ высшей степени „безнравственныя“ утвержденія о неизбѣжности распада современной семьи; камешки летѣли въ ея огородъ.

Но, въ такомъ случаѣ, какова-же истинная позиція феминистокъ по вопросу о проституціи? Съ одной стороны—аболиціонизмъ, съ другой—защита современнаго брачнаго союза вмѣстѣ съ наказуемостью поступковъ, „оскорбляющихъ общественную нравственность“, — и все это сдобрено наивной вѣрой въ возможность устраненія всѣхъ золъ во взаимоотношеніяхъ половъ путемъ пересмотра современнаго гражданскаго кодекса... Непослѣдовательность очевидная, но неизбѣжная для тѣхъ, кто не въ состояніи отрѣшиться отъ буржуазнаго классоваго міровоззрѣнія. Всѣ благія начинанія феминистокъ въ борьбѣ съ проституціей не выходятъ обыкновенно изъ области мелкихъ палліативныхъ мѣропріятій. Какъ-бы почтенны ни были намѣренія его сторонницъ, аболиціонизмъ самъ по себѣ столь-же безсиленъ пресѣчь проституцію въ корнѣ, какъ немощна самая широкая благотворительность противъ растущей пролетаризаціи массъ. Стоитъ оглянуться на тѣ страны (Англію, Австралію, Норвегію, Данію, часть Швейцаріи и Голландію), гдѣ отсутствуетъ регламентація проституціи, чтобы увидѣть, лучше-ли живется тамъ женщинамъ, брошеннымъ въ ряды проститутокъ, и—главное—меньше-ли молодыхъ существъ, гонимыхъ нуждой, беззащитностью, безправіемъ, попадаетъ въ ряды не регламентированнаго, но отъ этого не менѣе презираемаго, хотя и „терпимаго“, ремесла.

Еще въ меньшей степени законодательство въ состояніи охранить семейный очагъ благополучной буржуазки отъ тлетворнаго вліянія уличнаго разврата. Въ то время,

какъ феминистки добросовѣстно борются за торжество аболиціонистскаго принципа, хлопочутъ о „строгомъ полицейскомъ преслѣдованіи“ кафе-шантановъ и другихъ сѣющихъ развратъ и „оскорбляющихъ приличіе“ учрежденій, въ то время какъ лучшія изъ нихъ строятъ добродѣтельные „пріюты для Магдалинъ“ и убѣжища для одинокихъ молодыхъ дѣвушекъ,—капиталистическое производство, сосредоточенное въ рукахъ магнатовъ капитала, неустанно творитъ свое дѣло и день за днемъ выбрасываетъ милліоны новыхъ жертвъ для удовлетворенія „общественнаго темперамента“. Это неизбѣжно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока производительныя силы будутъ служить единичнымъ владѣльцамъ капитала, а не обществу въ цѣломъ. Загнанная въ подполье или нагло выставляющая себя напоказъ, въ рубищѣ и синякахъ или шелкѣ и бархатѣ, проституція будетъ продолжать отравлять общественную атмосферу, служа источникомъ наслажденія для однихъ, неся болѣзнь, отчаяніе и горе другимъ... Въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ темныхъ проблемахъ ея жизни, женщинѣ приходится ждать своего освобожденія только отъ растущей мощи рабочаго класса. Только ему подъ-силу будетъ справиться съ этой стоглавой гидрой нашихъ дней... Бороться съ проституціей—значитъ не только уничтожать ея современную полицейскую регламентацію, — нѣтъ, это значитъ бороться противъ основъ капиталистическаго строя, значитъ стремиться къ уничтоженію классоваго дѣленія общества, значитъ очищать путь къ новымъ формамъ человѣческаго общежитія...

Проституція намѣчаетъ своихъ жертвъ, главнымъ образомъ, среди пролетаріата. Борясь за свое классовое дѣло, рабочіе охраняютъ и интересы наиболѣе униженнаго и обездоленнаго члена своего класса—работницы, доведенной эксплуатаціей и безправіемъ до вынужденной продажи своего тѣла. Каждый побѣдный

шагъ пролетаріата приближаетъ и женщину къ ея завѣтной цѣли и обѣщаетъ ей избавленіе отъ злобно-подкарауливающаго ее изъ-за угла чудовища съ ядовитымъ и смраднымъ дыханіемъ... Вмѣсто оскорбительной, тягостной продажи ласкъ пролетаріатъ добивается свободнаго общенія свободныхъ индивидуальностей; вмѣсто принудительной формы брачнаго сожительства—безпрепятственное слѣдованіе непосредственному, душевному влеченію, свободному отъ узко-житейскаго разсчета... Тамъ, въ новомъ мірѣ обобществленнаго труда, исчезнетъ лицемѣрная двойная мораль современности, и половая нравственность по-истинѣ станетъ дѣломъ личной совѣсти каждаго...

Казалось-бы, это должно было толкать феминистокъ въ ряды сторонниковъ новаго общественнаго устройства. Но классовый инстинктъ непобѣдимъ. И феминистки, одной рукой отталкивая безобразный призракъ женщины, торгующей своимъ тѣломъ, другой силятся удержать тотъ классовый строй, который порождаетъ и поддерживаетъ проституцію. Феминистки работаютъ въ заколдованномъ кругу, и не отъ нихъ ждать пролетаркамъ освобожденія отъ ужасовъ вынужденной проституціи.

Бороться съ этимъ зломъ работницы могутъ только собственными средствами, оставаясь на почвѣ общеклассовой рабочей политики. Повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня, большій достатокъ и большій досугъ, посвященный широкимъ умственнымъ интересамъ,—вотъ тѣ мѣры, которыя рабочій классъ выдвигаетъ въ борьбѣ съ унизительнымъ торгомъ женскимъ тѣломъ и которыя на практикѣ приводятъ къ болѣе дѣйствительнымъ результатамъ, чѣмъ весь шумъ, поднимаемый феминистками вокругъ вопроса объ отмѣнѣ регламентаціи. Разумѣется, и рабочій классъ является убѣжденнымъ сторонникомъ аболиціонизма, но движенію этому онъ не можетъ придавать того первен-

ствующаго значенія, которое оно имѣетъ въ глазахъ буржуазныхъ женщинъ. Да практически и въ этой области заслуги феминистокъ едва-ли значительнѣе, чѣмъ завоеванія сдѣланныя самими рабочими. Весьма сомнительно, удалось-ли бы аболиціонистскому движенію одержать въ свое время верхъ въ Англіи, если-бы на его защиту не всталъ рабочій классъ. Мощное петиціонное движеніе, направленное противъ утвердившейся въ 1866 г. въ Англіи регламентаціи, поддерживалось преимущественно рабочимъ классомъ. Должное дѣйствіе оказала и рабочая депутація, отправившаяся въ 1872 г. къ министру внутреннихъ дѣлъ и вручившая ему протестъ рабочихъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Достойно сожалѣнія, что, не взирая на 1.279 петицій, покрытыхъ болѣе, чѣмъ милліономъ подписей и представленныхъ въ парламентъ впродолженіе двухъ послѣднихъ сессій, опротестованные народомъ законы продолжаютъ существовать.“ *)

Пусть укажутъ намъ феминистки любой страны гдѣ ихъ активная борьба съ проституціей или усугубляющимъ ее зломъ — законодательной регламентаціей—привела къ осязательнымъ для женщинъ результатамъ.

А у насъ, въ Россіи, что сдѣлало буржуазное женское движеніе въ борьбѣ съ проституціей? Отдѣльные голоса поборницъ женскаго равноправія раздавались, правда, въ защиту жертвъ „общественнаго темперамента“, при-чемъ особенно горячо заступалась и продолжаетъ заступаться за нихъ г-жа Покровская; правда также, что и у насъ существуютъ „пріюты для кающихся Магдалинъ“ **) и „общества спасанія дѣвицъ“.

---

*) Пр. Елистратовъ—„Прикрѣпленіе женщины къ проституціи“, стр. 230.

**) Пріюты эти поставлены во всѣхъ отношеніяхъ весьма неудовлетворительно и, къ тому-же, имѣются только въ столицахъ.

Но женское освободительное движеніе, въ цѣломъ, не сдѣлало ни одного замѣтнаго шага въ этомъ направленіи, и намъ приходится констатировать удивительное равнодушіе русскихъ феминистокъ къ этой язвѣ современнаго общества.

Заграничныя поборницы женскаго равноправія могутъ, по крайней мѣрѣ, похвалиться, что онѣ, вслѣдъ за Жозефиной Бётлеръ, всегда и всюду энергично и дѣятельно поддерживали аболиціонистское движеніе и по своему боролись съ причинами, порождающими проституцію. Существуетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ женскихъ обществъ, ставящихъ себѣ цѣлью ту или иную форму борьбы съ продажей женскаго тѣла.

Въ сравненіи съ подобными начинаніями, тѣ немногія попытки, какія дѣлаются у насъ въ этой области, каковы, напр., устройство дешевыхъ общежитій для молодыхъ дѣвушекъ, вечернихъ и воскресныхъ развлеченій для дочерей пролетаріата и т. п., имѣютъ совершенно игрушечный характеръ. Правда, всякаго рода культурно-просвѣтительная дѣятельность у насъ встрѣчается слишкомъ часто съ непреоборимыми преградами полицейско-административнаго произвола; но, независимо отъ этихъ чисто-внѣшнихъ затрудненій, нельзя не отмѣтить, что ни женскія общества, ни женскія партіи у насъ не отводятъ этому серьезному вопросу должнаго вниманія.

Загляните хотя-бы въ отчеты дѣятельности такихъ крупныхъ женскихъ организацій, каково, напр., „Женское взаимно-благотворительное общество“, и посмотрите, удѣлена-ли изъ солиднаго бюджета въ 15.000 р. хоть копѣйка на борьбу съ проституціей? Правда, при обществѣ существуютъ и „общежитіе“, и бюро для пріисканія мѣстъ, и „касса взаимопощи“, не говоря уже о „дѣтскихъ очагахъ“, библіотекѣ и т. д. Но кого обслуживаютъ всѣ эти многочисленныя предпріятія первой въ Россіи феминистской организаціи? Конечно, не-

пролетарокъ. Да пролетарка и не можетъ стать членомъ „взаимно-благотворительнаго“ женскаго общества, такъ какъ высокій членскій взносъ открываетъ двери общества только состоятельной женщинѣ *). Пролетарку, по самому характеру первой женской организаціи феминистокъ, предполагалось только „благотворить сверху“. Но, судя по отчетамъ этого общества, „благотворятъ“ по-преимуществу женщинъ интеллигентнаго труда: это онѣ — учительницы, конторщицы, стенографистки и т. д. — живутъ въ общежитіяхъ, пользуются справками бюро для пріисканія мѣстъ и получаютъ пособія изъ кассы общества. На рынокъ-же живого „женскаго товара“ выбрасываются, какъ мы уже видѣли, женщины-работницы, и, слѣдовательно, все „взаимное благотвореніе“ русскаго женскаго общества, абсолютно не затрагивая тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые даютъ постоянный контингентъ продажныхъ женщинъ, ни непосредственно, ни косвенно не ведетъ борьбы съ проституціей.

Другое общество — „Общество попеченія о молодыхъ работницахъ“, существующее въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ (Одессѣ, Нижнемъ-Новгородѣ), ставитъ себѣ по уставу цѣлью: „предохранять молодыхъ дѣвицъ, преимущественно рабочаго класса, какъ-то ремесленницъ, фабричныхъ и служанокъ, отъ дѣйствія окружающихъ ихъ вредныхъ въ нравственномъ отношеніи условій жизни и содѣйствовать ихъ нравственному развитію“. Задачи этого общества, слѣдовательно, вполнѣ отвѣчаютъ дѣятельности заграничныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью борьбу съ развращеніемъ молодыхъ дѣвушекъ. Но какъ-же на дѣлѣ выполняетъ общество свою важную

*) „...Громадное большинство членовъ общества“,—сообщаетъ отчетъ общества за 1906 г.,—„состояло изъ лицъ болѣе или менѣе состоятельныхъ“. („Отчетъ Вз.-благ. Об-ва за 1906 г.“, стр. 147).

задачу? Имѣя въ Петербургѣ девять отдѣленій, посѣщаемыхъ охотно фабричными работницами, служанками, ремесленницами и, вообще, женскимъ персоналомъ *), общество, въ своемъ стремленіи поднять культурные запросы посѣтительницъ, тщательно оберегаетъ ихъ отъ всякаго живого слова, отъ всего, что могло-бы направить дѣвушекъ на пагубный путь „классовой борьбы". Самымъ искреннимъ образомъ желая помочь работницѣ въ ея повседневной борьбѣ, общество это, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою „живое противорѣчіе": съ одной стороны—оно поднимаетъ культурный и нравственный уровень пролетарскихъ дѣвушекъ, своихъ посѣтительницъ, и, слѣдовательно, повышаетъ ихъ душевные запросы, съ другой—закрываетъ отъ нихъ непроницаемой стѣною всѣ тѣ пути, всѣ тѣ способы и средства борьбы, помощью которыхъ пролетарка только и можетъ улучшить свое положеніе. На лекціяхъ общества тщательно изгоняются и искореняются „вредныя ученія", и ни о профессіональныхъ, ни о своихъ политическихъ нуждахъ работница въ стѣнахъ общества не услышетъ. Что-же можетъ принести съ собою „культурно-просвѣтительная" дѣятельность общества? Можетъ-ли одно „просвѣщеніе" и „моральное воспитаніе" спасти молодую дѣвушку отъ неизбѣжной въ пятидесяти случаяхъ изъ ста проституціи? Само собою разумѣется, что, при всей своей благожелательности, общество такой постановкой культурно-просвѣтительной дѣятельности не только не выполняетъ своей миссіи, но несомнѣнно порождаетъ или усиливаетъ душевныя драмы тѣхъ пролетарскихъ дѣвушекъ, у которыхъ умственные и душевные запросы рѣзко дисгармонируютъ съ печальной окружающей ихъ дѣйствительностью.

*) По отчету 1906 г. число посѣтительницъ во всѣхъ десяти отдѣлахъ достигало 2808 человѣкъ; изъ нихъ постоянныхъ насчитывалось 1985.

Единственной реальной заслугой общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ является устройство дешевыхъ общежитій *) для дѣвушекъ рабочаго класса, въ противовѣсъ аристократическому общежитію „Взаимно-благотворительнаго общества". Эти общежитія, по крайней мѣрѣ, облегчаютъ рабынямъ труда повседневную борьбу за жизнь и, такимъ образомъ, дѣлаютъ ихъ болѣе устойчивыми и менѣе поддающимися соблазну „легкаго заработка". Но и въ этой области приходится отмѣтить недостатокъ, присущій, вообще, дѣятельности общества: всѣ начинанія его построены не на жизненномъ принципѣ „самопомощи" и „самодѣятельности", а на началахъ филантропіи, благотворенія.

Тѣмъ не менѣе, „Общество попеченія о молодыхъ работницахъ" является единственнымъ въ Россіи, которое, такъ или иначе, фактически пытается бороться съ развращеніемъ молодыхъ дѣвушекъ рабочаго класса, чего, напр., абсолютно нельзя сказать объ официально-признаваемомъ и даже поощряемомъ властями „Россійскомъ обществѣ защиты женщинъ". Не говоря уже о томъ, что это послѣднее носитъ крикливый характеръ чисто барской благотворительности, оно извѣстно еще своей полной пассивностью. Только недавно рѣшило оно, наконецъ, устроить на Охтѣ поселокъ, гдѣ-бы 20 женщинъ, вступившихъ на скользкій путь, могли найти убѣжище и заняться „честнымъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ". *) Убѣжище для 20 проститутокъ Петербурга! Да это такая капля въ морѣ отчаянія и нищеты, особенно при растущей за послѣдніе годы безработицѣ, что даже какъ-то неловко серьезно говорить о подобномъ начинаніи. Вѣдь,

*) Въ томъ-же 1906 отчетномъ году у общества было 4 подобныхъ общежитія, въ которыхъ проживало 566 человѣкъ, попреимуществу — портнихъ и ремесленницъ, боннъ и прислугъ, фабричныхъ и т. д.

*) „Союзъ женщинъ", № 3, 1907 г.

ни для кого не тайна, что за послѣдніе годы переживаемаго нами одновременно политическаго и экономическаго кризиса „экспортъ живого товара“ изъ Россіи достигъ колоссальныхъ размѣровъ. Половина обитательницъ публичныхъ домовъ южной Америки— уроженки Россіи; особенно много среди нихъ евреекъ. Въ Вильнѣ проституція малолѣтнихъ достигла небывалыхъ размѣровъ. Должно быть, явленіе это приняло слишкомъ чудовищные размѣры, если даже само министерство юстиціи рѣшило внести въ Государственную Думу законопроектъ „о мѣрахъ пресѣченія торговли женщинами въ цѣляхъ разврата“.

А наши феминистки, наши женскія партіи и организаціи молчатъ себѣ и молчатъ. Казалось-бы, тутъ-то имъ и проявить свою дѣятельность, тутъ-то и показать своей „младшей сестрѣ“ пролетаркѣ, что онѣ съ нею солидарны, что онѣ хлопочутъ за нее и о ней... Но, повидимому, для нашихъ феминистокъ „политическое равноправіе“ заслонило собою всѣ остальные общеженскіе вопросы, и, не говоря уже о борьбѣ съ проституціей на практической почвѣ, даже въ своихъ „платформахъ“ и „программахъ“ наши женскія организаціи отвели вопросу о проституціи весьма скромное мѣсто.

Въ „платформѣ“ союза равноправности, въ пунктѣ „д“, говорится слѣдующее: „отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ, касающихся проституціи, унижающихъ человѣческое достоинство женщины“. Но, выразивши это общее пожеланіе, наши лѣвыя феминистки почили на лаврахъ и больше не возвращались къ этому вопросу.

Требованія отмѣны регламентаціи или иного выраженія протеста противъ торговли женскимъ тѣломъ вы не встрѣтите ни въ резолюціяхъ, ни въ многочисленныхъ постановленіяхъ, ни въ органѣ равноправокъ— „Союзъ женщинъ“. Даже у лѣвыхъ феминистокъ не

хватило активности, чтобы подать въ Государственную Думу петицію съ требованіемъ отмѣны регламентаціи, какъ онѣ это сдѣлали по вопросу о политическомъ равноправіи женщинъ. Чувствуется, что этотъ вопросъ не захватываетъ нашихъ равноправокъ, что онъ мало волнуетъ ихъ душу. Непосредственно, вѣдь, онъ затрагиваетъ не ихъ, а только интересы женщинъ рабочаго класса. Вопросъ о проституціи по-истинѣ вопросъ чисто-пролетарскій; въ этомъ—разгадка хладнокровнаго отношенія къ нему нашихъ „крайнихъ“ феминистокъ.

Но въ такомъ случаѣ представляется загадочнымъ, почему-же болѣе правыя феминистки—„женская прогрессивная партія“—отнеслись къ этому вопросу болѣе чутко и внимательно? Въ своей программѣ онѣ гораздо конкретнѣе формулировали свои требованія: „Изданіе законовъ, запрещающихъ устройство и содержаніе всякихъ притоновъ проституціи, домовъ терпимости и торговли женскимъ тѣломъ, и устанавливающихъ строгое наказаніе посредникамъ, сутенерамъ и другимъ лицамъ, извлекающимъ матеріальныя выгоды изъ торговли женщинами или содѣйствующимъ совращенію ихъ въ проституцію. Отмѣна врачебно-полицейскаго надзора за проституціей и отмѣна запрещенія браковъ военнымъ“. Прогрессистки не ограничились провозглашеніемъ своихъ пожеланій въ программѣ; втеченіе послѣдняго года онѣ на нѣсколькихъ своихъ собраніяхъ возвращались къ вопросу о проституціи и обсуждали мѣры борьбы съ ней. На одномъ изъ такихъ собраній даже рѣшено было обратиться въ Государственную Думу съ предложеніемъ издать законъ, отмѣняющій регламентацію. Откуда такая активность? Чѣмъ вызванъ такой живой интересъ къ „частному вопросу“ женской жизни? Не сыграло-ли здѣсь роль то, что въ главѣ женской прогрессивной партіи стоитъ извѣстная своими трудами по вопросу о проституціи М. И. Покровская, положившая много искренняго старанія и энергіи на

борьбу съ регламентаціей, омрачающей и безъ того безпросвѣтную жизнь проститутки? Но нѣтъ-ли другого, болѣе общаго мотива, заставившаго прогрессистокъ послѣдовать за своимъ лидеромъ? Прогрессистки подошли къ вопросу о проституціи такъ, какъ къ нему подходятъ ихъ заграничныя буржуазныя сестры. Если проституція, какъ соціальное явленіе, и не затрагиваетъ ихъ непосредственно, все-же она обладаетъ свойствомъ омрачать существованіе и буржуазныхъ слоевъ общества. Чтобы сохранить чистоту семейной жизни буржуазіи, чтобы не заставить мать-буржуазку страдать за нравственную распущенность ея сыновей, чтобы дать женѣ возможность не дрожать за измѣну мужа,—для этого необходимо искоренить порокъ, другими словами—*строго* преслѣдовать все, что способствуетъ разврату. Обратите вниманіе на требованія программы прогрессистокъ. Въ ней очень много говорится о „законахъ, запрещающихъ“, о „законахъ, устанавливающихъ строгое наказаніе“, и не единымъ словомъ не упоминается о живыхъ источникахъ борьбы съ проституціей: о мѣрахъ улучшенія экономическаго положенія рабочаго класса. Прогрессистки все еще обладаютъ наивной вѣрой, что парою строгихъ законовъ противъ сутенеровъ и домовъ терпимости проституція можетъ быть искоренена; онѣ не прочь былибы по средневѣковому преслѣдовать и изгонять самихъ проститутокъ, но тутъ запутываетъ положеніе принципъ „равноправности“. Это „знамя“ приходится держать высоко, и ничего другого не остается, какъ къ требованіямъ „строго-карательнымъ“ присовокупить и пожеланіе отмѣны регламентаціи. Поддерживать это требованіе прогрессистки могутъ bona fide, такъ какъ даже буржуазныя свѣтила медицинскаго міра признаютъ, что регламентація далеко не достигаетъ своей цѣли и не спасаетъ буржуазію отъ распространенія венерическихъ болѣзней.

Такимъ образомъ, прогрессистки становятся на сторону аболиціонизма и вмѣстѣ съ тѣмъ вступаютъ въ борьбу съ „развратомъ“, отнимающимъ у нихъ мужей, любовниковъ и сыновей. Такъ какъ для прогрессистокъ проституція есть явленіе не столько экономическаго, сколько моральнаго характера, то и борьбу свою онѣ ведутъ не съ причинами, порождающими торговлю женщинъ своимъ тѣломъ, а съ самой уже существующей проституціей. Другими словами, въ области вопроса о проституціи прогрессистки дѣлаютъ то-же, что практикуютъ обыкновенно феминистки въ области экономическихъ золъ: оставляя безъ вниманія источникъ зла, онѣ пытаются помощью заплатокъ благотворительности залатать зіяющія раны соціальныхъ неурядицъ современнаго капиталистическаго міра.

Нѣтъ, если-бы аболиціонистское движеніе у насъ въ самомъ дѣлѣ восторжествовало, если бы армія проститутокъ стала пополняться болѣе медленно, то въ этихъ благопріятныхъ явленіяхъ всего менѣе были-бы повинны феминистки. Не миндальнымъ резолюціямъ феминистокъ, а рабочей партіи, борющейся за измѣненіе существующихъ соціально-экономическихъ отношеній, будетъ въ этомъ случаѣ обязана женщина. Можно съ достовѣрностью утверждать, что кадры вынужденной матеріальной зависимостью проституціи будутъ сокращаться вмѣстѣ съ каждымъ новымъ завоеваніемъ рабочаго класса въ области экономическихъ и правовыхъ отношеній.

Семья, современная буржуазная семья, со всѣми ея моральными традиціями и гражданскими скрѣпами, переживаетъ затяжной кризисъ. Браки дѣлаются все неустойчивѣе, а проституція принимаетъ угрожающіе размѣры. Это признается одинаково и буржуазными феминистками, и людьми, раздѣляющими проле-

тарское міровоззрѣніе. Неурядицы современной брачной жизни гнетутъ, въ большей или меньшей степени, женщинъ всѣхъ слоевъ населенія — это явленіе также не подвергается оспариванію. Остается, слѣдовательно, посмотрѣть, существуетъ-ли общность стремленій у феминистокъ и работницъ въ методахъ обсужденія семейнаго вопроса и его разрѣшенія, и чьими усиліями, обще-пролетарскими или феминистскими, можетъ быть достигнуто освобожденіе женщины отъ тяжелаго семейнаго ярма?

Посмотримъ, прежде всего, чего добиваются феминистки въ области семейныхъ и брачныхъ отношеній.

Болѣе правыя феминистки, тѣ, что примыкаютъ по своему соціальному положенію къ крупной буржуазіи, въ первую голову выдвигаютъ два вопроса: 1) о замѣнѣ церковнаго брака бракомъ гражданскимъ, съ соотвѣтствующимъ облегченіемъ развода, и 2) о полной раздѣльности имущества супруговъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ это еще не установлено.

Оба эти требованія представляютъ, несомнѣнно, громадную важность для женщинъ средней и крупной буржуазіи, для представительницъ капитала въ той или иной его формѣ; этимъ путемъ онѣ всего лучше могутъ отстоять свои имущественные интересы, съ одной стороны, обезпечивъ, при помощи законнаго брака своихъ дѣтей объединеннымъ имуществомъ отца и матери, съ другой—сохранивъ свою полную экономическую независимость отъ мужа.

Какъ представительницы болѣе крупной буржуазіи, наши прогрессистки естественно должны были разработать свои требованія по семейному вопросу въ указанномъ духѣ. Въ программѣ женской прогрессивной партіи сказано: „Въ семейное право вводится бракъ нотаріальнымъ порядкомъ, который признается обязательнымъ для всѣхъ. Религіозное освященіе брака должно быть предоставлено доброй волѣ каждаго.

Упрощается и облегчается порядокъ разводовъ. Родители пользуются одинаковой властью надъ дѣтьми. Жены во всемъ равны мужьямъ, имѣютъ право на половину семейныхъ сбереженій и законодательнымъ путемъ должны быть поставлены въ экономическую независимость отъ мужей, если не могутъ имѣть своего заработка по семейнымъ обстоятельствамъ. Должна быть установлена широкая защита дѣтей, особенно внѣбрачныхъ, законодательнымъ путемъ".

Исходя изъ положенія о неизмѣнности существующаго соціально-экономическаго строя, прогрессистки желаютъ внести лишь нѣкоторыя поправки въ семейныя и брачныя отношенія, — поправки, не подрывающія, однако, коренныхъ основъ буржуазной семьи. Внесенный коррективъ имѣетъ въ виду не только улучшить взаимоотношенія людей, связанныхъ законнымъ бракомъ, но и сдѣлать современную форму семьи болѣе устойчивой, болѣе жизнеспособной. Бракъ и семья—институты, не менѣе священные и неприкосновенные, чѣмъ частная собственность. И правыя феминистки всѣхъ странъ выступаютъ ихъ ярыми защитницами, желая устранить изъ семьи и брака лишь тѣ моменты, которые противорѣчатъ принципу равноправія половъ и наносятъ главный ущербъ матеріальнымъ интересамъ женщинъ.

Иначе смотрятъ на этотъ вопросъ „лѣвыя" феминистки. Не надо забывать, что къ нимъ относятся по преимуществу самодѣятельныя интеллигентки, женщины, не имѣющія за собою родового или иного имущества, но созидающія себѣ независимость въ жизни самостоятельнымъ заработкомъ. Для этихъ женщинъ семейная проблема утрачиваетъ свой почвенный характеръ и изъ области матеріально-правовой переносится въ область моральную par excellence; для нихъ сохраненіе института брака, какъ способа обезпеченія перехода родительскаго имущества къ дѣтямъ, не

играетъ уже той роли, какъ у крупныхъ буржуазокъ. Бракъ, даже реформированный, даже съ облегченнымъ разводомъ, не имѣетъ для нихъ никакой притягательной силы. Легализованный бракъ есть прежде всего средство найти себѣ постояннаго кормильца, содержателя въ лицѣ законнаго супруга. Но самодѣятельная женщина-интеллигентка не нуждается въ бракѣ, какъ экономической сдѣлкѣ; она и безъ мужа достаточно независима матеріально, всякое-же оформливаніе и санкціонированіе связи можетъ только урѣзать ея самостоятельность и отнять часть той свободы, которой обыкновенно гордится эмансипированная буржуазка. Поэтому-то, лозунгомъ лѣвыхъ феминистокъ въ области семейнаго вопроса является не реформа брачнаго законодательства, а торжество принципа „свободнаго брака“, „свободной любви“. Этотъ лозунгъ, впервые брошенный въ началѣ XIX столѣтія соціалистами, продолжаетъ и до сихъ поръ оставаться излюбленнымъ кличемъ наиболѣе эмансипированныхъ феминистокъ; многія изъ нихъ дѣлаютъ даже „свободную любовь“ центромъ женскаго вопроса. Смѣло ополчаясь на лицемѣріе двойной морали, безстрашно вступаютъ онѣ въ бой съ злобно-ощетинившимся и ядовито-шипящимъ сонмищемъ буржуазныхъ филистеровъ. Никакого офиціальнаго оформливанія связи между любовниками, никакихъ обрядовъ и формальностей! Свободный договоръ—панацея отъ всѣхъ угнетающихъ женщину золъ; любовь—единственная скрѣпа, дѣлающая союзъ священнымъ. Пусть женщина слѣдуетъ влеченію своего сердца, не заботясь о буржуазныхъ предразсудкахъ,—вотъ вѣрнѣйшій путь, который приведетъ ее къ моральному освобожденію, вотъ единственное средство рѣшить семейный вопросъ. Такъ разсуждаютъ самыя передовыя буржуазныя женщины всѣхъ странъ.

По ихъ стопамъ, если не теоретически, то во всякомъ случаѣ практически слѣдуютъ и наши болѣе эмансипированныя равноправки. Но что любопытно отмѣтить, это-то, чти ни въ платформѣ „Союза“, ни въ „уставѣ“ своемъ равноправки ни единымъ словомъ не обмолвились о необходимости той или другой реформы брачныхъ отношеній. Союзъ рекрутируетъ своихъ членовъ по-преимуществу изъ рядовъ самостоятельно-трудящихся женщинъ, обладающихъ извѣстной матеріальной независимостью, и, быть можетъ, поэтому, вопросъ о бракѣ и регулированіи брачныхъ и семейныхъ отношеній не имѣетъ для равноправокъ того первенствующаго значенія, какой онъ представляетъ для членовъ прогрессивной партіи. Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что „Союзъ“ оставляетъ брачный вопросъ безъ вниманія. Наши русскія интеллигентки, самостоятельныя и независимыя, привыкли уже съ шестидесятыхъ годовъ рѣшать вопросъ о бракѣ „для себя“, и при томъ *на практикѣ*, такъ, какъ его *теоретически* рѣшаютъ ихъ западно-европейскія сестры. Нигдѣ въ мірѣ такъ мало не дебатируется въ *феминисскихъ* кругахъ брачный и семейный вопросы, какъ въ Россіи, но нигдѣ также такъ широко не вошелъ въ жизнь принципъ „свободнаго брака“. Явленію этому несомнѣнно способствовалъ неожиданно—быстрый ростъ въ пореформенномъ строѣ интеллигентнаго пролетаріата, съ его постоянной необезпеченностью, неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, вынужденной неосѣдлостью и привычкой какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ разсчитывать только на себя и безъ посторонней помощи нести бремя жизни. Отсюда своеобразная психологія, заставляющая относиться отрицательно къ „свиванію своего гнѣзда“, привычка къ свободѣ и независимости, не позволяющая надѣвать на себя никакихъ цѣпей. Эта относительная „свобода нравовъ“, это сознательное игнорированіе буржуазныхъ традицій

и предразсудковъ, это вошедшее въ обычаи интеллигентныхъ слоевъ „внѣ-брачное сожительство“ особенно рѣзко дисгармонируютъ съ удручающимъ, зависимымъ положеніемъ женщины въ крестьянской и мѣщанской средѣ, гдѣ до сихъ поръ еще крѣпки старые устои, гдѣ женщина еще не захвачена міровымъ потокомъ капиталистическаго производства и не унесена въ широкое море общечеловѣческаго труда и самодѣятельности. Но и къ этимъ неприступнымъ крѣпостямъ добрыхъ старыхъ традицій Россіи подкрадывается капитализмъ и заставляетъ поддаваться застывшіе въ своей непреложности обычаи, которыми крестьянскія, купеческія и мѣщанскія семьи отгораживаются отъ міра.

Какую любопытную и красивую вереницу новыхъ типовъ „женщинъ, которыя осмѣлились“, даетъ намъ иностранная литература послѣднихъ двадцати лѣтъ. Тутъ и разсудочная героиня Грэндъ-Аллэна, принципіальная противница легализованнаго брака, и мечущаяся душа Ренаты Фуксъ (Вассермана), и юношески-отважная Дора Сикъ (Макая), и гордая своею независимостью, полная сознанія высокой цѣнности своей богатой индивидуальности женщина - врачъ Лансевеле („Princesses de Science“), этотъ по-своему обаятельный образъ „холостой женщины“. Наша русская литература дала гораздо меньше красивыхъ образовъ женщинъ и дѣвушекъ, „которыя осмѣлились“, такъ какъ вся атмосфера специфически-интеллигентскихъ переживаній давала слишкомъ мало мѣста для подобныхъ „дерзновеній“, и то, что съ бою берется и до сихъ поръ нѣмецкой или французской эмансипированной феминисткой, то уже многіе годы вошло въ обиходъ жизни самостоятельной русской интеллигентки. Но эти спеціальныя завоеванія очень ограниченнаго слоя русскаго населенія являются каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ океаномъ семейныхъ страданій, въ которомъ изо дня

въ день тонутъ милліоны женщинъ другихъ общественныхъ слоевъ.

И потому, равнодушное отношеніе членовъ „Союза равноправности", претендующаго на роль руководителя „внѣ-классоваго" женскаго движенія въ Россіи, къ реформѣ семейныхъ и брачныхъ отношеній весьма характерно. Вопросъ, болѣзненно и остро задѣвающій всякую пролетарскую женщину, особенно у насъ, въ Россіи, обходится молчаніемъ, какъ нѣчто не стоющее спеціальнаго вниманія со стороны такихъ серьезныхъ „политическихъ дѣятельницъ", какими желаютъ казаться наши равноправки. Требованіе реформъ въ области брачныхъ отношеній и материнства—это слишкомъ мелкая задача для такой „общеполитической организаціи", какой претендуетъ быть „Союзъ". Но, если въ число ближайшихъ требованій „Союза" не входитъ требованіе реорганизаціи семьи, то долженъ-же имѣться какой-либо общій идеалъ брачныхъ отношеній у нашихъ „лѣвыхъ" равноправокъ? Каковъ-же этотъ идеалъ?

Героическая борьба единичныхъ дѣвушекъ буржуазнаго міра, бросившихъ обществу перчатку за право „смѣть любить" безъ указки и безъ цѣпей, долженствующая служить примѣромъ для всѣхъ томящихся въ семейныхъ оковахъ женщинъ,—такова проповѣдь наиболѣе-эмансипированныхъ феминистокъ за-границей, таково мнѣніе и нашихъ передовыхъ равноправокъ. Другими словами, брачный вопросъ разрѣшается въ представленіи феминистокъ независимо отъ окружающихъ условій, независимо отъ измѣненія экономической структуры общества, просто въ силу индивидуальныхъ, разрозненныхъ героическихъ усилій. Пусть только женщина „дерзаетъ"—и проблема брака распутается сама собою.

Но менѣе героическія женщины недовѣрчиво качаютъ головой: „хорошо вамъ, героинямъ романовъ, которыхъ предусмотрительный авторъ надѣлилъ круг-

лымъ капитальцемъ, парою безкорыстныхъ друзей, необычайно-привлекательными качествами, заставляющими всѣхъ и каждаго оказывать вамъ услуги,—хорошо вамъ бросать перчатку свѣту. Но каково-же тѣмъ, у кого нѣтъ ни капитала, ни достаточнаго заработка, ни друзей, ни привлекательныхъ качествъ?“ И вопросъ о материнствѣ встаетъ предъ озабоченнымъ взоромъ рвущейся къ свободѣ женщины. „Свободная любовь“— да возможна-ли она, осуществима-ли, не какъ единичное, исключительное, а какъ нормальное явленіе при теперешней экономической структурѣ общества, какъ обще-признанная господствующая норма? Можно-ли игнорировать опредѣляющій моментъ современной формы семьи и брака — частную собственность? Можно-ли въ индивидуалистически-настроенномъ мірѣ безнаказанно для интересовъ женщины устранять оформливаніе брачнаго договора — этой единственной гарантіи, что вся тяжесть материнства не падетъ на нее одну? *) Не

*) „Но есть и другой вопросъ: на комъ лежитъ обязанность оказывать соціальную и матеріальную поддержку матери и ребенку? „На мужѣ“,—говорятъ сторонники брака. Правда, это далеко не идеальный отвѣтъ, но все-таки отвѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ, мужъ довольно удовлетворительно выполняетъ свою задачу защитника матери и ребенка и, такимъ образомъ, дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее размноженіе потомства. Мужъ выполняетъ эту задачу такъ-же хорошо, какъ и самецъ-шимпанзе, что бодрствуетъ втеченіе ночи и бережетъ отъ нападеній кровожадной пантеры свою самку и дѣтенышей, дремлющихъ на вѣтвяхъ дерева, на мягкомъ ложѣ изъ листьевъ. Эта защита физіологически-слабыхъ, но для продолженія рода необходимыхъ, существъ существуетъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ. Уничтожить ее и не дать ничего взамѣнъ, обречь беременную женщину, роженицу или безпомощную мать съ грудным малюткой на всѣ ужасы борьбы за существованіе, это былъ-бы шагъ назадъ не только по сравненію съ варварствомъ чернокожихъ племенъ Африки, больше—это былъ-бы регрессъ по сравненію съ гориллой и шимпанзе“ (Гумпловичъ, „Бракъ и свободная любовь“, стр. 6).

случится-ли съ женщиной того-же, что случилось когда-то съ рабочими: отмѣна стѣснительной цеховой регламентаціи, безъ установленія новыхъ обязанностей со стороны хозяевъ, отдала рабочихъ въ безконтрольную власть капитала, и заманчивый лозунгъ „свобода договора труда и капитала“ превратился въ средство безнаказанной эксплуатаціи труда капиталомъ. Въ современномъ классовомъ обществѣ „свободная любовь“, проведенная со всей послѣдовательностью вмѣсто, того, чтобы избавить женщину отъ прежнихъ семейныхъ тяготъ, не взвалитъ-ли на ея плечи еще новую обузу—заботу о дѣтяхъ? „Частный договоръ для женщины“,—справедливо замѣчаетъ Бебель,—„имѣетъ столь-же малое значеніе, какъ и тотъ фактъ, что женщина въ любой отрасли труда, соотвѣтствующей ея силамъ и способностямъ, можетъ добыть себѣ средства существованія. Въ обоихъ случаяхъ она является угнетеннымъ существомъ, такъ какъ не только признаніе за ней экономической свободы, но даже и облегченіе вступленія въ бракъ и расторженія его, не въ состояніи защитить ее отъ экономическаго и общественнаго угнетенія и эксплуатаціи. До тѣхъ поръ, пока соціальное положеніе женщины (именно, ея экономическое положеніе) не будетъ совершенно независимо и одинаково съ положеніемъ мужчины, до тѣхъ поръ, пока политическія права обоихъ половъ не будутъ уравнены, частный характеръ брака будетъ столь-же мало полезенъ ей, сколько самая красивая конституція можетъ быть полезна для народа, правами и свободою котораго распоряжается правительство и господствующіе классы, имѣющіе въ своихъ рукахъ не только богатство, но и физическую и духовную власть.“ (Бебель, „Положеніе женщины“, стр. 3).

Только цѣлый рядъ коренныхъ реформъ въ области соціальныхъ отношеній, реформъ, перелагающихъ прежнія обязанности семьи на общество и государство,

создали-бы ту почву, на которой принципъ „свободной любви“ могъ-бы до нѣкоторой степени получить возможность осуществленія. Но можно-ли серьезно разсчитывать, чтобы современное классовое государство, какъ-бы демократично оно ни было построено, взяло на себя всѣ тѣ обязанности по отношенію къ матерямъ, а еще больше—къ подростающему поколѣнію, которыя пока выполняетъ индивидуалистическая ячейка—современная семья? Только коренное преобразованіе всѣхъ производственныхъ отношеній создало бы тѣ соціальныя предпосылки, которыя однѣ могутъ гарантировать женщину отъ отрицательныхъ сторонъ растяжимой формулы „свободной любви“. Не видимъ мы развѣ, какъ распущенность и безпорядочность половыхъ нравовъ при современныхъ условіяхъ охотно прячется за этой формулой? Посмотрите на всѣхъ этихъ г-дъ предпринимателей и администраторовъ промышленныхъ заведеній,—развѣ они по-своему не пользуются „свободной любовью“, заставляя работницъ, конторщицъ, служанокъ уступать ихъ половымъ капризамъ, подъ страхомъ увольненія? Развѣ всѣ эти „хозяева“, растлѣвающіе свою прислугу и выгоняющіе на улицу беременную женщину, развѣ они не придерживаются уже формулы „свободной любви“?

„Но не о такой „свободѣ“ говоримъ мы!“—возразятъ намъ поборницы свободнаго брака. Наоборотъ, „мы требуемъ установленія „единой морали“, одинаково обязательной для мужчинъ и для женщинъ, мы возстаемъ противъ современной половой распущенности, мы провозглашаемъ чистоту только такого „свободнаго“ брачнаго союза, въ основѣ котораго лежала-бы „настоящая любовь“. Но, милые друзья, не думаете-ли вы, что вашъ идеалъ „свободнаго брака“, примѣненный къ теперешнему соціально-экономическому укладу, можетъ дать результаты, весьма близкіе къ извращенной формулѣ половой свободы? Принципъ „свободы любви“

можетъ войти въ жизнь, не принося съ собою новаго горя женщинѣ только тогда, когда съ послѣдней сняты будутъ тѣ матеріальныя путы, которыя сейчасъ создаютъ ея двойную зависимость—отъ капитала и отъ мужа. Съ привлеченіемъ женщины къ самостоятельному труду, съ утвержденіемъ ея экономической независимости появляется нѣкоторая возможность „свободной любви“, особенно—для лучше-оплачиваемыхъ интеллигентныхъ профессіоналокъ. Но остается еще зависимость женщины отъ капитала, и эта зависимость растетъ по мѣрѣ привлеченія пролетарскихъ женщинъ въ кадры продавцовъ рабочей силы. Въ состояніи-ли лозунгъ „свободная любовь“ улучшить печальную участь для этихъ-то женщинъ, зарабатывающихъ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду? „Свободная любовь“— да развѣ-же она сейчасъ въ широкихъ размѣрахъ не практикуется въ рабочемъ классѣ, не практикуется настолько широко, что буржуазія неоднократно подымала вопли по этому поводу и кричала о „распущенности“ и „безнравственности“ пролетаріата! Но обратите вниманіе: когда феминистки захлебываясь толкуютъ о новыхъ формахъ внѣ-брачнаго сожительства для эмансипированной буржуазки, тогда этотъ бракъ онѣ зовутъ красивымъ словомъ „свободная любовь“; когда-же дѣло идетъ о рабочемъ классѣ, то внѣбрачное общеніе клеймится презрительнымъ прозвищемъ „безпорядочнаго половаго общенія“. Это—достаточно-характерно.

Между тѣмъ, для пролетарки, при современныхъ условіяхъ, освященное-ли церковью или свободное сожительство является одинаково тяжелымъ по своимъ послѣдствіямъ. Центръ семейной и брачной проблемы лежитъ для жены, для матери-пролетарки не во внѣшнихъ обрядовыхъ или гражданскихъ формахъ, а въ окружающихъ соціально-экономическихъ условіяхъ, опредѣляющихъ собою сложныя семейныя обязанности

женщины рабочаго класса. Разумѣется, и для нея имѣетъ значеніе то, можетъ-ли мужъ распоряжаться ея заработкомъ, имѣетъ-ли онъ по закону право заставить ее жить съ нимъ, если ей самой это нежелательно, можетъ-ли онъ насильно отнять у ней дѣтей и т. д. Но не этими параграфами гражданскаго уложенія опредѣляется реальное положеніе женщины въ семьѣ, не ими распутывается сложная семейная проблема. Оформленный у натаріуса, освященный церковью или построенный на принципѣ свободнаго договора, брачный вопросъ утратилъ-бы свою остроту для большинства женщинъ только въ томъ случаѣ, если-бы общество сняло съ женщины всѣ мелочныя хозяйственныя заботы, неизбѣжныя сейчасъ при веденіи распыленныхъ, единоличныхъ хозяйствъ, если-бы оно переняло на себя заботу о подростающемъ поколѣніи, сумѣло-бы охранить материнство и дать мать ребенку хотя-бы въ первые мѣсяцы его жизни.

Феминистки борются противъ фетиша—узаконеннаго и освященнаго церковью брачнаго договора; пролетарская женщина ведетъ войну съ причинами, создавшими современную форму семьи и брака, и, стремясь измѣнить кореннымъ образомъ эти условія, знаетъ, что способствуетъ этимъ реформированію и отношеній между полами. Въ этомъ кроется коренное различіе между буржуазнымъ и пролетарскимъ подходомъ къ сложной семейной проблемѣ.

Феминистки и соціальные реформаторы изъ лагеря буржуазіи, наивно вѣря въ возможность созданія новыхъ формъ семейныхъ и брачныхъ отношеній на темномъ фонѣ современнаго классоваго общества, мучительно ищутъ этихъ новыхъ брачныхъ формъ. Если ихъ еще не выдвинула сама жизнь, значитъ надо ихъ выдумать во что-бы то ни стало. Должна-же существовать такая совершенная форма полового общенія, которая и при современномъ строѣ способна разрѣшить

сложную семейную проблему. И идеологи буржуазнаго міра,—публицисты, беллетристы, передовыя женщины, борцы за эмансипацію,—одни за другими выдвигаютъ свою „семейную панацею“, свою новую „брачную формулу“.

Бракъ, — говорятъ одни, — это — свободное, безпрепятственное слѣдованіе влеченію своего естества, обнимающаго душу и плоть человѣка; это — союзъ двухъ индивидумовъ, одинаково свободныхъ и равноправныхъ, ничѣмъ не обязанныхъ другъ другу, не отвѣчающихъ другъ передъ другомъ; это—союзъ, который можетъ продолжаться годы, но можетъ длиться и одно краткое, но яркое, до экстаза доведенное, мгновеніе. Главное — никакихъ путъ, никакихъ скрѣпъ внѣ личнаго переживанія брачущихся сторонъ.

Бракъ, по мнѣнію другихъ, даже свободный, даже не связанный никакими внѣшними узами, долженъ оставаться и впредь основой замкнутой семейной ячейки. Поддержаніе тухнущаго домашняго очага—вотъ цѣль новаго, свободнаго, идеальнаго брачнаго союза, основаннаго не на голомъ матеріальномъ разсчетѣ, не на внѣшнемъ, обрядовомъ сожительствѣ двухъ чуждыхъ индивидуальностей, а на гармоническомъ сліяніи двухъ душъ, двухъ тѣлесъ, на дружески-душевномъ и любовно-физическомъ сліяніи супруговъ. Гармонія чувства физическаго и моральнаго—основа подобнаго брака; задача его—воспроизведеніе здороваго во всѣхъ смыслахъ потомства.

Бракъ,—говоритъ старикъ Бьернсенъ (а за нимъ и часть феминистокъ),—Бьернсенъ, этотъ строгій обличитель современной половой распущенности, этотъ наивный реформаторъ половой морали,—бракъ есть священный институтъ, къ которому надо и можно подходить только „чистымъ“, только „безгрѣшнымъ“. Полное до-брачное воздержаніе, сохраненіе своей половой невинности для мужчинъ до 25 лѣтъ, для женщины до

20-ти-лѣтняго возраста, затѣмъ строго-моногамный бракъ, единобрачіе въ полномъ смыслѣ этого слова, безъ всякихъ исключеній и поблажекъ. Такъ разрѣшаетъ Бьернсенъ семейную проблему, такъ однимъ ударомъ надѣется онъ внести свѣтъ и радость въ брачный союзъ и навѣки покончить съ проституціей! А міръ эксплуатаціи,—міръ, полный несправедливости, съ его узко-классовой моралью и безмѣрной властью капитала, долженъ остаться цѣлымъ и невредимымъ. Единобрачіе при нашемъ строѣ! Уничтоженіе проституціи! Наивная вѣра въ возможность повернуть линію различія половой нравственности какъ-разъ въ сторону, обратную той, куда она, по всей видимости, клонится.

Какъ утопично звучатъ всѣ эти брачныя формулы! Какими блѣдными палліативами являются онѣ на мрачномъ фонѣ нашего современнаго семейнаго уклада! „Свободный бракъ“, „свободная любовь“! Для того, чтобы эти формулы могли войти въ жизнь, нужно прежде всего произвести коренную реформу всѣхъ соціальныхъ взаимоотношеній людей; болѣе того—нужно, чтобы морально-половыя нормы, а съ ними и вся психологія человѣчества, претерпѣли глубокую, основательную эволюцію. Развѣ психологія современнаго человѣка приспособлена, въ самомъ дѣлѣ, къ воспріятію начала „свободной любви“? А ревность, разъѣдающая даже лучшія человѣческія души?! А глубоко вкоренившееся право собственности не только на тѣло, но и на душу другого? А неумѣніе почтительно склониться передъ проявленіемъ индивидуальности въ другомъ,—привычка либо „подчинять“ себѣ любимое существо, либо „служить“ ему? И горькое, смертельно, горькое чувство покинутости, безпредѣльнаго одиночества въ томъ случаѣ, если любимое существо разлюбитъ, уйдетъ. Куда преклонить голову „одинокому“ человѣку, индивидуалисту въ самой сути своихъ переживаній? „Коллективъ“ съ его радостями, горестями, стремленіями—это, въ луч-

шемъ случаѣ, „объектъ“ для расточенія своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ. Но развѣ современный человѣкъ способенъ слиться съ этимъ коллективомъ такъ, чтобы чувствовать претвореніе его въ себѣ и себя въ немъ? Развѣ способна жизнь коллектива замѣнить ему его мелкія личныя радости? Безъ „единой“ близкой души даже соціалистъ, даже коллективистъ безпредѣльно одинокъ въ современномъ намъ антагонистическомъ мірѣ, и только въ рабочемъ классѣ улавливаемъ мы блѣдные проблески грядущихъ, болѣе слитныхъ, болѣе соціальныхъ по духу отношеній между людьми.

Сложна семейная проблема, запутанна и многогранна, какъ сама жизнь, и не нашему строю подъ силу ее разрѣшить...

Но есть еще и другія брачныя формулы. Брачный союзъ,—говорятъ нѣкоторыя передовыя женщины и соціальные мыслители,—это—лишь способъ воспроизводить потомство. Бракъ самъ по себѣ не имѣетъ особой цѣнности для женщины; материнство—вотъ ея назначеніе, вотъ ея завѣтная цѣль и задача. Благодаря такимъ вдохновеннымъ поборницамъ материнства, какъ Руфь Брэ или Эленъ Кей, материнство—буржуазный идеалъ, видящій въ женщинѣ не человѣка прежде всего, а по премуществу самку, пріобрѣло особый ореолъ прогрессивности. Иностранная литература съ энтузіазмомъ подхватила этотъ лозунгъ, брошенный „передовыми“ женщинами. И даже у насъ, въ Россіи, въ эпоху, предшествовавшую политической бурѣ, при пересмотрѣ ряда соціальныхъ цѣнностей, вопросъ о материнствѣ остановилъ на себѣ вниманіе ежедневной прессы. Искренняя и смѣлая по своему подходу статья Ирины Дэ „Право на материнство“ („Русь“, 1904 г.) вызвала цѣлый рядъ статей, посвященныхъ этому вопросу. Лозунгъ „право на материнство“ не могъ не найти живого отклика въ самыхъ широкихъ кругахъ

женскаго населенія, и, хотя всѣ предложенія, исходившія изъ лагеря феминистокъ, грѣшили утопичной наивностью, проблема сама по себѣ являлась слишкомъ жизненной, слишкомъ близкой, чтобы не захватывать и не волновать женскихъ сердецъ.

„Право на материнство“ относится къ категоріи вопросовъ, которые волнуютъ и гнетутъ не однѣхъ только женщинъ буржуазнаго класса, но еще въ большей степени и пролетарокъ. Право быть матерью, вотъ—золотыя слова, которыя идутъ прямо въ душу, которыя заставляютъ забиться каждое „женское сердце“. Право кормить „своего“ ребенка своею грудью, право слѣдить за первыми проблесками пробужденія его сознанія, право оберегать его маленькое тѣльце и нѣжную душу отъ терній на первыхъ шагахъ жизни, отъ излишнихъ страданій,—да какая-же женщина-мать не подпишется подъ этими требованіями? Казалось-бы, мы снова наткнулись на пунктъ, могущій служить моментомъ единенія между женщинами различныхъ соціальныхъ слоевъ; казалось-бы, мы нашли, наконецъ, мостикъ, соединяющій женщинъ двухъ враждебныхъ міровъ. Посмотримъ-же поближе, что понимаютъ передовыя буржуазныя женщины подъ „правомъ материнства“, какъ ставятъ и разрѣшаютъ эту проблему вдохновенныя ея поборницы à la Руфь Брэ или Эленъ Кей. Тогда мы уяснимъ себѣ, могутъ-ли женщины рабочаго класса согласиться съ пониманіемъ и разрѣшеніемъ проблемы материнства, выдвигаемымъ буржуазными равноправками.

Материнство въ глазахъ его восторженныхъ апологетовъ обладаетъ почти священными свойствами. Стремясь разбить ложный предразсудокъ, клеймящій женщину за естественный, природный актъ,—рожденіе ребенка—въ томъ случаѣ если этотъ актъ не освященъ закономъ, борцы за право материнства перегибаютъ палку въ другую сторону: для нихъ материнство—цѣль жизни женщины.

„Новая мать", та, что должна обновить міръ—очистить, освятить, извращенный ложными представленіями, брачный союзъ,—ни съ кѣмъ не можетъ, не должна дѣлить своихъ правъ на ребенка. Мужчина, мужъ, любовникъ—для нея лишь преходящее явленіе, лишь средство совершить свое естественное назначеніе, достичь своей жизненной цѣли. По отношенію къ мужчинѣ—мужу, отцу ея ребенка, она не несетъ никакихъ обязанностей; что касается общества, то ея долгъ передъ нимъ одинъ—родить, вскормить и воспитать свое дитя.

Но развѣ подобное обращеніе материнства въ самоцѣль не граничитъ съ чисто-буржуазнымъ убѣжденіемъ, будто единственная „профессія" женщины быть матерью? Что изъ того, что „новая женщина-мать" отдастъ свое лучшее я, свой умъ, свои душевныя силы не семейной ячейкѣ, какъ таковой, а лишь плоти отъ плоти своей — ребенку? „Спасетъ-ли міръ" эта „новая, сильная, отвѣчающая за себя мать, тѣмъ, что сама воспитаетъ дѣтей въ своемъ духѣ, научитъ ихъ объяснять будущія обязанности и будетъ имъ ближе, чѣмъ та мать, которую аистъ лишилъ ея *величайшей заслуги* *) (курсивъ мой). Что выиграетъ женщина, которой предоставлено будетъ, при сохраненіи современнаго общественнаго уклада, „право на материнство"? Развѣ женщина, отдающая всю себя ребенку, можетъ оставаться „свободной личностью" при теперешнихъ условіяхъ, развѣ не окутана она уже самымъ фактомъ существованія ребенка цѣлой сѣтью неотвратимыхъ, гнетущихъ заботъ, заслоняющихъ отъ нея весь широкій, яркій, богатый переживаніями міръ крошечнымъ эгоистическимъ міркомъ „ея дѣтской"?

Освобожденіе женщины въ современномъ капиталистическомъ обществѣ путемъ осуществленія лозунга „свободнаго материнства" — это еще болѣе наивная

*) Р. Брэ, „Право на материнство", стр. 81.

утопія, чѣмъ мечта о разрѣшеніи семейнаго вопроса одной проповѣдью „свободной любви“. Право на материнство, такъ, какъ его толкуютъ феминистки, и сейчасъ во всей своей суровой реальности существуетъ для наиболѣе-многочисленнаго класса населенія — для пролетаріевъ. Посмотрите на эту длинную вереницу дѣвушекъ-матерей, которыя не съ гордо-поднятой головой, а съ низко-согбенными спинами тащутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть свободнаго материнства. Но развѣ это жестокое право служитъ къ ихъ освобожденію? Развѣ не оно, наоборотъ, слишкомъ часто является причиной, толкающей на преступленіе, даже на дѣтоубійство?

Впрочемъ, сами защитницы свободнаго материнства, какъ панацеи отъ семейныхъ золъ и способа „оздоровить“ отношенія между полами чувствуютъ слабость своей позиціи. И та-же Руфь Брэ, которая въ экстазѣ провозглашаетъ „вѣчное, древнѣйшее право материнства“, которая желаетъ „создать просторъ для древнѣйшаго и вѣчнаго двойственнаго союза — матери и ребенка“, сводитъ свои требованія къ весьма скромнымъ и благоразумнымъ пожеланіямъ: „Свободная женщина, требующая брака по материнскому праву, захочетъ владѣть дѣтьми, какъ своею собственностью; слѣдовательно, она должна быть въ состояніи ихъ содержать, хотя-бы на половину. Другую половину, а также и расходы по своему содержанію, долженъ нести мужъ.“ *) Другими словами, отвѣтственность въ брачномъ союзѣ, даже и при свободномъ материнствѣ, падаетъ наполовину и на отца. Что-же, это вполнѣ нормально и справедливо. Но причемъ-же тутъ „новая, сильная, отвѣчающая за себя мать, которая должна спасти міръ“, причемъ тутъ „желаніе *владѣть* своими дѣтьми, какъ своею собственностью?“ А далѣе—пожe-

*) Р. Брэ, „Право на матер.“, стр. 77.

ланіе, продиктованное уже чисто буржуазнымъ настроеніемъ: „Всѣ дѣти одного отца равно наслѣдуютъ ему, хотя-бы и родились отъ различныхъ браковъ. Ребенокъ, рожденный въ свободномъ бракѣ, наслѣдуетъ наравнѣ съ родившимися въ законномъ бракѣ. Кромѣ того, каждый ребенокъ получаетъ наслѣдство послѣ своей матери. Эта мѣра вполнѣ отвѣчаетъ правовому сознанію народа.“ *)

Это — все великія буржуазныя истины. Но зачѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, копья ломать за свободное материнство, если оно, въ концѣ концовъ, сводится къ столь скромнымъ и невиннымъ реформамъ? Замѣтьте при этомъ: на мужа, на отца, а никоимъ образомъ не на общество, перекладываютъ передовыя буржуазныя женщины заботы о подростающемъ поколѣніи. Сильны привычныя представленія, сильна власть индивидуалистической психологіи даже у передового человѣка нашего времени!

Трудно буржуазной феминисткѣ поставить отвѣтственность общества въ цѣломъ, вмѣсто индивидуальной отвѣтственности единичнаго человѣка. Впрочемъ, Руфь Брэ вспоминаетъ между прочимъ и „о государствѣ“; отъ него она требуетъ обезпеченія свободнаго материнства денежнымъ страхованіемъ. „Когда женщина становится матерью, слишкомъ большія семейныя заботы дѣлаютъ невозможной дальнѣйшую службу; поэтому, на всякій случай, служащей женщинѣ нужно гарантировать пенсію.“ **)

Вы думаете, подъ страхованіемъ материнства понимается выдача пенсіи „гражданкѣ-матери“? Нѣтъ, рѣчь идетъ о томъ, чтобы при вступленіи въ бракъ женщины интеллигентныхъ профессій — чиновницы, учительницы, актрисы и т. п. — не лишались той *служебной* пенсіи, которую онѣ выслужили и которой ихъ не-

*) Р. Брэ, „Право на матер.“, стр. 82.

**) Тамъ-же, стр. 79.

рѣдко лишаютъ, увольняя со службы. Предлагается добиваться и другой „привиллегіи“ — полученія замужними пенсіи. Какое-же это, однако, страхованіе материнства? Предлагается также государству не увольнять со службы замужнихъ женщинъ и установить опредѣленный срокъ отпуска для женщинъ въ предъ- и послѣ-родовой періодъ. Наконецъ-то,—требованіе, задѣвающее непосредственнымъ образомъ и интересы пролетарокъ! Но мы рано порадовались; оказывается, что рѣчь идетъ вовсе не о всѣхъ женщинахъ, а лишь о представительницахъ „средняго сословія“. „До сихъ поръ, — говоритъ Руфь Брэ,—такое охраненіе роженицъ практиковалось только на фабрикахъ и заводахъ, какъ и многія другія подобныя мѣропріятія. Никто не думаетъ о человѣческихъ интересахъ средняго сословія, а особенно чиновничьяго міра. Именно государство, которое должно-бы въ этомъ показать примѣръ, видитъ въ своихъ служащихъ только служащихъ, а не людей.“ *)

Итакъ, передовые борцы за материнское право, оказывается, хлопочутъ за предоставленіе этого права главнымъ образомъ представительницамъ своего класса, т. е. „средняго сословія“. По крайней мѣрѣ, искренно и откровенно.

Другая ярая поборница материнства Элэнъ Кей въ своемъ безмѣрномъ увлеченіи идетъ еще дальше Брэ. Руфь Брэ—не соціалистка, она — просто передовая буржуазная женщина, не отрекающаяся отъ своей классовой психологіи; для нея важнымъ является урегулировать проблему материнства въ предѣлахъ современнаго общества и ее весьма мало трогаетъ надежда на преобразованіе міра на новыхъ началахъ. Эленъ Кей—соціалистка; она съ осужденіемъ относится къ феминисткамъ, съ ихъ узко-классовой психологіей, утилитаризмомъ и неумѣніемъ глубже и шире посмотрѣть

*) Р. Брэ, „Право на материнство“, стр. 78.

на собственное „женское дѣло“. Эленъ Кей стремится къ обѣтованной землѣ обобществленнаго труда и горячо привѣтствуетъ освобожденіе женщины. И все-же старая буржуазная закваска кладетъ несносный отпечатокъ предвзятости на ея свѣжія, самостоятельныя и подчасъ изумительно-здравыя сужденія.

Эленъ Кей относится къ тому типу реформаторовъ брачнаго вопроса, для которыхъ разрѣшеніе семейной проблемы заключается въ реформированіи и оздоровленіи семьи. Въ противовѣсъ тѣмъ феминисткамъ, которыя видятъ центръ тяжести женскаго вопроса въ бракѣ и любви, она усматриваетъ его въ материнствѣ. Бракъ и любовь для Э. Кей должны стать однозначущими понятіями; основой-же и цѣлью самого брака являются дѣти, семья. *) Идеаломъ здоровой, нормальной женщины долженъ быть полный свѣтлыхъ радостей и солнечныхъ улыбокъ домашній очагъ, — очагъ, центромъ котораго является она — мать. Здѣсь, въ нѣдрахъ слитной, гармонической семьи, происходитъ любовно-внимательное воспитаніе дѣтей отцомъ и матерью. Ничуть не обольщаясь относительно темныхъ сторонъ современнаго семейнаго уклада, она тѣмъ настойчивѣе требуетъ его коренной, внутренней реформы; но, при всемъ радикализмѣ Кей, семья для нея столь-же священна, какъ для любого буржуазнаго филистера.

Разумѣется, Кей — ярая противница общественнаго воспитанія: „Не отнимайте у всѣхъ дѣтей ихъ правомѣрной наслѣдственной доли—семейныхъ чувствъ и семейныхъ воспоминаній, семейныхъ горестей и радостей—всего того, что придаетъ природѣ человѣка ея

*) Эленъ Кей приводитъ изреченіе Браке, въ которомъ всего полнѣе выражается и ея собственное отношеніе къ браку: „Бракъ,—такъ называю я волю двухъ создать третьяго, который больше тѣхъ, что создали его. Бракомъ называю я взаимное уваженіе мужчины и женщины, какъ желающихъ одной и той же воли.“

особый тонъ, цвѣтъ и благоуханіе!“ „Не уничтожайте самую важную изъ всѣхъ системъ совмѣстнаго воспитанія — систему воспитанія дѣтей родителями и родителей дѣтьми!“ *) Со свойственной ей страстностью она защищаетъ современную замкнутую семейную ячейку и требуетъ не уничтоженія, а преобразованія семьи: „Слѣдуетъ уничтожить не семью, а преобразовать семейное право. Не родительскаго воспитанія слѣдуетъ избѣгать, а надо ввести воспитаніе самихъ родителей; нужно не уничтожить домашній очагъ, а устранить бездомность.“ **) Современныя экономическія условія увлекли женщину изъ дому, оторвали ее отъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей; теперь человѣчество должно подумать о томъ, какъ-бы вернуть мать дѣтямъ и домашнему очагу. ***) Съ радостью ухватится женщина за возможность служить обществу въ качествѣ матери и воспитательницы; ребенокъ — вѣдь это цѣль существованія женщины; „черезъ ребенка должна она передать въ наслѣдство все богатство своей индивидуальности и индивидуальности своего возлюбленнаго; она должна отдать воспитанію ребенка всю свою развитую личность, свою духовную и тѣлесную жизненную силу, свою завоеванную при помощи труда независимость.“ ****) Конечно, женщинѣ слѣдуетъ предоставить свободу изби-

*) Э. Кей, „Любовь и бракъ“, стр. 230.

**) Тамъ же, стр. 231.

***) „Если придерживаться того мнѣнія, что должны-же появляться на свѣтъ дѣти и что для воспитанія ихъ въ первые годы жизни семья представляетъ въ принципѣ наилучшія условія, то слѣдуетъ серьезно поразмыслить и надъ тѣми послѣдствіями, которыя влечетъ за собой въ настоящее время работа женщинъ внѣ дома, а, поразмысливъ, придется сказать себѣ, что въ данное время нѣтъ большей необходимости, какъ создать такія условія цивилизаціи, придумать такой планъ соціальной организаціи, который возвратилъ-бы мать дѣтямъ и семейному очагу“ (Эллень Кей, „Вѣкъ ребенка“, стр. 72).

****) Э. Кей, „Любовь и бракъ“, стр, 183.

рать самой свою жизненную задачу—дѣлаться профессіоналкой или-же матерью-воспитательницей; но горе тѣмъ матерямъ, въ которыхъ общественные инстинкты, любовь къ наукѣ, къ искусствамъ заглушили ихъ природное призваніе и убили страстное желаніе дать міру ребенка, посвятивъ себя ему. *) Женщина-профеессіоналка, женщина, расходующая свои душевныя силы внѣ круга дѣтской, творитъ великое зло человѣчеству. „Многія женщины, признающія необходимость выбрать одно изъ двухъ — профессію или материнство, останавливаются на первомъ и совершенно избѣгаютъ или ограничиваютъ второе, потому что полагаютъ, что онѣ обязаны внести другой, болѣе богатый вкладъ въ дѣло культуры. Но развѣ человѣчество не выиграло-бы болѣе благодаря геніямъ, которые могли-бы родиться у этихъ талантливыхъ женщинъ?“ **) И это говоритъ ярая и страстная поборница всесторонняго женскаго освобожденія; это говоритъ соціалистка Эленъ Кей! Да чѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, ея „прогрессивный идеалъ“ новыхъ брачныхъ отношеній и „новой женщины“ отличается отъ благоразумныхъ старыхъ прописей благонравныхъ буржуа? Развѣ это не та-же, только еще болѣе суженная проповѣдь германскаго императора, считающаго, что умственный и душевный кругозоръ „разумной“ женщины съ избыткомъ покрывается „четырьмя „К“ (Kinder, Kirche, Kleider und Küche.)***) Слушая многорѣчивыя восхваленія „материнства“, какъ самоцѣли, невольно вспоминаешь здравыя слова Клары Цеткинъ, отмѣчающей, что „утвержденіе, будто женщина самой природой предназначена для воспитанія

*) „Материнство—это естественное равновѣсіе между счастьемъ отдѣльной личности и счастьемъ общества, между самоутвержденіемъ и самоотверженностью, между чувственнымъ и душевнымъ началомъ.“ (Э. Кей, ibid., стр. 197).

**) Э. Кей, „Любовь и бракъ“, стр. 208.

***) Дѣти, церковь, платья и кухня.

дѣтей—пережитокъ старины, которому нѣтъ мѣста при современныхъ общественныхъ условіяхъ. Мать, дѣйствительно,—„естественная“ воспитательница ребенка въ періодѣ кормленія, въ силу естественной связи, существующей между ней и дитятей; но не дольше. Задача общества заключается въ томъ, чтобы сохранить и обезпечить ребенку материнскій уходъ впродолженіе этого времени и дать ему возможность нормально развиваться въ періодъ беременности матери. Но, какъ только періодъ кормленія прошелъ, для развитія ребенка совершенно безразлично, ухаживаетъ-ли за нимъ мать или кто-либо другой. Здѣсь рѣшающее вліяніе имѣютъ не „естественныя“ неизмѣнныя причины, а наоборотъ — постоянно мѣняющіяся общественныя условія. Важно не именно материнское, а вообще разумное, любовное воспитаніе, основанное на знаніи законовъ развитія ребенка“ (Клара Цеткинъ, „Женщина и ея экономическое положеніе“, стр. 31).

Въ своемъ безмѣрномъ поклоненіи материнству Кей готова, вопреки очевидности, утверждать, что незамужнія работницы скоро совершенно вытѣснятъ замужнихъ съ трудового рынка и что полное возвращеніе женщины къ домашнему очагу—лишь „вопросъ времени.“ *) Эти свои утвержденія Кей строитъ на томъ, что гдѣ-то въ Америкѣ незамужнія работницы объединились для борьбы съ трудомъ замужнихъ; другихъ фактовъ изъ жизненной практики у Кей нѣтъ подъ рукою, но это не мѣшаетъ ей дѣлать свои скороспѣлыя заключенія. **) Съ помощью законодательныхъ по-

*) Э. Кей, „Бракъ и любовь“, стр. 371.

**) Слушая проповѣди феминистокъ о томъ, что материнство „само въ себѣ“ есть жизненная цѣль, невольно вспоминаешь остроумныя слова Цюрихскаго доктора Брульпахера по поводу профессіи „материнства“ и „отцовства“: „Представьте себѣ мужчину“,—говоритъ докторъ,—„который свою жизненную цѣль усма-

становленій и борьбы между собою замужнихъ и незамужнихъ работницъ на трудовомъ рынкѣ (Кей повидимому считаетъ, что съ приближеніемъ соціализма въ рабочемъ классѣ будетъ возрастать и обостряться не солидарность, а конкуренція!) женщина будетъ возвращена семьѣ, особенно—„если домашней работѣ ея будетъ приданъ характеръ оплачиваемаго труда...“ *)

Домашнее хозяйство при посредствѣ кооперацій сократится; но, тѣмъ не менѣе, женщина будетъ заботиться о домашнемъ очагѣ и вести свое образцовое хозяйство при помощи „удобныхъ и пріятныхъ орудій труда“. Домашняя работа достигнетъ иногда своего прежняго почетнаго положенія, но лишь при томъ условіи, что „общество оцѣнитъ домашнія заботы женщины, и она больше не будетъ чувствовать, что мужъ содержитъ ее ради того, чтобы она исполняла второстепенную работу, — работу, не удостоившуюся той оцѣнки, которая стала для современности безусловною мѣрою экономическихъ цѣнностей—оцѣнки наличными деньгами.“ (Элленъ Кей, „Любовь и бракъ“, стр. 373).

„Зависимость женщины“ —утверждаетъ Кей—„можетъ быть уничтожена только тѣмъ, что ея домашняя работа получитъ экономическую оцѣнку.“ Но, какъ-же, однако, оцѣнивать домашнюю работу женщинъ? По мнѣнію Кей, это сдѣлать весьма нетрудно — нужно только возмѣстить женщинѣ тотъ заработокъ, который она утрачиваетъ, отказываясь отъ своей прежней профессіи; „если это мѣрило отсутствуетъ, то она должна получать ту сумму, въ какую обошлась-бы при подобныхъ обстоятельствахъ экономка.“ **)

Женщина должна получать за домоводство плату.

тривалъ-бы въ непрерывной функціи воспроизводства потомства и весь отдавался-бы этой послѣдней; чтобы вы о немъ сказали?“ E. Iher, Die proletarische Frau und die Berufsstatistik.

*) Э. Кей, „Бракъ и любовь“, стр. 371.

**) Тамъ-же, стр. 377.

Но отъ кого? отъ мужа? отъ общества? Повидимому, отъ мужа, такъ какъ это мѣропріятіе Кей выдвигаетъ независимо отъ наступленія соціализма. Характерна еще слѣдующая оговорка Кей: для тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ имущество, приданое и могутъ покрывать свою часть расходовъ на хозяйство и дѣтей изъ собственнаго кармана, *необязательно* посвящать себя только домоводству и, слѣдовательно, за ними сохраняется право избирать себѣ профессію внѣ дома, не получая за это особаго вознагражденія. Какая мѣшанина понятій и сколько въ этихъ квази-реформахъ „узкаго мѣщанства"!

Для оздоровленія семейнаго начала Кей признаетъ необходимымъ проведеніе еще и слѣдующихъ ближайшихъ мѣропріятій: прежде всего, конечно, полная раздѣльность имущества супруговъ, обязательное перенесеніе половины отвѣтственности за дѣтей на отца, который до 18-ти лѣтняго возраста своего потомства обязанъ о немъ заботиться и возмѣщать половинную часть его содержанія. Но тутъ Кей вспоминаетъ и о роли „общества",—недаромъ-же она соціалистка! На сцену появляется страхованіе материнства. Когда-то этотъ принципъ провозглашали одни соціалисты; но теперь требованіе это получило право гражданства въ самыхъ широкихъ кругахъ женскаго населенія. Женщина,—предлагаетъ Кей,—которая отбыла свою женскую воинскую повинность, т. е. „путемъ годичнаго ухода за дѣтьми, а если возможно, и путемъ ухода за больными, изучила общую гигіену, не имѣющая ни личнаго имущества, ни заработка, достаточнаго, чтобы покрыть ея половину расходовъ на ребенка, получаетъ отъ общества субсидію, втеченіе не долѣе какъ трехъ первыхъ лѣтъ дѣтской жизни. При этомъ существуетъ особая „дѣтская инспекція", которая раздаетъ субсидіи

*) Э. Кей, „Бракъ и любовь", стр. 373.

и контролируетъ уходъ за младенцами и дѣтьми. И эти „полусоціалистическія“—„полумѣщанскія“ требованія Эленъ Кей предлагаетъ, какъ панацею отъ золъ современныхъ брачныхъ отношеній! А на кого она возлагаетъ проведеніе этихъ мѣропріятій? На современное классовое общество!...

Приверженность Кей къ обязанностямъ материнства и къ семейному началу заставляетъ ее высказывать увѣренность, что замкнутая семейная ячейка будетъ существовать и въ преобразованномъ на соціалистическихъ началахъ обществѣ. Измѣненія въ этой области сведутся лишь къ тому, что изъ брачнаго союза исключенъ будетъ всякій привходящій моментъ разсудочнаго или матеріальнаго разсчета, что брачный союзъ будетъ заключаться по взаимной склонности, безъ всякихъ обрядовъ и формальностей, что любовь и бракъ превратятся въ однозначущія понятія. Замкнутая семейная ячейка, это — порожденіе современнаго индивидуалистическаго міра, съ его безпощадной борьбой за существованіе, съ его распыленностью и одиночествомъ душъ, это—порожденіе уродливаго капиталистическаго строя. И ее-то Кей надѣется во всей неприкосновенности передать въ наслѣдство соціалистическому обществу. Но будетъ-ли тамъ моральная и соціальная необходимость въ такихъ кровныхъ, родственныхъ узахъ, которыя, при современной разобщенности, служатъ часто единственнымъ оплотомъ въ жизни, единственнымъ прибѣжищемъ въ минуту тяжелыхъ невзгодъ. Отвѣта на этотъ вопросъ Кей не даетъ. Слишкомъ ужъ любовно относится она къ „идеальной семьѣ“—этой эгоистической ячейкѣ средняго сословія, на которую съ надеждой и благоговѣніемъ взираютъ приверженцы буржуазной структуры общества.

Но не однѣ неустойчивыя, хотя-бы и талантливыя, головы, въ родѣ Э. Кей, запутываются въ соціальныхъ противорѣчіяхъ, пытаясь разрѣшить семейную проблему.

Кажется, нѣтъ ни одного вопроса, въ области соціальныхъ взаимоотношеній людей, который вызывалъ-бы, даже среди самихъ соціалистовъ, столько разногласій, какъ вопросъ о бракѣ и семьѣ. Если-бы мы попробовали организовать анкету, то результаты, вѣроятно, получились-бы весьма любопытные. Разрушается-ли семья или есть основанія предполагать, что теперешняя семейная неурядица есть лишь временный, переживаемый семьей, кризисъ? Сохранится-ли нынѣшняя форма семьи въ будущемъ обществѣ или она окажется безвозвратно погребенной подъ обломками современнаго капиталистическаго строя? Вотъ вопросы, на которые могутъ получиться самые противоположные отвѣты.

Еще въ 1869 г., на одномъ изъ съѣздовъ германскихъ профессіональныхъ союзовъ, соціалистъ Браке внесъ предложеніе добиваться запрещенія профессіональнаго труда замужнихъ женщинъ, какъ отвлекающаго ихъ отъ дома и ведущаго пролетарскія семьи къ неизбѣжному распаду. Съѣздъ, сознавая, что никакая законодательная регламентація не въ состояніи спасти женщину отъ эксплуатаціи капитала при современныхъ производственныхъ отношеніяхъ, тогда-же отвергъ предложеніе Браке: рабочіе прекрасно понимали, что запрещеніе профессіональнаго труда внѣ дома не вернуло-бы ребенку матери, что изобрѣтательный капиталъ потайными ходами сумѣлъ-бы пробраться въ жилище пролетаріата и тамъ, въ образѣ „домашней промышленности“, продолжалъ-бы высасывать изъ нея всѣ трудовые соки. Развѣ исторія женскаго труда не знаетъ подобнаго примѣра? Стоитъ вспомнить конецъ средневѣковья, когда, послѣ широкаго участія женщины въ ремеслахъ, цеховая исключительность загнала ее въ домъ. Запрещеніе открыто трудиться въ мастерской удесятерило-бы трудовыя тяготы для женщинъ, и не помогло-бы имъ уйти изъ сѣтей того-же капитала. Изолированная, разобщенная съ товарищами по труду

женщина снова покорно склонилась-бы подъ гнетомъ растущей эксплуатаціи, и, вмѣсто свѣта и облегченія, запретъ работать на фабрикахъ и въ мастерскихъ повлекъ-бы за собою лишь новыя страданія и горести для женщинъ-матерей.

Но тяготѣніе къ привычному семейному очагу такъ сильно, что заставляетъ самихъ соціалистовъ нѣтъ-нѣтъ да и поднять голосъ въ защиту современнаго семейнаго уклада.

Почти одновременно съ предложеніемъ Браке, на второмъ съѣздѣ интернаціонала, въ 1868 г., французская фракція соціалистовъ высказалась, по поводу обсужденія вопроса о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, за „возвращеніе женщины въ семью“. Куллери, обосновывая памятную записку прудонистовъ, пѣлъ въ напыщенныхъ фразахъ хвалебный гимнъ эмансипаціи женщины, но свое восхваленіе свелъ, въ концѣ концовъ, къ филистерскому превознесенію женщины, остающейся „у домашняго очага“. Часть французскихъ делегатовъ внесла даже резолюцію, указывавшую женщинѣ ея мѣсто въ семьѣ, какъ матери и воспитательницы дѣтей, осуждавшую женскій трудъ и предлагавшую протестовать противъ него, какъ „противъ зла, ведущаго за собою физическое, моральное и соціальное вырожденіе.“ *)

Совершенно иначе отнесся къ вопросу о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ Карлъ Марксъ. Протестуя противъ варварской эксплуатаціи труда женщинъ и дѣтей въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, высказываясь за необходимость широкой законодательной охраны, Марксъ, однако, привѣтствовалъ выступленіе женщинъ на путь общественнаго производства. Только трудъ можетъ освободить женщину отъ душной атмосферы семейной жизни; только онъ сможетъ выковать изъ нея цѣлостнаго человѣка. Гигіенически-обставлен-

*) Г. Іеккъ, „Интернаціоналъ“, стр. 39.

ный трудъ не только не повредитъ женщинѣ, а, напротивъ, будетъ способствовать развитію ея физическихъ силъ и поможетъ ей стать самостоятельной и независимой личностью. Интернаціоналъ тогда-же принялъ резолюцію въ духѣ Маркса, и, тѣмъ не менѣе, изъ соціалистическаго міра опять и опять раздаются голоса въ защиту женщины, проводящей свою жизнь у домашняго камелька. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Sozialistische Monatshefte“ появилась статья Фишера, въ общихъ чертахъ повторяющая аргументацію прудонистовъ на съѣздахъ интернаціонала. Женскій промышленный трудъ, это — несомнѣнное зло, противъ котораго нужно было-бы активно бороться, если-бы тенденція самого капиталистическаго производства не обнаруживала благопріятныхъ въ этомъ смыслѣ симптомовъ и не обѣщала исчезновенія этого зла въ будущемъ. Фишеръ старается доказать, что распаденіе семьи рабочаго класса—лишь временное явленіе, порождаемое особыми производственными отношеніями нашихъ дней, главнымъ-же образомъ—низкой заработной платой отца семейства, обусловливающей подсобный заработокъ жены. По мѣрѣ роста организованности рабочаго класса и усиленія его значенія, по мѣрѣ расширенія области соціальнаго законодательства, уровень заработной платы будетъ постепенно повышаться и можетъ достичь такой границы, за которой женщина сама покинетъ фабрику, чтобы снова стать—„доброй женой, заботливой матерью и домовитой хозяйкой“. Привычная картина домашняго уюта нѣмецкаго бюргерскаго дома рисуется передъ очарованнымъ взоромъ Фишера: мужъ — единственный кормилецъ семьи - усталый возвращается подъ вечеръ къ своему заманчиво-пылающему очагу, гдѣ съ привѣтливой лаской ждетъ его семья; чисто-одѣтые, здоровые ребятишки и домовитая жена-хозяйка, гордая своимъ кухоннымъ искусствомъ, а на столѣ уже дымится горячій супъ! Да, для современнаго пролетарія, которому изо дня въ

день приходится питаться въ сухомятку, „горячій супъ“ несомнѣнно можетъ служить порою предметомъ „тайныхъ воздыханій“. Но почему непремѣнно представлять себѣ этотъ „горячій супъ“ на «*своемъ*» столѣ, въ тѣсномъ кругу «своихъ» кровныхъ наслѣдниковъ? Какъ далека психологія современнаго человѣка, весь складъ его души отъ того коллективистскаго сознанія, въ которомъ, надо думать, перевоспитаютъ его иныя производственныя отношенія...

Но вернемся къ аргументаціи Фишера. Гдѣ та норма заработной платы, которую можно считать достаточной для покрытія всѣхъ насущнѣйшихъ потребностей пролетарской семьи? Гдѣ та граница матеріальнаго благополучія, достигнувъ которой рабочій могъ-бы съ полнымъ убѣжденіемъ сказать своей женѣ: „теперь я зарабатываю за двоихъ; такъ ты ступай домой и занимайся своимъ домашнимъ дѣломъ“? Развѣ не растутъ потребности рабочаго класса вмѣстѣ съ повышеніемъ его заработка и притомъ еще въ большей прогрессіи, чѣмъ этотъ послѣдній? Не на этомъ-ли положеніи построена и марксовская „теорія обнищанія“? Развѣ не ставятъ, наконецъ, сами производственныя отношенія предѣла непрерывному повышенію оплаты труда? На что-же тогда современная техника, если въ критическую минуту она съ обычной готовностью не явится на подмогу капиталисту и, поднявъ при помощи новыхъ машинъ производительность труда для сокращенія рабочихъ рукъ, не дастъ возможности прижатымъ къ стѣнѣ фабрикантамъ снова выйти побѣдителями.

Но, независимо отъ чисто-объективныхъ условій, не имѣются-ли уже въ психологіи пролетаріата, особенно женской его части, такіе элементы, которые препятствуютъ возрожденію прежнихъ семейныхъ началъ? Женщина, которая самымъ процессомъ пріобщенія къ общественному производству незамѣтно, но безповоротно эмансипируется и отвлекается отъ домашняго

очага, уже не въ состояніи будетъ „въ одинъ прекрасный день“ повернуть спину пройденному освободительному пути и, конечно, не пожелаетъ добровольно взвалить на себя неудобный домашній вьюкъ. Смотрите, какъ быстро преобразовывается психика женщины-работницы, женщины-профессіоналки, участвующей въ общественномъ производствѣ, а, слѣдовательно, и въ классовой борьбѣ! Какія цѣнныя, ранѣе абсолютно ей несвойственныя, черты въ ней вырабатываются: независимость, любовь къ свободѣ, умѣнье сливаться съ коллективомъ. Женщина-работница, втеченіе нѣсколькихъ поколѣній проходившая суровую школу пролетарскаго труда и борьбы,—женщина, „вываривщаяся въ фабричномъ котлѣ“, привыкшая, чтобы на нее смотрѣли, прежде всего какъ на равнаго товарища и человѣка, а затѣмъ уже какъ на половую особь, никогда не помирится съ семейной кабалой, даже скрашенной рядомъ гражданскихъ и соціальныхъ реформъ, и менѣе всего способна будетъ вернуться къ зависимому состоянію содержанки мужа или любовника.

Этотъ важный моментъ слишкомъ часто упускается изъ вида при разсмотрѣніи брачнаго и семейнаго вопросовъ будущаго. Даже женщины-соціалистки недостаточно учитываютъ измѣненіе женской психологіи подъ вліяніемъ перемѣнъ въ соціальныхъ отношеніяхъ. На четвертой конференціи соціалъ-демократокъ Германіи, при обсужденіи вопроса о материнствѣ, опять раздавались, правда—единичные, голоса въ защиту семьи и домашнихъ обязанностей женщины. Такъ, депутатка изъ Магдебурга, разбирая резолюцію объ охранѣ беременности и родового періода женщинъ рабочаго класса, заявила, что обезпечить женщину отъ вреда, наносимаго здоровью и жизни какъ ея, такъ и ребенка, можно только одной радикальной мѣрой, а именно — добиться совмѣстной борьбой такого уровня заработной платы, при которомъ работа женщинъ внѣ дома станетъ излиш-

ней *). Но конференція соціал-демократокъ не раздѣляла точки зрѣнія депутатки изъ Магдебурга и вынесла резолюцію (помѣщенную ниже), въ которой высказанъ какъ разъ противоположный взглядъ.

Условія производства вытолкнули женщину изъ дома, заставили ее забыть свои материнскія и хозяйственныя обязанности; но они-же—эти условія—выковываютъ изъ нея человѣка. „Рабочіе“,—говоритъ Лафаргъ,—„первые извлекли логическія послѣдствія изъ участія женщинъ въ общественномъ производствѣ: они замѣнили идеалъ ремесленника, идеалъ женщины-хозяйки новымъ идеа-

*) Bericht über die vierte sozialdemokratische Frauenkonferenz in Mannheim, 1906 г., стр. 467. Въ текущемъ году А. П. Омельченко, раздѣляющій марксистское міровоззрѣніе, тѣмъ не менѣе, вопреки очевидности, старался доказать, что соціал-демократія всегда и всюду являлась защитницей семейнаго начала и что въ коллективистскомъ строѣ семья найдетъ свое наиболѣе полное выраженіе. „Семья“—говоритъ Омельченко,—„двусторонній союзъ между мужчиной и женщиной, связанными между собою фактомъ свободно-рожденнаго ребенка, и родителями и дѣтьми, требующими по праву кровнаго родства заботы о себѣ въ до-школьный возрастъ,—не только не противорѣчитъ коллективистическому строю, но логически изъ него вытекаетъ, если не забывать, что въ основѣ семьи лежитъ свободная половая любовь“. (Омельченко, „Свободная любовь и семья“, стр. 22). И далѣе: „Соціалистическій строй, на ряду съ тѣмъ, что онъ создастъ условія для полной человѣческой жизни, дорогъ еще и тѣмъ, что онъ раскроетъ объективную возможность для осуществленія въ жизни и семейнаго начала во всемъ его могучемъ содержаніи“ (стр. 24). Свои положенія Омельченко пытается подтвердить выдержками изъ Бебеля, но эти выдержки доказываютъ только, что въ соціалистическомъ строѣ любовь будетъ имѣть первенствующее значеніе при заключеніи брака, что будутъ отсутствовать „ложные предразсудки, отравляющіе сейчасъ счастье семейной жизни“. Но выдержки эти совершенно не даютъ основанія утверждать, будто современная форма семьи перейдетъ и въ соціалистическій строй; Бебель—слишкомъ глубокій знатокъ ученія историческаго матеріализма, чтобы сдѣлать тотъ неосторожный прогнозъ, какой желаетъ ему навязать А. П. Омельченко.

ломъ—женщины-товарища въ экономической борьбѣ за увеличеніе заработной платы и за освобожденіе труда; только буржуазія еще не дошла до пониманія того, что ея идеалъ уже давно устарѣлъ и что слѣдуетъ его обновить, чтобы онъ соотвѣтствовалъ современнымъ условіямъ общественной среды." *) И какъ-бы ни возмущались этимъ поклонники семейнаго начала и порабощенія женщины, какъ-бы ни звали они женщину назадъ—къ семейнымъ радостямъ, та женщина, что вкусила другихъ болѣе широкихъ радостей, что сознала себя самостоятельнымъ человѣкомъ и цѣннымъ работникомъ-товарищемъ, не захочетъ продать свою освобожденную личность за чечевичную похлебку, за замкнутую скорлупу домашняго очага... Нѣтъ, чтобы ни говорили приверженцы современныхъ семейныхъ началъ, тенденція общественнаго развитія свидѣтельствуетъ, что современная замкнутая семья доживаетъ свои послѣдніе дни, что ей неизбѣжно суждено погибнуть вмѣстѣ съ современнымъ классово-антагонистическимъ міромъ.

Мы разсмотрѣли наиболѣе характерныя брачныя формулы феминистокъ. Какая-же изъ нихъ наиболѣе пріемлема? Какая изъ нихъ ближе всего подходитъ къ зарождающемуся въ нѣдрахъ рабочихъ массъ идеалу полового общенія въ будущемъ? Да развѣ, вообще, дѣло въ выборѣ той или другой брачной формулы, въ оцѣнкѣ различныхъ нормъ семейныхъ отношеній? Неужели-же рѣшеніе семейной проблемы, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ лишь въ томъ, чтобы *„изобрѣсти"* наиболѣе-удобную форму брачнаго союза?

Тотъ, кто знакомъ съ основными положеніями историческаго матеріализма, знаетъ, что люди безсильны

*) П. Лафаргъ, „Женскій вопросъ", стр. 5.

произвольно видоизмѣнять формы своего соціальнаго сожительства, такъ какъ эти формы логически вытекаютъ изъ окружающихъ экономико-производственныхъ отношеній. Все, что оно можетъ сдѣлать, это—уловить тенденцію уже совершающейся въ соціальномъ организмѣ эволюціи и ускорить темпъ этого, обыкновенно болѣзненно-совершающагося, преобразовательнаго процесса. Кто хочетъ получить представленіе о томъ, какія брачныя отношенія возможны въ будущемъ, тотъ прежде всего долженъ внимательно прослѣдить эволюцію современныхъ семейныхъ началъ. Капитализмъ разрушаетъ семью, но дальнѣйшій процессъ обобществленія производства способствуетъ созданію новыхъ формъ соціальнаго общежитія. Медленно, но неотвратимо происходитъ перенесеніе одной за другою обязанностей съ семьи на общество и государство. Тѣ семейныя функціи, которыя еще недавно казались неотъемлемой принадлежностью семейной ячейки, становятся постоянной задачей того или другого коллектива. Обособленныя, замкнутыя въ себѣ единоличныя хозяйства уступаютъ мѣсто грандіознымъ кооперативнымъ предпріятіямъ, гдѣ, рядомъ съ общимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ для десятковъ отдѣльныхъ семействъ, существуетъ и общая кухня, столовая, ресторанъ. *) Ясли, дѣтскіе сады и начальныя школы снимаютъ съ отягченныхъ плечъ матери-профессіоналки непосильную задачу раціональнаго, здороваго воспитанія молодого поколѣнія. Въ улыбающейся, гигіенической, морально-чистой атмосферѣ яслей

*) „Мы видимъ, что въ странахъ съ наиболѣе-развитымъ капиталистическимъ производствомъ—въ Англіи и Америкѣ—многія семьи со скромными средствами уже теперь предпочитаютъ Boardinghous единичному хозяйству. Здѣсь-же мы встрѣчаемъ и зачатки движенія въ пользу семейныхъ кооперативовъ, которые стремятся разрѣшить этотъ вопросъ въ большихъ размѣрахъ. (Шлезингеръ-Экштейнъ, „Женщина къ началу XX вѣка“, стр. 73—74).

и дѣтскихъ садовъ, подъ руководствомъ профессіональныхъ педагогичекъ и воспитательницъ, дѣтвора избавляется отъ зараженнаго воздуха современныхъ рабочихъ кварталовъ, отъ жеванныхъ корокъ вмѣсто молока, отъ холода, голода, побоевъ и другихъ неизбѣжныхъ атрибутовъ современнаго „воспитанія“, носящаго громкое названіе „воспитанія подъ материнскимъ окомъ“. Разумѣется, сейчасъ всѣ эти ясли, дѣтскіе сады, начальныя школы въ рукахъ „благодѣтелей сверху“, а не самого того класса населенія, который они обслуживаютъ, полны несовершенствъ и недочетовъ; поэтому, на нихъ можно смотрѣть только, какъ на блѣдные прообразы тѣхъ формъ соціальнаго общежитія, которыя не только создадутся въ будущемъ, но въ которыя новое человѣчество, вѣроятно, сумѣетъ вдохнуть и новое содержаніе, новый духъ. Въ этихъ питомникахъ подростающаго поколѣнія съ первыхъ-же годовъ жизни будутъ прививаться маленькимъ формирующимся душамъ драгоцѣнные задатки солидарности и общественности, привычка смотрѣть на міръ сквозь призму коллектива, а не своего одинокаго, эгоистичнаго „я“.

Любвеобильныя буржуазныя маменьки въ ужасѣ всплескиваютъ руками, когда имъ указываютъ на то, что сама жизнь, шагъ за шагомъ, вырываетъ воспитаніе изъ ихъ рукъ, чтобы передать его въ болѣе подготовленныя руки спеціалистовъ. „Чтобы сшить сапоги, требуется пройти искусъ ученичества, а чтобы руководить такими хрупкими твореніями, какъ души дѣтей, достаточно, будто-бы, одного материнскаго инстинкта“, — восклицаетъ Цеткина. Сколькихъ людей коверкаетъ этотъ слѣпой инстинктъ, который считаютъ способнымъ замѣнить научныя знанія и спеціальную подготовку. И пусть буржуазныя маменьки лицемѣрно не отмахиваются отъ призрака общественнаго воспитанія, пусть раньше отвѣтятъ онѣ, на своихъ-ли

плечахъ, въ самомъ дѣлѣ, несутъ онѣ всѣ тяготы современнаго воспитанія. А постоянныя гувернантки, учительницы, бонны, няньки, даже—кормилицы? Съ легкимъ сердцемъ сбрасываютъ буржуазныя женщины всѣ докучливыя заботы о дѣтяхъ на плечи женщинъ другого, „низшаго“, класса, подставляя даже алчному ротику младенца чужую женскую грудь—грудь пролетарки. Общественное воспитаніе—постоянное пугало для буржуазныхъ женщинъ, когда заходитъ рѣчь о будущемъ строѣ. Да развѣ-же оно въ изуродованной, искаженной формѣ не существуетъ и сейчасъ?

Но буржуазныя женщины не желаютъ признать незначительность своей роли въ современной семьѣ; онѣ слишкомъ хорошо понимаютъ, что, если открыто признать, какъ мало реальнаго содержанія скрывается подъ пышными словами—„материнскія обязанности“, то не останется болѣе никакого моральнаго оправданія для той жизни „содержанокъ“ законныхъ мужей, которую теперь съ легкимъ сердцемъ ведутъ гордыя собою буржуазныя матроны...

Съ переложеніемъ воспитательной функціи съ семьи на общество исчезнетъ послѣдняя скрѣпа современной замкнутой семейной ячейки; старая буржуазная семья начнетъ разлагаться еще быстрѣе, и сквозь окружающую атмосферу все яснѣе будутъ вырисовываться блѣдные силуэты брачныхъ отношеній будущаго. Каковыже эти неясные, затуманенные современными вліяніями, силуэты?

Надо-ли повторять, что на смѣну теперешней принудительной формы брака идетъ свободный союзъ свободныхъ индивидуумовъ? Идеалъ свободной любви, рисующійся изголодавшемуся воображенію борющихся за свою эмансипацію женщинъ, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ той нормѣ общенія между полами, которую установитъ коллективистское общество. Соціальныя вліянія такъ сложны, ихъ воздѣйствіе такъ многообразно, что пред-

ставить себѣ отчетливо ту форму, въ какую, при коренномъ измѣненіи всего строя, выльются брачныя отношенія будущаго, сейчасъ нѣтъ возможности. Но медленносовершающаяся эволюція общенія между полами свидѣтельствуетъ отчетливо, что обрядовый бракъ и принудительно-замкнутая семья обречены на исчезновеніе.

Феминистки готовы торжествовать побѣду: безъ ихъ идеала—свободной любви, свободнаго брака—мы все-таки не обошлись! Да развѣ-же это „ихъ“ идеалъ? Развѣ не зародился, не созрѣлъ онъ въ самыхъ нѣдрахъ рабочаго класса, подъ вліяніемъ „печальной необходимости“, подъ гнетомъ всесильныхъ экономическихъ условій? Медленно, но непрестанно, безшумно и безъ фразъ, совершается изо-дня въ день въ пролетарской средѣ эволюція семейныхъ нормъ и расчищается путь для жизнеспособнаго принципа—свободнаго союза.

Пролетарій, въ силу необходимости, лишенъ возможности вступать въ ранній бракъ: заработка не хватаетъ на то, чтобы себя-то содержать,—гдѣ ужъ тутъ думать о семьѣ! Но сердце не ждетъ, оно начинаетъ предъявлять свои требованія независимо отъ высоты заработной платы. Въ результатѣ—свободная связь,—связь, всей тяжестью своихъ послѣдствій ложащаяся при теперешнихъ условіяхъ на женщину, но дающая пролетаркѣ хоть то удовлетвореніе, что мужъ не получаетъ надъ нею власти „хозяина“ и „господина“. И пролетарка, пріучившаяся дорожить своею независимостью, цѣнитъ свою относительную свободу; все неохотнѣе идетъ она въ семейную кабалу и дорожитъ бракомъ, только какъ средствомъ переложить на мужа часть издержекъ по содержанію общаго ребенка.

По мѣрѣ распространенія общежитій на кооперативныхъ началахъ хозяйственныя функціи отдѣльной семьи все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое значеніе и способствуютъ переходу брака въ чисто-моральный союзъ. Подъ вліяніемъ-же измѣняющихся экономиче-

скихъ условій, преобразуется кореннымъ образомъ и психологія рабочаго класса. Если какой-либо классъ и способенъ при теперешнемъ экономическомъ строѣ къ воспріятію еще едва уловимыхъ нормъ половой нравственности будущаго, то ужъ, конечно, это, скорѣе всего, пролетаріатъ.

Несмотря на ядъ, вносимый широко-развитой проституціей, отношенія между полами въ пролетарской средѣ гораздо ближе подходятъ къ той психологіи будущаго человѣчества, какая рисуется нашему представленію. „Двойная мораль", отравляющая столько женскихъ жизней, здѣсь вовсе не играетъ той рѣшающей роли, какъ въ средѣ буржуазной, и не искажаетъ, не коверкаетъ столько молодыхъ существованій. Развѣ дѣвушка-мать представляетъ собою то презираемое, отверженное существо, какимъ она до сихъ поръ является въ глазахъ лицемѣрно-нравственной буржуазіи? Невинность дѣвушки,—качество, необходимое для мужа-собственника,—гарантія, что женщина не вноситъ въ семью „чуждый ей по крови элементъ",—въ рабочемъ классѣ, гдѣ вопросъ о наслѣдованіи вообще не играетъ роли, утрачиваетъ свое значеніе, и дѣвушка „съ прошлымъ" столь-же легко вступаетъ въ бракъ, какъ и дѣвушка безъ „прошлаго", лишь-бы на ней не лежало пятна легализированной проституціи. „Въ рабочемъ классѣ",—замѣчаетъ д-ръ Блашко,—„мужчина и женщина, въ возрастѣ между 18 и 25 годами, большей частью, вступаютъ въ половое общеніе, не заботясь о бракѣ. Этотъ классъ никогда не считалъ свободную любовь большимъ грѣхомъ. Въ средѣ пролетаріата, гдѣ сплошь и рядомъ нѣтъ наслѣдства, не нуженъ и законный наслѣдникъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда людей соединяютъ не денежные или другіе разсчеты, а чистое влеченіе сердца, естественно меньше заботятся о „дѣйствительности" брака. И не будь въ настоящее время упрощенной формы гражданскаго брака и—съ другой

стороны—того затруднительнаго положенія, въ которое общество ставитъ внѣ-брачныхъ дѣтей и матерей, кто знаетъ, быть можетъ, въ этихъ слояхъ институтъ брака поколебался-бы еще сильнѣе. (Блашко, „Проституція начала XX вѣка“, стр. 11—12).

Измѣна жены—этотъ источникъ жесточайшихъ драмъ и обязательный поводъ къ расхожденію въ буржуазномъ классѣ—рабочими не разсматривается, какъ несмываемое оскорбленіе, наносимое „чести“ мужа. Рабочій гораздо легче крестьянина мирится съ измѣной жены, такъ какъ при оцѣнкѣ этого факта играютъ роль только моральные моменты; наоборотъ, у крестьянина, съ его психологіей собственника, фактъ измѣны жены отягощается еще привходящими, безсознательными экономическими разсчетами. Разумѣется, буржуазные защитники болѣе свободныхъ нравовъ, не умѣя отрѣшиться отъ классовой предвзятости, приходятъ обыкновенно въ священный ужасъ при описаніи „свободныхъ“ или, по ихъ терминологіи, „скотски-разнузданныхъ“ нравовъ рабочаго класса; особенный ужасъ внушаетъ статистикамъ растущее число „незаконно-зачатыхъ“ младенцевъ; но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ бюрократической формулы „законно-и не-законно“-рожденныхъ, предаются ламентаціямъ о порчѣ нравовъ, о необходимости „поднять нравственный уровень“ пролетаріата. А за буржуазными идеологами тянутся и феминистки,—тѣ самыя феминистки, которыя *для себя* требуютъ переоцѣнки всѣхъ моральныхъ цѣнностей. Нельзя, конечно, отрицать, что вредное воздѣйствіе капитализма, невыносимо-тяжелыя условія труда и жизни рабочаго класса привносятъ съ собою много анормальныхъ и антиморальныхъ элементовъ въ окружающую рабочаго и работницу нравственную атмосферу, подчасъ непоправимо коверкая моральный обликъ пролетаріата. Скученность помѣщеній, голодный заработокъ женщинъ, чрезмѣрно-долгій, изну-

рительный трудъ, дѣтская безпризорность, отсутствіе культурныхъ интересовъ—ведутъ къ цѣлому ряду въ высшей степени печальныхъ послѣдствій, поощряя ростъ проституціи, пьянства, растлѣнія дѣтей, вызывая огрубѣніе нравовъ. Но даже и въ этой отравленной атмосферѣ имѣется несомнѣнно болѣе благопріятная почва для выработки психологіи будущаго, чѣмъ въ буржуазной средѣ; именно здѣсь, въ рабочемъ классѣ, только и могутъ пускать свои еще блѣдные и чахлые ростки молодые побѣги грядущихъ, болѣе свободныхъ отношеній между полами. Пролетаріатъ представляетъ собою единственный классъ, у котораго изъ брачнаго союза, въ большей или меньшей мѣрѣ, исключенъ моментъ экономическаго разсчета и для котораго бракъ является актомъ психо-физіологическимъ, т. е. именно такимъ, какимъ желали-бы его видѣть феминистки.

Съ этимъ, однако, послѣднія врядъ-ли согласятся. Какъ? Развѣ не онѣ—эмансипированныя женщины—являются носительницами новой морали, развѣ не онѣ представляютъ собою передовой отрядъ, борющійся за освобожденіе женщинъ отъ семейнаго гнета? Трудно, очень трудно буржуазной женщинѣ представить себѣ, что носительницей новой соціальной и моральной правды является не она, а та самая младшая сестра-пролетарка, снисходительно-покровительственное отношеніе къ которой превратилось въ неискоренимую привычку.

Новыя моральныя нормы, складывающіяся въ рабочемъ классѣ подъ вліяніемъ преобразовательнаго соціально-экономическаго процесса, перекидываются и распространяются на остальные слои населенія. Подобно тому, какъ въ свое время пуританская и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грубо-чувственная мораль третьяго сословія вытѣснила болѣе одухотворенныя, но менѣе стѣснительныя нравственныя нормы феодальнаго рыцарства, такъ въ настоящее время этика, складывающаяся въ классѣ рабочемъ, постепенно отвоевываетъ права у недавно

еще, казалось, незыблемой морали буржуазіи. Господствующей является въ конечномъ счетѣ та мораль, которая созрѣваетъ въ нѣдрахъ класса, крѣпнущаго вмѣстѣ съ производственными отношеніями данной эпохи.

Но эти положенія не раздѣляются феминистками. Онѣ, вѣдь, твердо убѣждены, что свѣточъ семейнаго освобожденія женщины находится въ ихъ рукахъ. Не будемъ съ ними спорить о томъ, кто первый сказалъ «Э!», тѣмъ болѣе, что это «Э», т. е. «свободный бракъ», «свободная любовь», совершенно-различно толкуется нами и феминистками. Здѣсь не мѣсто останавливаться на различіи этого пониманія,—о немъ мы поговоримъ въ другой разъ. Сейчасъ-же важно только еще разъ подчеркнуть, что, борясь за освобожденіе женщинъ отъ семейнаго гнета, необходимо направлять свои стрѣлы *не противъ самихъ формъ брачныхъ отношеній, а противъ причинъ, ихъ порождающихъ.*

Только, ведя изо дня въ день классовую борьбу въ рядахъ рабочаго класса, женщина вправѣ разсчитывать на осуществленіе такого общественнаго уклада, при которомъ она сможетъ по произволенію избирать себѣ профессію, посвящать себя материнству или отдавать свои силы служенію обществу, искусству, наукѣ, при которомъ молодое, живое влеченіе сердца не будетъ болѣе коверкаться и уродоваться въ угоду предразсудкамъ и традиціямъ. Освобожденное человѣчество познаетъ и истинно-свободную любовь, и радости свободнаго, здороваго материнства.

„Но“, воскликнутъ реалистически-настроенныя души, „все это въ будущемъ, въ далекомъ будущемъ, подернутомъ туманомъ долгихъ и мрачныхъ годовъ. А мы — мы хотимъ жить сейчасъ, мы хотимъ работать и бороться не только за счастье будущихъ поколѣній, но и за свое собственное“. Законное и справедливое требованіе! Но у кого другого, кромѣ соціалистовъ, найдется на него отвѣтъ? Обратитесь къ феминист-

камъ; спросите ихъ, что дѣлать женщинѣ сейчасъ, чтобы семейный гнетъ не ложился на нее всей своей тяжестью: вамъ начнутъ давать уже знакомые намъ совѣты: „требуйте облегченія развода“, „требуйте отмѣны церковнаго брака, раздѣльности имущества“, „игнорируйте внѣшнія брачныя формы и смѣло слѣдуйте влеченію своего сердца!“ Но передъ этимъ каскадомъ феминистскихъ desiderata работница съ недоумѣніемъ разведетъ руками. „Да вѣдь всѣ эти „реформы“ только въ слабой степени отразятся на ближайшихъ, насущнѣйшихъ интересахъ женщинъ рабочаго класса!“

Посмотримъ теперь, что предлагаетъ рабочая партія въ качествѣ ближайшихъ мѣропріятій женщинѣ-работницѣ, изнемогающей подъ двойнымъ бременемъ — домашнихъ обязанностей и труда въ мастерской. Эта партія не льститъ себя, подобно феминисткамъ, надеждой добиться коренного разрѣшенія семейнаго вопроса и проблемы материнства въ рамкахъ современнаго капиталистическаго общества; поэтому, у нея нѣтъ подъ рукой и тѣхъ „магическихъ формулъ“, которыя такъ щедро расточаютъ феминистки. Но она знаетъ, что рядомъ соціально-политическихъ мѣропріятій есть возможность облегчить тяжелое положеніе женщинъ-матерей и охранить здоровье и самую жизнь слѣдующаго поколѣнія. Мѣропріятія эти должны, во-первыхъ, способствовать ускоренію того экономическаго процесса, который разрушаетъ мелкую семейно-хозяйственную единицу и, снимая заботу домоводства съ отягченныхъ плечъ женщинъ-профессіоналокъ, передаетъ ее въ руки спеціально-приспособленнаго коллектива; во-вторыхъ, они имѣютъ своею задачею защитить интересы ребенка и матери, развить широкое, всеобъемлющее охранительное законодательство, включающее въ себѣ страхованіе материнства; наконецъ, въ-третьихъ, мѣропріятія эти должны стремиться къ перенесенію заботъ о молодомъ поколѣніи съ семьи на государство или

мѣстное самоуправленіе, конечно, — при непремѣнномъ условіи полнѣйшей демократизаціи того и другого. Но, само собою разумѣется, эти требованія могутъ оказать должное дѣйствіе въ томъ только случаѣ, если вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ повышаться благосостояніе рабочаго класса, вслѣдствіе общихъ завоеваній пролетаріата; въ противномъ случаѣ, при нищетѣ и безправіи, ни охранительное законодательство, ни страхованіе материнства, ничто не въ состояніи будетъ осязательнымъ образомъ облегчить участь замужней женщины.

Вопросъ объ обезпеченіи материнства и защитѣ интересовъ матерей и дѣтей постоянно заботитъ соціалистовъ. На четвертой женской соціал-демократической конференціи въ Манхеймѣ вопросу этому посвящено было особенно много вниманія. Приводимая ниже резолюція, принятая единогласно послѣ горячихъ дебатовъ, можетъ служить показателемъ ближайшихъ, минимальныхъ требованій соціал-демократіи по вопросу объ охранѣ материнства.

Охрана беременныхъ и роженицъ.

Чѣмъ болѣе расширяется участіе женщины въ хозяйственной жизни, тѣмъ настоятельнѣе встаетъ вопросъ: какъ совмѣстить промышленный трудъ женщинъ съ материнствомъ? Особенно сильно страдаютъ отъ этого двойного бремени пролетарка и ея дѣти; женскія болѣзни, тяжелая беременность и роды, выкидыши и преждевременные роды, ранняя смертность и болѣзненность дѣтей часто имѣютъ своей причиной неблагопріятныя условія женскаго труда.

Путь ограниченія (полу-днѣвная работа) или даже полнаго воспрещенія труда замужнихъ женщинъ для насъ непріемлемъ. Работницы стремятся къ наемному труду не изъ удовольствія, а подъ вліяніемъ экономической нужды, и отягощеніе или воспрещеніе труда

внѣ дома только еще гораздо больше толкали-бы женщину въ неохраняемую область домашняго труда.

Сверхъ того, именно внѣбрачныя матери и дѣти, которыя еще гораздо болѣе подвержены перечисленнымъ выше опасностямъ, остаются безо всякой охраны. И, наконецъ, мы вообще не стоимъ за такое ограниченіе женскаго труда, потому что въ послѣднемъ мы видимъ единственный путь къ освобожденію женщины.

Для насъ вопросъ сводится къ слѣдующему:

1) Поставить женскій трудъ въ такія условія, чтобы онъ не мѣшалъ женщинамъ стать здоровыми матерями здоровыхъ дѣтей.

и 2) Создать учрежденія, которыя облегчали-бы женщинамъ бремя материнства.

Для разрѣшенія первой изъ этихъ двухъ задачъ мы требуемъ:

I. Введенія восьми-часового рабочаго дня для всѣхъ работницъ старше 18-ти лѣтъ (шести-часоваго дня для подростковъ отъ 14-ти до 18-ти лѣтъ), причемъ введеніе это можетъ быть подготовлено путемъ постепеннаго сокращенія существующаго рабочаго дня до 10-ти и 9-ти часовъ на короткое, закономъ установленное, переходное время. Ибо всякая однообразная работа вредна для здоровья, когда она долго длится.

II. Воспрещенія работы женщинъ въ такихъ производствахъ, которыя особенно-вредно вліяютъ на здоровье матери и ея дѣтей.

Мы имѣемъ здѣсь прежде всего въ виду: ремесла, влекущія за собою опасность ядовитыхъ зараженій; отрасли производства, въ которыхъ примѣняются свинецъ, ртуть, фосфоръ, сѣра и т. п. яды; далѣе—подниманіе и перенесеніе тяжелыхъ предметовъ, и другія, спеціально для женскаго организма и здоровья потомства вредныя занятія.

III. Воспрещенія такихъ способовъ труда, которые опасны для женскаго организма, и прежде всего замѣны

машинъ съ ножными приводами (прессы, брошюровочныя машины, швейныя и штопальныя машины) машинами съ механическими двигателями. Тамъ, гдѣ это требованіе могло-бы служить на пользу домашней индустріи, какъ, напр., въ производствѣ одежды, этому нужно противодѣйствовать обязательствомъ для предпринимателей учреждать спеціальныя мастерскія.

Для разрѣшенія второй задачи мы требуемъ:

Въ области законодательной охраны труда:

I. Права на отпускъ на 8 недѣль до родовъ.

II. Воспрещенія труда роженицъ на 8 недѣль, когда ребенокъ живъ, и на 6 недѣль въ случаѣ выкидыша или рожденія мертваго плода, или когда ребенокъ умираетъ втеченіе этого періода.

Въ области страхованія отъ болѣзней:

I. Обязательнаго вспомоществованія беременнымъ (что законъ о страхованіи отъ болѣзней предоставляетъ свободному рѣшенію кассы) втеченіе 8 недѣль въ случаѣ вызванной беременностью безработицы.

II. Безплатной акушерской помощи и безвозмездной медицинской помощи при родовыхъ болѣзняхъ.

III. Увеличеніе срока вспомоществованія роженицамъ съ 6-ти до 8-ми недѣль, если ребенокъ живъ и когда мать способна и желаетъ сама кормить своего ребенка, впродолженіе не меньше 13-ти недѣль; безплатной медицинской помощи въ продолженіе 8 недѣль.

IV. Повышенія размѣра выдачъ беременнымъ, роженицамъ и кормилицамъ, впродолженіе періода вспомоществованія, до полнаго размѣра средняго дневного заработка.

V. Обязательнаго распространенія содержащихся въ § I—III предписаній на женъ членовъ кассы.

VI. Распространенія обязательнаго страхованія отъ болѣзней на всѣхъ наемныхъ работницъ, въ томъ

числѣ какъ на сельскихъ работницъ, домашнихъ работницъ и прислугу, такъ и вообще на всѣхъ женщинъ, семейный годичный доходъ который не превышаетъ 3000 марокъ.

Отъ общинъ.

Учрежденія домовъ для роженицъ, беременныхъ и кормилицъ, организаціи помощи роженицамъ на дому, раздача хорошаго здороваго дѣтскаго молока, равно какъ выдачи преміи кормилицамъ, посколько вспомоществованіе послѣднимъ не входитъ еще въ задачу соотвѣтствующихъ кассъ.

Отъ государства.

Просвѣщенія женщинъ относительно правильнаго выполненія ими своихъ материнскихъ обязанностей, путемъ включенія ухода за грудными дѣтьми въ программу обязательнаго школьнаго обученія.

Раздачи листковъ съ правилами объ уходѣ за грудными дѣтьми и о кормленіи ихъ, а также объ уходѣ за роженицами со стороны муниципальныхъ служащихъ.

Вполнѣ присоединяясь къ общему духу этой резолюціи, съ своей стороны считаю нужнымъ указать на два пункта моего разногласія съ нею.

Первый и наиболѣе существенный пунктъ моего расхожденія съ резолюціей заключается въ организаціи страхованія материнства при помощи обще-больничныхъ кассъ. Референтка по вопросу объ охранѣ беременныхъ и роженицъ — К. Дункеръ высказалась противъ организаціи отдѣльныхъ кассъ страхованія материнства, такъ какъ такимъ образомъ вся тяжесть страхованія падала-бы исключительно на членовъ кассы, т. е. женщинъ; между тѣмъ, если разсматривать неспособность къ труду въ родовой періодъ, какъ особый видъ болѣзни, можно организовать вспомоществованіе роженицамъ и беременнымъ на общихъ основаніяхъ, пользуясь больничными кассами, членами которыхъ состоятъ

и женщины, и мужчины. Это справедливѣе, такъ какъ при предлагавшейся ею организаціи страхованіе материнства падало-бы не только на женщинъ, но и на мужчинъ—виновниковъ этой спеціальной болѣзни женщинъ, лишающей ихъ заработка. На государство возлагается лишь обязанность опредѣленными взносами поддерживать кассу, и такимъ образомъ вся тяжесть поддержки и обезпеченія материнства ложится на плечи самого рабочаго класса. „Самопомощь"—вещь безспорно прекрасная; но является-ли она умѣстной въ данномъ случаѣ? Не правильнѣе-ли было-бы перенести заботу о материнствѣ съ больничныхъ кассъ на само государство, по крайней мѣрѣ—въ тѣхъ странахъ, гдѣ съ помощью демократическаго народнаго представительства есть надежда добиться проведенія подобнаго мѣропріятія? Часть суммъ, взимаемыхъ государствомъ при помощи прогрессивнаго обложенія имуществъ, могла-бы поступать для образованія необходимаго капитала, и тогда тяготы по обезпеченію материнства наиболѣе нуждающейся въ поддержкѣ части населенія -- пролетаріата равномѣрнѣе распредѣлялись-бы на всѣ слои общества. Страхованіе материнства могло-бы быть организовано на подобіе внесеннаго на послѣдній финляндскій Сеймъ соціал-демократической депутаткой Персиненъ законопроекта, предлагавшаго, чтобы всѣ матери, общій доходъ семей которыхъ не превышаетъ извѣстнаго минимума (для Финляндіи 1.500 — 2.000 фин. мар. въ годъ), должны получать отъ государства, помимо безплатной медицинской помощи во время родовъ, еще опредѣленное содержаніе изъ государственныхъ суммъ, втеченіе шести недѣль до и восьми недѣль послѣ родовъ. Конечно, сроки полученія субсидій и нормы денежной поддержки можно было-бы измѣнить; я, лично, высказалась-бы за продленіе государственной субсидіи на бо́льшій промежутокъ времени; но это—частность, останавливаться на которой сейчасъ

не приходится. Важнѣе столковаться объ общихъ принципахъ и рѣшить вопросъ о томъ: должно-ли страхованіе материнства быть признано государственной функціей, или-же предпочтительнѣе для интересовъ пролетаріата обезпечивать его поддержкой больничныхъ или иныхъ кассъ взаимопомощи? *)

Другое указаніе, которое приходится сдѣлать по поводу приведенной резолюціи, касается способа установленія отдыха въ послѣднія недѣли беременности. Резолюція говоритъ о „предоставленіи *права* работницѣ безъ предварительнаго предупрежденія оставлять работу за 8 недѣль до родовъ". Это положеніе мотивировалось референткой Дункеръ тѣмъ, что *запрещеніе* работы за 8 недѣль до родовъ влекло-бы за собою наказаніе въ видѣ штрафа, при неисполненіи этого постановленія. Между тѣмъ, на кого возложить тяжесть

*) Недавно въ Россіи сдѣлана первая попытка къ огражденію интересовъ материнства; во внесенномъ въ Государственную Думу правительственномъ законопроектѣ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни упомянуты основанія, на которыхъ выдается пособіе застрахованнымъ въ кассахъ на случай болѣзни роженицамъ. Здѣсь не мѣсто заниматься подробной критикой законопроекта, въ самыхъ своихъ основахъ являющагося крайненеудовлетворительнымъ. (Главная тяжесть страхованія ложится на плечи самихъ рабочихъ; государство освобождается отъ матеріальнаго участія въ кассахъ; управленіе кассъ фактически въ рукахъ администраціи предпріятій; взносы велики, между тѣмъ какъ обезпеченіе страхуемыхъ относительно-мало и т. д.); необходимо лишь указать на его существенные недостатки по отношенію къ страхованію материнства. Роженица пользуется отпускомъ только втеченіе 4 недѣль послѣ родовъ; охраны беременности не установлено; пособіе изъ кассъ идетъ въ размѣрѣ $^2/_3$ дневного заработка, что при низкой оплатѣ женскаго труда, разумѣется, лишаетъ работницу возможности обезпечить себѣ и ребенку самый необходимый уходъ въ тяжелый родовой періодъ. Къ тому-же, и эти скромныя постановленія распространяются не на всѣхъ женщинъ, а лишь на ограниченную категорію работницъ.

этого штрафа? На работницу? При легко-возникающихъ ошибкахъ и просчетахъ въ опредѣленіи срока родовъ это было-бы несправедливымъ и только отяготило-бы и безъ того скромный бюджетъ работницы. На хозяина? Соображеніе, что въ такомъ случаѣ онъ охотно отпускалъ-бы работницу гораздо раньше срока, конечно, не имѣетъ достаточныхъ основаній. Между тѣмъ, замѣна *категорическаго воспрещенія* растяжимымъ „предоставленіемъ права“, если-бы это требованіе вошло въ законодательство, сдѣлало-бы то, что для большинства работницъ отдыхъ въ послѣднія недѣли беременности фактически остался-бы лишь благимъ пожеланіемъ. Что значитъ для работницы при современныхъ условіяхъ —„предоставленіе права оставлять работу?“ Нѣтъ сомнѣнія, что большинство работницъ, подъ страхомъ конфликта съ администраціей, лишь въ рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ, пользовалось-бы великодушно-даруемымъ правомъ. Если уже рѣшаться на охрану материнства, то раціональнѣе требовать *полнаго запрещенія* работы за 8 недѣль до родовъ, на что и указывала въ Манхеймѣ Лили Браунъ; но ея поправка не была принята, и резолюція осталась безъ измѣненій.

За исключеніемъ приведенныхъ мѣстъ, манхеймская резолюція представляетъ собою весьма цѣнный документъ требованій соціал-демократіи по столь важному вопросу, какъ материнство. Какъ ни минимальны предлагаемыя ею мѣропріятія по сравненію съ основными задачами этой партіи, нѣтъ сомнѣнія, что проведеніе ихъ въ жизнь самымъ благотворнымъ образомъ отразилось-бы на положеніи женщинъ-матерей и въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ остроумнѣйшія брачныя формулы изобрѣтательныхъ феминистокъ, способствовало бы разрѣшенію семейнаго вопроса.

Не обольщая себя надеждою разрѣшить кореннымъ образомъ семейную проблему въ предѣлахъ нашего классоваго общества, послѣдователи научнаго соціализма

берутъ на себя лишь скромную задачу—указать женщинѣ путь, ведущій ее къ всестороннему освобожденію. Слѣдя прозорливыми очами за убѣгающей въ даль будущихъ вѣковъ исторической дорогой человѣчества, они съ убѣжденіемъ говорятъ женщинѣ: „Условія современнаго производства ведутъ тебя черезъ темныя дебри страданій и труда къ новому, свѣтлому будущему; иди и не бойся, иди и помни, что именно ты — скромная труженица съ мозолистыми руками, а не твоя гордая сестра-феминистка, пробиваетъ дорогу новой женщинѣ—свободной любовницѣ, гражданкѣ и матери...“

Борьба женщинъ за политическія права.

„Освобожденіе пролетарской женщины не можетъ быть дѣломъ женщинъ всѣхъ классовъ. Эта задача можетъ быть выполнена лишь общими усиліями всего пролетаріата безъ различія пола."

(Изъ „Готской программы": цитир. по Лили Браунъ).

Кардинальнымъ пунктомъ буржуазно-феминистскаго движенія является несомнѣнно вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ. Передъ настоятельностью этого требованія блѣднѣютъ и отходятъ на второй планъ и сложности семейной проблемы, и трудности повседневной борьбы женщинъ за свою экономическую независимость.

Политическое равноправіе, доступъ къ избирательнымъ урнамъ и депутатскимъ кресламъ „на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ"— не есть-ли это кульминаціонный пунктъ пожеланій феминистокъ? По мѣрѣ пріобщенія все бо̀льшаго и большаго числа женщинъ къ кадрамъ самостоятельно-зарабатывающаго населенія, это требованіе пріобрѣтаетъ для женщинъ все болѣе и болѣе важное жизненное значеніе. Служа однимъ изъ главныхъ тормазовъ на пути къ женскому освобожденію, политическое безправіе заслоняетъ со-

бою всѣ остальныя, не менѣе тягостныя для женщинъ явленія соціальнаго уклада современности. Вся феминистская литература вертится по-преимуществу вокругъ требованія политическаго равноправія, силясь логическимъ путемъ основать „право“ женщинъ участвовать въ политической жизни своей родины. Законность своихъ требованій феминистки пытаются подкрѣпить рядомъ идеологическихъ предпосылокъ, бывшихъ въ широкомъ употребленіи еще въ періодъ борьбы третьяго сословія за свою эмансипацію. Забытые, давно погребенные на днѣ бабушкиной шкатулки, аргументы буржуазной идеологіи, со ссылками на „естественное право“, на „прирожденныя понятія“, снова выволакиваются феминистками на свѣтъ Божій.

Феминисткое движеніе, по мѣткому опредѣленію Клары Цеткинъ, является послѣднимъ отзвукомъ борьбы третьяго сословія за свою эмансипацію. Не естественно-ли, что современныя преемницы „лучшихъ традицій“ буржуазіи пытаются дѣйствовать тѣми-же средствами и пускать въ ходъ тѣ-же, хотя и нѣсколько заржавленныя, орудія борьбы, какими многократно пользовались ихъ товарищи по классу? Не реальный жизненный базисъ измѣнившихся экономическихъ отношеній является, по мнѣнію феминистокъ и буржуазныхъ защитниковъ женскаго равноправія, причиной постепеннаго пріобщенія женщины къ политической жизни, а „умственное прозрѣніе“ общества, познающаго, наконецъ, что „женщина вѣдь тоже человѣкъ“ и что „высшая справедливость“ и „гуманность“ требуютъ отъ современнаго культурнаго человѣчества признанія за женщинами одинаковыхъ съ мужчинами правъ.

Равнодушно минуя накопленныя соціально-экономической наукой данныя о роли экономическаго фактора въ дѣлѣ постепеннаго освобожденія женщины, феминистки продолжаютъ цѣпляться за чисто-идеалистическія доказательства равноправности обоихъ половъ. Какими

только доводами ни подкрѣпляютъ идеологи женскаго равноправія свою аргументацію, чѣмъ только ни мотивируютъ законность своихъ требованій? Тутъ и принципъ „справедливости“, и „правовая совѣсть“, и „животворящее вліяніе культуры и знанія“, и оцѣнка нравственныхъ свойствъ обоихъ половъ, и уподобленіе женщинъ „низшимъ расамъ“, которымъ, однако, наука права не отказываетъ ни въ политической, ни въ гражданской правоспособности.

Экономическое обоснованіе женскаго равноправія либо отсутствуетъ, либо преподносится въ искаженномъ видѣ. Когда на Берлинскомъ феминистскомъ конгрессѣ въ 1904 г. вырабатывалась декларація новообразовавшагося „Международнаго Союза женскихъ избирательныхъ правъ“, феминистки, чтобы придать больше вѣса своей аргументаціи рѣшили „опереться“, на экономическій факторъ. Но что это было за своеобразное его использованіе! Свое требованіе избирательнаго права для женщинъ феминистки выводили изъ факта „растущаго благосостоянія“ той части женскаго населенія, которая постепенно пріобщается къ различнаго рода отраслямъ труда. Не характерно-ли такое объясненіе? „Не въ растущемъ благосостояніи ничтожнаго слоя женскаго населенія находитъ требованіе избирательныхъ правъ для женщинъ свое главнѣйшее, коренное обоснованіе; нѣтъ, оно кроется въ бѣдности, нищетѣ, въ эксплуатаціи широкихъ женскихъ массъ“—справедливо замѣчаетъ Клара Цеткинъ. „Самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ мы противъ приведеннаго выше феминистскаго обоснованія женскихъ избирательныхъ правъ. Въ такомъ видѣ оно является лишь варіаціей на старую либеральную тему о національномъ богатствѣ, о политическихъ правахъ, опредѣляемыхъ собственностью. *)

*) K. Zetkin, „Zur Frage des Frauenwahlrechts“, стр. 4.

Не однѣ заграничныя феминистки, конечно, опираются въ своей зашитѣ политическаго равноправія женщинъ на чисто-идеологическія предпосылки. Откройте любую резолюцію нашихъ равноправокъ, любую статью, посвященную вопросу о женскихъ избирательныхъ правахъ, и вы найдете въ нихъ тѣ-же знакомые принципы „права и справедливости“, какими изобилуетъ феминистская агитаціонная литература Запада.

Не фактическими данными изъ области соціальныхъ и экономическихъ наукъ, а горячими, прочувствованными рѣчами надѣются поборницы женскаго равноправія убѣдить современное классовое общество въ законности своихъ требованій. Однако, такими хрупкими орудіями, какъ трогательные вопли наболѣвшей женской души, и хватающими за сердце обращеніями къ чувству „справедливости и гуманности“, въ жестокой борьбѣ за соціальныя права ничего не достигнешь. При всей самоотверженной преданности женскому дѣлу, феминистки, въ борьбѣ съ неумолимой дѣйствительностью, не могли-бы разсчитывать на побѣду, если-бы сама жизненная правда не оказывалась на ихъ сторонѣ,—та жизненная правда, которую онѣ „въ своей односторонней защитѣ женскаго дѣла такъ часто игнорируютъ. Принципъ равноправности женщинъ давно уже пересталъ быть кабинетной выдумкой благожелательныхъ мыслителей, желающихъ установить на землѣ справедливые порядки; онъ утратилъ свой „идеологическій характеръ“ и сталъ выраженіемъ неоспоримаго реальнаго факта, съ которымъ volens-nolens приходится считаться реальному политику.

Правда, и прежде требованіе равноправія женщины выдвигалось, какъ одинъ изъ неотъемлемыхъ принциповъ демократіи, и, до извѣстной степени, поддерживалось и буржуазіей въ борьбѣ за утвержденіе своего господства; но, только съ привлеченіемъ широкихъ женскихъ массъ къ капиталистическому производству, тре-

бованіе политическаго равноправія женщинъ могло въ самомъ дѣлѣ пріобрѣсти характеръ серьезнаго соціальнаго явленія, игнорировать которое нѣтъ больше возможности. *)

Переворотъ, совершившійся въ хозяйственной жизни общества за послѣднее столѣтіе, способствовалъ пріобщенію женщины къ производству и помогъ ей занять опредѣленное мѣсто въ современномъ обществѣ. Дальнѣйшій ростъ производительныхъ силъ культурнаго человѣчества становится немыслимымъ безъ участія женщины. Но, подобно тому, какъ и въ другихъ случаяхъ, правовая идеологическая надстройка постоянно отстаетъ въ своей эволюціи отъ породившихъ ее экономическихъ отношеній, такъ и въ данномъ случаѣ— женщина, становясь экономически-независимой, пріобрѣтая въ глазахъ общества опредѣленную цѣнность, какъ самостоятельный производитель, остается попрежнему соціально - зависимой и политически - безправной.

Чтобы закрѣпить за собой плоды завоевываемой экономической самостоятельности, женщина должна бороться за признаніе ея политической и гражданской правоспособности. Вопросъ о допущеніи женщинъ къ участію въ государственной жизни изъ благого пожеланія, относимаго къ области абстрактныхъ принциповъ, обращается въ жизненную необходимость не для однѣхъ только женщинъ, но, что гораздо важнѣе,— для цѣлаго общественнаго класса. Если третье сословіе только въ періоды острой борьбы за свое господство

*) „ Для того, чтобы лозунгъ женскаго избирательнаго права могъ обратиться въ исторически-обоснованное массовое требованіе, необходимо было, чтобы капиталистическая система производства успѣла достичь значительной степени зрѣлости. Этотъ фактъ стоитъ въ тѣсной связи съ революціонизированіемъ дѣятельности женщины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, домашняго хозяйства.“ (K. Zetkin, „Zur Frage“ и т. д., стр. 8).

вспоминало о принципѣ женскаго равноправія, то въ настоящее время это требованіе, безъ оговорокъ и ограниченій, безсмѣнно красуется на знамени рабочаго класса. Провозглашеніе женскаго равноправія буржуазіей имѣло чисто-теоретическій характеръ; отъ пріобщенія женщинъ къ политическому господству буржуазія не могла получить никакихъ классовыхъ выгодъ. Напротивъ, пролетаріату распространеніе и на женщинъ избирательныхъ правъ обѣщаетъ неисчислимыя выгоды, заставляющія его высоко держать знамя политическаго равноправія женщинъ и бороться за осуществленіе этого требованія съ настойчивостью, на какую бываютъ способны лишь люди, руководимые непобѣдимымъ инстинктомъ классоваго интереса.

Но съ той минуты, какъ требованіе уравненія женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами обращается изъ отвлеченнаго принципа въ одинъ изъ факторовъ классоваго движенія, принципъ этотъ перестаетъ нуждаться въ подкрѣпленіи его прежними аргументами идеологически-сантиментальнаго характера. Споръ о женскомъ равноправіи переносится изъ области теоретическихъ разсужденій на почву живой политической борьбы.

Чѣмъ шире круги населенія, пріобщаемые къ политической жизни, тѣмъ полнѣе надвигающееся торжество демократіи, тѣмъ могущественнѣе средства борьбы ея съ капиталомъ; чѣмъ бо́льшее число членовъ рабочаго класса имѣетъ возможность активно-воздѣйствовать на соціально-политическую жизнь своей родины, тѣмъ въ бо́льшемъ выигрышѣ остается и весь рабочій классъ.

По мѣрѣ того, какъ женщина вовлекается все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ въ ряды самостоятельныхъ продавцевъ рабочей силы, уже не *женское*, а чисто-*пролетарское* требованіе: „политическія права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ безъ различія пола“—

звучитъ все настойчивѣе и тверже. Передъ лицомъ живой двигательной силы классоваго интереса тускнѣютъ всѣ сантиментальные выкрики феминистокъ, всѣ „идеалистическіе“ доводы, почерпнутые изъ арсенала либеральной идеологіи.

Но,—отвѣтятъ намъ феминистки—пусть наша аргументація политической правоспособности женщины кажется вамъ ошибочной; умаляетъ-ли это значеніе самого этого требованія,—политической равноправности женщины,—требованія, которое является одинаково-настоятельнымъ и для феминистокъ, и для представительницъ рабочаго класса? Неужели-же женщины двухъ соціальныхъ лагерей не могутъ, ради общности своихъ политическихъ стремленій, перешагнуть черезъ раздѣляющія ихъ преграды классоваго антагонизма? Неужели не могутъ онѣ сообща вступить въ борьбу съ окружающими ихъ враждебными силами? Если по другимъ вопросамъ расхожденіе между буржуазками и пролетарками неизбѣжно, то по данному пункту, въ представленіи феминистокъ, никакихъ разногласій между женщинами различныхъ общественныхъ классовъ на лицо не имѣется.

Феминистки съ горечью и недоумѣніемъ возвращаются къ этому вопросу, усматривая предвзятую партійность въ рѣшительныхъ отказахъ представительницъ рабочаго класса слить свои силы съ силами феминистокъ для завоеванія женскихъ политическихъ правъ.

Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Существуетъ-ли полное тождество политическихъ стремленій женщинъ, или и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, классовый антагонизмъ препятствуетъ сліянію женскихъ силъ въ неразрывную, внѣ-классовую армію?

Только отвѣтивъ на этотъ вопросъ, сможемъ мы намѣтить дальнѣйшую тактику пролетарокъ въ дѣлѣ завоеванія политическихъ правъ и для женщинъ.

Что понимаютъ женщины буржуазнаго класса подъ политическимъ равноправіемъ? Политическое равноправіе—это средство раздѣлить съ мужчинами своего класса, выпадающія сейчасъ исключительно на долю послѣднихъ, классовыя привиллегіи и жизненныя блага, это, вѣрнѣйшій—способъ укрѣпить за собою преимущества, достающіяся сейчасъ однимъ мужчинамъ буржуазнаго класса. Если для пролетарки политическія права представляются лишь какъ орудія борьбы съ существующимъ капиталистическимъ строемъ, то для буржуазки они, наоборотъ, явятся новымъ способомъ утвердить свое классовое господство.

Не разрушать современное классовое общество, а утверждать его крѣпость собираются женщины-буржуазки при помощи ожидаемыхъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда буржуазныя поборницы женскаго равноправія, какъ бы радикально онѣ ни были настроены, не оговаривались, что политическія права нужны имъ для той-же цѣли, какъ и пролетаркамъ; никогда и нигдѣ феминистки не заявляли, что намѣреваются свои завоевываемыя права обратить въ орудіе борьбы за болѣе совершенный соціальный строй, за коренное переустройство хозяйственныхъ взаимоотношеній. Классовое общество представляется для нихъ неприкосновеннымъ, устойчивымъ и непреходящимъ явленіемъ. Расположиться поудобнѣе въ предѣлахъ классоваго міра, использовать всѣ преимущества, доставляемыя классовымъ господствомъ—таковы основныя стремленія буржуазныхъ феминистокъ. Правда случается, что буржуазныя женщины, подъ напоромъ рабочаго движенія, накидываютъ на себя плащъ соціальнаго реформизма; правда, порою выражаютъ онѣ свои симпатіи даже конечной цѣли пролетаріата. Но эти словесныя изліянія стоятъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ духомъ феминистскаго движенія, съ его требованіями, стремленіями, методомъ борьбы, что могутъ ввести въ заблу-

жденіе лишь очень наивныя души. Заявляя себя сторонницами соціальныхъ реформъ и даже соціализма,—конечно, въ неизмѣримо далекомъ будущемъ,—феминистки, не намѣреваются однако, бороться въ рядахъ рабочаго класса за осуществленіе этой завѣтной пролетарской цѣли. Съ наивной искренностью разсчитываютъ лучшія изъ нихъ, добравшись до депутатскихъ креселъ, залѣчить тѣ соціальныя раны, которымъ теперешніе господа положенія—мужчины, по свойственному имъ эгоизму, позволяютъ не только существовать, но даже разростаться. Однако, какъ-бы благожелательно къ пролетаріату ни были настроены отдѣльныя группы феминистокъ, каждый разъ, когда вопросъ о классовой борьбѣ становится передъ ними ребромъ, онѣ пугливо покидаютъ поле сраженія, не желая мѣшаться въ чуждые имъ по духу ряды пролетаріевъ, и спѣшатъ укрыться подъ сѣнью родного и понятнаго имъ по настроенію буржуазнаго либерализма.

Нѣтъ, сколько-бы ни старались буржуазныя феминистки затушевать истинную цѣль своихъ политическихъ вожделѣній, сколько-бы ни увѣряли онѣ своихъ младшихъ сестеръ, что пріобщеніе ихъ къ политической жизни обѣщаетъ неизмѣримыя выгоды и для женщинъ рабочаго класса,—классово-буржуазный духъ, пропитывающій собою все феминистское движеніе, окрашиваетъ въ классовый цвѣтъ и такое, казалось-бы, обще-женское требованіе, какъ уравненіе женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами. Различіе въ пониманіи *цѣли*, разница въ томъ употребленіи, какое способны сдѣлать изъ завоеванныхъ политическихъ правъ буржуазныя женщины, создаетъ между ними и пролетарками непроходимую пропасть. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что ближайшія задачи буржуазныхъ и пролетарскихъ женщинъ до извѣстной степени совпадаютъ, что, получивъ доступъ къ политиче-

ской власти, представительницы всѣхъ классовъ устремятся прежде всего къ пересмотру гражданскаго кодекса, въ бо́льшей или меньшей степени обдѣляющаго женщину въ каждой странѣ, что онѣ попытаются создать законодательнымъ путемъ болѣе благопріятныя для женщинъ условія труда, ополчатся противъ регламентовъ, узаконивающихъ проституцію и т. д. Однако, это совпаденіе выставляемыхъ на первую очередь задачъ имѣетъ *чисто-формальное сходство*. Классовый интересъ сейчасъ-же опредѣлитъ рѣзко-противоположное отношеніе къ этимъ очереднымъ реформамъ. За примѣрами далеко ходить не-зачѣмъ. Посмотрите, какъ отнеслись депутатки буржуазныхъ партій Финляндіи къ такому, казалось-бы, обще-женскому требованію, какъ страхованіе материнства; принципіально признавая желательность этой реформы, онѣ тѣмъ не менѣе не соглашаются съ формулировкой ея, отвѣчающей интересамъ рабочаго класса. Обезпеченіе каждой женщины, ставшей матерью, даже въ томъ случаѣ, если ея брачный союзъ не санкціонированъ церковью, поведетъ, по ихъ мнѣнію, только къ усиленію „разврата“ и увеличенію незаконныхъ рожденій. Строгія блюстительницы буржуазной нравственности находятъ для себя недопустимымъ вотировать подобный, „опасный“ съ моральной точки зрѣнія, законъ.

Подобное столкновеніе двухъ міровъ столь-же неизбѣжно въ женской, какъ и въ мужской средѣ. Обольщаться внѣшнимъ сходствомъ выставляемыхъ требованій совершенно не приходится: каждый очередной вопросъ неминуемо долженъ будетъ принять окраску выдвинувшей его общественной группы женщинъ.

Классовый антагонизмъ, раздѣляющій буржуазокъ и пролетарокъ, съ особенной силой скажется именно тогда, когда женщины добьются права голоса. Но и сейчасъ уже нѣтъ, кажется, ни одного существеннаго во-

проса изъ области соціальной политики, который не былъ-бы способенъ вызвать ожесточеннѣйшій споръ между женщинами двухъ основныхъ экономическихъ классовъ. Немудрено, что и женское политическое равноправіе толкуется различнымъ образомъ, сообразно съ классовыми интересами той или другой соціальной группы женщинъ.

Что понимаютъ буржузныя женщины подъ политическимъ равноправіемъ и каковы ихъ истинныя требованія въ этой области, объ этомъ всего лучше судить по боевымъ выступленіямъ международнаго феминизма,—этого типичнаго выразителя буржуазно-женскаго движенія. Международный феминизмъ какъ-бы въ концентрированномъ видѣ передаетъ наиболѣе яркіе и назрѣвшіе запросы буржуазныхъ женщинъ и опредѣляетъ истинное ихъ отношеніе къ различнымъ сторонамъ женскаго вопроса.

Пока центральнымъ органомъ международнаго феминизма являлся „Международный Женскій Совѣтъ“ (International Council of Women), основанный по почину американокъ въ Вашингтонѣ въ 1888 г. и объединившій подъ своимъ знаменемъ самыя различныя по типу и роду дѣятельности женскія организаціи, невозможность сотрудничества пролетарокъ съ феминистками была слишкомъ очевидной и не возбуждала особыхъ сомнѣній. „Межд. Ж. Сов.“ долженъ служить, главнымъ образомъ, связующимъ звеномъ между самыми разнообразными женскими обществами и организаціями, независимо отъ ихъ цѣлей и направленія; на него возлагаются также справочныя функціи и забота о созывѣ международныхъ женскихъ съѣздовъ. Въ число задачъ „Межд. Ж. Сов.“ входитъ: „добиваться во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ представительная форма правленія, одинаковыхъ съ мужчинами избирательныхъ правъ, содѣйствовать укрѣпленію международнаго мира,

а также разрѣшенію политическихъ конфликтовъ между націями, помощью третейскаго суда.“ *)

Однако, несмотря на широковѣщательность этой программы, выходящей даже за предѣлы чисто-женскихъ задачъ, уставъ „Совѣта“ ни единымъ словомъ не затрагиваетъ экономическаго положенія наемныхъ труженицъ, борьбы съ эксплуатаціей наемнаго женскаго труда и законодательной охраны женщинъ. Для членовъ „Меж. Ж. Сов.“, этихъ почтенныхъ „дамъ“, не знававшихъ никогда ужаса продажи своихъ рабочихъ рукъ, экономическая сторона женскаго вопроса, разумѣется, не могла имѣть особо-важнаго значенія. Но, независимо отъ этого упущенія, обрисовывающаго, однако, довольно-ярко истинную физіономію международнаго феминизма, отношеніе заграничныхъ поборницъ равноправія къ вопросу политической правоспособности женщинъ еще рѣзче выдвигало всѣ острые углы буржуазнаго феминизма.

Замѣтьте, какъ обще и туманно сформулировано въ уставѣ „Совѣта“ требованіе политическаго равноправія женщинъ; разумѣется, „Межд. Совѣтъ“ имѣлъ въ виду облегчить такимъ образомъ пріобщеніе къ международной феминистской организаціи болѣе-широкаго круга лицъ женскаго населенія, купить возможно большее число женскихъ сердецъ, независимо отъ ихъ полити-

*) „Союзъ Женщинъ“, № 2, 1907, стр. 15. — Уставу „Межд. Ж. Сов.“ предпослана была слѣд. декларація: „Мы, женщины всѣхъ націй, искренно убѣжденныя въ томъ, что единеніе мыслей, симпатій и цѣлей лучше всего содѣйствуетъ увеличенію человѣческаго блага и что организованное женское движеніе лучше всего сохранитъ высшее начало семьи и государства, соединяемся въ федерацію работницъ во имя борьбы со всѣми формами невѣжества и несправедливости и чтобы содѣйствовать примѣненію къ жизни, обычаю и закону „золотого правила“: *„Дѣлай для другого то, что желалъ-бы, чтобы для тебя дѣлали“.* (И. Познанская, „Международный женскій конгрессъ въ Лондонѣ“, „Женское дѣло“, 1899 г., апрѣль.)

ческихъ и соціальныхъ воззрѣній. Но международныя феминистки упустили изъ вида одно обстоятельство: осторожность, съ которой онѣ подходили къ одному изъ насущнѣйшихъ требованій женщинъ, опасеніе взять на себя обязательство передъ женской демократіей ясно указывали, какимъ ненадежнымъ союзникомъ въ борьбѣ за полную политическую правоспособность женщинъ являлся „Межд. Совѣтъ“ и какъ мало онъ обѣщалъ женщинѣ рабочаго класса.

Международный феминизмъ первичной формаціи, вплоть до выдѣленія изъ него въ 1902 г. болѣе „радикальныхъ“ элементовъ, носилъ столь ярко-„дамскій“ отпечатокъ, что вопросъ о пріобщеніи къ нему пролетарокъ отпадалъ самъ собою. Правда, и тогда феминистки очень много и горячо толковали о своихъ „обойденныхъ“ и „угнетенныхъ“ сестрахъ и увѣряли, что, борясь за свои права и привиллегіи, онѣ прокладываютъ путь къ политическимъ правамъ всѣхъ женщинъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сами такъ опасливо сторонились представительницъ рабочаго класса, этихъ чуждыхъ имъ по духу женщинъ, вѣчно толкующихъ о необходимости переустройства современнаго міра — міра „культурнаго“, „просвѣщеннаго“ и пріятнаго, что соглашеніе казалось совершенно неосуществимымъ.

На первомъ-же международномъ феминистскомъ конгрессѣ въ Чикаго въ 1893 г. *), созванномъ „Меж. Ж. Сов.“, отсутствіе общности интересовъ женщинъ буржуазнаго и пролетарскаго классовъ дало себя чувствовать. Феминистки останавливались, правда, на „проблемѣ бѣдности“; но эта основная соціальная проблема нашихъ дней, преломленная въ призмѣ буржуаз-

*) На Чикагскомъ конгрессѣ пересмотрѣнъ былъ выработанный въ Вашингтонѣ уставъ „Межд. Сов.“ и избраны должностными лицами въ „Совѣтъ“ представительницы различныхъ національностей. Подробнѣе—см.: „Женское дѣло, 1899 г., апрѣль, и „Союзъ женщинъ“ № 2, 1907 г., стр. 15.

наго міросозерцанія, утрачивала весь свой поистинѣ трагическій характеръ. „Проблема бѣдности“ вполнѣ умѣщалась въ рамкахъ дамской филантропіи.

На слѣдующемъ международномъ конгрессѣ въ Берлинѣ, въ 1896 г., благодушно-настроенныя феминистки еще тщательнѣе стремились обходить щекотливые вопросы, задѣвающіе классовый антагонизмъ, и избѣгали всего, что могло свидѣтельствовать о разлагающемъ и губительномъ вліяніи капиталистическаго уклада общества. Когда соціал-демократка Лили Браунъ осмѣлилась коснуться классоваго антагонизма, существующаго и въ женскомъ мірѣ, нарушивъ этимъ „гармоническое“ настроеніе дамскаго собранія, то конгрессистки по-своему отомстили нарушительницѣ „дамскаго“ торжества: онѣ не включили ея „вредной“ рѣчи въ протоколъ съѣзда. *) Этотъ страхъ передъ классовой ненавистью, раздуваемой изъ „партійныхъ цѣлей“ соціал-демократіей, былъ такъ силенъ у буржуазныхъ женщинъ, что, когда феминистки собрались въ слѣдующемъ году въ Брюсселѣ, устроительницы конгресса, въ оффиціальномъ обращеніи къ делегаткамъ, оговорились, что радушно привѣтствуютъ всѣхъ собравшихся „за исключеніемъ тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы.“

Не менѣе „дамскій“ характеръ носили и слѣдующіе два международныхъ конгресса: въ Лондонѣ—въ 1899 г. **), и въ Парижѣ—въ 1900 г. Филантропіи, искусству, домоводству отводилось здѣсь едва-ли не больше мѣста, чѣмъ вопросамъ политическаго и гражданскаго равноправія женщинъ. ***) Всѣ пять секцій Лондонскаго кон-

*) Эта рѣчь была отпечатана соц.-демокр. германской партіей отдѣльно и имѣется въ переводѣ на русскій языкъ: „Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ“. Изд. „Демосъ“.

**) Подробности о Лондонскомъ конгрессѣ (кромѣ Протокола на анг. языкѣ) можно найти въ „Женскомъ Дѣлѣ“, 1899 г., сентябрь и августъ, и 1900 г., апрѣль и іюль.

***) E. Ihrer.—„Die Arbeiterinnen im Klassenkampf“, стр. 44.

гресса посвящены были дамскимъ интересамъ: обсуждались трудности артистическсй карьеры; разбирались педагогическіе пріемы и методы воспитанія — особенно сексуальнаго, — пригодныя лишь для круга „респектабельныхъ“ семействъ; говорилось много о „духѣ чистоты“, какой должны привить искусству женщины, о вліяніи этого „духа“ на „благосостояніе народовъ“; горячо дебатировался вопросъ о покровительствѣ „юнымъ путешественницамъ“ и т. п. И только мимоходомъ, въ секціи промышленности, коснулись положенія женскаго труда въ индустріи. Правда, рядомъ, въ той-же секціи обсу„ждался другой, потрясающій всѣ основы, вопросъ —о неоплаченномъ трудѣ хозяекъ“ и о необходимости для буржуазной матроны имѣть собственныя „карманныя деньги“. Весьма характерно, что дебаты по вопросу о положеніи наемнаго женскаго труда въ индустріи, о назначеніи фабричныхъ инспектрисъ, объ организаціи работницъ привлекли всего менѣе публики. Феминистскія корреспондентки пытались объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что засѣданіе промышленной и художественно-артистической секцій совпадали; участницы-же конгресса, обладая „тонкими“ художественными вкусами, предпочитали посѣщать эту послѣднюю. Но это оправданіе рисуетъ намъ истинный характеръ конгресса и позволяетъ судить о дѣйствительныхъ запросахъ буржуазныхъ борцовъ за женское равноправіе. Характеристика, данная участницамъ съѣзда феминистками-корреспондентками, вполнѣ подтверждается самыми работами съѣзда. Послушайте только, какими добрыми совѣтами ни награждали другъ друга почтенныя конгрессистки, краснорѣчиво доказывая пользу прикладныхъ и декоративныхъ искусствъ, спасающихъ отъ бездѣлія и скуки, совѣтуя заниматься „артистической эмалировкой“, рисованіемъ по фарфору, по стеклу, фотографіей, художественнымъ переплетнымъ мастерствомъ и т. д. Имѣлся рецептъ и для развинченныхъ праздной и сытой жизнью

нервовъ: птицеводство, фермерство и особенно—садоводство причислялись къ числу занятій „весьма полезныхъ для тѣла, пріятныхъ для глазъ, освѣжающихъ духъ“ и даже „возбуждающихъ склонность къ созерцанію и возвышенному образу мыслей“. Чего-же еще? Болѣе „меркантильнымъ душамъ“ предлагалось заниматься разведеніемъ... страусовъ, въ виду того, что продажа страусовыхъ перьевъ въ наши дни оказывается предпріятіемъ, весьма прибыльнымъ. Всѣ эти примѣры кажутся шаржемъ, каррикатурой; однако-же они значатся въ протоколѣ конгресса... *)

Весьма поучительно выступленіе нашихъ русскихъ піонерокъ женскаго равноправія на Лондонскомъ конгрессѣ. Двое врачей-женщинъ съ поразительной наивностью докладывали о своемъ заманчивомъ положеніи въ Россіи: женщина-врачъ не только допускается на государственную службу, но даже получаетъ пенсію въ случаѣ выхода замужъ, а послѣ ея смерти, даже при жизни отца, дѣти до совершеннолѣтія не лишаются этой пенсіи. Таковые „идиллическіе“ порядки въ Россіи — не чета „гнилому Западу“! Третья представительница Россіи—делегатка Русскаго Женскаго Взаимно-благотворительнаго общества — въ столь-же привлекательныхъ краскахъ нарисовала положеніе русской женщины съ точки зрѣнія гражданскаго права; она сумѣла показать представительницамъ другихъ странъ, насколько онѣ „отстали“ отъ Россіи и насколько русская женщина, въ смыслѣ имущественныхъ и брачныхъ отношеній, лучше обставлена, чѣмъ даже гражданки „свободныхъ республикъ“... Вся горечь „бабьей доли“, весь ужасъ бытового угнетенія русской крестьянки, работницы, купчихи, и даже „дворянки“, все безправіе и угнетеніе народа какъ-то стушевывались, ускользали

*) Эти-же факты можно найти въ статьѣ о Лондонскомъ конгрессѣ М. Ватсонъ—„Женское Дѣло“, сентябрь, 1899 г.

съ горизонта феминистокъ, захлебывавшихся отъ восторга, при мысли о тѣхъ скромныхъ „преимуществахъ", какими въ Россіи обладаютъ буржуазныя женщины.

Разумѣется, Лондонскія конгрессистки не преминули посѣтить „Виндзорскій замокъ"—эту излюбленную резиденцію королевы, гдѣ имъ „сервированъ" былъ, по спеціальному приказу „высочайшей особы *женскаго пола*", „роскошный завтракъ", о чемъ конгрессистки долго и съ умиленіемъ вспоминали.

Лондонскій конгрессъ сыгралъ въ женскомъ буржуазномъ движеніи крупную роль; онъ отличался не только необычайнымъ многолюдствомъ (насчитывалось свыше 2000 участницъ), но и привлекъ особое вниманіе общества и прессы.

Если Лондонскій конгрессъ посвятилъ лишь минимальное вниманіе вопросамъ—женскаго труда, экономическаго положенія женщины, половой морали и проституціи, то пробѣлъ этотъ восполненъ былъ Парижскимъ конгрессомъ, состоявшимся въ 1900 г. Соціально-экономическимъ вопросамъ въ Парижѣ отведено было первое мѣсто. Мы уже указывали, въ главѣ объ экономическомъ положеніи женщины, на тѣ выводы, къ какимъ пришелъ Парижскій конгрессъ феминистокъ 1900 г. по вопросу объ охранѣ женскаго труда. Враждебная нотка, слышавшаяся уже въ Лондонѣ, превратилась въ Парижѣ въ стройный хоръ враждебныхъ голосовъ, едва рѣчь коснулась законодательной нормировки женскаго наемнаго труда. *) Буржуазныя жен-

*) Феминистки объясняли свою принципіальную вражду къ фабричному законодательству слѣд. образомъ: „Иные изъ ораторовъ (въ Лондонѣ) говорили въ пользу спеціальныхъ законовъ о женскомъ трудѣ, которые ограничивали-бы рабочіе часы и ограждали-бы здоровье женщинъ отъ вредныхъ условій нѣкоторыхъ производствъ. Но огромное большинство основательно возстало противъ такого взгляда: законы должны охранять всѣхъ работниковъ, а не женщинъ только. Ограниченіе рабочихъ часовъ также должно распространяться на всѣхъ; въ

щины, во имя „принципа равноправности“, отрицали необходимость охраны спеціально-женскихъ трудовыхъ силъ; француженки и англичанки съ особеннымъ азартомъ отстаивали эту точку зрѣнія. Полное непониманіе интересовъ женщинъ рабочаго класса, полное игнорированіе ихъ экономическихъ запросовъ характеризуютъ работы Парижскаго конгресса. Парижскій конгрессъ воочію показалъ, что феминистское движеніе далеко не охватываетъ всего женскаго движенія. Громадныя массы женщинъ остались въ сторонѣ отъ него; онъ не сумѣлъ понять ихъ существенныхъ, жизненныхъ интересовъ. Женщины, работницы на поприщѣ умственнаго труда, и тѣ не нашли въ немъ удовлетворенія. Феминизмъ остался, какъ и былъ, по преимуществу представителемъ женщинъ буржуазнаго класса“. *) Это свидѣтельство тѣмъ болѣе серьезно, что исходитъ изъ устъ лица, не зараженнаго пагубнымъ вліяніемъ „однобокихъ“ соціал-демократовъ. Въ самомъ дѣлѣ, женщинамъ рабочаго класса въ Парижѣ не было ни мѣста, ни дѣла. О нихъ, правда, зачастую вспоминали, но преимущественно для того, чтобы проявлять по отношенію къ этимъ „несчастнымъ созданіямъ“ попечительную заботу, избирая ихъ объектомъ для насажденія буржуазной морали или для проявленія оскорбительной благотворительности „сверху“.

По мѣрѣ роста женскаго буржуазнаго движенія, по мѣрѣ пріобщенія все бо̀льшаго и бо̀льшаго числа ин-

---

противномъ случаѣ, оно только вредитъ женщинамъ, имъ и безъ того трудно конкурировать съ мужчиной; ограниченіе-же часовъ женскаго труда ведетъ лишь къ тому, что имъ отказываютъ отъ работы, находя болѣе выгоднымъ замѣнять ихъ мужчинами.“ А. Каррикъ. „Иностранные отголоски“,—„Женское Дѣло“, 1899 г., іюль, стр. 105.

*) Подробности о Парижскомъ конгрессѣ можно найти въ статьяхъ: Т. Богдановичъ, „Женское движеніе“—„Міръ Божій“, 1903 г., стр. 236, и М. Ватсонъ—„Женское Дѣло“, 1900 г., іюнь—іюль.

теллигентокъ къ кадрамъ самостоятельно-зарабатывающихъ женщинъ, феминистское движеніе выростало изъ пеленокъ „дамской филантропіи“, „декоративныхъ искусствъ“ и „образцоваго домоводства“. Хаотическій блокъ „Межд. Ж. Совѣта“ переставалъ удовлетворять лѣвое крыло феминистокъ, переросшихъ стадію „благотворенія“. Политическое безправіе тяжело пригнетало самостоятельныхъ буржуазокъ, познавшихъ на собственной спинѣ многія темныя стороны современныхъ эксплуататорскихъ трудовыхъ отношеній. Буржуазныя женщины все настоятельнѣе ощущали необходимость соціально-экономическихъ реформъ, обѣщавшихъ интеллигентной труженицѣ облегченіе ея участи путемъ коренного пересмотра гражданскаго кодекса, отмѣны позорящей женщину проституціонной регламентаціи и т. п. Женщина нуждалась въ пріобщеніи къ жизни государства; она сознавала, что безъ ея непосредственнаго воздѣйствія реформы эти не осуществятся. Политическое равноправіе получало въ глазахъ буржуазныхъ женщинъ первенствующее значеніе.

Между тѣмъ, „Межд. Ж. Совѣтъ“ продолжалъ благодушно толковать о „сексуальномъ воспитаніи“ и о прелестяхъ садоводства для скучающихъ дамъ, восхвалять плоды дѣятельности обществъ спасанія погибающихъ дѣвицъ и т. п. Лѣвымъ феминисткамъ стало душно и тѣсно въ этой атмосферѣ. И вотъ, въ 1902 г., американскій національный союзъ организовалъ нѣчто вродѣ международнаго женскаго митинга въ Вашингтонѣ, на которомъ болѣе демократически настроенныя феминистки рѣшили учредить „Международный Союзъ женскихъ избирательныхъ правъ“. Задачей этой новой организаціи должна была являться энергичная защита женскаго политическаго равноправія. *)

*) Проектъ организаціи и программа „Межд. Союза“ окончательно утверждены были на слѣдующемъ конгрессѣ поборницъ женской равноправности въ Берлинѣ, въ 1904 г.

Молодой „Межд. Союзъ“ существенно отличался отъ „Межд. Ж. Совѣта“ тѣмъ, что объединялъ болѣе однородныхъ по своему настроенію и взглядамъ феминистокъ. Декларація, принятая „Союзомъ“ на феминистскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, въ 1904 г., свидѣтельствовала, что организація эта ставитъ себѣ конкретную и опредѣленную задачу: отбрасывая всѣ сантиментальныя попытки „Совѣта“ обновить міръ при помощи „дамскихъ обществъ“. Если съ международнымъ феминизмомъ прежняго типа у работницъ не было ничего общаго, то теперь, наоборотъ, задача, выдвигавшаяся „Межд. Союзомъ“, совпадала съ чисто-пролетарскимъ требованіемъ — политическихъ правъ для совершеннолѣтнихъ гражданокъ. Общность этой задачи, казалось, естественно выдвигала вопросъ о сотрудничествѣ до сихъ поръ чуждыхъ другъ другу женскихъ міровъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшало женщинамъ различныхъ классовъ объединить свои силы, разъ этому объединенію не препятствовало даже различіе національностей? Вопросъ вѣдь шелъ исключительно о сотрудничествѣ для достиженія ясной, конкретной и одинаково-желанной для всѣхъ женщинъ цѣли.

Но дѣйствительно-ли одинаково понимаютъ эту „желанную цѣль“ женщины столь различныхъ общественныхъ классовъ? Въ декларації „Междун. Союза Изб. Правъ Женщинъ“ сказано: 1) „Мужчины и женщины равно-свободны и независимы по рожденію, равно надѣлены разумомъ и способностями и имѣютъ равное право на свободное ихъ развитіе. 2) Естественное соотношеніе половъ есть взаимодѣйствіе и кооперація, и ограниченіе правъ и свободы одного пола неизбѣжно наноситъ ущербъ другому полу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему человѣчеству. 3) Во всѣхъ странахъ—законы, обычаи и вѣрованія, которые содѣйствовали закрѣпощенію женщинъ, ставили преграды ихъ образованію и

препятствовали развитію ихъ прирожденныхъ способностей, основаны были на ложныхъ понятіяхъ и породили искусственное и неправильное соотношеніе между полами въ современномъ обществѣ. 4) Самоуправленіе въ семьѣ и государствѣ есть неотъемлемое право каждаго совершеннолѣтняго нормально-развитого лица, и отказъ въ немъ женщинамъ вызвалъ по отношенію къ нимъ соціальную, юридическую и экономическую несправедливость и усугубилъ во всемъ мірѣ существующее экономическое неустройство. 5) Правительство, которое предписываетъ женщинамъ-гражданкамъ законы и взимаетъ съ нихъ налоги, не предоставляя имъ права согласія или отказа, которымъ пользуются мужчины - граждане, производитъ надъ ними насиліе, недопустимое въ государствѣ, основанномъ на справедливыхъ законахъ. 6) Всеобщее голосованіе есть единственное законное и вѣрное средство защиты правъ на „жизнь, свободу и счастье“, признанныхъ американской декларацією независимости и затѣмъ всѣми цивилизованными націями — неотъемлемымъ правомъ человѣческой личности. Поэтому, во всѣхъ представительныхъ государствахъ женщины должны быть облечены всѣми политическими правами и привиллегіями избирателей“. (Н. Мировичъ, стр. 6—7, „Женское движеніе въ Европѣ и Америкѣ“).

Пышная „декларація правъ“ женщины XX вѣка подошла къ основному пункту своихъ требованій съ большой осторожностью: женщины должны быть облечены всѣми правами и привиллегіями избирателей. Каковы эти „права и привиллегіи“, что скрывается подъ этой туманной, ни къ чему не обязывающей формулировкой? Связаны-ли эти права съ имущественнымъ или инымъ цензомъ, являются-ли они только привиллегіей „дамскаго“ сословія или распространяются на всѣхъ женщинъ, даже и не обладающихъ никакими цензами?

Что „Межд. Ж. Совѣтъ“ лишь въ самой общей формѣ

выражалъ свое отношеніе къ женскимъ политическимъ правамъ, объясняется естественнымъ стремленіемъ этой всеобъемлющей организаціи собрать подъ свое материнское крыло женщинъ всевозможныхъ соціальныхъ слоевъ и политическихъ оттѣнковъ. Но надо помнить, что „Межд. Ж. Совѣтъ“ и не ставилъ себѣ никакихъ конкретныхъ цѣлей; его роль была и остается и сейчасъ организаторской, по-преимуществу. Наоборотъ, „Межд. Союзъ“ съ первой-же минуты взялъ на себя вполнѣ опредѣленную политическую задачу, почему отъ него мы вправѣ были-бы требовать большей конкретности и ясности въ формулировкѣ программы. Однако, блоковое начало, унаслѣдованное „Союзомъ“ отъ „Совѣта“, въ значительной мѣрѣ препятствовало работѣ самоопредѣленія этой „радикальной“ феминистской организаціи.

Надо-же, въ самомъ дѣлѣ, принять во вниманіе, что смѣшеніе въ „Союзѣ“ самыхъ разнородныхъ женскихъ элементовъ, начиная съ крупной буржуазки и кончая женщинами „свободныхъ-профессій“ и даже полу-пролетарками, дѣлало крайне-затруднительнымъ дальнѣйшее конкретизированіе основного пункта программы „Союза“. Чувствовалось, что стóитъ поставить ребромъ вопросъ о томъ, каковы должны быть основы женскихъ политическихъ правъ, чтобы всей хваленой крѣпости и сплоченности „Союза“ пришелъ конецъ. Вопросъ о цензѣ, о прямомъ и равномъ голосованіи неминуемо раскололъ-бы стройные ряды феминистокъ и поселилъ-бы смуту и разнорѣчіе тамъ, гдѣ сейчасъ, благодаря общей, туманной формулировкѣ требованій, царитъ „гармонія“ и „согласіе.“ *)

Самая декларація „Союза“ не даетъ еще, пожалуй, достаточныхъ основаній для того, чтобы заподозрить эту организацію въ чисто-буржуазныхъ склонностяхъ;

*) Ср. Zetkin „zur Frage“... и т. д., стр. 13.

но имѣются другіе объективные показатели его истинной физіономіи. Обратите вниманіе на составъ „Союза“— ядро его составляютъ всѣ тѣ-же, знакомыя представительницы буржуазнаго феминизма, подвизавшіяся еще недавно подъ знаменемъ благонамѣреннаго „Совѣта“. Разумѣется, среди этихъ лицъ имѣются весьма почтенные борцы феминизма, заслуги которыхъ передъ буржуазно-женскимъ движеніемъ неоспоримо-велики; но отдавать имъ должное и даже любоваться ихъ индивидуальными качествами не значитъ обольщать себя иллюзіей, будто эти женщины могутъ стать выше своихъ классовыхъ интересовъ и въ своей организаціи впервые въ мірѣ воплотить идею внѣ-классоваго единенія. А что классово-буржуазный духъ незримо виталъ надъ составительницами декларації, видно хотя-бы изъ того, что въ пунктѣ 6 опредѣленно сказано: женщины должны быть облечены одинаковыми политическими правами съ мужчинами, тамъ, гдѣ уже существуетъ представительная форма правленія. Отчего не оговорились „радикальныя“ феминистки, что тамъ, гдѣ народнаго представительства еще нѣтъ или-же гдѣ оно основано на недемократическихъ началахъ, члены „Союза“ будутъ бороться за демократизацію государственнаго строя для достиженія возможно болѣе широкихъ политическихъ правъ и для женщинъ? Развѣ-же демократизація государственнаго строя не является однимъ изъ главныхъ условій для распространенія политическаго равноправія на болѣе широкіе круги женскаго населенія? Только въ томъ случаѣ вопросъ о формѣ представительной системы утрачиваетъ свое первенствующее значеніе, если члены „Союза“ подходятъ къ вопросу равноправности женщинъ со своей узко-классовой точкой зрѣнія, если они хлопочутъ о пріобщеніи къ политической жизни не всѣхъ женщинъ, какъ они говорятъ, а лишь представительницъ извѣстнаго привиллегированнаго слоя общества.

Можетъ-ли такая постановка вопроса внушать довѣріе пролетаркамъ? Пожалуй. что въ цѣляхъ сохраненія „Союза“ осторожная формулировка основныхъ принциповъ въ деклараціи феминистокъ и полезна, но для привлеченія работницъ въ кадры „Союза“ этотъ пріемъ крайне-неудаченъ. Если-бы „радикальныя“ феминистки рискнули высказаться за полную. развернутую избирательную формулу, могъ-бы еще возникнуть вопросъ—не объ объединеніи съ ними пролетарокъ, но о факультативномъ съ ними сотрудничествѣ. Теперь-же, при умышленномъ затуманеніи основныхъ требованій, вопросъ этотъ совершенно и безповоротно отпадаетъ.

Поучительно отношеніе лѣваго феминистскаго крыла къ вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Когда на конгрессѣ „Межд. Союза“ въ Берлинѣ, въ 1904 г., обсуждалась формулировка вопроса объ основахъ политическаго равноправія женщинъ, лишь отдѣльные голоса раздались въ защиту всеобщаго избирательнаго права, но голоса эти тотчасъ-же потонули въ дружномъ хорѣ противницъ развернутой формулы. „Развѣ не пикантно то, что предсѣдательница умѣреннаго „Всеобщаго союза нѣмецкихъ женщинъ“ оказалась на этотъ разъ радикальнѣе-настроенной, чѣмъ лѣвое крыло равноправокъ, отстаивавшее на международномъ конгрессѣ принципъ политическаго равноправія женщинъ?“ *)

Но радикальныя феминистки не вернулись къ вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ и на своемъ слѣдующемъ конгрессѣ, въ Копенгагенѣ. Конгрессъ происходилъ въ періодъ повышеннаго интереса всего міра къ вопросамъ народнаго представительства; революціонная буря въ Россіи еще не стихала и, выводя изъ равновѣсія и европейскую общественную жизнь, ставила и здѣсь на очередь рядъ политическихъ запро-

*) K. Zetkin, „Die internationale Frauentagung zu Berlin“, — „Neue Zeit“, 1904, № 41.

совъ массъ. Казалось, минута была особенно-благопріятной для внимательнаго пересмотра основного пункта программы „Межд. Союза". Требованіе всеобщаго неограниченнаго права участія въ выборахъ, какъ въ законодательное учрежденіе, такъ и въ органы мѣстнаго самоуправленія, напрашивалось само собою. Но конгрессъ, оставаясь глухимъ къ воздѣйствію великихъ политическихъ событій; совершавшихся внѣ его стѣнъ, съ изумительнымъ упорствомъ обошелъ и на этотъ разъ щекотливый пунктъ своей программы. Правда, отдѣльные голоса поднимались опять въ защиту принципа всеобщаго избирательнаго права, и даже секретарь „Межд. Союза"—нынѣ его предсѣдательница—американка Чепменъ-Кэтъ, признала, что отнынѣ боевымъ кличемъ феминистокъ долженъ быть лозунгъ: „каждому человѣку—одинъ голосъ; но эти выступленія „демократокъ" разбивались о стѣну глухого, выдержаннаго сопротивленія всей массы конгрессистокъ. Не побудила къ пересмотру основныхъ пунктовъ союзной декларации и рѣчь финляндской делегатки, подчеркивавшей, что наибольшаго результата въ смыслѣ политическаго равноправія женщинъ удается достигнуть тамъ, гдѣ борьба за политическія права женщинъ ведется въ тѣсной и неразрывной связи съ общей борьбой пролетаріата за демократизацію государственнаго строя. *) Конгрессистки имѣли свои причины не возбуждать преній по всѣмъ этимъ щекотливымъ вопросамъ и не принимать какихъ-либо „неосмотрительныхъ", обязывающихъ еще, упаси Боже! къ „революціоннымъ" выступленіямъ, постановленій.

Интересно и весьма характерно поведеніе на Копенгагенскомъ конгрессѣ нашихъ русскихъ делегатокъ—представительницъ „Союза Равноправности". Каковы

*) Подробности о Копенгагенскомъ конгрессѣ см.: Мировичъ „Женское движеніе",—„Союзъ Женщинъ", 1907 г., № 5, и „Женскій Вѣстникъ", 1906 г., № 11.

бы ни были тенденціи, международнаго феминизма, онѣ имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе и лишь косвеннымъ образомъ способствуютъ выясненію вопроса о взаимоотношеніи между феминистскимъ и женскимъ пролетарскимъ движеніями. Наоборотъ, позиція нашихъ русскихъ равноправокъ въ этомъ вопросѣ крайне-существенна и имѣетъ непосредственное и важное значеніе для всего женскаго дѣла въ Россіи. Какъ-же отнеслись къ требованію политическаго равноправія наши феминистки, впервые присутствовавшія въ качествѣ оффиціальныхъ делегатокъ отъ Россіи на конгрессѣ союза? Казалось, представительницы Россіи, которыя только-что покинули поле политическаго сраженія, въ ушахъ которыхъ еще долженъ былъ раздаваться мощный гулъ народнаго волненія, передъ глазами которыхъ должны были еще мелькать потрясающія своимъ величіемъ картины борьбы народа за политическое освобожденіе, не могли говорить „въ тонъ“ мирно настроеннымъ феминисткамъ, прибывшимъ изъ политически-„благополучныхъ“ странъ. Казалось, что русскія делегатки, явившіяся на копенгагенскій конгрессъ, должны были невольно принести съ собою отголоски пережитыхъ революціонныхъ бурь и, хотя-бы по вопросу объ основахъ политическаго равноправія, проявить особый демократизмъ, способный увлечь за собою и остальныхъ участницъ съѣзда.

Въ дѣйствительности, ничего подобнаго не случилось. Г-жа Мировичъ очень обстоятельно разсказала о плодотворной дѣятельности „Союза Равноправности“, одобрила Первую Государственную Думу за ея отзывчивое отношеніе къ вопросамъ женскаго равноправія, въ радужныхъ краскахъ обрисовала трогательное сочувствіе, какимъ полны всѣ оппозиціонные элементы русскаго общества къ женскому вопросу; но, по какой-то странной „забывчивости“, не упомянула о крупнѣйшихъ явленіяхъ только-что пережитаго революціоннаго

періода, не развернула передъ делегатками всего „культурнаго міра“ импозантной картины массового участія работницъ, крестьянокъ въ стачечномъ и аграрномъ движеніяхъ, не упомянула о той громадной, неблагодарной работѣ, которую долгіе годы несли на своихъ плечахъ женщины наравнѣ съ мужчинами, борясь не за женскія только права, а за права всего народа. Женщина-пролетарка, ея условія жизни и труда, ея задачи, стремленія, ея неизмѣнное участіе въ освободительной борьбѣ какъ-бы ускользали изъ поля зрѣнія представительницъ Россіи. И это—въ такой моментъ, когда глаза всего пролетарскаго міра были обращены на Россію, когда демократія всѣхъ странъ съ ликованіемъ встрѣчала каждую побѣду русскаго пролетаріата, сочувственно слѣдя за всѣми перипетіями политической драмы, разыгрывавшейся на русской землѣ... Получалось впечатлѣніе, будто единственными борцами за женскія политическія права въ Россіи являлись члены „Союза Равноправности“ и что, только благодаря этой „дѣятельной и энергичной организаціи“, обратило русское общество, наконецъ, вниманіе на запросы женщинъ. На основахъ, опредѣляющихъ политическія права женщинъ, члены „Союза Равноправности“ не останавливались вовсе; въ такой отвѣтственный моментъ онѣ не сумѣли встать на защиту принципа неограниченнаго избирательнаго права и дать понять заграничнымъ „сестрамъ“, что это требованіе является conditio sine qua non ихъ участія въ международномъ феминистскомъ движеніи. А требованіе это было тѣмъ легче поставить, что платформа нашего „Союза Равноправности“ содержитъ принципъ всеобщаго избирательнаго права! Но, должно быть, это пожеланіе относится къ числу тѣхъ „показныхъ“ товаровъ, какіе красуются въ витринахъ дешевыхъ магазиновъ, для заманиванія неопытнаго и наивнаго покупателя...

Г-жа Волькенштейнъ въ общихъ чертахъ погово-

рила о необходимости и пользѣ „демократизаціи“ женскаго движенія, но ни она, ни кто-либо изъ другихъ, делегатокъ отъ Россіи не сочли нужнымъ внести на конгрессъ предложеніе детализировать и конкретизировать основныя требованія „Межд. Союза“. Пунктъ, касающійся политическаго равноправія женщинъ, такъ и остался въ декларації „Межд. Союза“ во всей своей расплывчатой неприкосновенности.

Не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи никакого дальнѣйшаго шага и засѣдавшій въ этомъ году въ Амстердамѣ третій конгрессъ „Межд. Союза Изб. Пр. Ж.“. Напрасно г-жа Мировичъ въ повышенныхъ тонахъ повѣствуетъ въ своей корреспонденціи „въ Рѣчи“ о радикализмѣ этого конгресса и заявляетъ, что „конгрессъ въ Амстердамѣ явился новымъ поступательнымъ шагомъ въ исторіи цивилизаціи; всѣ правительства, признавшія принципъ всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, передъ лицомъ всего міра свидѣтельствуютъ о результатахъ этой реформы; и опытъ всецѣло говоритъ въ пользу распространенія на женщинъ политическихъ правъ“. Конечно, если считать „величайшей побѣдой“ присылку буржуазными правительствами офиціальныхъ делегатокъ (Норвегія, Австралія и три сѣв.-амер. штата делегировали на конгрессъ своихъ представительницъ), то г-жа Мировичъ права. Но, съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ женщинъ, значительно-большимъ „поступательнымъ шагомъ“ явилось-бы занятіе „Межд. Союзомъ“ ясной и опредѣленной позиціи въ вопросѣ о женскомъ политическомъ равноправіи.

Но многолюдный Амстердамскій конгрессъ (на немъ было около 300 делегатокъ отъ 20 странъ) носилъ, пожалуй, еще болѣе умѣренный характеръ, чѣмъ Копенгагенскій. Начался онъ удивительно трогательно и поучительно: въ одной изъ протестантскихъ церквей отслужена была месса *женщиной-священникомъ*. Затѣмъ,

во время торжественнаго открытія конгресса пропѣта была спеціально-сочиненная для этого случая кантата въ честь правительницы Голландіи, королевы Вильгельмины (тоже вѣдь—женщина!), причемъ хоромъ дирижировала опять-таки женщина. Ни одна изъ демократически-настроенныхъ феминистокъ не подняла своего голоса противъ подобнаго начала конгресса, цѣлью котораго являлась „стойкая и непреклонная" борьба за демократическія права женщинъ. Характеренъ и слѣдующій случай на конгрессѣ: представительница Финляндіи, г-жа Фуруельмъ, въ своей рѣчи снова подчеркивала тѣсную связь, существовавшую между освободительнымъ теченіемъ въ Финляндіи и борьбою за политическое равноправіе женщинъ. Докладъ ея пробудилъ интересъ отдѣльныхъ конгрессистокъ и грозилъ перенести дебаты на опасную почву. Конгрессъ поспѣшилъ прекратить пренія, ввиду того, что Финляндія—„страна революціонная". Замѣтьте,—не полицейскія репрессіи заставили конгрессистокъ вынести такой вердиктъ, а собственное безудержное отвращеніе феминистокъ ко всему, что отдаетъ борьбою.

Центральный вопросъ, объ избирательныхъ правахъ женщинъ, отодвинутъ былъ конгрессомъ на послѣдній день. Сдѣлано это было, вѣроятно, не безъ умысла: опредѣленіе основъ политической правоспособности женщинъ всегда грозитъ вызвать столкновенія и разногласія. На обсужденіе была поставлена слѣдующая резолюція: „Конгрессъ постановляетъ, что прямой обязанностью женщинъ въ настоящій моментъ является обезпечить себѣ поддержку и сотрудничество всѣхъ общественныхъ силъ, сочувствующихъ избирательнымъ правамъ женщинъ, не взирая на ихъ политическія и религіозныя воззрѣнія; избѣгать отвлеченія силъ посторонними вопросами; требовать избирательныхъ правъ для женщинъ, не взирая на ихъ политическія и религіозныя воззрѣнія; требовать избирательнаго права для

женщинъ на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ ихъ имѣютъ или могутъ имѣть мужчины, и предоставленія всякаго дальнѣйшаго расширенія избирательной системы совмѣстному рѣшенію мужчинъ и женщинъ, когда оба пола будутъ обладать равными правами голоса, представительства и равнымъ политическимъ вліяніемъ" (International Woman Suffrage Alliance, Report of Fourth, Conference, p. 7). Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса о всеобщемъ избирательномъ правѣ для женщинъ откладывалось конгрессистками на то время, когда попавшія въ число народныхъ представителей феминистки, вмѣстѣ со своими буржуазными товарищами, сочтутъ умѣстнымъ демократизировать избирательную систему. Система „долгихъ ящиковъ", повидимому, унаслѣдована буржуазками отъ мужчинъ ихъ класса...

Третій секретарь „Межд. Союза" — г-жа Крамеръ — рѣшилась было внести въ приведенную резолюцію поправку, въ которой говорилось: „Международный Союзъ избирательныхъ правъ женщинъ, признавая существованіе классовой борьбы, настойчиво заявляетъ свое желаніе объединить женщинъ всего міра съ цѣлью достиженія политическаго равноправія половъ, путемъ требованія избирательнаго права для женщинъ и уравненія прочихъ женскихъ правъ съ мужскими". („Die Gleichheit", 1908 г., № 16, стр. 143). Но поправка эта встрѣчена была такимъ протестомъ, что г-жѣ Крамеръ ничего другого не оставалось, какъ снять ее съ очереди. Особенно волновались и протествовали представительницы Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Голландіи; онѣ убѣждали своихъ „сестеръ" быть благоразумными и не ставить требованій, которыя могутъ только повредить дѣлу цензоваго представительства женщинъ. Въ Англіи реформа въ пользу политическаго равноправія женщинъ, обладающихъ цензомъ, вполнѣ возможна; выставленіе-же въ этотъ критическій

моментъ новыхъ лозунговъ способно провалить все дѣло. 28-ю голосами противъ 11 прошла предложенная резолюція безъ всякихъ измѣненій.

Такимъ образомъ, Амстердамскій конгрессъ еще разъ подтвердилъ, что пролетаркамъ въ вопросѣ политическаго равноправія женщинъ не приходится ничего ждать отъ союзничества даже съ лѣвымъ крыломъ феминистокъ. Не въ борьбѣ одного пола съ другимъ, а въ отстаиваніи своихъ классовыхъ интересовъ противъ поползновеній другихъ антагонистическихъ классовъ можетъ женщина-работница обрѣсти полную политическую правоспособность. „Единство интересовъ—пышная фраза классовая борьба—жестокая дѣйствительность.“ *)

За послѣдніе годы наибольшей интенсивностью и оживленіемъ отличается феминистское движеніе въ Англіи. Здѣсь женщины проявляютъ удивительную энергію въ борьбѣ за политическое равноправіе; своею самоотверженностью и воодушевленіемъ англійскія феминистки привлекаютъ къ себѣ вниманіе всего міра. Уличныя демонстраціи, рядъ шумныхъ митинговъ, „атака“ парламента, депутаціи, осаждающія министровъ, и иные „воинственные“ способы пробужденія индифферентизма англійскаго общества, несомнѣнно способствуютъ привлеченію вниманія къ вопросамъ женскаго равноправія.

Двѣ громадныя, слѣдовавшія одна за другой въ іюнѣ этого года, демонстраціи (одна 13-го, другая 21 іюня нов. ст.) имѣли ту-же цѣль: вызвать интересъ къ требованію избирательной реформы въ пользу жен-

---

*) „Gleichheit“, 1908, № 16. Подробности объ Амстердамскомъ конгрессѣ см. „Союзъ Женщ.“, 1908, № 7—8 и „Die Gleichheit“, 1908, № 16.

щинъ *). Но сочувствіе, вызываемое энергіей англійскихъ женщинъ въ борьбѣ за женское дѣло, невольно охладѣваетъ, если отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую цѣль преслѣдуютъ англійскія суфражистки и „суфражетки".

Боевымъ лозунгомъ англійскихъ феминистокъ въ настоящій моментъ является: распространеніе и на женщинъ тѣхъ-же избирательныхъ правъ, какими обладаютъ мужчины по англійскимъ законамъ о выборахъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что въ Англіи до сихъ поръ существуетъ *ограниченное* избирательное право и для мужчинъ, что правомъ голоса обладаетъ лишь мужчина (опредѣленіе, внесенное въ законъ о выборахъ въ 1832 г., вмѣсто имѣвшагося ранѣе общаго обозначенія „лицо"), являющійся самостоятельнымъ нанимателемъ комнаты, за которую онъ уплачиваетъ не менѣе 4 шилл. (ок. 2 руб.) въ недѣлю. Требуя уравненія женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами, при сохраненіи существующей выборной системы, англійскія феминистки являются сторонницами цензоваго представительства. Впрочемъ, это положеніе нисколько ими и не оспаривается; англійскія суфражистки основываютъ свои требованія на старой англійской формулѣ „No taxation without representation", т. е. „нѣтъ обложенія безъ представительства".

Этотъ лозунгъ раздѣляютъ обѣ главныя феминистскія организаціи Англіи, борющіяся за женскія политическія права: и умѣренное крыло суфражистокъ, группирующихся вокругъ „Національнаго союза избирательныхъ правъ женщинъ", — солидная и старая уже организація, объединяющая женщинъ болѣе крупной буржуазіи, и молодой „Женскій соціально-политическій

*) Какъ первая демонстрація, организованная правымъ крыломъ феминистокъ, такъ и вторая, устроенная по иниціативѣ „демократическаго" крыла суфражистокъ, выступали подъ знаменемъ цензоваго избирательнаго права для женщинъ.

союзъ“ (нынѣ „Женская освободительная лига“), основанный въ 1905 г. и охватывающій болѣе-демократическіе элементы. *) „Національный союзъ“ до послѣдняго времени сторонился всякихъ не-„конституціонныхъ“ способовъ борьбы, ограничиваясь неизмѣнной подачей петицій въ парламентъ и оказаніемъ воздѣйствія на парламентскихъ представителей „окольными путями“— въ частныхъ бесѣдахъ, заступничествомъ почтенныхъ леди и т. п.

„Лига“, наоборотъ, съ первыхъ-же шаговъ встала на путь „воинственной тактики“, считая, что, чѣмъ шумнѣе будутъ ея выступленія, тѣмъ больше вниманія обратятъ на женскія требованія и общество, и правительство. „Лига“ проповѣдуетъ „активное воздѣйствіе“ на правительство путемъ неуплаты налоговъ **), организуетъ демонстраціи передъ парламентомъ и въ самомъ парламентѣ, дискредитируетъ политическія партіи, враждебно-относящіяся къ вопросу женскаго политическаго равноправія, срываетъ ихъ собранія и ведетъ во время выборовъ противъ нихъ агита-

*) „Избирательное право для женщинъ понимается одинаково всѣми участницами движенія. Онѣ стоятъ на той-же точкѣ зрѣнія, какъ и всемірный женскій союзъ, т. е. добиваются для женщинъ тѣхъ-же избирательныхъ правъ, какія уже имѣютъ мужчины ихъ страны“. („Союзъ женщинъ“, 1908 г., № 2, стр. 23.)

**) „Женщины, члены союза (или „лиги“), исходятъ изъ того положенія, что подчиненіе законамъ страны необязательно для той части населенія, которая лишена возможности участвовать въ ихъ составленіи. Союзъ не требуетъ отъ всѣхъ своихъ членовъ активныхъ дѣйствій, но принимаетъ въ союзъ лишь тѣхъ, которые стоятъ на его точкѣ зрѣнія и сочувствуютъ его тактикѣ. Однимъ изъ способовъ борьбы онъ считаетъ дискредитированіе, насколько это въ его силахъ, либераловъ, стоящихъ у власти. При этомъ союзъ не принимаетъ въ разсчетъ никакихъ иныхъ соображеній, кромѣ женскаго избирательнаго права.“ („Союзъ женщинъ“, 1908 г., № 1—„Хроника женскаго движенія за-границей“, Англія).

цію. *) Послѣ заявленія министра-президента Асквита депутаціи суфражетокъ (такъ именуютъ этихъ „воинственныхъ“ феминистокъ въ отличіе отъ конституціонно-умѣренныхъ „суфражистокъ“), что правительство не можетъ взять на себя сейчасъ иниціативу въ проведеніи такой коренной реформы, какъ пріобщеніе женщинъ къ политической жизни страны, члены „Лиги“ рѣшились „дѣйствіемъ“ показать свой протестъ. Они повели энергичную агитацію противъ кандидатовъ либеральной партіи во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ и до извѣстной степени способствовали побѣдѣ консерваторовъ, въ пику либеральному правительству. Тюремныя заключенія, штрафы, преслѣдованія правительства, какимъ подвергаются «суфражетки», разумѣется, только увеличиваютъ ихъ популярность и служатъ лучшимъ средствомъ пропаганды идеи женскаго равноправія. Но эта воинственная тактика встрѣчаетъ рѣзкое неодобреніе со стороны суфражистокъ праваго крыла; особенно не по душѣ «Національному союзу» враждебность позиціи «суфражетокъ» по отношенію къ либеральному кабинету.

Однако, разногласіе между обоими крылами англійскихъ феминистокъ не идетъ дальше вопросовъ тактики

*) „Членамъ союза удалось сорвать нѣсколько важныхъ для правительства митинговъ, на которыхъ выступали члены кабинета съ выясненіемъ своей программы. Суфражисткамъ, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя полиціей, удавалось проникать на эти митинги. Онѣ прерывали разсужденіе министра по любому вопросу (о флотѣ и т. д.) и спрашивали, намѣрено-ли правительство высказаться за женскія избирательныя права; полиція удаляла женщинъ, происходилъ шумъ, а иногда и борьба, такъ какъ нѣкоторые мужчины, особенно члены мужской „лиги за женскія избирательныя права“, вступались за женщинъ; настроеніе было испорчено, министръ былъ не въ состояніи собрать своихъ аргументовъ, чтобы продолжать рѣчь. Значеніе митинга было подорвано“ („Союзъ женщинъ“, 1908 г., № 1,—„Хроника женскаго движенія за-границей“, Англія).

и методовъ борьбы. Задачи-же и цѣли ихъ вполнѣ покрываютъ другъ друга. «Суфражетки»,—по словамъ «Союза Женщинъ»,—эта «революціонная и демократическая» часть феминистокъ, съ *негодованіемъ* отвергли въ объединенномъ органѣ «Women's Franchise» взводимую на нихъ напраслину, будто онѣ желаютъ связать вопросъ о женскомъ равноправіи съ вопросомъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. *) Такого «грѣха» за собою члены „Лиги" не признаютъ; онѣ вовсе не желаютъ, чтобы противники всеобщаго избирательнаго права, т. е. буржуазія, могли смѣшивать интересы женщины съ интересами „черни". Напротивъ, полезно, чтобы буржуазія научилась строго отличать феминистскія требованія отъ требованій пролетаріата. Тогда дѣло буржуазныхъ женщинъ пойдетъ куда успѣшнѣе.

Непоколебимая позиція „Лиги" по вопросу о цензовомъ избирательномъ правѣ настолько примиряетъ умѣренныхъ суфражистокъ съ „анти-конституціонными" и „не-женственными" методами борьбы „суфражетокъ", что, по словамъ г-жи Мировичъ, между обѣими феминистскими организаціями произошло нѣчто вродѣ „молчаливаго соглашенія". Это трогательное единеніе „суфражистокъ" и „суфражетокъ" подтверждаетъ, что, какъ-бы „революціонны" и „воинственны" ни были методы борьбы лѣваго крыла феминистокъ, въ основѣ своей—это такая-же буржуазно-классовая организація,

---

*) По этому поводу „Союзъ женщинъ" замѣчаетъ мимоходомъ, что вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ Англіи „пока практически не подымается". Энергичная агитація и дѣятельность, какія соціал-демократическая партія Англіи развиваетъ вокругъ этого требованія, резолюціи, какія принимаетъ „Рабочая партія", интересъ, съ какимъ весь рабочій классъ слѣдитъ за исходомъ этой борьбы, — все это анулируется или, вѣрнѣе, игнорируется нашими равноправками. „Союзу женщинъ" надлежало-бы быть болѣе освѣдомленнымъ въ области женскаго пролетарскаго движенія.

какъ и „Нац. Сов.“ *) Классовая позиція феминистокъ особенно даетъ себя чувствовать, когда требованія ихъ непосредственно сталкиваются съ запросами пролетаріата. Изъ двухъ биллей, предлагавшихъ распространеніе избирательнаго права и на женское населеніе и внесенныхъ въ парламентъ въ 1907 г., одинъ исходилъ изъ рядовъ буржуазіи и представленъ былъ депутатомъ либеральной партіи Диккенсономъ, другой былъ внесенъ сэромъ Чарльзомъ Дилькомъ и отвѣчалъ требованіямъ рабочаго класса. Билль Диккенсона, не трогая основъ существующей въ Англіи выборной системы, включалъ въ нее лишь поправку,—требуя распространенія избирательнаго права не только на плательщиковъ, но и на плательщицъ налога. Билль Ч. Дилька, наоборотъ, имѣлъ въ виду коренное измѣненіе избирательной системы и предоставлялъ каждому совершеннолѣтнему гражданину и гражданкѣ активное и пассивное избирательныя права. Надо было видѣть, какой шумъ подняли всѣ англійскія суфражистки и суфражетки въ защиту билля Диккенсона, съ какимъ азартомъ отстаивали онѣ его противъ билля Дилька. Свой образъ дѣйствій онѣ мотировали тѣмъ, что всегда легче провести „поправки“ къ существующей системѣ, чѣмъ измѣненіе самой системы, и увѣряли, что связы-

*) „Ввиду различія въ тактикѣ, усвоенной „Національнымъ“ и „Соц.-Политич.“ союзами, можно было ожидать, что между ними произойдетъ расколъ, который пагубно отразится на всемъ ходѣ женскаго движенія. Къ счастью, оба союза сумѣли избѣжать этой опасности. Между ними произошло нѣчто вродѣ молчаливаго соглашенія: продолжая итти каждый своимъ путемъ, обѣ организаціи соединяются по временамъ для совмѣстныхъ дѣйствій. Внѣшнимъ знакомъ этого соглашенія является журналъ „Women's Franchise“ (избирательныя права женщинъ), совмѣстно-издаваемый обоими союзами. Повидимому, сближеніе это повліяло на ту и другую организацію: Соц.-Полит. союзъ двинулся вправо, а Національ. союзъ—влѣво. („Союзъ Женщинъ“, 1907, № 4, статья И. Мировичъ).

вать вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи съ вопросомъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ значитъ навѣрняка губить первую реформу, дающуюся въ руки. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ феминистки приводятъ постоянно весьма проблематичный подсчетъ, яко-бы показывавшій, что при распространеніи избирательнаго права въ Англіи и на женщинъ, даже на существующихъ цензовыхъ основаніяхъ, 80% женщинъ-избирательницъ окажутся принадлежащими къ рабочему классу. Онѣ все время говорятъ о томъ, что всего важнѣе побѣда „принципа", что надо лишь пробить брешь въ стѣнѣ, „отгораживающей одинъ полъ отъ другого", что стоитъ цензовичкамъ проникнуть въ парламентъ, какъ будутъ проведены и дальнѣйшія реформы на благо „молодой сестрѣ"...

Наши русскія равноправки съ полнымъ сочувствіемъ относятся къ борьбѣ англичанокъ за цензовыя права. Какъ о радостномъ событіи, сообщаютъ онѣ о „побѣдѣ", одержанной въ англійскомъ парламентѣ при вторичномъ чтеніи билля Стенжера, предлагавшаго распространить и на женщинъ существующую выборную систему. *) Тѣ самыя женщины, которыя сейчасъ еще испытываютъ на себѣ всѣ тяготы и невзгоды политическаго безправія, тѣ самыя женщины, которыя, казалось-бы, на собственномъ опытѣ знаютъ, что значитъ не имѣть возможности отстаивать свои насущнѣйшіе интересы, съ легкимъ сердцемъ бросаются на защиту избирательной системы, оставляющей по-прежнему безправною и обойденною наиболѣе - эксплоатируемую и обездоленную часть женскаго населенія...

*) Какъ извѣстно, билль Стенжера въ февралѣ этого года при второмъ чтеніи былъ принятъ „палатой общинъ" 271 голосомъ противъ 92. Разумѣется, дальнѣйшая судьба билля весьма гадательна; онъ неминуемо встрѣтитъ непреодолимое препятствіе на своемъ пути въ образѣ „палаты лордовъ". Но сейчасъ это— первая въ Англіи побѣда феминистскаго „принципа".

По приблизительнымъ подсчетамъ самихъ суфражистокъ (а ихъ подсчеты, разумѣется, склоняются въ сторону преувеличенія числа избирателей) „ограниченный билль“ обезпечитъ избирательныя права всего за $1^1/_2$ милліонами женщинъ. Другими словами, изъ 13 милліоновъ взрослыхъ гражданокъ Англіи $11^1/_2$ милл. останутся по-прежнему безправными. Но такъ какъ избирательными правами будутъ пользоваться только женщины, отвѣчающія цензовымъ нормамъ, то и эти $1^1/_2$ милліона избирательницъ прійдутся, конечно, преимущественно на буржуазный классъ. А наши равноправки любуются и рукоплещутъ своимъ „великодушнымъ“ англійскимъ сестрамъ... Разумѣется, вѣдь ими-же не руководитъ классовый интересъ; для нихъ, какъ, и для англичанъ, всего цѣннѣе—торжество принципа!

Напрасно заявляютъ англійскіе соціал-демократы, что распространеніе на женщинъ избирательныхъ правъ, при сохраненіи существующей системы, грозитъ въ значительной мѣрѣ увеличеніемъ избирательныхъ элементовъ, враждебныхъ интересамъ рабочаго класса; что эта реформа только увеличиваетъ классовое неравенство, вводя своего рода систему „накопленія голосовъ“ за избирателемъ: каждый буржуа получитъ возможность присоединять къ своему голосу еще голоса своей жены, дочери, родственницы, пользуясь возможностью платить за ихъ отдѣльныя комнаты. Между тѣмъ, много-ли пролетаріевъ въ состояніи нанять самостоятельныя комнаты для своихъ дочерей и женъ, комнаты, стоющія не дешевле 4 шил. въ недѣлю безъ мебели? Мы знаемъ, наоборотъ, что большинство даже хорошо, оплачиваемыхъ работницъ селятся по двое, по трое въ одной комнатѣ, что жена пролетарія никогда не въ состояніи позволить себѣ роскошь отдѣльнаго помѣщенія; что, наконецъ, вся прислуга—приказчицы ремесленницы—вся эта громадная женская армія, ютящаяся у хозяевъ, не найдетъ въ предлагаемой реформѣ

никакихъ шансовъ попасть въ избирательные списки. „Итакъ“ — справедливо замѣчаетъ Клара Цеткинъ,— „если-бы введено было ограниченное право подачи женщинами голосовъ, то лишь небольшая часть пролетарокъ могла-бы удовлетворить требованіемъ 17-ти предписаній англійскаго парламентскаго избирательнаго закона о цензахъ—имущественномъ, образовательномъ, профессіональномъ, жилищномъ и служебномъ—и получить политическое равноправіе. Число обойденныхъ правомъ голоса женщинъ было-бы, навѣрное, сравнительно больше числа рабочихъ, лишенныхъ права участія въ выборахъ требованіями избирательнаго закона. Ибо работницы, въ общемъ, оплачиваются ниже рабочихъ. По основному взгляду цензоваго права голоса женщинъ, онѣ, какъ экономически обставленныя хуже, чѣмъ дороже - оплачиваемые рабочіе, менѣе способны и использовать избирательный бюллетень. И съ этой точки зрѣнія, стало быть, несомнѣнно, что для ограниченнаго женскаго права голосованія характернымъ по существу является не принципъ уравненія правъ обоихъ половъ, а признаніе власти и значенія имущества и дохода.“ (K. Zetkin—„Zur Frage“ и т. д., стр. 31).

Какъ ни какъ, а „избирательный цензъ, какую-бы форму онъ ни принималъ, является институтомъ, ограждающимъ интересы представителей собственности и капитала. Женщины рабочаго класса лишаются имъ политическихъ правъ вовсе не потому, что онѣ принадлежатъ къ „прекрасному полу“, а потому, что относятся къ классу „неимущихъ“. Безправіе пролетарки приравнивается къ безправію пролетарія, подобно тому, какъ туго-набитый дамскій портмонэ приравнивается къ полному бумажнику почтеннаго буржуа. О такомъ ли „равноправіи“ хлопочутъ феминистки?...

Къ сожалѣнію, въ рядахъ лѣваго фланга суфражистокъ попадается довольно значительное число пред-

ставительницъ рабочаго класса, поддерживающихъ цензовую реформу. Несмотря на то, что „Лига освобожденія женщинъ“ представляетъ собою типичную буржуазную организацію, что она не-разъ высказывала свою полную чуждость основнымъ стремленіямъ пролетаріата, подчеркивая свою „единственную и исключительную цѣль“—борьбу за равноправіе женщинъ,—насущная потребность въ политическихъ правахъ толкаетъ пролетарокъ на опасный путь объединенія съ буржуазками. Подобное затемненіе классоваго самосознанія, разумѣется, крайне-вредно отражается на успѣхахъ женскаго пролетарскаго движенія и нерѣдко ставитъ выдающихся дѣятельницъ въ этой области въ весьма затруднительное положеніе. Были случаи, когда такіе испытанные борцы за рабочее дѣло, какъ миссъ Панкхерстъ и миссъ Биллингтонъ, увлеченныя идеей женскаго равноправія, пускались во время предвыборной кампаніи въ чисто-феминистскую агитацію и совершенно покидали почву классовой рабочей политики. *)

На защиту цензоваго избирательнаго права для женщинъ вступилъ въ Англіи и представитель „независимой рабочей партіи, депутатъ парламента Кейръ-Харди. **) На седьмомъ конгрессѣ „Рабочей партіи“,

*) См. „Die Gleichheit“, 1906 г., № 252, стр. 17.

**) Свое отношеніе къ цензовому избирательному праву Кейръ-Харди мотивируетъ слѣд. образомъ: „Въ этой скромной реформѣ нѣкоторые видятъ роковую попытку распространить имущественный цензъ и, предоставивъ женщинамъ-собственницамъ избирательныя права, содѣйствовать присоединенію ихъ къ реакціи посредствомъ противодѣйствія избирательнымъ правамъ женщинъ-работницъ. Нечего и говорить, что значительная часть либеральной прессы принимаетъ и подчеркиваетъ это ложное утвержденіе—со всей изобрѣтательностью, на которую способна богатая и безпорочная фантазія... Всякій, кто прочтетъ вышеозначенный билль, увидитъ, что въ немъ не предлагается какой-либо избирательный цензъ, а выставляется требованіе,

въ Бельфастѣ, Кейръ-Харди горячо поддерживалъ резолюцію, составленную въ духѣ цензоваго представительства и для женщинъ: „Конгрессъ высказывается за избирательное право всѣхъ совершеннолѣтнихъ и за признаніе равноправія половъ: онъ требуетъ, чтобы существующая избирательная система была распространена и на женщинъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ мужчинами". Этой формулѣ противопоставлялась резолюція члена соціал-демократической федераціи Квельча: „Конгрессъ признаетъ: во-первыхъ, что настало время распространить на всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ и женщинъ избирательное право; во-вторыхъ, что всякій законопроектъ въ области избирательнаго права, покоющійся на цензѣ и, слѣдовательно, охватывающій лишь ограниченную часть населенія, долженъ быть разсматриваемъ, какъ реакціонное мѣропріятіе."

Эту вторую резолюцію горячо поддерживали и представители трэдъ-юніоновъ. „Законопроектъ, составленный въ духѣ первой резолюціи, не послужилъ-бы интересамъ работницъ",—заявила Мэбель Хоопъ, делегатка почтово-телеграфнаго союза. Большинствомъ 605.000 противъ 268.000 голосовъ прошла резолюція

чтобы женщинамъ были предоставлены избирательныя права на тѣхъ-же самыхъ основахъ, какъ и мужчинамъ. Этотъ билль предлагаетъ лишь уничтожить половое безправіе, отстраняющее женщину, какъ таковую, отъ пользованія избирательными правами. Если для мужчинъ установленъ цензъ имущественный, пусть такой-же будетъ и для женщинъ. Будь женщина умна, какъ Бэконъ, талантлива, какъ Шекспиръ, краснорѣчива, какъ Демосѳенъ, богата, какъ Крезъ,—при всѣхъ этихъ качествахъ она, какъ женщина, не можетъ подать своего голоса за члена парламента. Предлагаемый билль устраняетъ безправіе, мѣшающее ей стать гражданкой, выводитъ ее изъ сферы „идіотовъ, слабоумныхъ и нищихъ", и признаетъ въ женщинѣ человѣческое существо, которое можетъ быть гражданкой. (Кейръ-Харди, „Женщина-гражданка",—„Союзъ женщинъ", 1908 г., № 2).

Квельча. На слѣдующемъ годичномъ конгрессѣ рабочей партіи, въ Гуллѣ, за эту резолюцію подано было уже 784.000 голосовъ противъ—257.000 *). Не служитъ ли это яркимъ показателемъ того, что сами рабочіе понимаютъ опасность цензовой реформы и что лишь недостатокъ политическаго самосознанія толкаетъ меньшинство на защиту „ограниченнаго избирательнаго билля"?

Упорную борьбу за политическую правоспособность всѣхъ женщинъ ведетъ „Лига избирательныхъ правъ для совершеннолѣтнихъ" (Adult Suffrage Society), основанная въ 1905 г. по иниціативѣ соціал-демократокъ (членовъ с.-д. ф.). Организація эта пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее число сторонниковъ; благодаря ей, работницы начинаютъ сознательнѣе относиться къ своему безправному положенію и разбираться въ вопросахъ, связанныхъ съ идеей женскаго равноправія. Подъ ея вліяніемъ прошла и бельфастская резолюція на конгрессѣ „рабочей партіи" въ прошломъ году; благодаря ея пропагандѣ, начинаютъ и англійскіе трэдъ-юніонисты высказываться за всеобщее избирательное право, противопоставляя свои требованія цензовому представительству женщинъ.

О „соц.-дем. фед." въ данномъ случаѣ говорить не приходится,—ея позиція ясна, и только „Независимая рабочая партія" продолжаетъ отстаивать „ограниченный избирательный билль". Свое отношеніе къ этому вопросу „Нез. раб. партія" подчеркнула на своемъ послѣднемъ съѣздѣ, принявъ слѣдующую резолюцію: „Конгрессъ высказывается за уравненіе политическихъ правъ обоихъ половъ и требуетъ, чтобы избирательное право немедленно распространено было и на женщинъ, на одинаковыхъ съ мужчинами основаніяхъ." **)

*) Sachse—„Die Frage des Frauenwahlrechts in England". „Neu Zeit",—1908 г., № 51.

**) „Die Gleihheit", 1908 г., № 10.

Пришлось нѣсколько дольше остановится на женскомъ движеніи Англіи, такъ какъ именно въ этой странѣ, при энергичной борьбѣ феминистокъ за избирательное право и, особенно, при открывающейся возможности практическаго осуществленія этого желаннаго требованія, какъ-бы стирается грань, раздѣляющая женщинъ двухъ различныхъ соціальныхъ группъ и представляется возможность совмѣстныхъ выступленій пролетарокъ и буржуазокъ. Надо обладать большою долей сознательности, глубоко-осѣвшимъ пониманіемъ классоваго интереса, чтобы не увлечься близкими сердцу женщинъ „принципіальными“ завоеваніями. Въ такой моментъ необходимо, чтобы рабочая партія выступила во всеоружіи своей отчетливой классовой позиціи, чтобы она съ особой бдительностью отнеслась къ назрѣвшимъ вопросамъ пролетарокъ и умѣла-бы связать эти запросы съ общей борьбою рабочаго класса за свое освобожденіе. Противодѣйствіе оказываемое соціал-демократіей цензовому избирательному праву женщинъ, вызываетъ въ Англіи ожесточенныя нападки со стороны феминистокъ и заставляетъ послѣднихъ причислять ее чуть-ли не къ противникамъ женскаго равноправія. *) Но пусть напрасно не горячатся феминистки, а, посмотрѣвъ на вещи объективно, пусть дадутъ онѣ чисто-

*) Любопытно, что даже наши русскія феминистки не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы по этому случаю не бросить завѣдомо-ложнаго обвиненія соціал-демократіи. Восхваляя неоцѣнимыя заслуги члена незав. раб. партіи, Кейеръ-Харди, передъ женскимъ движеніемъ, онѣ противопоставляютъ его „коварству“ соціалъ-демократовъ: „И еще недавно, въ 1906 г., на съѣздѣ рабочей партіи въ Бельфастѣ, Кейеръ-Харди выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, бросивъ при этомъ перчатку большинству голосовъ своей партіи, желающихъ провести всеобщее избирательное право *для однихъ мужчинъ*“. („С. Ж.“, 1908 г., № 1). Между тѣмъ, какъ мы уже указывали, Кейеръ-Харди отстаивалъ полит. права только *для части* женщинъ, а с.-д-ты для *всѣхъ*.

сердечный отвѣтъ: не скрывается-ли подъ ихъ защитой цензоваго представительства безсознательнаго классоваго разсчета. *) „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ".

Отрекаясь отъ защиты политическихъ правъ для самаго неимущаго и эксплуатируемаго слоя женскаго населенія, англійскія феминистки сами покидаютъ поле борьбы за принципъ полнаго политическаго равноправія женщинъ и открыто переходятъ въ ряды защитниковъ интересовъ собственности и капитала. Феминистки этого, впрочемъ, и не отрицаютъ. Извѣстная суфражистка г-жа Фаусеттъ въ своемъ письмѣ въ газету „Times", говоритъ, что жестоко ошибаются тѣ господа, которые воображаютъ, будто феминистки связываютъ свои требованія избирательнаго права для женщинъ съ реформой всей избирательной системы Англіи. „Многія изъ насъ вовсе не желаютъ всеобщаго избирательнаго права",—наивно восклицаетъ почтенная лэди. Другая феминистка, лэди Бальфуръ, обращаясь въ „World's Work", пишетъ: „Избирательное право для женщинъ несомнѣнно поставитъ границу преувеличеннымъ требованіямъ, проведенія которыхъ добиваются ультрарадикалы, напр. требованію всеобщаго избирательнаго права. Между нами есть много противницъ всеобщаго избирательнаго права." И даже миссъ Панкхёрстъ, соціалистка, одна изъ лидеровъ „боевого отдѣла" суфражистокъ, не преминула сообщить въ газетѣ „Daily

*) Избирательная реформа является лишь въ томъ случаѣ прогрессивной, она въ настоящее время, вообще, имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если переноситъ долю политической мощи съ имущихъ классовъ на неимущіе. Избирательная реформа, которая въ этомъ отношеніи оставляетъ все по старому или даже увеличиваетъ политическую мощь имущихъ классовъ, безполезна или еще хуже, чѣмъ безполезна, даже если она и кажется „расширеніемъ" избирательнаго права. Но именно таковъ по существу своему билль о распространеніи ограниченнаго избирательнаго права на женщинъ"... (Sachse „Zur Frage des Frauenwahlrechts in England"—„Neue Zeit", 1908 г., № 51, стр. 914).

Mail“ слѣдующее: „Многіе думаютъ, будто мы добиваемся избирательныхъ правъ для *всѣхъ* женщинъ; *это совершенно невѣрно*. Наоборотъ, наши крайне-умѣренныя требованія не идутъ дальше того, чтобы женщина, имѣющая обезпеченное положеніе и несущая ту-же отвѣтственность, какъ и мужчина-избиратель, могла попасть въ избирательные списки.“ *) „Распространеніе избирательнаго права на женщинъ, платящихъ подати и налоги“, — откровенно признала лэди Найтлей, — „устранило-бы необходимость введенія всеобщаго избирательнаго права, являющагося огромной опасностью для современнаго общества.“

Разумѣется, мужчины буржуазнаго класса охотно поддерживаютъ въ этомъ отношеніи феминистокъ. Д-ръ Стантонъ Койтъ на митингѣ въ Квинсхоллѣ, расшаркиваясь передъ принципомъ цензоваго представительства женщинъ, замѣтилъ: „ограниченное избирательное право отклоняетъ опасность, связанную съ распространеніемъ избирательныхъ правъ на невѣжественныхъ лицъ женскаго пола.“ **) Цензовое представительство, распространяемое на женщинъ, разсматривается многими извѣстными парламентскими дѣятелями, какъ средство закрѣпить классовое могущество буржуазіи. „Ограниченное избирательное право для женщинъ являетъ собою примѣръ явно-классовой избирательной системы; удвоивъ голоса представителей имущаго класса, реформа эта увеличитъ число голосовъ рабочихъ всего на одну десятую“, ***)—утверждаетъ прекрасный знатокъ правовыхъ отношеній Англіи, депутатъ парламента, Артуръ Хендерсонъ.

Несмотря на всѣ старанія феминистокъ объединить все женское движеніе Англіи, свести его въ одно

*) Статья Sachse въ „Neue Zeir“, 1908, № 51.
**) K. Zetkin, „Zur Frage“, стр. 34.
***) K. Zetkin, „Zur Frage“ и т. д., стр. 34.

русло, почва для соглашенія женщинъ двухъ основныхъ соціальныхъ группъ постоянно ускользаетъ. „Суфражистки“ борются за свои классовыя привиллегіи и господство; пролетарки требуютъ, вмѣстѣ съ мужчинами своего класса, отмѣны всякихъ привиллегій и торжества истинно-демократическихъ началъ. По мѣрѣ роста классоваго сознанія пролетарокъ, соглашеніе становится все менѣе и менѣе возможнымъ. И если сейчасъ еще въ рядахъ англійскихъ феминистокъ находится не мало женщинъ рабочаго класса, то несомнѣнно, что съ ростомъ движенія всего пролетаріата въ пользу всеобщаго избирательнаго права кадры суфражистокъ сильно порѣдѣютъ.

Соціально-политическія условія Англіи, а главное— существованіе цензового представительнаго начала способствуютъ отчетливому разграниченію задачъ, преслѣдуемыхъ буржуазными и пролетарскими женщинами. Въ другихъ странахъ, напр. во Франціи, въ Соедин. Штатахъ, въ Швейцаріи, внѣшніе признаки, отдѣляющіе оба русла женскаго движенія въ пользу политическаго равноправія, гораздо тоньше и неуловимѣе.

Остановимся на Франціи. Положеніе борцовъ за политическія права женщинъ здѣсь несравненно сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ въ Англіи. Цензовое начало, отстаиваемое англійскими феминистками, сразу опредѣляетъ ихъ физіономію и классовыя стремленія. Выступая на защиту „принципа“ женскаго равноправія и одновременно поддерживая интересы имущихъ классовъ противъ поползновеній „дерзкой и невѣжественной черни“, онѣ имѣютъ возможность привлечь къ себѣ симпатіи буржуазіи, зарекомендовать себя защитницами „собственности“ и этимъ обезпечить своимъ требованіямъ поддержку товарищей по классу. Во Франціи, при существованіи избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, феминисткамъ, отстаивающимъ свое политическое равноправіе, не остается ничего

другого, какъ провозгласить и для себя этотъ демократическій принципъ. Такимъ образомъ, помимо собственной воли, оказываются онѣ въ своихъ требованіяхъ болѣе демократично настроенными, чѣмъ ихъ англійскія товарки. Защита цензоваго избирательнаго права для женщинъ не имѣетъ подъ собою почвы и не обѣщаетъ во Франціи сейчасъ непосредственныхъ выгодъ для успѣховъ женскаго дѣла.

Положеніе женщинъ рабочаго класса во Франціи тоже болѣе затруднительное, чѣмъ въ Англіи. Тамъ— борьба за женскія избирательныя права естественно сливается съ борьбою пролетаріата за дальнѣйшую демократизацію избирательной системы; во Франціи пролетаркамъ приходится вести борьбу самостоятельно, такъ какъ тѣ права, какихъ добиваются женщины рабочаго класса, уже давно являются достояніемъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Надо обладать большой долей классоваго самосознанія и глубокой проникновенностью классовыми интересами, чтобы сознать тѣсную связь, существующую между стремленіями пролетарокъ къ политическому полноправію и демократическими запросами рабочаго класса въ цѣломъ. Если передовые борцы пролетаріата и проникнуты этимъ сознаніемъ, то у широкихъ массъ оно, конечно, еще отсутствуетъ. Французской соціал-демократіи предстоитъ большая работа, прежде чѣмъ широкія рабочія массы убѣдятся въ существованіи неразрывной связи между обще-демократическими стремленіями пролетаріата и требованіемъ женскаго политическаго равноправія, прежде чѣмъ пролетаріатъ сознаетъ, что, борясь за право голоса для женщинъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваетъ интересы всего своего класса.

То, что женскому пролетаріату приходится выступать во Франціи подъ однимъ политическимъ лозунгомъ съ буржуазными феминистками, въ глазахъ менѣе сознательной рабочей массы вредитъ женскому

пролетарскому освободительному движенію. Недовѣріе къ буржуазному феминизму, къ этимъ „дамскимъ“ затѣямъ, бросаетъ тѣнь и на самостоятельныя выступленія пролетарокъ. Положеніе получается сложное и гораздо болѣе затруднительное, чѣмъ въ Англіи. Однако, стоитъ внимательнѣе приглядѣться къ буржуазно-феминистскому движенію Франціи, чтобы, несмотря на общность ближайшаго политическаго лозунга двухъ борющихся женскихъ общественныхъ группъ, разглядѣть рядъ противорѣчій, проводящихъ между ними рѣзкую грань. Можно съ увѣренностью сказать, что феминистское движеніе во Франціи, даже по свидѣтельству самихъ феминистокъ, носитъ типично-буржуазный характеръ. Французскій феминизмъ—одинъ изъ наиболѣе умѣренныхъ и отсталыхъ въ Европѣ. Благотворительность — его главное поприще; до сихъ поръ большинство французскихъ женскихъ обществъ и союзовъ ограничивали свою дѣятельность просвѣтительно-филантропическими задачами. *) Въ области соціальной политики французскихъ феминистокъ заботила лишь реформа гражданскаго кодекса, какъ извѣстно, крайне неблагопріятнаго для женщинъ, особенно — замужнихъ.

Боролись буржуазныя женщины и за открытіе имъ доступа къ свободнымъ профессіямъ, и за право полученія ученыхъ степеней; но вопросъ о политическомъ равноправіи съ особенной настойчивостью всталъ передъ француженкой лишь въ послѣдніе годы. Потребность въ политическомъ равноправіи назрѣвала по мѣрѣ того, какъ все бо́льшее и бо́льшее число женщинъ средней и мелкой буржуазіи привлекалось во Франціи въ кадры

*) Подробности о характерѣ феминистскихъ организацій Франціи можно найти въ „Женскомъ Календарѣ“ за 1903 г. и въ статьѣ Т. Богдановичъ—„Женское Движеніе“, (Міръ Божій, 1903 г.).

самостоятельно-зарабатывающихъ. Толчекъ къ организаціи буржуазныхъ женщинъ вокругъ этого требованія данъ былъ, разумѣется, международнымъ феминистскимъ движеніемъ. Въ 1900 г. появилась впервые во Франціи женская организація, ставившая себѣ цѣлью завоеваніе политическихъ правъ для женщинъ. Это—лѣвое крыло французскихъ феминистокъ, душою котораго является энергичная и талантливая Губертина Оклеръ. Правое крыло, группирующееся вокругъ „Національнаго Союза французскихъ женщинъ", съ осторожной и умѣренной по взглядамъ Сарою Моно во главѣ, ставитъ своею цѣлью лишь коренную реформу гражданскаго уложенія. Такое раздѣленіе задачъ феминистскихъ организацій представляется вполнѣ естественнымъ, если вспомнить, что правая организація объединяетъ подъ своимъ знаменемъ преимущественно женщинъ крупной буржуазіи, „дамъ"—въ полномъ смыслѣ слова, для которыхъ реформа гражданскаго кодекса исчерпываетъ всѣ наиболѣе-смѣлыя ихъ пожеланія, тогда какъ лѣвая группа, собирающая элементы буржуазной демократіи, краеугольнымъ камнемъ своихъ требованій, разумѣется, выставляетъ политическое равноправіе женщинъ. „Лига избирательныхъ правъ женщинъ", однако, своимъ составомъ, своею тактикою, всѣмъ проникающимъ ее духомъ, мало чѣмъ отличалась отъ правыхъ феминистокъ. Ни о какихъ манифестаціяхъ, шумныхъ митингахъ, уличныхъ демонстраціяхъ и другихъ „не-женственныхъ" выступленіяхъ долгое время ничего не было слышно во Франціи, несмотря на существованіе спеціальнаго „боевого" союза феминистокъ для завоеванія равноправія. Чинныя собранія, доклады съ „галантнымъ" обмѣномъ мнѣній, изысканно-выдержанные и вполнѣ „приличные" феминистскіе конгрессы, банкеты, въ лучшемъ случаѣ—пресса и подача петицій въ палату депутатовъ,—таковъ былъ принятый французскими феминистками методъ борьбы. Но, несмотря на все изысканное благонравіе

француженокъ, женское дѣло двигалось туго; требованіе политическаго равноправія продолжало оставаться журавлемъ въ небѣ, даже не компенсируемымъ скромнѣйшей синицей въ рукахъ. Чувствовалось, что дамскій методъ борьбы не обѣщаетъ дать никакихъ утѣшительныхъ результатовъ. Пролетарки сторонились феминистокъ, да и сами буржуазки опасливо косились на своихъ чуждыхъ по духу „младшихъ сестеръ".

Въ такомъ печальномъ видѣ буржуазно-женское движеніе Франціи влачило свое незамѣтное и скромное существованіе. Но стремленіе къ политическимъ правамъ росло не только въ средѣ самодѣятельныхъ буржуазокъ; потребность защищать свои собственные женскіе и обще-классовые интересы увеличивалась и среди наиболѣе демократической части женскаго населенія Франціи. Попытка соціалистки, д-ра Маделенъ Пеллутье, сгруппировать женскую демократію, пролетарокъ — по преимуществу, вокругъ лозунга „избирательное право для всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданокъ Франціи" имѣла несомнѣнный успѣхъ. Новая организація „Солидарность Женщинъ" („Solidarité des femmes") рѣшилась выступить съ „боевой тактикой" и противопоставить свой революціонный методъ борьбы „салонной" тактикѣ буржуазныхъ феминистокъ. Демонстрація, устроенная передъ палатой въ 1906 г., была дѣломъ клуба „Солидарность женщинъ"; непосредственное обращеніе къ парламентской фракціи соціалистовъ за поддержкой женскаго равноправія *), манифестація, устроенная женщинами 14-го іюля 1907 г., — все это были новые методы борьбы, пущенные въ ходъ юной организаціей, чтобы обратить вниманіе общества на женскіе запросы и требованія. „Боевые методы" французскія суфражистки позаимствовали, разумѣется, у англичанокъ; но организація „Солидарности женщинъ"

*) См. «Союзъ Женщинъ», № 1, 1907 г. Хроника загр. движ.

значительно отличается отъ англійской „Лиги“ („Соц.-Пол. Союза“). Ядро этой организаціи составляютъ соціалистки; иниціаторъ клуба „Солидарность“, Маделена Пеллутье, стремится сохранить тѣсную связь съ рабочей партіей. Подъ вліяніемъ этой новой женской организаціи, французскіе соціалисты высказались на своемъ съѣздѣ въ Нанси, въ 1907 г., за необходимость *практической борьбы* за женское избирательное право во Франціи. Эта, принятая единогласно, резолюція имѣетъ большое значеніе для французской работницы, до сихъ поръ еще въ очень незначительномъ числѣ втянутой въ общерабочее движеніе; въ синдикатахъ Франціи организовано не болѣе 50.000 работницъ, что составляетъ ничтожную часть женщинъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ. Французская работница, быть можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ пролетарка другихъ культурныхъ странъ, остается въ общей массѣ равнодушною „къ политикѣ“, съ одной стороны — подъ вліяніемъ синдикализма, умаляющаго значеніе „политики и парламентаризма“, съ другой — ввиду недостаточно-развитой соціалистами спеціальной пропаганды среди женскаго пролетаріата. *)

Клубъ „Солидарности женщинъ“ встряхнулъ индифферентизмъ пролетарокъ; его „боевая тактика“, проводимая въ спеціальномъ органѣ „La Suffragiste“, располагаетъ къ нему сердца женской демократіи. Правыя феминистки, съ „Національнымъ Союзомъ“ во главѣ, разумѣется, сторонятся этой „революціонной“ организаціи, шокирующей ихъ своимъ „поведеніемъ“; но „Лига избирательныхъ правъ“, наоборотъ, вполнѣ проникается цѣлесообразностью открытыхъ выступленій и охотно поддерживаетъ юную демократическую орга-

*) Въ послѣдніе два года соціалистическая партія Франціи начала вести болѣе или менѣе планомѣрную работу среди женщинъ рабочаго класса, на подобіе той, какая существуетъ рѣшительно во всѣхъ странахъ съ соціалистическими партіями.

низацію. Политическое чутье подсказываетъ вождю лѣвыхъ буржуазныхъ феминистокъ—Губертинѣ Оклеръ, что „новый методъ“ обѣщаетъ бо́льшіе результаты, чѣмъ мирный „старый“. Въ надѣлавшей столько шума въ Парижѣ майской демонстраціи суфражистокъ, выставившихъ кандидатуру въ Парижскій муниципалитетъ независимой соціалистки Жанны Лалоэ, *) обѣ женскія организаціи—феминистская „Лига“ и пролетарскій клубъ „Солидарности“—дѣйствовали сообща рука, объ руку. Манифестація эта, хотя и не дала практическихъ результатовъ, все-же имѣла крупное агитаціонное значеніе.

Несомнѣнно, существованіе рѣшительной и энергичной въ своей тактикѣ женской пролетарской организаціи оказало вліяніе на полѣвѣніе всего феминистскаго движенія Франціи. По крайней мѣрѣ, тонъ резолюціи, касающейся политическаго равноправія женщинъ, принятой на конгрессѣ французскихъ феминистокъ (Congrès national des droits civils et du suffrage des femmes), лѣтомъ 1908 года, носитъ рѣшительный для французскихъ буржуазокъ характеръ. **)

Вотъ текстъ резолюціи, принятой единогласно: „Конгрессъ, принимая во вниманіе,—что во Франціи женщины—владѣлицы леновъ при старомъ режимѣ, всегда пользовались одинаковымъ съ мужчинами правомъ голоса въ коммунальныхъ и провинціальныхъ совѣтахъ,—что женщины, самостоятельно владѣвшія имуществомъ, пользовались и правомъ голоса при избраніи депутатовъ въ Генеральные Штаты, съ 1302 г. по 1789 г., согласно обычаямъ и уставу провинцій,—что во время революціи права эти были отняты у женщинъ и не возвращены имъ впослѣдствіи,—что въ 1848 г., когда такъ называемое „всеобщее“ избирательное право было

*) См. „Союзъ Женщинъ“, 1908 г. № 5—6.—„Хроника Женск. движ. за-границей; Франція“.

**) „Союзъ Женщинъ“, № 7—8, 1908 г.

дано мужчинамъ, женщины тщетно ратовали противъ этого закона, лишающаго болѣе половины націи всякаго участія въ общественной дѣятельности и въ голосованіи налоговъ,—конгрессъ высказываетъ пожеланіе, чтобы избирательнымъ правомъ, именуемымъ всеобщимъ, пользовались всѣ французы, безъ различія пола."

Но, оставляя въ сторонѣ заслуги молодой демократической женской организаціи въ дѣлѣ пропаганды и агитаціи въ пользу политическихъ правъ женщинъ, можно-ли съ увѣренностью сказать, что клубъ „Солидарности" является надежнымъ оплотомъ для женскаго пролетаріата? Правда, основное его ядро составляютъ соціалистки; правда, онъ не порываетъ связи съ соціалистической партіей и ведетъ боевую тактику, побуждая буржуазныхъ суфражистокъ выступать съ болѣе рѣшительной защитой политическихъ правъ для женщинъ. Но есть обстоятельства, которыя наводятъ на размышленія и заставляютъ съ извѣстной осторожностью подходить къ этой, еще не вполнѣ опредѣлившейся, организаціи. Съ одной стороны—слишкомъ рѣзкое *отдѣленіе* женскихъ требованій отъ борьбы пролетаріата за общіе демократическіе идеалы, слишкомъ явное обособленіе дѣятельности клуба „Солидарности" отъ обще-классовой борьбы пролетаріата; съ другой—черезчуръ тѣсное сотрудничество съ типично-буржуазными организаціями на подобіе „Лиги".

Выдѣленіе борьбы женскаго пролетаріата за свое освобожденіе въ особую, до извѣстной степени самостоятельную, отрасль обще-классовой борьбы пролетаріата не только не противорѣчитъ интересамъ рабочаго дѣла, но, какъ показываетъ практика тѣхъ странъ, гдѣ такое выдѣленіе проведено уже (Англія, Соединенные Штаты, Германія, Австрія, Швеція, Норвегія, Голландія, Бельгія, Финляндія), приноситъ неизмѣримую пользу общей борьбѣ пролетаріата. Можно убѣжденно

утверждать, что только тогда, когда рабочая партія удѣляетъ спеціальныя силы и спеціальную заботу практическому завоеванію избирательныхъ правъ и для женской половины рабочаго класса, требованіе это можетъ получить шансы на удовлетвореніе. До тѣхъ-же поръ принципъ равноправности женщинъ остается мертвой буквой, сохраняемой въ бумажныхъ документахъ партіи. Однако *выдѣленіе* какого-либо пункта рабочей программы, въ рамкахъ обще-классовой политики, съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы за его осуществленіе, крайне далеко отъ *отдѣленія* и *полнаго обособленія* работы вокругъ даннаго требованія.

Выдѣливши технически работу, связанную съ завоеваніемъ женскихъ избирательныхъ правъ, клубъ „Солидарности“ долженъ былъ-бы тѣмъ отчетливѣе проводить въ своей пропагандѣ тѣсную связь, существующую между общими демократическими требованіями соціалистовъ и вопросомъ политическихъ правъ пролетарокъ. Не отдѣлять, а соединять слѣдовало эти вопросы; слѣдовало стараться слить борьбу за женскія избирательныя права съ требованіями дальнѣйшей демократизаціи государственнаго строя Франціи: съ болѣе справедливымъ распредѣленіемъ избирательныхъ округовъ, съ отмѣной обязательной приписки къ мѣсту за шесть мѣсяцевъ до выборовъ, съ введеніемъ референдума и т. п. Между тѣмъ, клубъ „Солидарности“, сосредоточивая всю свою дѣятельность, всѣ свои силы вокругъ вопроса политическаго равноправія женщинъ, самъ суживаетъ свою задачу и невольно превращаетъ, на подобіе феминистокъ, требованіе избирательныхъ правъ для женщинъ изъ *орудія*, *изъ средства* классовой борьбы—въ самодовлѣющую *цѣль*. Можно опасаться, при такомъ положеніи вещей, какъ-бы молодая демократическая организація Франціи не пошла по стопамъ англійскихъ работницъ-суфражетокъ и, въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ буржуазными женщинами, не стала

бы вести политику феминистскую, вмѣсто классово-рабочей. Если это опасеніе оправдается, пролетаркамъ не останется больше мѣста въ рядахъ клуба „Солидарности“, и обязанностью рабочей партіи явится тогда порвать круто съ этой женской организаціей и взять въ свои собственныя руки отстаиваніе политическихъ интересовъ женщинъ рабочаго класса.

Наши русскія равноправки, разумѣется, разразятся негодованіемъ по поводу этого мнѣнія совѣта. „Самъ“ Бебель признаетъ, что, если буржуазное и пролетарское женское движеніе и должны каждое держаться своей линіи, то для „атаки непріятеля“ въ высшей степени полезно объединять силы: „getrennt marschieren, zusammen schlagen!“ И лишь „нетерпимыя“ русскія его „ученицы“ не желаютъ признавать этого правила и вѣчно выдвигаютъ свои „непримиримыя“ убѣжденія.

Но въ самомъ-ли дѣлѣ „самъ Бебель“ рекомендуетъ то сотрудничество женщинъ буржуазіи и рабочаго класса, о которомъ воздыхаютъ наши феминистки? Совмѣстная „атака непріятеля“ не только допустима, но даже весьма желательна, при одномъ, однако, условіи, чтобы объединеніе силъ не заставило пролетарскихъ женщинъ сколько - нибудь „смягчить“ свои требованія, измѣнить свою классовую политику. Если женскія пролетарскія организаціи идутъ подъ развернутымъ знаменемъ своей рабочей программы, если онѣ ведутъ не урѣзанную, а выдержанную классовую политику и, тѣмъ не менѣе, не отпугиваютъ отъ себя феминистокъ, что же — добро пожаловать! Въ такомъ случѣ, совмѣстныя выступленія обѣихъ женскихъ соціальныхъ группъ могутъ быть только полезными для успѣха дѣла. Но осуществимо-ли это основное условіе? Согласятся-ли феминистскія организаціи итти въ ногу съ пролетаріатомъ? Когда рѣчь идетъ о сотрудничествѣ, объ „единеніи“ и т. п., то феминистки

имѣютъ обыкновенно въ виду, что дирижерская палочка останется въ ихъ рукахъ, что тонъ женскимъ выступленіямъ будутъ давать не „полу-грамотныя“, „невѣжественныя“, младшія сестры, а онѣ сами—„fine-fleurs“ женской буржуазной интеллигенціи.

Если насъ смущаетъ тѣсное сотрудничество клуба „Солидарности“ съ феминистками, то потому, что организація эта сама по себѣ еще слишкомъ слаба, чтобы импонировать буржуазнымъ женщинамъ и заставлять ихъ считаться съ классовыми требованіями работницъ. Даже допуская, что „Клубъ Солидарности“ способствуетъ полѣвѣнію суфражистокъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ толкаетъ ихъ на болѣе активныя выступленія, нельзя не замѣтить, что, съ другой стороны, и феминистки вліяютъ на пролетарскую организацію, исподоволь и незамѣтно перекрашивая ее въ болѣе блѣдные тона. Во избѣжаніе этой опасности, возникающей тамъ, гдѣ путемъ компромиссовъ стараются создать миръ и затушевать существующій непримиримый классовый антагонизмъ, необходимо съ большой осторожностью подходить къ вопросу о соглашеніи. Разумѣется, отъ этого „соглашенія“ феминистки всегда остаются въ выигрышѣ, но такъ какъ дѣло не въ нихъ, то „опасливость“ въ вопросѣ соглашенія очень и очень не мѣшаетъ пролетаркамъ.

Если въ Англіи два основныхъ теченія въ женскомъ освободительномъ движеніи — буржуазное и пролетарское—могутъ помѣряться силами, если во Франціи феминистское движеніе, довольно слабое само по себѣ, все же превалируетъ надъ первыми, скромными попытками пролетарскихъ женскихъ элементовъ выступить на защиту своихъ правъ, то въ Германіи женское пролетарское движеніе, наоборотъ, своей прекрасной организованностью, ясностью преслѣдуемыхъ задачъ опережаетъ относительно отсталое движеніе феминистокъ.

Германскія феминистки, ничуть не меньше француз-

скихъ или англійскихъ, преданы интересамъ своего класса; „уважаемыя дамы“ не склонны подпадать подъ обаяніе „соціалистическаго ученія“; онѣ не питаютъ никакой нѣжности къ соціал-демократіи и даже очень отчетливо и ясно высказываютъ свою враждебность къ ней. И, тѣмъ не менѣе, въ Германіи, болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, феминистки находятся подъ ея „тайными чарами“. Такова уже сила сплоченной и сильной организаціи съ отчетливой классовой программой,— она заставляетъ считаться съ собою даже тѣхъ, кто въ глубинѣ души ее ненавидитъ.

Политическое „полѣвѣніе“ германскихъ феминистокъ совершается прямо на глазахъ. Еще лѣтъ 5—6 тому назадъ даже радикальное крыло нѣмецкихъ феминистокъ съ большою опаскою и осторожностью подходило къ вопросу о женскомъ политическомъ равноправіи. „Ассоціація нѣмецкихъ женскихъ союзовъ“ на своемъ съѣздѣ въ Висбаденѣ такъ формулировала это требованіе: „весьма желательно, чтобы союзы всѣми средствами способствовали распространенію идеи женскихъ избирательныхъ правъ.“ *) Организація эта, хотя и примкнула къ „Международному Союзу“ еще на конгрессѣ въ Берлинѣ и даже подняла свой голосъ въ защиту всеобщаго избирательнаго права, въ своей программѣ, однако, такъ и не деталировала своего политическаго требованія. Если судить по статьямъ, появляющимся въ центральномъ органѣ „Ассоціаціи“ и направленнымъ противъ всеобщаго избирательнаго права, то „Ассоціація“ и сейчасъ не тверда въ своихъ требованіяхъ. Но, вѣдь, это „правый флангъ“ германскаго феминизма! Здѣсь группируются старые борцы за равноправность женщинъ, недавно еще не смѣвшіе мечтать о политическихъ правахъ и желавшіе лишь открыть доступъ женщинамъ въ высшія

*) K. Zetkin, «Zur Frage» и т. д., стр. 14.

учебныя заведенія, къ свободнымъ профессіямъ и государственной и общественной службѣ. Корректная Елена Ланге, солидная Марія Штритъ и сейчасъ любятъ направлять движеніе въ область мирныхъ „кухонныхъ“ занятій, педагогическихъ проблемъ и душеспасительныхъ филантропическихъ затѣй. По словамъ „Союза Женщинъ“, даже на Гамбургскомъ съѣздѣ этого праваго крыла, т. е. въ сентябрѣ 1907 года, „на второй планъ отошли вопросы объ избирательныхъ правахъ въ промышленные и коммерческіе суды, отмѣна запрещенія женщинамъ участвовать въ союзахъ и собраніяхъ, избирательныя права женщинъ.“ *)

Что касается юнаго „лѣваго“ крыла феминистокъ, образовавшагося въ 1904 г., во главѣ съ такими яркими поборницами политическаго равноправія женщинъ, какъ Минна Кауэръ, Анита Аугспургъ и Кэта Ширмахеръ, то и оно долгое время колебалось по вопросу объ основахъ политическаго равноправія женщинъ. Растущая мощь женскаго пролетарскаго движенія, твердо отстаивавшаго неограниченное избирательное право, оказала свое дѣйствіе: на Франкфуртскомъ съѣздѣ „прогрессивныхъ“ феминистокъ, въ 1907 году, онѣ, наконецъ, высказались за всеобщее избирательное право безъ различія пола при выборахъ во всѣ законодательныя учрежденія и органы мѣстнаго самоуправленія. При всемъ политическомъ „радикализмѣ“, германскимъ феминисткамъ крайне трудно было рѣшиться на этотъ шагъ. Безъ сомнѣнія, если бы женское пролетарское

*) „Союзъ Женщинъ“, 1907 г., № 3. „Хроника загр. движ.“. Нельзя не отмѣтить, что и эта умѣренная феминистская организація Германіи испытываетъ на себѣ вліяніе растущей мощи женскаго рабочаго движенія и становится все болѣе и болѣе яркой сторонницей соціальнаго реформизма. На Гамбургскомъ съѣздѣ она добросовѣстно обсуждала вопросы о длинѣ рабочаго дня для женщинъ, праздничномъ отдыхѣ, охранѣ работницъ-матерей, законодательной нормировкѣ труда сельско-хозяйственныхъ работницъ и т. д.

движеніе было менѣе значительнымъ, если-бы его вліяніе на массы не увеличивалось съ каждымъ годомъ, если-бы, наконецъ, его уничтожающая критика ограниченнаго избирательнаго права не дискредитировала защитницъ ценза въ глазахъ широкихъ женскихъ массъ, „лѣвыя“ феминистки никогда-бы не посмѣли провозгласить этотъ радикальный лозунгъ. Но теперь выбора не было: желаніе популярности среди женской демократіи, страхъ остаться „въ тѣсномъ дамскомъ кругу“ обязывали надѣть на себя маску политическаго радикализма.

Какъ-бы демократичны ни были политическіе запросы прогрессивныхъ германскихъ феминистокъ, буржуазная сущность ихъ организаціи и стремленій отъ этого не мѣняется. Жизненная практика постоянно противорѣчитъ ихъ пышнымъ „принципіальнымъ“ деклараціямъ. Вопреки всѣмъ ихъ стараніямъ, классовыя симпатіи даже лѣвыхъ германскихъ феминистокъ постоянно прорываются наружу. Хлопоча о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ въ прусскій ландтагъ, „прогрессивныя“ женщины не забыли связать свои требованія съ вопросомъ о „небольшомъ цензѣ“: избирателемъ и избирательницей долженъ считаться лишь тотъ, кто прожилъ болѣе года на одномъ и томъ-же мѣстѣ и уплатилъ причитающіеся съ него прямые налоги.

Во время избирательной кампаніи 1903 г. радикальное крыло феминистокъ заявило, что на этотъ разъ оно намѣревается своею агитаціей поддерживать не только тѣхъ кандидатовъ, которые обѣщаютъ защищать политическіе интересы женщинъ, но и тѣхъ, что стоятъ за „свободу, справедливость и прогрессъ“, другими словами — за буржуазныхъ либераловъ. Феминистки даже позаботились о томъ, чтобы выпустить соотвѣтствующій циркуляръ къ родственнымъ организаціямъ. Классовый интересъ оказался сильнѣе интереса „пола“.

Куда дѣвались всѣ красивыя слова о томъ, что феминистки являются „внѣ-классовыми“ защитницами принципа женской равноправности? „Отступничество“ феминистокъ тѣмъ ярче оттѣнялось, что большинство кандидатовъ либеральной буржуазіи относилось либо отрицательно, либо индифферентно къ политическимъ запросамъ женщинъ. Но мужчины эти являлись „товарищами по классу“; они отстаивали лозунги, понятные и близкіе сердцу буржуазной женщины; они защищали интересы собственности и капитала противъ „безпринципныхъ“ поползновеній соціал-демократіи. Этого было достаточно, чтобы феминистки стали поддерживать либераловъ, противниковъ женской эмансипаціи, противъ ея сторонниковъ—кандидатовъ соціал-демократіи. Есть данныя за то, что феминистки (сами онѣ это отрицаютъ) поддерживали кандидатуру либерала даже противъ самого Бебеля. Въ Гамбургѣ феминистки открыто агитировали въ пользу либерала, хотя и не было никакихъ шансовъ на его проведеніе, такъ какъ главная борьба шла между соціал-демократическимъ и консервативнымъ кандидатомъ; но буржуазныя женщины предпочитали „разбить голоса“, лишь-бы не дать восторжествовать соціал-демократу. *)

Передъ послѣдними выборами въ прусскій ландтагъ мѣстный бреславскій комитетъ „Союза женскихъ избирательныхъ правъ“ обратился къ тремъ намѣченнымъ кандидатамъ консерваторовъ и тремъ кандидатамъ свободомыслящихъ съ вопросомъ: собираются-ли они выступить въ защиту пассивнаго и активнаго избирательнаго права женщинъ во всѣ законодательныя учрежденія? Кандидаты консервативныхъ партій, разумѣется, отвѣтили вполнѣ отрицательно: они считаютъ, что вопросъ этотъ, вообще, не подлежитъ даже обсужденію. Свободомыслящіе, какъ всегда, расшаркавшись передъ принци-

*) K. Zetkin, „Zur Frage“ etc., стр. 16.

помъ женскаго равноправія, всѣ трое, однако, подчеркнули, что находятъ пока еще несвоевременнымъ подымать этотъ вопросъ, ввиду того, что онъ еще не достаточно „назрѣлъ“. Огорченная этими отвѣтами, предсѣдательница мѣстнаго женскаго комитета задаетъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли, въ такомъ случаѣ, женщинамъ совершенно устраниться отъ избирательной кампаніи и повліять въ такомъ-же духѣ на своихъ мужей? «Для насъ, женщинъ, совершенно безразлично теперь, который изъ кандидатовъ будетъ избранъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не собирается бороться за справедливыя требованія женщинъ?» Радикальному ферейну даже и не пришло въ голову вспомнить о трехъ кандидатахъ соціал - демократіи, — кандидатахъ, которые какъ разъ въ данный моментъ ведутъ въ Пруссіи энергичную борьбу за полную демократизацію избирательной системы, охватывающую и женскія права. Но классовый интересъ постоянно заслоняетъ собою феминистскія задачи нѣмецкихъ равноправокъ, и онѣ предпочитаютъ лучше мириться со своимъ безправіемъ, чѣмъ способствовать политическому освобожденію неимущаго класса и укрѣпленію вліянія соціал - демократіи. Послѣ недолгихъ колебаній бреславскій союзъ высказался за поддержку кандидатовъ свободомыслящей партіи. Свое рѣшеніе комитетъ мотивировалъ тѣмъ, что свободомыслящіе, вообще, стоятъ за четырехъ-членную избирательную формулу; слѣдовательно, они являются защитниками «справедливости», а кто является поклонникомъ справедливыхъ порядковъ и законовъ, тотъ не можетъ быть противникомъ женскаго равноправія!.. *) Таковъ дѣтскій лепетъ германскихъ равноправокъ. Но и этотъ неосновательный мотивъ отпадаетъ, если вспомнить, что какъ-разъ для Пруссіи свободомыслящіе требуютъ введенія не равнаго, а плюральнаго голосованія.

*) „Die Gleichheit“, 1907, № 13.

Какъ-бы ни маскировали свои дѣйствія равноправки, въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, впрочемъ, ими руководитъ опредѣленный классовый разсчетъ.

Классовыя симпатіи въ буржуазно-женскомъ мірѣ Германіи принимаютъ все болѣе и болѣе отчетливый характеръ, несмотря на политическое полѣвѣніе равноправокъ. Часть буржуазныхъ женщинъ находитъ безполезнымъ долѣе скрывать свою классовую физіономію и открыто примыкаетъ къ буржуазнымъ партіямъ. Такъ поступила ново-образовавшаяся организація равноправокъ, назвавшаяся „Женской либеральной партіей“ и примкнувшая къ свободомыслящимъ. Партія эта, руководимая г-жей Лишневской и извѣстной равноправкой Эльзой Людерсъ, рѣшила поддерживать реформу избирательнаго права въ Пруссіи на основахъ пятичленной избирательной формулы и агитировать только въ пользу тѣхъ кандидатовъ, которые обязывались дѣйствовать въ этомъ духѣ. Но это было, разумѣется, лишь „теоретическимъ“ рѣшеніемъ. Отрицательное отношеніе къ требованіямъ равноправокъ со стороны свободомыслящихъ не отпугнуло отъ нихъ „Женскую либеральную партію“.

Бросивъ на послѣднемъ съѣздѣ свободомыслящихъ только нѣсколько попрековъ по адресу послѣднихъ, женщины, тѣмъ не менѣе, остались въ рядахъ партіи. Впрочемъ, германскіе либералы были настолько предупредительны по отношенію къ „дамамъ“, что отвели одно засѣданіе своего конгресса спеціальному обсужденію вопроса о женскихъ политическихъ правахъ. Эльза Людерсъ, реферировшая вопросъ, внесла по этому поводу слѣдующую резолюцію: „Либерализмъ полагаетъ благо націи въ развитіи и подъемѣ личности; само собою разумѣется, что въ этомъ развитіи личности должна участвовать и нѣмецкая женщина. Задачи либерализма въ области женскаго вопроса заключаются въ томъ, чтобы уравнять женщину съ мужчиной въ пра-

вахъ, какъ человѣка и гражданина, въ образованіи, общественной, профессіональной и политической дѣятельности. Исходя изъ этого, мы требуемъ: 1) полнаго участія женщинъ во всѣхъ коммунальныхъ учрежденіяхъ, школьныхъ совѣтахъ, попечительствахъ о бѣдныхъ и сиротахъ, надзорѣ за фабриками и жилыми помѣщеніями; 2) такого-же неограниченнаго и равноправнаго участія женщинъ во всѣхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью охрану экономическихъ интересовъ: больничныхъ кассахъ, ремесленныхъ судахъ, рабочихъ и ремесленныхъ управахъ; 3) безпрепятственнаго доступа женщины во всѣ профессіи; 4) принципіальнаго допущенія женщинъ къ представительству въ имперіи, государствѣ и общинѣ.“ („Союзъ Женщинъ“, 1908 г., № 4, „Хроника женскаго движенія за-границей“, стр. 19.)

Свободомыслящіе, не чувствующіе сейчасъ слабости своей политической позиціи и не вынуждаемые, подобно клерикаламъ, хвататься за послѣднее средство,— избирательное право для женщинъ, - безъ особаго сочувствія встрѣтили ихъ требованія. Кореферентъ Эльзы Людерсъ, д-ръ Леманъ, поспѣшилъ заявить, что, хотя онъ и за женское равноправіе въ принципѣ, но „политика все-же должна остаться мужскимъ дѣломъ“. „Къ тому-же“, — продолжалъ онъ, — „женщинъ на свѣтѣ больше, чѣмъ мужчинъ; если имъ дать избирательное право онѣ составятъ большинство въ парламентѣ. Нельзя-же этого допустить! Референтъ не берется практически разрѣшить вопроса, но думаетъ, что со временемъ было-бы возможно раздѣлить Германію на 400 мужскихъ и 100 женскихъ избирательныхъ округовъ, такъ чтобы въ рейхстагѣ на 400 мужчинъ приходилось 100 женщинъ - депутатокъ. Можно также установить, что женщина лишается права голоса при выходѣ замужъ, подобно тому, какъ мужчина теряетъ его, поступая

на военную службу.“ *) Разумѣетея, конгрессъ не могъ отнестись серьезно къ предложенію д-ра Лемана; однако, выступленіе пастора Наумана, еще болѣе отрицательно отнесшагося къ вопросу женскаго политическаго равноправія, нашло несомнѣнный откликъ въ сердцахъ присутствующихъ. Науманъ доказывалъ, что всего правильнѣе было-бы раздѣлить программу свободомыслящихъ на двѣ части, на подобіе программы соціал-демократовъ: въ первую часть включить всѣ desiderata, которыя не обязываютъ партію къ практическимъ выступленіямъ, во вторую—ближайшія задачи и требованія. Политическое равноправіе женщинъ слѣдуетъ, разумѣется, отнести къ первой части. Упаси Боже, связать сейчасъ борьбу за измѣненіе прусской системы представительства съ требованіемъ женскаго политическаго равноправія; это было-бы громадной ошибкой со стороны свободомыслящихъ. Либеральныя феминистки были крайне разочарованы и возмущены; онѣ не ожидали встрѣтить такой отпоръ со стороны своихъ „избранныхъ“ товарищей, своихъ „излюбленныхъ союзниковъ“.

Невольно пришелъ на память примѣръ другой, правда — рабочей, партіи, совершенно иначе относящейся къ требованіямъ женщинъ. „Почему,—жаловались равноправки на конгрессѣ,—женщины занимаютъ въ соціал-демократической партіи совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ у свободомыслящихъ? Потому что тамъ онѣ могутъ вести совмѣстную борьбу съ мужчинами. Надо брать съ нихъ примѣръ.“ Разгнѣванныя равноправки грозились даже покинуть либераловъ, если они будутъ упорствовать въ игнорированіи требованія женскаго избирательнаго права, и уйти, „если не въ центръ, то къ соціалъ-демократамъ“. Но, разумѣется, и эта угроза остается только „принципіальной“.

*) „Die Gleichheit“, 1908 г., № 10.

На одномъ—единственномъ—общемъ требованіи немыслимо построить соглашеніе съ соціал-демократами, немыслимо уже потому, что „Женская либеральная партія", несмотря на краткость своего существованія, успѣла показать публикѣ свою дѣйствительную физіономію, безъ всякой радикальной маски. Достаточно вспомнить, что на одномъ изъ засѣданій „Женской либеральной партіи", во время преній по вопросу объ отчужденіи польскихъ земель и укрѣпленіи нѣмецкой культуры въ Познани, выяснилось, что симпатіи либеральныхъ равноправокъ на сторонѣ насадителей „прусской культуры". *)

Какъ-бы сладко ни пѣла „Женская либеральная партія", какъ-бы ни подчеркивала она свою симпатію къ неограниченному политическому равноправію женщинъ, нѣтъ и никогда не можетъ быть почвы для соглашенія между нею и рабочей партіей.

Оглядываясь на три страны съ наиболѣе-типичными формами женскаго движенія, мы можемъ констатировать, что всюду феминизмъ сохраняетъ свой узкоклассовый отпечатокъ и что даже радикальнѣйшій флагъ буржуазно-женскаго движенія никогда не въ состояніи подняться надъ безсознательнымъ классовымъ разсчетомъ. Если-бы женщины рабочаго класса, въ самомъ дѣлѣ, захотѣли примкнуть къ международному феминизму; имъ пришлось-бы прежде всего тщательно запрятать въ карманъ свою собственную программу. Исторія феминистскаго движенія на Западѣ учитъ насъ, что даже въ такомъ, казалось-бы, обще-женскомъ пунктѣ, какъ требованіе политическаго равноправія для женщинъ, интересы представительницъ различныхъ классовъ не совпадаютъ. Для пролетарки политическое равноправіе — лишь первый этапъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ; ея цѣль—не женскія права и привиллегіи,

*) „Союзъ женщинъ", 1907 г., № 5.

а освобожденіе рабочаго класса отъ гнета капитализма. Подымая знамя женскаго равноправія, пролетарки разсчитываютъ не внѣдрять „гармонію и справедливость“ въ существующій „старый міръ“, а, наоборотъ, ускорить его паденіе.

Невольно приходятъ на память слова Клары Цеткинъ, брошенныя ею какъ-то въ полемикѣ съ феминистками: „Не *мы* не хотимъ того *малаго*, чего добиваетесь вы—женщины буржуазнаго класса, а *вы* не хотите того *большого*, къ чему стремятся пролетарки“.

Однако, быть можетъ, всѣ наши выводы относительно невозможности тѣснаго сотрудничества между буржуазно-женскимъ и пролетарскимъ движеніемъ основываются на ошибочной аналогіи съ западнымъ феминизмомъ. Въ отличіе отъ большинства заграничныхъ феминистокъ, наши равноправки ставятъ на своемъ знамени вполнѣ демократическія требованія—вплоть до пятичленной избирательной формулы. Меньшая дифференцированность соціальныхъ слоевъ населенія, необходимость для всей политической оппозиціи согласовать свои дѣйствія въ борьбѣ съ далеко не поверженными темными, враждебными силами—не создаетъ-ли все это, вмѣстѣ взятое, болѣе благопріятной почвы для соглашенія и сотрудничества всѣхъ общественныхъ элементовъ, добивающихся политическаго равноправія женщинъ?

Остановимся прежде всего на „Союзѣ Равноправности Женщинъ“. Это, безспорно, самая вліятельная изъ существующихъ у насъ феминистскихъ организацій. Она имѣетъ наибольшее „идейное“ вліяніе на направленіе и характеръ русскаго феминизма и притомъ представляетъ собою лѣвое, демократическое крыло движенія. Когда просматриваешь ея программу-„платформу“, въ первую минуту охватываетъ чувство

умиленія передъ „радикальностью“ требованій лѣвыхъ феминистокъ Россіи. Чего, чего тутъ нѣтъ: отъ Учредительнаго Собранія и до амнистіи включительно! О всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, избирательномъ правѣ и говорить, разумѣется, нечего. Но прежде, чѣмъ умиляться и привѣтствовать этотъ фактъ, какъ „отрадное явленіе“, свидѣтельствующее о чрезвычайной демократичности нашего феминистскаго движенія, полезно отдать себѣ отчетъ въ той политической и общественной атмосферѣ, которая окружала первыя выступленія равноправокъ на аренѣ политической борьбы. Нельзя разсматривать программныя требованія политической организаціи, не учитывая въ то-же время общественныя настроенія момента, диктовавшія ей тѣ или другія положенія. „Союзъ Равноправности“ возникъ въ періодъ лихорадочно-повышенной дѣятельности русскаго общества. Оппозиціонные элементы населенія, разбуженные первыми раскатами революціонной грозы, спѣшили опереться другъ на друга, тѣснѣе сплотиться, чтобы дать болѣе надежный отпоръ поддающимся и какъ-бы отступающимъ враждебнымъ силамъ. То была весна памятнаго, грознаго и величественнаго 1905 года.

Въ первое время своего существованія „Союзъ Равноправности“ объединялъ самые разнообразные женскіе элементы, отъ солидныхъ буржуазокъ до „соціалистокъ“ включительно; но такова была сила тяготѣнія къ организаціи въ русскомъ обществѣ, что блоковое начало никого не отпугивало и не смущало.

Не успѣвшее еще стряхнуть съ себя вѣковую дрему, навѣянную старымъ режимомъ, общество чувствовало себя ослѣпленнымъ чуть-забрежжившейся алой зарей на горизонтѣ и съ увлеченіемъ хваталось за всякую возможность проявленія своей „общественности“, своей „самодѣятельности“. То былъ періодъ расцвѣта „сою-

зовъ". „Политическіе лозунги" рѣяли въ воздухѣ, покрывая собою всѣ остальные запросы, и чѣмъ, они были „радикальнѣе", „крайнѣе", „революціоннѣе", тѣмъ бо́льшій откликъ находили въ сердцахъ. Классовый антагонизмъ, ощущавшійся все острѣе, по мѣрѣ того какъ освободительное движеніе развертывалось во всю ширь, какъ-бы заслонялся страстной жаждой всей оппозиціи „дѣйствовать дружно, за-одно". Когда соціал-демократія напоминала о его существованіи и указывала на естественныя границы, раздѣляющія даже оппозицію на два антагонистическихъ лагеря, „общество", т. е. либерально-демократическая буржуазія, съ негодованіемъ отмахивалось отъ „узкихъ доктринеровъ".

На первомъ-же женскомъ митингѣ въ Петербургѣ, 10-го апрѣля 1905 г., организованномъ иниціаторшами „Союза Равноправности", рѣжущимъ диссонансомъ прозвучали отдѣльные голоса изъ рядовъ соціал-демократіи, предостерегавшіе пролетарокъ отъ увлеченія буржуазнымъ феминизмомъ и противополагавшія резолюціи феминистокъ другую резолюцію, исходившую отъ работницъ. Феминистки, настроенныя мирно и благожелательно, наивно воображавшія себя призванными объединить, наконецъ, подъ однимъ знаменемъ „всѣхъ" женщинъ, были искренно разочарованы и опечалены. Несмотря на весь ихъ „демократизмъ" и „радикализмъ", резолюцію работницъ провалили, и собраніе, буржуазныхъ по преимуществу, женщинъ приняло, разумѣется, „свою" резолюцію. *) Подобныя столкновенія двухъ міровъ стали повторяться почти на каждомъ крупномъ женскомъ собраніи. Тѣмъ не менѣе „Союзъ Равноправности", долженствовавшій обслуживать женщинъ всѣхъ слоёвъ и классовъ, сорганизовался тогда-же, въ апрѣлѣ

*) См. „Женскій календарь" за 1906 г., стр. 332, гдѣ приводится полный текстъ принятой тогда резолюціи. Въ періодической печати („въ Нашей Жизни", „Руси", „Правѣ") первый женскій митингъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній.

1905 г. Программу свою „Союзъ“ вырабатывалъ подъ неумолчный шумъ пробудившихся къ жизни общественныхъ силъ. Жизнь шла повышеннымъ темпомъ; вся атмосфера казалась пропитанной революціоннымъ электричествомъ, скопленнымъ годами. Тревожно и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно бурлило и женское море. Стоитъ вспомнить то оживленіе, какое царило втеченіе всего 1905 г. среди женщинъ. „До прошлаго (т. е. 1905 г.),— сообщаетъ „Женскій Календарь“,—вопросъ объ избирательныхъ правахъ весьма мало интересовалъ женщинъ; по крайней мѣрѣ, этотъ интересъ рѣшительно ничѣмъ не выразился. Въ то время какъ въ 1903 году цѣлый рядъ земствъ, начиная съ либеральныхъ и кончая самыми консервативными, поднималъ вопросъ объ избирательныхъ правахъ, одни за активное и пассивное избирательное право, другія за расширеніе существующихъ по передовѣрію правъ женщинъ, послѣднія ничѣмъ не проявили своего отношенія къ этому дѣлу, какъ будто оно не касалось ихъ насущныхъ, кровныхъ интересовъ. Но вотъ въ прошломъ, 1905 году, сразу проявился не только интересъ къ этому вопросу, но необыкновенный подъемъ и воодушевленіе, которые, безъ всякой пропаганды, безъ всякаго общаго плана и организаціи, съ замѣчательнымъ единодушіемъ стали обнаруживаться въ разныхъ самыхъ, противоположныхъ, углахъ нашего отечества.“ *)

Женщины въ самомъ дѣлѣ не дремали. Петиціи, постановленія, заявленія, воззванія полетѣли во всѣ концы Россіи. Къ кому только женщины ни обращались! О чемъ только ни ходатайствовали свѣжеиспеченныя феминистки. Тутъ и требованіе пересмотра гражданскаго уложенія въ пользу женщинъ, и просьба министру внутреннихъ дѣлъ о допущеніи женщинъ на должность волостного писаря **), и обращеніе къ земствамъ, въ

*) „Женскій Календарь“, 1906 г., стр. 324.

**) Тамъ-же, стр. 327.

надеждѣ получить доступъ къ мѣстному самоуправленію, и „ходатайство“ о принятіи женщинъ на службу въ казенныя палаты, казначейства, государственный банкъ и т. д. Но, разумѣется, основнымъ требованіемъ являлось—политическое равноправіе. Не считая петицій, заявленій, ходатайствъ и т. п. другихъ женскихъ организацій, одно „Русское Женское Взаимноблаготворительное Общество“ успѣло за 1905 г. подать 398 просьбъ въ земскія и 108 просьбъ въ городскія управы о поддержкѣ требованія женскаго равноправія, разослать 37 запросовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія о постановленіяхъ этихъ послѣднихъ по вопросу о женскомъ равноправіи, отправить 6000 обращеній въ различныя общественныя и государственныя учрежденія, подать 5 генералъ-губернаторамъ, 80 губернаторамъ и 46 предводителямъ дворянства ходатайства объ оказаніи поддержки требованіямъ равноправности женщинъ, не считая еще спеціальныхъ обращеній къ министрамъ и даже въ „совѣтъ министровъ.“ *) Для крайне осторожнаго, умѣреннаго и притомъ равнодушнаго къ политикѣ „Женскаго Общества“ и эти политическія наивности являлись своего рода гражданскими актами. Главное-же, онѣ свидѣтельствовали о томъ, что даже такая архи-буржуазная женская организація—и та не устояла противъ освободительнаго потока и позволила себѣ договориться до такихъ крайностей, какъ требованіе амнистіи и отмѣны смертной казни. **)

Женщины во всѣхъ концахъ Россіи шевелились, волновались, напоминали о себѣ. Перелистайте газеты за 1905 годъ и вы, чуть не въ каждомъ номерѣ, наткнетесь на сообщенія о женскихъ митингахъ, собраніяхъ, резолюціяхъ, обращеніяхъ, постановленіяхъ и т. д. Сегодня—

*) „Женскій Календарь“, 1906 г. стр. 327.

**) По иниціативѣ предсѣдателя общества, д-ра Шабановой, даже была организована помощь амнистированнымъ.

петербургскія женщины посылаютъ совѣщанію земскимъ дѣятелей въ Москвѣ резолюцію по поводу политическаго полноправія, покрытую 1208 женскими подписями *); завтра—кружокъ московскихъ женщинъ, по преимуществу—педагогическій персоналъ, вноситъ въ московское губернское собраніе адресъ, прося собраніе „возвысить голосъ за право женщинъ“ и не забывать ихъ при проведеніи государственныхъ реформъ. Польскія женщины посылаютъ петицію въ комиссію для разработки положенія о земскихъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, требуя для себя *активнаго* избирательнаго права въ будущія земскія учрежденія. Саратовскія женщины организуютъ весною 1905 г. многолюдный и шумный митингъ, затѣмъ подаютъ губернскому собранію заявленіе о необходимости дарованія женщинамъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права въ органы мѣстнаго самоуправленія. Подобное же заявленіе направляютъ въ губернское собраніе и жительницы гор. Аткарска. Черниговскія жительницы присоединяютъ свои подписи. Другой кружокъ саратовскихъ женщихъ направляетъ заявленіе съ тѣми-же требованіями въ городскую управу гор. Сара-

*) „Мы твердо надѣемся, говорится въ этой петиціи, что наступаетъ время для нашей родины, когда иниціатива и энергія всѣхъ гражданъ получатъ возможность примѣненія. Пора устранить ненормальность правового положенія женщины, ограничивающаго ее даже въ имущественныхъ правахъ. Неся повинности и платя налоги, она не имѣетъ голоса въ ихъ назначеніи и распредѣленіи и лишена возможности приносить ту пользу родинѣ, на которую чувствуетъ себя способной.

Твердо вѣруя въ силу общественнаго мнѣнія и въ чувство справедливости, присущее прогрессивнымъ элементамъ русскаго народа, нижеподписавшіяся заявляютъ требованіе, чтобы при предстоящемъ пересмотрѣ земскаго и городового положеній женщинамъ было предоставлено активное и пассивное избирательное право въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи.“ („Первый женскій календарь“, 1906 г., стр. 325.)

това. *) Жительницы Кишинева помѣщаютъ въ газетахъ письмо, покрытое 102 подписями и заявляющее объ ихъ присоединеніи къ требованіямъ московскихъ и саратовскихъ женщинъ. Лѣтомъ 1905 года на имя городского головы въ Москвѣ поступаетъ заявленіе 955 женщинъ, требующее отъ комиссіи, избранной городской думой для выработки основъ новаго городоваго уложенія, признанія принципа всеобщаго избирательнаго права, распространяющагося и на женщинъ. Воронежскія женщины обращаются въ губернское земское собраніе съ заявленіемъ о необходимости предоставить женщинамъ право участвовать въ земскомъ самоуправленіи. Женское Взаимно-благотворительное общество посылаетъ привѣтственную телеграмму тѣмъ членамъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ, которые высказываются за распространеніе и на женщинъ избирательныхъ правъ. Минскія жительницы устраиваютъ многолюдное женское собраніе, на которомъ выносятъ резолюцію о необходимости улучшенія положенія женщины и уравненія ея въ гражданскихъ и политическихъ. правахъ съ мужчинами.

Женскіе митинги происходятъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ялтѣ и др. городахъ. Всюду на митингахъ раздаются голоса и представительницъ крайнихъ политическихъ партій. Умѣренные голоса покрываются хоромъ призывныхъ и боевыхъ лозунговъ, проявленіями энтузіазма и вѣры въ близость побѣды. Вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ тѣсно связывается съ освободительной борьбой всего народа. Учредительное Собраніе, семичленная избирательная формула, четыре свободы,

*) Это заявленіе типично тѣмъ, что женщины, его подписавшія, подобно англичанкамъ, основываютъ свои требованія на обладаніи имущественнымъ цензомъ „no taxation without representation“ (см. „Женскій Кал.“, 1906 г., стр. 329).

амнистія политическимъ—на меньшемъ женщины не желали тогда мириться.

Такова была политическая атмосфера, въ которой зародился „Союзъ Равноправности"; впрочемъ, и всѣ остальныя либерально-буржуазныя и буржуазно-демократическія организаціи того времени не выставляли болѣе умѣренныхъ требованій. О цензовомъ представительствѣ буржуазная оппозиція въ періодъ процвѣтанія „Союза Союзовъ" не желала и слышать. Можно ли удивляться, что „Союзъ Равноправности", желавшій собрать подъ единымъ знаменемъ возможно болѣе широкіе круги женскаго населенія, формулировалъ свои основные лозунги, подчиняясь требовательному голосу демократіи?

Своею цѣлью „Союзъ" выставляетъ, въ параграфѣ первомъ „Устава", „содѣйствовать общему политическому освобожденію и добиваться уравненія парвъ женщинъ съ мужчинами". Задача широкая, выходящая изъ рамокъ обычныхъ феминистскихъ организацій. Но потому именно, что „Союзъ" ставилъ своею цѣлью „содѣйствовать общему политическому освобожденію страны", ему и приходилось считаться съ запросами и требованіями, выдвигаемыми политическимъ моментомъ. Разсматривая эти устарѣлые документы „Союза", его платформу и „Уставъ", не слѣдуетъ упускать изъ вида, что многіе пункты, включенные въ нихъ подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ историческихъ событій, теперь утратили свое значеніе для членовъ союза и, если не вычеркиваются, то только потому, что, по молчаливому соглашенію, считаются яко-бы не существующими.

Но отнесемся къ программѣ „Союза", какъ къ документу, не утратившему еще своей дѣйствительной силы, и посмотримъ, могли-ли женщины рабочаго класса, безъ ущерба для своихъ классовыхъ интересовъ, сгруппироваться вокругъ „радикальнаго" знамени „Сою-

за", въ то время, когда это знамя еще не утратило яркости своей окраски, когда цвѣта его еще не полиняли?

„Платформѣ" „Союза" предпосылаются слѣдующіе „considerants": „Принимая во вниманіе: 1) что при современномъ режимѣ женщина является политически существомъ вполнѣ безправнымъ, что борьба за права женщины неразрывно связана съ политической борьбой за освобожденіе Россіи, 2) что безправіе женщинъ, составляющихъ бо́льшую половину населенія, при условіи политическаго освобожденія однихъ мужчинъ, задержитъ какъ экономическое развитіе страны, такъ и ростъ политическаго сознанія народа, мы"... и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ основныхъ требованій. Просмотрите внимательно этотъ документъ. Есть-ли въ немъ хоть единый намекъ на намѣреніе „Союза" вести борьбу за освобожденіе женщины рабочаго класса не только отъ политическаго или гражданскаго безправія, но и отъ худшаго зла современнаго общественнаго уклада,—отъ цѣпей и гнета капитализма? Съ первыхъ-же своихъ шаговъ „Союзъ" ограничилъ свою дѣятельность политическими задачами. Это подтверждаютъ и сами равноправки: „Союзъ" не претендуетъ вовсе на роль борца за экономическое освобожденіе женщины; его задача гораздо скромнѣе: „добиться уравненія правъ женщинъ при выборахъ во всѣ законодательныя учрежденія и при пересмотрѣ гражданскаго кодекса". Бо́льшаго „Союзъ" и не требуетъ.

Но какъ-же женщинѣ рабочаго класса отдѣлить борьбу за политическое равноправіе отъ борьбы за свое экономическое освобожденіе, если обѣ формы борьбы постоянно скрещиваются, дополняя другъ друга, сливаясь во-едино? Когда женщина рабочаго класса отстаиваетъ свои политическія требованія, она приближаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и часъ своего экономическаго освобожденія; и, наоборотъ, дружно защищая свои

экономическіе интересы противъ эксплуатаціи капитала, она прокладываетъ путь къ своей политической эмансипаціи. Феминистки предлагали ей покинуть прежній путь обще-классовой борьбы, строго отдѣлить другъ отъ друга интересы экономическіе и политическіе, защищая первые, если ужъ на то пошло, въ рядахъ своего класса, вторые-же—подъ знаменемъ феминистскихъ обществъ. *) Но съ какой стати пролетаркѣ было бросаться въ объятія равноправокъ для защиты своихъ политическихъ интересовъ? Развѣ „Союзъ“ обѣщалъ какія-либо чрезвычайныя блага женщинамъ въ этомъ отношеніи? Что требовалъ первый пунктъ платформы „Союза“, опредѣлявшій политическіе его лозунги: „Немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, съ предварительнымъ установленіемъ неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, собраній и союзовъ, возстановленіе въ правахъ всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія“. Мы говоримъ „въ прошедшемъ времени“ о „Союзѣ“, такъ какъ въ настоящемъ рѣшительныя его desiderata фактически давно отмѣнены и замѣнены бо-

*) „Ибо, допустивъ даже, что женское движеніе имѣетъ задачей только политическое равноправіе, что мѣшаетъ намъ и соц.-д-тамъ итти къ этой ближайшей цѣли вмѣстѣ?“—вопрошаетъ г-жа Кальмановичъ. „Вѣдь успѣемъ-же мы разойтись, когда всеобщее избирательное право будетъ достигнуто. Неужели-же было-бы разумно, если-бы мы—представимъ себѣ на минутку такой случай—будучи запертыми въ душномъ и затхломъ помѣщеніи, въ которомъ мы рисковали-бы всѣ задохнуться, вмѣсто того чтобы напречь всѣ свои силы и открыть окно или дверь и дать проникнуть чистому воздуху и хоть нѣсколько оздоровить помѣщеніе, стали-бы раньше спрашивать, въ какую сторону каждая изъ насъ пойдетъ, когда получитъ возможность легче вздохнуть?“ Неправда-ли, знакомый способъ аргументаціи, напоминающій разсужденіе г-дъ кадетъ?

лѣе скромными пожеланіями. Что-же именно осталось отъ прежнихъ требованій „Союза"?

Политическая физіономія союза, какъ и всякой буржуазно-либеральной организаціи, мѣнялась вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественной атмосферы. Чѣмъ громче становилось рычаніе реакціи, тѣмъ умѣреннѣе дѣлались и наши „лѣвыя" равноправки. Ничего не значитъ, что офиціально прежняя программа „Союза" не отмѣнена; опредѣлять характеръ организаціи приходится не только по ея программнымъ заявленіямъ, но еще въ большей мѣрѣ по практическимъ ея выступленіямъ, по тѣмъ симпатіямъ, какія она выражаетъ. А симпатіи „Союза"вырисовываются все ярче и отчетливѣе...

Если въ первое время своего существованія „Союзъ" еще выказывалъ нѣкоторое тяготѣніе къ рабочей партіи и кокетничалъ съ „соціализмомъ", то, по мѣрѣ работы „самоопредѣленія" „Союза", симпатіи къ пролетаріату тухли, тяготѣніе-же къ буржуазному либерализму усиливалось. „Союзъ" кичился тѣмъ, что предѣставляетъ собою „внѣ-классовую", „внѣ-партійную" организацію, какъ всегда и всюду кичатся этимъ феминистки; онъ самъ хвастался тѣмъ, что въ періодъ революціонныхъ бурь съ одинаковымъ „безпристрастіемъ" поддерживалъ всѣ виды оппозиціи — то буржуазно-либеральную, то буржуазно-демократическую, то, наконецъ, пролетарскую,—однимъ словомъ, ту, которая въ данное время и въ данномъ мѣстѣ представлялась ему болѣе „важной". *) Тѣмъ не менѣе, въ первые мѣсяцы своего существованія онъ дѣлалъ несомнѣнные авансы соціалистическимъ партіямъ, правда, не зная въ точности, на которой изъ двухъ остановить свой выборъ. На октябрьскомъ делегатскомъ съѣздѣ „Союзъ" высказался за „желательность единенія съ соціалистами, такъ какъ интересы рабочихъ партій по отношенію къ современному экономическому строю

*) „Отчеты и протоколы Союза Равн.", 1906 г., стр. 5.

совпадаютъ съ интересами женщинъ“ *). Заявленіе это весьма рѣшительнаго свойства,—оно позволяетъ предполагать со стороны равноправокъ пониманіе связи, существующей между борьбой пролетаріата за свое освобожденіе и борьбою женщинъ за ихъ права. Но не слѣдуетъ никогда торопиться съ выводами. При какихъ обстоятельствахъ происходилъ второй делегатскій съѣздъ равноправокъ? Онъ совпалъ съ бурными днями московской жизни, въ моментъ подъема волны великой октябрьской забастовки. „Жизнь шла ускореннымъ темпомъ“—констатируютъ въ своемъ 3-емъ бюллетенѣ сами равноправки,—„въ воздухѣ чувствовалась гроза; нервы были напряжены до крайности; это настроеніе не могло не отразиться на работахъ съѣзда, но оно-же внесло въ него и біеніе пульса жизни.“ Кто опредѣлялъ тогда настроеніе? На чьи силы возлагало общество свои надежды? Чья мощь впервые развертывалась передъ изумленными и даже обрадованными взорами буржуазной оппозиціи, не успѣвшей еще схватить „тѣневыя стороны“ пролетарскаго движенія? Не считаться тогда съ народными массами — значило проиграть сраженіе, отказаться впередъ отъ всякихъ шансовъ на успѣхъ. Приходится удивляться не тому, что на своемъ октябрьскомъ съѣздѣ равноправки заговорили вкрадчивымъ голоскомъ, любезно кивая пролетаріату, какъ „союзнику“, — гораздо типичнѣе тотъ фактъ, что, несмотря на это заигрываніе и кокетничаніе съ „соціалистическими“ партіями, съѣздъ постановилъ поддерживать и *другія демократическія* организаціи, имѣвшія въ своей платформѣ требованіе политическаго равноправія женщинъ, и „воздерживаться отъ вступленія лишь въ тѣ партіи“, которыя этого пункта не выставляли **).

---

*) Бюллетень № 3-ій, стр. 3.

**) Бюллетень № 3-ій, стр. 3.

Если-бы „Союзъ“ серьезно тяготѣлъ въ сторону „соціалистическихъ“ партій, если-бы его заявленія въ самомъ дѣлѣ были искренними, такое „добавленіе“ къ принятому постановленію, добавленіе, уничтожающее самое рѣшеніе, разумѣется, не было-бы возможно. Наконецъ, что мѣшало „Союзу“ сойтись тѣснѣе съ рабочей партіей, серьезно предложить ей свое сотрудничество, составить какъ-бы спеціальный отдѣлъ ея для обслуживанія интересовъ женской демократіи? Быть можетъ, равноправокъ отпугивала тактика соціалъ-демократіи? Ничуть не бывало! О, равноправки любили въ тѣ времена щеголять своей „революціонностью“: Учредительное Собраніе, бойкотъ Думы, вплоть до „*самыхъ активныхъ выступленій*“—равноправки ни передъ чѣмъ не останавливались. Что-же мѣшало ихъ сближенію съ рабочей партіей? Инстинктивное сознаніе классоваго антагонизма, розни, основныхъ экономическихъ интересовъ. Отвращеніе къ рабочей партіи росло по мѣрѣ постепеннаго, но неуклоннаго поправѣнія „Союза“. Шаги „вправо“ сдѣланы были Союзомъ уже въ первый годъ своего существованія, и въ какой годъ—1905-й!

Уже въ маѣ 1906 г. на делегатскомъ съѣздѣ Союза Равноправности возникаетъ вопросъ о пересмотрѣ платформы,—главнымъ образомъ, всего перваго пункта, гдѣ говорится объ учредительномъ собраніи. Раздаются голоса, высказывающіеся вообще за уничтоженіе политической программы Союза; мнѣніе это мотивируется тѣмъ, что освободительныя тенденціи союза „висятъ гирей на его правыхъ членахъ, неразвитыхъ, запуганныхъ, дѣйствуютъ на нихъ удручающе“. Г-жа Л. Гуревичъ находитъ, что главнымъ препятствіемъ для вступленія въ „Союзъ“ многихъ членовъ служитъ именно первый пунктъ; г-жа Клирикова и Константцева настаиваютъ на перенесеніи центра тяжести программы съ освободительнаго движенія на женскія избирательныя права, съ

сохраненіемъ только минимума политическихъ требованій *).

Когда обсуждался вопросъ о чрезмѣрномъ политическомъ радикализмѣ „Союза", отдавали-ли себѣ почтенныя делегатки отчетъ, кого, собственно, отпугиваетъ отъ Союза его политическая программа—буржуазныхъ-ли „дамъ" или женщинъ рабочаго класса? Разумѣется, не послѣднихъ... И тѣмъ не менѣе, не взирая на постоянные вздохи о томъ, что въ „Союзѣ" мало пролетарокъ, что надо „демократизировать" его, привлекать „младшихъ сестеръ", при пересмотрѣ даже чисто-политическихъ требованій о нихъ опять забыли... Такова ужъ логика либеральной буржуазіи!

Большинство голосовъ на съѣздѣ высказалось, однако, за сохраненіе программы въ неизмѣнномъ видѣ. Но не слѣдуетъ переоцѣнивать и этотъ фактъ: полезно снова вспомнить, при какихъ политическихъ обстоятельствахъ происходилъ майскій делегатскій съѣздъ.

Первая Дума переживала свой медовый мѣсяцъ; бодрое настроеніе, полное надеждъ и иллюзій окрыляло оппозиціонные элементы; реакція прятала свои когти. Феминистки чувствовали себя настроенными особенно торжественно и горделиво: онѣ совершали свой первый „гражданскій актъ", подавая двѣ петиціи въ Государственную Думу—одну отъ „Женскаго Общества", другую отъ „Союза". Отступленіе отъ своей прежней программы было политически-невозможнымъ. Тѣмъ характернѣе, что, несмотря на всю торжественность минуты, политическіе лозунги „Союза" возбудили нападки и сомнѣнія.

Весьма поучительно то, что именно на этомъ съѣздѣ, рядомъ съ преніями по вопросу о пересмотрѣ программы, посыпались на „Союзъ" обвиненія за его слишкомъ дѣятельное участіе въ обще-освободительной

*) Отчеты и протоколы „Союза Равнопр.", 1906 г., стр. 33—34.

борьбѣ. Члены Союза какъ будто совершенно забывали первый параграфъ своего устава, забывали, что цѣлью Союза является не только борьба за равноправіе женщинъ, но и „содѣйствіе общему политическому освобожденію". Г-жѣ Чеховой, нынѣ редактору „Союза Женщинъ", пришлось отражать эти нападки и доказывать, что участіемъ въ обще-политической борьбѣ „Союзъ" не нанесъ никакого ущерба женскому дѣлу *). Чувствовалось, что „Союзъ" начинаетъ принимать все болѣе и болѣе узко-феминистскую окраску. Делегаты съѣзда бросали упреки „Союзу" за его „расплывчатую" дѣятельность, за неумѣніе упорно отстаивать и проводить свою основную задачу—борьбу за женскія права. „Въ дѣятельности другихъ союзныхъ организацій",—говорилъ одинъ изъ присутствовавшихъ,—„чувствуется своя особая характерная физіономія, а у „Союза Равноправности" этого нѣтъ, въ его отчетахъ ничего не слышно о борьбѣ за женское равноправіе. Между тѣмъ, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ теперь-же; иначе онъ грозитъ быть отложеннымъ на долгое время". Г-жа Волькенштейнъ находитъ излишнимъ расходовать силы „на организацію столовыхъ, помощь голодающимъ, заключеннымъ, безработнымъ и т. п. и предлагаетъ беречь силы и тратить ихъ лишь на агитацію за женскія права, ввиду важности текущаго момента." Въ томъ-же духѣ говоритъ и г-жа Л. Гуревичъ. Она упрекаетъ членовъ союза за боязнь показаться феминистками: „Виновато въ этомъ недостаточное развитіе логики и аргументаціи у женщинъ, кромѣ причинъ чисто-психологическихъ. Виноваты въ этомъ и русскіе соціал-демократы: самъ Бебель не боится женскаго вопроса, тогда какъ русскіе соціал-демократы ставятъ его съ неумѣстными полуулыбками и усмѣшками" (когда и гдѣ?). „Нужно ясно сознавать глубокую связь, суще-

*) Отчеты и Протоколы „Союза Равнопр.". 1906 г.

ствующую между женскимъ вопросомъ и революціоннымъ движеніемъ; оставивъ нерѣшеннымъ женскій вопросъ, мы оставляемъ лазейку реакціи. „Союзъ Равноправія“ долженъ защищать не только свои права, но и права всего народа“ *).

Послѣднія утвержденія г-жи Гуревичъ вполнѣ справедливы; можно лишь удивляться политической близорукости тѣхъ членовъ „Союза“, которые въ такой революціонный періодъ предлагали воздерживаться отъ какого-бы то ни было участія въ общемъ движеніи и сосредоточивать дѣятельность на отстаиваніи исключительно узко-женскихъ требованій. Въ бурный, революціонный 1905 г. „Союзъ“, дѣйствительно, выходилъ изъ береговъ чисто-женскаго движенія; могучая волна народнаго волненія увлекала за собою, вмѣстѣ съ остальными оппозиціонными организаціями, и нашихъ равноправокъ. Но слѣдуетъ-ли поставить въ вину „Союзу“ его отклоненіе отъ прямыхъ задачъ феминизма? Неужели ярыя феминистки воображаютъ, что „Союзъ“ принесъ-бы бóльшую пользу дѣлу женскаго политическаго освобожденія, если-бы онъ отгородился отъ общей освободительной борьбы народа и сталъ-бы, подобно сорокѣ Якова, твердить лишь о пользѣ женскаго равноправія?

Отчеты „Союза Равноправности“ съ мая 1905 г. по май 1906 г. полны указаній на вспомогательную его роль въ общемъ движеніи и общей борьбѣ за реформу государственнаго строя. Отдѣленія союза организуютъ въ различныхъ мѣстахъ помощь безработнымъ и бастующимъ рабочимъ, открываютъ столовыя, организуютъ санитарные отряды и пункты (оказавшіеся нелишними при столкновеніяхъ съ черной сотней), оказываютъ помощь политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, принимаютъ участіе въ манифестаціяхъ (напр., въ Москвѣ на похоронахъ Баумана, когда равноправки несли свое

*) „Отчеты и протоколы“, стр. 16—17.

знамя, съ лозунгомъ „Всеобщее избирательное право безъ различія пола"), собираютъ деньги на поддержку движенія. Особенной активностью проявило себя московское отдѣленіе Союза,—черезъ его руки за годъ прошло болѣе 10 тыс. рублей. Оживленно работало и отдѣленіе въ Твери, сосредоточивъ свои усилія главнымъ образомъ на оказаніи помощи безработнымъ. Большинство отдѣленій, захваченныхъ важностью совершающихся политическихъ событій, передъ которыми отходила на второй планъ защита чисто-женскихъ интересовъ, отдавались вспомогательной работѣ въ освободительномъ движеніи, вѣрнымъ чутьемъ угадывая, что побѣда „женскаго дѣла всецѣло зависитъ отъ исхода обще-народной борьбы".

Бюро Союза также не бездѣйствовало; рядомъ съ разсылкой привѣтствій—финляндскому Сенату и финляндскимъ женщинамъ (послѣ включенія Сенатомъ въ законопроектъ новой избирательной системы словъ „безъ различія пола"), Бебелю, по поводу внесенія въ прусскій ландтагъ предложенія избирательной реформы, включавшей и женщинъ,—встрѣчаются и выступленія „Союза" на обще-политической почвѣ. Не было почти ни одного крупнаго явленія общественно-политической жизни Россіи, не было почти ни одного крупнаго факта освободительнаго движенія, на который Бюро Союза не откликнулось-бы въ той или иной формѣ *).

Неужели политическая дѣятельность „Союза" заслуживала порицанія со стороны нѣкоторыхъ его членовъ? Не свидѣтельствовала-ли она, наоборотъ, о политическомъ чутьѣ, присущемъ въ извѣстной долѣ даже узкимъ поборницамъ „одного лишь женскаго равноправія"? Уклоненіе „Союза" отъ прямой задачи, то, что онъ постоянно выходилъ изъ намѣченныхъ рамокъ феминизма,

*) „Отчеты и Протоколы", стр. 12.

отдавая дань обще-политическимъ стремленіямъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что борьба за женскія политическія права такъ тѣсно связана съ борьбой общедемократической, что отдѣлить, отмежевать одну отъ другой нѣтъ никакой возможности. Не потому, конечно, возставали равноправки на своемъ майскомъ съѣздѣ противъ „подсобной дѣятельности“ союзныхъ отдѣленій въ обще-освободительной борьбѣ, что это будто-бы отвлекало силы феминистокъ отъ ихъ прямой задачи, а потому, что „революціонизмъ“, которымъ онѣ гордились въ періодъ яркихъ вспышекъ революціи, утрачивалъ въ ихъ глазахъ прежнюю привлекательность и мѣшалъ вовлеченію въ „Союзъ“ болѣе „солидныхъ“ и мирно-настроенныхъ женскихъ буржуазныхъ элементовъ.

Прогрессирующее поправѣніе „союза“ заставило, незадолго до майскаго съѣзда въ Петербургѣ, откололься отъ него лѣвое крыло, тяготѣвшее къ „соціалистическимъ партіямъ“. „Союзъ“ не огорчился этой утратой. На съѣздѣ, правда, попробовали по этому поводу возбудить снова рѣчь объ отношеніи равноправокъ къ соціалистическимъ партіямъ, но собраніе побоялось углубить этотъ щекотливый вопросъ. Достаточно того, что „Союзъ“ воздалъ должное соціал-демократіи за ея „идеалистическую (?) проповѣдь“ женскаго равноправія. Впрочемъ, г-жа Чехова въ числѣ заслугъ „Союза“ помянула между прочимъ, что, подъ *его вліяніемъ* соціал-демократы „измѣнили свое отношеніе къ женскому вопросу: они уже болѣе не утверждаютъ, что равноправіе женщинъ возможно осуществить лишь при соціалистическомъ строѣ; на митингахъ и массовкахъ они теперь повсемѣстно говорятъ о равноправіи женщинъ“ *). Что это: сознательное-ли извращеніе фактовъ или наивное невѣжество? И то, и другое одинаково недопустимо для лица, состоящаго

*) „Отчеты и протоколы“, 1906 г., стр. 32.

въ числѣ лидеровъ опредѣленнаго общественнаго движенія.

Если до конца 1905 г. „Союзъ“ сколько-нибудь еще считался съ соціал-демократіей, то послѣ ряда событій, проведшихъ рѣзкую демаркаціонную линію между стремленіями буржуазіи и рабочаго класса, страхъ передъ возможной „диктатурой пролетаріата“ заставлялъ равноправокъ съ ужасомъ отшатываться отъ всѣхъ опасныхъ союзниковъ. Уже при выборахъ въ Первую Государственную Думу, многія отдѣленія „Союза“ открыто поддерживали кандидатовъ „народной свободы“ **). Когда-же на майскомъ делегатскомъ собраніи зашла рѣчь о томъ, чтобы установить съ депутатами Государственной Думы правильныя сношенія, и возникъ вопросъ, съ которой изъ фракцій связаться, то отъ членовъ „Союза“ стали поступать различныя предложенія — „обратиться въ кадетскую партію, въ трудовую группу, установить сношенія со всѣми оппозиціонными партіями“, но о представителяхъ рабочихъ не было и рѣчи, хотя ко времени подачи петиціи въ думу они уже организовались въ особую фракцію. Равноправки въ концѣ концовъ передали петицію непосредственно въ комиссію равноправія; очевидно, „Союзу“ не хотѣлось связывать своихъ выступленій съ чуждой по духу и тенденціямъ партіей.

Что „Женское Взаимно-благотворительное Общество“ избрало „кадетъ“ выразителями требованій женщинъ, что проф. Петражицкому вручена была петиція Женскаго Общества—это вполнѣ естественно; политическія симпатіи „Женскаго Общества“ слишкомъ очевидно клонятся вправо и, быть можетъ, если-бы октябристы обѣщали свое содѣйствіе женщинамъ, „Женское Общество“ съ еще большей охотой обратилось-бы къ нимъ. Но что „Союзъ Равноправности“, претендующій на

**) „Отчеты и протоколы“, 1906 г., стр. 24.

политическій радикализмъ, осторожно обошелъ крайнія партіи,—это фактъ характерный, который нельзя упускать изъ вида, оцѣнивая сущность этой женской политической организаціи.

Въ маѣ 1907 г. „Союзъ“ снова обратился съ петиціей уже во Вторую Государственную Думу и, несмотря на то, что, по утвержденію самихъ равноправокъ, большинство изъ 20 тысячъ подписей подъ петиціей принадлежало пролетаркамъ, петиція была направлена въ трудовую группу. На этотъ разъ отсутствовало даже прежнее оправданіе: соціал-демократическая фракція не только существовала въ Думѣ, но пользовалась и вліяніемъ, и престижемъ. Однако, такъ велика была враждебность къ представителямъ рабочаго класса со стороны равноправокъ, что онѣ предпочли связать свои выступленія даже съ мало-вліятельной группой трудовиковъ Второй Думы, лишь-бы не вступать въ активныя сношенія съ представителями рабочихъ.

Обращеніе въ трудовую группу было послѣдней данью, отданной „Союзомъ“ демократическимъ традиціямъ. По мѣрѣ роста самоопредѣленія, симпатіи равноправокъ, членовъ „Союза“, все отчетливѣе склонялись въ сторону кадетизма; одновременно возрастала и враждебность къ „крайнимъ партіямъ“. Въ мартѣ 1907 г. произошло какъ-бы официальное провозглашеніе „духовной уніи“ между „Союзомъ“ и кадетами. На многолюдномъ митингѣ, организованномъ „Союзомъ“ въ Петербургѣ, въ Соляномъ Городкѣ, выступали однѣ кадетки; приглашенные въ качествѣ ораторовъ члены Госуд. Думы принадлежали преимущественно къ кадетской партіи; депутатовъ отъ рабочей партіи, разумѣется, не было. И рѣчи докладчицъ, и весь обликъ публики носили вполнѣ „благопристойный“, „дамскій“ характеръ. Устроительницы митинга позаботились о томъ, чтобы „крикливые“ крайніе не внесли диссонанса въ гармони-

чески-настроенное собраніе, и были крайне раздосадованы выступленіемъ одного изъ членовъ партіи.

Въ началѣ 1908 г. члены того-же „Союза“ основали „Женскій политическій клубъ“ съ ярко-выраженной „кадетской“ окраской. Въ клубѣ ведется чисто-кадетская пропаганда; въ немъ выступаютъ наиболѣе-видные дѣятели кадетской партіи; связь между клубомъ и кадетами очевидна. Правда, клубъ дѣйствуетъ не подъ флагомъ „Союза равноправности“, и болѣе лѣвые элементы равноправокъ подчеркиваютъ это обстоятельство, намекая, что онѣ, дескать, въ кадетизмѣ неповинны. Однако, не только устройство клуба, но, еще въ гораздо-большей степени, и вся дѣятельность, весь духъ „Союза“ свидѣтельствуютъ о трогательномъ единеніи его съ буржуазнымъ либерализмомъ.

Чтобы убѣдиться, какъ велика эволюція, совершившаяся съ „Союзомъ“ со дня его образованія и до появленія собственнаго періодическаго органа, достаточно перелистать первые бюллетени „Союза“ и просмотрѣть статьи въ его ново-испеченномъ органѣ. Если въ первые мѣсяцы своего существованія „Союзъ“ старался увѣрить, что подъ его знаменемъ могутъ итти представительницы самыхъ крайнихъ политическихъ теченій, то уже въ 1907 году онъ самъ старательно отмежевывается отъ нихъ и даетъ понять, что не раздѣляетъ ихъ крайностей и узости. Разумѣется, и тактику свою „Союзъ“ приспособилъ къ своимъ болѣе умѣреннымъ настроеніямъ: „Мы далеки отъ наивнаго и близорукаго феминизма“,—говоритъ передовая статья „Союза Женщинъ“ (№ 2 за 1907 годъ),—„который мечтаетъ разрѣшить женскій вопросъ внѣ связи съ общими политическими и соціальными вопросами, уравнять права съ мужскими независимо отъ общаго правового и соціальнаго равенства. Тактика нашей борьбы за равноправіе женщины неизбѣжно должна мѣняться во многихъ своихъ частностяхъ—въ зависимости, напр.,

отъ условій общенародной борьбы. Такъ, широкій идейный размахъ въ работахъ 1-й Государственной Думы заставилъ насъ взяться за пересмотръ всѣхъ русскихъ законовъ, связанныхъ съ вопросомъ о женскомъ равноправіи, и предложить соотвѣтственной думской коммиссіи выработанный нами законопроектъ правового уравненія женщины. Отъ Первой Государственной Думы, поставившей вопросъ о всеобщемъ уравненіи въ правахъ, можно было ждать и радикальнаго разрѣшенія женскаго вопроса. Работы Второй Государственной Думы уже не носили того широкаго и идейнаго характера, какъ работы Первой". („Союзъ Женщинъ", 1907 г., № 2).

Когда-то „Союзъ" претендовалъ на болѣе активную роль, когда-то онъ не ограничивалъ своей задачи пропагандой идей равноправности, когда-то онъ не увѣрялъ, что завоеваніе политическихъ правъ для женщинъ возможно лишь при активномъ воздѣйствіи „Союза". Но „тактика должна мѣняться въ зависимости отъ условій общенародной борьбы"; равноправки по своему поняли это положеніе и свели перемѣну въ своей „тактикѣ" почти всецѣло къ перемѣнѣ отношеній „Союза" къ рабочей партіи. Это стремленіе отграничиться отъ рабочей партіи настолько сильно, насколько въ свое время преобладало желаніе во что-бы то ни стало затушевать различіе между требованіями буржуазныхъ и пролетарскихъ женщинъ. Было время, когда „Союзъ" негодовалъ и оскорблялся на эту партію, когда она указывала, что, имѣя свои отличные отъ буржуазныхъ женщинъ запросы, соціалистки не могутъ и не должны бороться подъ флагомъ „Союза". Теперь сами равноправки постоянно подчеркиваютъ свою „идейную" рознь съ соціал-демократіей, критикуя и старательно выискивая ея ошибки, однимъ словомъ—давая понять, что у „Союза" нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго съ нею.

Враждебность къ этой партіи, однако, нисколько не мѣшаетъ „Союзу“ по-прежнему провозглашать себя внѣ-классовой и внѣ-партійной организаціей, обслуживающей интересы всѣхъ „женщинъ“, вплоть до самыхъ обездоленныхъ и безправныхъ. „Передъ нами“,— говоритъ „Союзъ Женщинъ“,—„стоитъ деревенская женщина,—этотъ сфинксъ для интеллигенціи, мощная рабыня со взглядомъ и походкой царицы, которая обязана до гроба „рабу покориться“, быть рабыней раба... Мы должны разобраться въ этомъ сложномъ положеніи деревенской бабы, которая, въ одно и тоже время, даетъ намъ примѣръ самодѣятельности и самостоятельности, не всегда намъ свойственной, и глубокаго порабощенія души и тѣла, отъ ближайшаго знакомства съ которой стынетъ кровь въ жилахъ и останавливается сердце.“ И затѣмъ, какъ-бы склоняясь передъ неизбѣжнымъ, „Союзъ“ добавляетъ: „Пусть пролетарка сама борется за свои права въ рядахъ сознательнаго пролетаріата, но мы, интеллигенція, воспитанная за счетъ ея крови и пота, мы обязаны помочь ей въ этомъ всѣми богатствами своихъ знаній.“ *) Не думайте, однако, что „Союзъ“ въ порывѣ „прекраснодушія“, въ самомъ дѣлѣ, отказывается отъ руководительства пролеткой, что онъ серьезно хочетъ оставить ее „бороться за свои права въ рядахъ сознательнаго пролетаріата“. Въ томъ-то и бѣда, что равноправки прекрасно чувствуютъ, прекрасно понимаютъ, что, если онѣ хотятъ быть *силой*, съ которой приходится считаться и обществу, и партіямъ, и правительству, то прежде всего имъ слѣдуетъ завербовать достаточное количество „младшихъ сестеръ“ подъ свое феминистское знамя, и тогда, опершись на нихъ, вѣскимъ тономъ потребовать удовлетворенія своихъ женскихъ запросовъ. Отсюда двойственность въ отношеніи

*) „Союзъ Женщинъ“, 1907 г., № 1.

къ женскому пролетаріату, къ его задачамъ, стремленіямъ, борьбѣ,—двойственность, характерная и въ иностранномъ феминистскомъ движеніи. Съ одной стороны—нескрываемая враждебность къ соціал-демократіи, къ ея задачамъ и цѣлямъ, какая-то кипящая озлобленность противъ всего, что связано съ рабочей партіей, съ другой — заимствованіе отъ нея ряда требованій, постоянная „игра“ съ понятіями и запросами близкихъ сердцу пролетарокъ. Послушайте, какъ говорятъ равноправки въ „Союзѣ Женщинъ“ о своихъ задачахъ, и вы поймете, что своимъ сладкимъ пѣніемъ онѣ, подобно сиренамъ, желаютъ завлечь въ свои сѣти политически неопытныхъ и наивныхъ женщинъ рабочаго класса. „Впереди всѣхъ намѣченныхъ нами задачъ передъ нами должна стать задача популяризировать идею участія женщинъ во всеобщемъ избирательномъ правѣ. Только такое народное представительство, при которомъ женщина-законодательница станетъ рядомъ съ законодателемъ-мужчиной, можетъ сбросить ярмо соціальнаго рабства и освободить отъ него человѣчество. Только при участіи политически-равноправной женщины можетъ быть осуществленъ идеалъ соціализма“. *)

Въ своей рѣчи на Амстердамскомъ конгрессѣ, представительница „Союза Равноправности“ еще яснѣе подчеркивала „соціалистическія“ задачи „Союза“. „Намъ слишкомъ часто приходилось слышать отъ соціал-демократовъ, что женское движеніе есть чисто-буржуазное движеніе, что оно служитъ интересамъ только буржуазныхъ женщинъ, что оно добивается только политическихъ правъ и что, какъ только эта задача будетъ достигнута, женщина-пролетарка будетъ угнетаться политически-свободной буржуазной женщиной такъ-же, какъ теперь угнетается политически-свободный пролетарій политически-свободнымъ буржуа. Не знаю,

*) „Союзъ Женщинъ“, 1907 г., № 1.

искренно-ли они убѣждены въ этомъ или-же это у нихъ, во всякомъ случаѣ, мало продуманная тактика. Мы-же должны въ интересахъ единенія выяснить этотъ вопросъ. Безъ этого единенія великая цѣль женскаго движенія—равенство и справедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ—долго еще не будетъ достигнута. Мы должны обнародовать своего рода манифестъ, дабы невозможно было расколоть женское движеніе и помѣшать его работѣ." „*Избирательное право не есть конечная цѣль женскаго движенія.* Оно — только *ближайшая* цѣль, *средство, рычагъ* къ достиженію главной цѣли. Главная-же цѣль заключается въ томъ, чтобы, при участіи женщинъ въ общественной и государственной жизни, внести справедливость въ человѣческія отношенія, положить конецъ дѣленію людей, какъ животныхъ, на классы; внести братство между народами и упразднить навсегда вооруженный кулакъ и взаимное истребленіе." („Союзъ Женщинъ", 1908 г., № 9).

Не правда-ли, получается впечатлѣніе, будто „Союзъ" является сторонникомъ осуществленія идеаловъ соціализма? При всей своей ненависти къ соціал-демократіи, равноправки все-же держатся за краешекъ соціалистическаго знамени. Отречься отъ соціализма, значитъ—открыто признать свою принадлежность къ буржуазному міру, значитъ—навѣрняка оттолкнуть отъ себя тотъ женскій элементъ населенія, о привлеченіи котораго приходится особенно хлопотать. Вѣдь „Союзъ" не теряетъ надежды собрать подъ свое знамя и женскую демократію. *) Положеніе равноправокъ при

*) „На Западѣ женское движеніе раскололось на два теченія — соціалистическое и буржуазное. Женское движеніе въ Россіи находится еще въ состояніи первобытнаго хаоса, изъ котораго созидаются міры. Въ немъ едва начинаютъ обозначаться различныя теченія. Но, такъ или иначе, движеніе это уже захватываетъ широкіе демократическіе круги, и мы обязаны уловить и формулировать ихъ запросы" („Союзъ Женщинъ", 1907 г., № 1).

такихъ условіяхъ весьма затруднительно, но выходъ имѣется: обрушиться со всей ненавистью на *ортодоксальный* марксизмъ и провозгласить себя сторонниками *„ревизіонизма“*, благо подъ это расплывчатое понятіе могутъ подойти всякія эклектическія теоріи, и притомъ, что самое существенное, открывается возможность отрицать принципъ классовой борьбы. „Тамъ, гдѣ ортодоксальный марксизмъ усматриваетъ только безповоротное теченіе стихійнаго процесса, направляемаго экономическимъ движеніемъ, критическій соціализмъ видитъ широкую арену борьбы не только всеподчиняющихъ экономическихъ двигателей, но и самодовлѣющихъ психическихъ импульсовъ...“ „Въ противоположность ортодоксальному марксизму, призывающему къ разрушенію, хотя-бы и въ отдаленномъ будущемъ, создавшихся путемъ долгаго историческаго процесса общественныхъ устоевъ, критическій соціализмъ стремится къ ихъ *пересозданію*; орудіе, которое избралъ критическій соціализмъ, средство, которымъ онъ надѣется достичь своей цѣли,—это культурно-правовая борьба, это широкій *демократизмъ*. Не только путемъ экономической борьбы, не только путемъ обостренія классоваго инстинкта,—не криками вражды и проповѣдью захвата но путемъ долгой и упорной культурно-просвѣтительной работы, путемъ пробужденія правосознанія, путемъ широкаго соціально-экономическаго реформаторства будетъ достигнута та высокая степень *культуры и власти*, таящая въ себѣ залогъ новаго творчества, которая вмѣстѣ съ тѣмъ явится переходной ступенью отъ демократіи къ соціализму.“ *)

Итакъ, „широкій демократизмъ“—вотъ лозунгъ, незамѣтно подставляемый вмѣсто „соціализма“; „культурно-просвѣтительная работа“ и мирный путь широкаго соціальнаго реформизма“—вотъ замѣна для „кри-

*) „Союзъ Женщинъ“, 1907 г., № 5.

ковъ вражды и проповѣди захвата". Однимъ словомъ, непріятный фактъ классовой борьбы устраняется и замѣняется болѣе отвѣчающимъ цѣлямъ „Союза" мирнымъ и дружнымъ сотрудничествомъ всѣхъ женщинъ... Путь къ соціализму, очищенный отъ всѣхъ острыхъ камней, намѣренно-наваливаемыхъ на него соціал-демократіей, обращается въ пріятную и вовсе не опасную дорожку, постепенно и незамѣтно ведущую человѣчество къ отдаленной, но, право-же, недурной цѣли — соціалистическому строю... Соціалистическіе идеалы сами-по-себѣ не страшны; „опасными" ихъ дѣлаетъ лишь соціал-демократія — эта безпокойная, нетерпимая, пылающая ненавистью ко всему буржуазному, партія. И „Союзъ" отвѣчаетъ ей искренней враждебностью; онъ, въ своемъ классовомъ ослѣпленіи, готовъ даже возводить на нее всевозможныя небылицы и напраслины, увѣряя, напримѣръ, что „очень многіе и притомъ весьма искренніе сторонники идеи равноправія... относятся вполнѣ отрицательно къ такъ называемому женскому движенію, къ стремленію женщинъ къ частичному удовлетворенію своихъ требованій и созданію—женской политической организаціи. Они связываютъ разрѣшеніе женскаго вопроса съ моментомъ ликвидаціи современнаго политическаго строя и замѣной его строемъ соціалистическимъ и призываютъ женщинъ къ совмѣстной съ ними борьбѣ за экономическое освобожденіе всѣхъ трудящихся массъ." („Союзъ Женщинъ", 1908 г., № 3, мартъ).

Напомнимъ здѣсь также кстати, какъ представительница „Союза Равноправности" на Амстердамскомъ конгрессѣ указывала на то, что „соціал-демократы предпочитаютъ сдѣлаться, при содѣйствіи женщинъ, господами положенія и тогда только помиловать насъ..." и далѣе, что, „за исключеніемъ Бебеля и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся людей, понявшихъ истинные интересы человѣчества и имѣющихъ мужество бороться

за нихъ, партія, въ общемъ, была нерѣшительной и скорѣе враждебной, чѣмъ благосклонной къ намъ." („Союзъ Женщинъ", 1908, № 9).

Интересно было-бы только знать, гдѣ это „Союзъ Женщинъ" черпалъ свѣдѣнія о томъ, что эта партія „вполнѣ отрицательно относится къ такъ называемому —женскому движенію" и что она связываетъ разрѣшеніе женскаго вопроса „съ моментомъ ликвидаціи современнаго политическаго (?) строя и замѣной его соціалистическимъ, что партія скорѣе „враждебна" къ женщинамъ и т. п.? За отсутствіемъ реальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о враждебности этой партіи къ женскому освободительному движенію, равноправкамъ приходится прибѣгать къ сложнымъ логическимъ построеніямъ, изъ которыхъ будто-бы удается вывести, что ортодоксальнымъ марксизмомъ „агитація въ пользу женскаго равноправія не оправдывается, какъ и всякая другая агитація, въ основѣ которой лежитъ правовая идея, какъ всякое другое движеніе, расходящееся съ нимъ въ пониманіи историко-экономическаго развитія и въ оцѣнкѣ основныхъ его факторовъ. Это пренебрежительное и подъ-часъ враждебное отношеніе къ женскому движенію вытекаетъ изъ основной его *догмы* и *теоретическихъ построеній вполнѣ естественно и даже логически*" („Союзъ Женщинъ", 1907, № 5). Борьбу буржуазныхъ женщинъ за свои узко-классовыя права и привиллегіи равноправки умышленно-отождествляютъ съ борьбой женщинъ рабочаго класса за дѣйствительно-всестороннее освобожденіе женщины и, сдѣлавши эту замѣну, съ легкимъ сердцемъ упрекаютъ рабочую партію за ея нежеланіе апплодировать ихъ стремленіямъ упрочить господство буржуазной женщины рядомъ съ мужчинами буржуазнаго класса...

Наши равноправки, впрочемъ, поступаютъ по рецепту своихъ заграничныхъ товарокъ. И за-границею бо-

лѣе радикальное крыло феминистокъ не прочь помечтать о будущемъ соціалистическомъ строѣ; и тамъ совершается подмѣна классовой борьбы сотрудничествомъ женщинъ; и тамъ, ополчаясь на рабочую партію и вступая во все болѣе и болѣе тѣсное сотрудничество съ либеральной буржуазіей, феминистки продолжаютъ манить къ себѣ пролетарокъ и убѣждать ихъ, что теорія классовой борьбы — „устарѣлая и ненаучная доктрина“. Эта двойственность въ характерѣ феминистскихъ организацій—самое опасное ихъ свойство, опасное для менѣе сознательныхъ слоевъ женскаго пролетарскаго населенія. Если-бы „Союзъ“ имѣлъ смѣлость признать себя организаціей, обслуживающей исключительно буржуазныхъ женщинъ, организаціей, преслѣдующей цѣли *демократическія* и не претендующей на роль руководительницы женскаго пролетаріата, его можно было-бы только привѣтствовать, какъ лишнюю оппозиціонную организацію. Но, хотя „Союзъ“ фактически и порвалъ уже давно тѣ немногія нити, которыя въ первые дни его существованія еще связывали его съ народными партіями, хотя онъ на дѣлѣ, придерживается заявленія одной изъ видныхъ нѣмецкихъ феминистокъ: „классовую политику соціалдемократіи мы, женщины буржуазнаго класса, не можемъ поддерживать“, однако соціалистическаго плаща, наброшеннаго на себя еще въ 1905 г., „союзъ“ пока не желаетъ снимать. И съ этимъ фактомъ приходится считаться: умышленное затушевываніе равноправками своей классовой физіономіи можетъ нанести большой вредъ женскому пролетарскому движенію. Поэтому, надо приложить всѣ старанія, чтобы сорвать съ лѣвыхъ феминистокъ соціалистическое покрывало, которое онѣ на себя набрасываютъ, и раскрыть истинную *буржуазную физіономію* этой „внѣ-классовой“ и „внѣпартійной“ женской организаціи. Не затушевываніе классовыхъ стремленій различныхъ соціальныхъ группъ

борющихся за свое освобожденіе женщинъ, а отчетливое разграниченіе этихъ стремленій и задачъ можетъ принести наибольшую пользу женщинамъ рабочаго класса.

Если пролетаркамъ не можетъ быть мѣста въ организаціи, которая, разрывая знамена рабочей партіи, продолжаетъ размахивать лишь обрывками этихъ знаменъ для привлеченія легковѣрныхъ и наивныхъ женскихъ сердецъ, то еще меньше общности существуетъ у женщины рабочаго класса съ другой женской политической организаціей—„Женской прогрессивной партіей“. Какъ уже было сказано, партія эта въ политическомъ отношеніи стоитъ правѣе „Союза“ и носитъ еще болѣе ярко-выраженную печать буржуазнаго феминизма. Политическія пожеланія прогрессистокъ, разумѣется, скромнѣе пожеланій „Союза“. Программа прогрессистокъ устраняетъ вопросъ о борьбѣ за общее политическое освобожденіе и прямо ставитъ своею задачей борьбу за политическое равноправіе женщинъ. Исходя изъ того положенія, что „политическое равноправіе является одной изъ главныхъ причинъ порабощенія женщины“, прогрессистки, конечно, и не заикаются о борьбѣ съ существующими экономико-соціальными отношеніями, въ еще бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ политическое безправіе, отягчающими и пригнетающими женщинъ. Политическое и гражданское равноправіе — таковъ лозунгъ прогрессивной партіи.

Какъ-же опредѣляетъ „Женская прогрессивная партія“ политическое равноправіе женщинъ? Каковы выдвигаемыя ею требованія? „Избраніе народныхъ представителей всѣми гражданами, достигшими 25-лѣтняго возраста, безъ различія пола; предоставленіе всѣмъ гражданамъ, независимо отъ пола; активныхъ и пассив-

ныхъ избирательныхъ правъ; организація мѣстнаго самоуправленія на тѣхъ-же началахъ, на какихъ покоится народное представительство". Итакъ, мы видимъ, что программа прогрессистокъ включаетъ требованіе *всеобщаго* избирательнаго права для гражданъ, которымъ исполнилось 25 лѣтъ. Но почему прогрессистки не деталируютъ своихъ требованій? Почему умалчиваютъ онѣ о томъ, понимать-ли подъ „предоставленіемъ всѣмъ гражданамъ пассивныхъ и активныхъ избирательныхъ правъ" *прямое и равное* голосованіе?

Если судить по физіономіи „партіи", по духу, ее проникающему, то прогрессистки, будучи искренними, должны были-бы высказаться въ своей программѣ либо за двустепенные выборы, либо за неравное цензовое представительство. Двустепенные выборы прекрасно отфильтровываютъ непригодные къ „высшей политикѣ" элементы общества и всего вѣрнѣе обезпечиваютъ „цвѣту современной культуры"— буржуазной интеллигенціи—мѣсто въ народномъ представительствѣ. Повышеніе возраста избирателей съ 21-го до 25-ти лѣтъ показываетъ несомнѣнную тенденцію „женской партіи" внести хотя-бы съ этой стороны ограничительное начало при опредѣленіи правоспособности гражданъ. Какъ-бы ни старались увѣрить насъ прогрессистки, что онѣ даже и мысли не допускаютъ объ ограниченіи чьихъ-бы то ни было правъ *), повышеніе возрастнаго состава избирателей выдаетъ ихъ цензовыя симпатіи; это воз-

*) „Напрасно с.-д-ки... приписываютъ намъ, феминисткамъ, желаніе провести избирательное право по цензу. *Никогда* мы этого не имѣли въ виду. Мы, русскія феминистки, даже не понимаемъ, какъ можно допустить какія-бы то ни было ограниченія въ чьихъ-бы то ни было правахъ!!?? Въ томъ-то и заключается отличіе феминистокъ отъ женщинъ всѣхъ другихъ партій, что у насъ нѣтъ нетерпимости; мы, какъ я уже не разъ говорила, приглашаемъ въ нашъ союзъ *всѣхъ,* какъ эллиновъ, такъ и іудеевъ, не мѣшая въ то-же время никому дѣйствовать по своему усмотрѣнію." (М. Вахтина, „Рефераты по женск. вопросу", стр. 20).

растное ограниченіе является вѣдь тоже цензомъ, всей тяжестью ложащимся на рабочій классъ, гдѣ сознательная жизнь человѣка начинается значительно-раньше и гдѣ политическое самоопредѣленіе развивается интенсивнѣе въ болѣе молодомъ возрастѣ. Осторожная формулировка основного требованія программы „женской партіи“ тѣмъ характернѣе, что вырабатывалась она въ повышенный періодъ политической жизни Россіи, весною 1906 года, когда радикализмъ политическихъ лозунговъ не могъ еще звучать диссонансомъ съ окружающей мертвящей дѣйствительностью.

Поражаетъ въ программѣ прогрессистокъ крайнетуманная формулировка и другого существеннаго требованія: гражданскаго равноправія женщинъ. Пунктъ программы гласитъ: „Существующіе законы уголовные и гражданскіе должны быть пересмотрѣны при участіи женщинъ“. Ни слова объ основахъ этого пересмотра, а между тѣмъ это требованіе всего ближе должно-бы захватывать интересы именно женщинъ крупной буржуазіи—членовъ „женской партіи“. „Союзъ равноправности“ не только опредѣленнѣе высказался, но и практически больше сдѣлалъ по этому пункту: съ помощью спеціальной юридической комиссіи онъ пересмотрѣлъ весь сводъ русскихъ гражданскихъ законовъ и внесъ въ соотвѣтствующія мѣста поправки въ смыслѣ уравненія гражданскихъ правъ обоихъ половъ. *) Работа эта передана была въ подкомиссію по равноправію Первой Государственной Думы, и такимъ образомъ равноправки оказались активнѣе прогрессистокъ въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ „Женскій Вѣстникъ“ посвящалъ особое вниманіе гражданскому равноправію женщинъ, и можно было ожидать, что хотя на этотъ разъ прогрессистки сбросятъ свою обычную инертность и, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, постараются

*) О. Клирикова, „Законъ о равноправности женщинъ“, „Союзъ женщинъ“, 1907, № 1.

„отстоять“ принципы гражданской равноправности женщинъ. Прогрессивная женская партія, это—пока слабая и пассивная политическая организація, безсильная защищать какія-бы то ни было пожеланія и запросы женщинъ. Быть можетъ, поэтому-то она и не пережила той политической эволюціи, какую продѣлалъ „Союзъ“.

Еще до оффиціальнаго образованія партіи часть феминистокъ умѣреннаго направленія группировалась вокругъ „Женскаго Вѣстника“, руководимаго д-ромъ Покровской. „Женскій Вѣстникъ“ никогда не отличался политическимъ радикализмомъ и ухитрялся даже въ октябрьскіе дни сохранять свой „безпристрастный“ тонъ и свое „критическое“ отношеніе къ движенію народныхъ массъ; онъ сумѣлъ въ періодъ наиболѣе горячихъ революціонныхъ схватокъ сохранить въ цѣлости и невредимости свой узенькій кругозоръ буржуазнаго феминизма, и никакія „политическія бури“ 1905—1906 гг. не заставили его горячѣе откликнуться на міровыя событія, совершавшіяся вокругъ него. Даже „Хроника“ „Женскаго Вѣстника“ въ богатый общественными переживаніями 1905 г. по-прежнему носила совершенно специфическій, „дамскій“ характеръ. Точно весь міръ замкнулся въ узко-дамскихъ запросахъ; точно великая борьба за народное освобожденіе, борьба, захватывавшая, между прочимъ, и тысячи, десятки тысячъ женщинъ, не касалась представительницъ феминизма. Вопросамъ жизни работницъ отводилось, разумѣется, минимальное мѣсто. Впрочемъ, „Женскій Вѣстникъ“ тогда, какъ будто, и не претендовалъ на союзничество и сотрудничество съ пролетарками.

Если «Женскій Вѣстникъ» и реагировалъ на окружающія событія, то съ совершенно-своеобразной стороны: этотъ классово-буржуазный органъ уже тогда открыто ополчался не тольно на тѣхъ, кто боролся за политическое переустройство страны, но даже и на тѣхъ, что стремились забастовками улучшить свое

положеніе „Мы преклоняемся“ — говоритъ Женскій Вѣстникъ — „передъ геройствомъ отцовъ и мужей, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ, что они геройствуютъ главнымъ образомъ не за свой счетъ, а за счетъ матерей и женъ. Въ самомъ дѣлѣ, рабочій бѣжитъ отъ стоновъ своей голодной семьи изъ дома. Онъ находитъ себѣ утѣшеніе въ своемъ увлеченіи борьбой, въ кругу товарищей и друзей, а то пойдетъ въ кабакъ, напьется и, вернувшись домой, изобьетъ стонущую жену и плачущихъ отъ голода дѣтей. У матери и жены не хватитъ духа поступить такъ. Изо дня въ день, съ утра до ночи она остается съ своими голодными дѣтьми, и ея душу терзаетъ ихъ плачъ. Мы спрашиваемъ: на кого-же упала тутъ главная тяжесть забастовокъ? На жену и мать. И при подобныхъ условіяхъ мужчины осмѣливаются укорять женщинъ въ консерватизмѣ, когда послѣднія удерживаютъ мужей отъ участія въ стачкахъ! Пусть мужья во время стачечныхъ голодовокъ возьмутъ на себя трудъ каждый день полъ дня просидѣть съ дѣтьми, а женамъ предоставятъ на это время свободу отъ ихъ голоднаго плача! Можетъ быть, тогда они не будутъ такъ легко обвинять женщинъ въ консерватизмѣ. Мнѣ, конечно, возразятъ, что въ настоящее время мужчины ведутъ борьбу за свободу, ради которой надо жертвовать всѣмъ. Соглашаясь, что свобода драгоцѣнна, я не могу согласиться съ тѣмъ, что борьбу за нее надо вести очертя голову и не щадя ничего. Я настаиваю, что въ какой-бы то ни было борьбѣ должно быть какъ можно меньше невинныхъ жертвъ. А теперь мужчины, нетерпѣливо стремясь къ призраку свободы, появившемуся въ Россіи, поступаютъ такъ, какъ будто они борются на необитаемомъ островѣ, гдѣ за это не расплачиваются женщины и дѣти.“ („Женскій Вѣстникъ“, 1905 г., № 12, стр. 354—355).

Можно-ли идти дальше? Не ясно-ли, что правое крыло феминистокъ само закрываетъ двери передъ ра-

ботницами, заявляя во всеуслышаніе, что не понимаетъ и не сочувствуетъ рабочему движенію? Но такъ открыто выражался «Женскій Вѣстникъ» лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ органомъ оформившейся феминистской организаціи, съ опредѣленной политической программой. Образованіе „Женской прогрессивной партіи" заставило и „Женскій Вѣстникъ", и отдѣльныхъ членовъ партіи заговорить другимъ языкомъ. Въ своихъ „Рефератахъ по женскому вопросу" г-жа Вахтина заявляетъ: „Изъ всего сказаннаго видно, что мы, узкія феминистки, какъ угодно было г-жѣ Коллонтай назвать насъ, боремся вовсе не за классовые интересы и не за буржуазію, какъ говоритъ г-жа Коллонтай, и даже не лично за женщину; нѣтъ, мы, члены женской прогрессивной партіи, боремся за все человѣчество." *) А д-ръ М. Покровская пытается даже дать нѣчто вродѣ соціально-политической программы, чтобы показать свое сочувствіе рабочимъ и попечительную заботу о нихъ. Эта программа сводится къ изложенію кооперативныхъ идеаловъ подъ своеобразнымъ угломъ зрѣнія. Убѣждая рабочихъ бросить пагубный методъ борьбы стачками, который только ухудшаетъ положеніе рабочаго класса, такъ какъ „ведетъ къ повышенію цѣнъ на продукты" (предприниматели и рабочіе несутъ отъ забастовокъ убытки, а затѣмъ перекладываютъ ихъ на все населеніе), „Покровская предлагаетъ рабочимъ заняться кооперацiями, которыя однѣ въ состояніи спасти человѣчество отъ современнаго „экономическаго хаоса" **). Отъ профессіональныхъ союзовъ „Женскій Вѣстникъ" многаго не ждетъ: „Профессіональные союзы содѣйствуютъ развитію солидарности среди рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится признать, что они вносятъ

*) М. Вахтина, „Рефераты по женскому вопросу", стр. 6.

**) М. Покровская, „Экономическій хаосъ."—„Женскій Вѣстникъ"; 1906 г., № 10 и 11.

свою долю участія въ общій экономическій хаосъ, такъ какъ каждый профессіональный союзъ часто дѣйствуетъ во вредъ другимъ. Сапожники, напр., при помощи забастовки увеличили свою заработную плату. Хозяева переложили это увеличеніе на свой товаръ, и потому другимъ профессіямъ рабочихъ приходится платить дороже за обувь. Они тогда въ свою очередь начинаютъ требовать повышенія заработной платы, что отражается на сапожникахъ, жизнь которыхъ ухудшается, и послѣднимъ опять приходится прибѣгать къ стачкѣ, чтобы увеличить свою заработную плату соотвѣтственно увеличившейся дороговизнѣ жизни. Такимъ образомъ, рабочее населеніе вращается въ заколдованномъ кругу и вѣчно волнуется, не находя изъ него выхода". И далѣе: „Борьба съ капитализмомъ при помощи стачекъ создаетъ противоположность интересовъ рабочихъ въ разныхъ производствахъ. Повышеніе заработной платы пекарей, въ сущности, понижаетъ таковую рабочихъ другихъ профессій. Единственной панацеей отъ всѣхъ этихъ золъ является кооперація, которая, быть можетъ „скорѣе приведетъ къ свободѣ, равенству, братству и экономическому освобожденію массъ, нежели капитализмъ, выросшій до чудовищныхъ размѣровъ",—рѣшаетъ Покровская.

Итакъ, „Женскій Вѣстникъ" готовъ даже выйти изъ обычныхъ рамокъ узко-феминистскихъ задачъ и заняться вопросами соціальной политики, лишь-бы показать женщинамъ рабочаго класса, что и прогрессистки „болѣютъ" нуждами бѣдныхъ младшихъ сестеръ, лишь-бы проявить свое пониманіе ближайшихъ запросовъ пролетарокъ. Правда, пониманіе это носитъ ярко-буржуазный отпечатокъ; правда, панацеи, найденныя съ такимъ трудомъ феминистками, едва-ли способны вызвать энтузіазмъ даже малосознательныхъ пролетарокъ; но дѣло не въ результатахъ, а въ тѣхъ мотивахъ, которые руководятъ феминистками. А мотивы все тѣ-же: привлечь

въ свои ряды женщинъ рабочаго класса всѣми средствами и способами.

Весною 1907 г. „Женская прогрессивная партія“ основала свой собственный клубъ, цѣлью котораго должно было являться: „Достиженіе равноправности женщинъ съ мужчинами. Взаимная нравственная и матеріальная поддержка. Просвѣщеніе женщинъ: чтеніе рефератовъ, популярно-образовательныхъ лекцій и т. д.; устройство развлеченій. Сближеніе членовъ между собою для обсужденія и разработки различныхъ вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности“. Но, несмотря на свое желаніе завербовать къ себѣ демократическіе женскіе элементы, прогрессивная партія сама съ большимъ выборомъ принимала новыхъ членовъ въ клубъ. Эта феминистская организація въ еще-большей степени, чѣмъ „Союзъ“, чуждается пролетаріата и чувствуетъ къ женщинѣ рабочаго класса нѣчто вродѣ почтительнаго страха. „Женская партія“, разумѣется, хотѣла-бы зачислить въ свои ряды эти широкія, волнующіяся массы фабричныхъ женщинъ“, но открыть имъ доступъ въ клубъ прогрессистокъ, позволить имъ сидѣть возлѣ „почтенныхъ“ поборницъ равноправія въ шелкахъ и кружевахъ, позволить имъ вступать въ полемику съ „учеными“ женщинами,—нѣтъ, этого наши правыя феминистки допустить не въ состояніи. „Политическій разсчетъ“ пассуетъ передъ дамскими предразсудками. Много-ли можно ожидать отъ подобной „политической“ организаціи?

Съ самаго возникновенія своей партіи, прогрессистки рѣшили держаться строго-легальной почвы. Даже въ періодъ относительной свободы, когда собранія сплошь и рядомъ организовывались явочнымъ порядкомъ, прогрессистки бѣгали за разрѣшеніемъ въ градоначальство и настаивали на присутствіи во время ихъ засѣданій чиновъ полиціи „На этомъ настаивалось, чтобы былъ прецедентъ санкціонированія администраціей женскихъ

политическихъ организацій". *) Этотъ методъ вызвалъ въ свое время со стороны „Союза" строгое осужденіе; однако, если-бы это былъ единственный „ложный шагъ" прогрессистокъ, то съ нимъ еще можно было-бы помириться. Гораздо бо̀льшимъ препятствіемъ въ дѣлѣ привлеченія демократическихъ женскихъ элементовъ къ „Партіи" являются ея умѣренно-политическія симпатіи, ея явно-выраженный буржуазно-классовый духъ.

Если „Союзъ Равноправности" по своей соціально-политической физіономіи всего ближе подходитъ къ кадетамъ, то прогрессистокъ можно приравнять, если не къ октябристамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ мирнообновленцамъ. Правда, прогрессистки выражаютъ рѣзко-отрицательное отношеніе къ дѣятельности „союза русскаго народа" и даже обсуждаютъ мѣры и способы борьбы съ „истинно-русскими женщинами", ведущими въ провинціи борьбу не только съ „крамолой", но и съ женскимъ равноправіемъ. **) Однако, вступая въ борьбу съ черносотенствомъ, прогрессистки, несомнѣнно, въ то же время тяготѣютъ къ октябристамъ. Когда на одномъ собраніи „Партіи" обсуждался вопросъ о томъ, въ какую изъ фракцій Третьей Думы передать петицію о равноправности, то, рядомъ съ кандидатурой Милюкова и другихъ кадетъ, красовалось и имя Гучкова. Но во-время вспомнивъ, что октябристы ничѣмъ не проявляли своего сочувствія равноправію женщинъ и никогда не выдавали себя за его сторонниковъ, прогрессистки отказались отъ мысли дѣйствовать черезъ Гучкова и остановили свой выборъ на Милюковѣ. Это собраніе происходило еще до внесенія октябристами въ Думу законопроекта о земскомъ самоуправленіи, признающемъ избирательныя права и за женщинами съ имуществен-

*) „Отчеты и Протоколы Союза Равн.", 1906 г., стр. 30.
**) „Союзъ Женщинъ", 1908 г., № 2.

нымъ цензомъ. Интересно, какъ-бы теперь отнеслись къ кандидатурѣ Гучкова прогрессистки? Есть много основаній думать, что онѣ предпочли-бы связать свои выступленія съ октябристами; кадетизмъ, въ глазахъ многихъ прогрессистокъ, политически слишкомъ „радикаленъ“...

И несмотря на узко-буржуазный духъ, несмотря на умѣренность политической физіономіи „Женской Партіи“, организація эта не теряетъ надежды „объединить подъ своимъ знаменемъ всѣхъ сочувствующихъ дѣлу женскаго освобожденія женщинъ“. Выступая на защиту идеи „объединенія“ женщинъ, „Женскій Вѣстникъ“ отдаетъ пальму первенства въ дѣлѣ борьбы за равноправность представительницамъ буржуазнаго класса. „Совершенно естественно, что феминизмъ возникъ сначала среди интеллигентныхъ женщинъ. Простая невѣжественная женщина, ведущая жизнь, полную тяжелыхъ лишеній, униженій, оскорбленій, обидъ и всяческихъ надругательствъ, не въ силахъ отдать себѣ отчета, почему ея жизнь такова. Вслѣдствіе этого, она или рабски покоряется ей, или въ единичныхъ случаяхъ протестуетъ противъ своего положенія преступленіемъ. Но интеллигентная женщина, болѣе сознательно относящаяся къ жизни, пытается выяснить причины тяжелой женской доли.“ *)

Неужели, въ представленіи прогрессистокъ женщина рабочаго класса только—„простая невѣжественная женщина“, за права которой должна распинаться и воевать болѣе „смѣлая“ буржуазная феминистка? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, воображаютъ онѣ, что благотельствуютъ работницъ, вовлекая ихъ въ буржуазно-феминистское движеніе? Къ счастью, опасаться развращающаго вліянія прогрессистокъ на работницъ не приходится: много говоря о пользѣ объединенія всѣхъ женщинъ, прогрессистки не дѣлаютъ никакихъ практиче-

*) „Женскій Вѣстникъ“, 1905 г., № 5, стр. 131.

скихъ шаговъ навстрѣчу пролетаркамъ. До сихъ поръ „Женская прогрессивная партія“ не обнаружила ни одной попытки вести, на подобіе „Союза“, пропаганду феминистскихъ идей между работницами или крестьянками. Чувствуютъ-ли прогрессистки, что скромными пожеланіями ихъ программы трудно привлечь къ себѣ сердца работницъ, или-же слишкомъ яркій, классовый духъ мѣшаетъ имъ принимать въ свои ряды на равныхъ правахъ женщинъ „черной кости“,—фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что прогрессистки только на бумагѣ стоятъ за все-женскую организацію, на практикѣ-же усиленно оберегаютъ свою партію отъ вторженія черезчуръ демократическихъ женскихъ элементовъ. Тѣмъ хуже для нихъ и тѣмъ лучше для женщинъ рабочаго класса...

Существуетъ еще одна феминистская организація, которая, не имѣя опредѣленной политической программы, фактически послѣдніе годы принимаетъ активное участіе въ борьбѣ за политическое равноправіе женщинъ. Организація эта—„Русское Женское Взаимно-благотворительное общество“. Несмотря на то, что это чисто-дамское общество, съ отборнымъ, благонамѣреннымъ составомъ членовъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы сохранить свою прежнюю „политически-нейтральную“ позицію, что оно продолжаетъ вести свою обычную культурно-благотворительную работу, отворачиваясь отъ широкихъ общественныхъ задачъ, пробудившаяся политическая жизнь непрестанно втягиваетъ даже и это чисто-феминистское общество въ свой круговоротъ и заставляетъ такъ или иначе реагировать на совершающіяся политическія событія. „Женскому Обществу“ приходится подавать петиціи, разсылать воззванія, привѣтствія, высказывать неодобренія, собирать свѣдѣнія и справки. А приводитъ это къ тому, что болѣе живые и болѣе активные элементы „Общества“ сгруппировались вокругъ отдѣла по избирательнымъ правамъ женщинъ и здѣсь, уже не отмахиваясь отъ политики и

общественной жизни, ведутъ вокругъ лозунга политической равноправности женщинъ обычную феминистскую работу. Созывъ „Всероссійскаго женскаго съѣзда“, это—столько-же дѣло „Женскаго Общества“, вѣрнѣе,— его отдѣла избирательныхъ правъ, сколько и „Союза Равноправности“.

Но въ какую сторону склоняются политическія симпатіи этой первой въ Россіи чисто-феминистской организаціи? Надо-ли сомнѣваться, что „Общество“, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, должно придерживаться умѣреннаго либерализма, что для него, какъ и для прогрессистокъ, кадеты порою кажутся черезчуръ „красными“. Если свою петицію въ Первую Государственную Думу „Общество“ передало черезъ кадетскую фракцію, то, разумѣется, не въ силу особой симпатіи къ партіи „народной свободы“, а лишь потому, что изъ всѣхъ партій, въ программахъ которыхъ стояло и женское равноправіе, это была самая *правая*. Петицію свою „Женское Общество“, разумѣется, составило возможно болѣе туманно и обще: сѣтуя на то, что среди „первыхъ избранниковъ русскаго народа“ „нѣтъ ни одной женщины и ни одного представителя, избраннаго непосредственно женщинами“, петиція предлагаетъ „поставить на рѣшеніе Государственной Думы вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ въ Россіи“ и „внести обновленіе въ жизнь женщинъ, признавъ за ними равныя права для участія въ служеніи родинѣ.“ Такъ обошло „Женское Общество“ всѣ подводные камни при опредѣленіи своихъ политическихъ требованій. Не раскола внутри „Общества“ опасалась эта прекрасно спѣвшаяся организація, съ ясно опредѣлившейся буржуазной физіономіей: туманность пожеланій нужна была для женщинъ, стоящихъ внѣ „Общества“,— для тѣхъ, которыя давали свои подписи подъ петиціей. Чѣмъ болѣе общи и неопредѣленны были пожеланія

„Общества“, тѣмъ вѣрнѣе было собрать подъ петиціей имена женщинъ различныхъ политическихъ оттѣнковъ.

Точно также остерегалось „Женское Общество“ выставить на видъ свои требованія и подчеркнуть политическія симпатіи и въ поданномъ, черезъ предсѣдателя Ф. Головина, во Вторую Государственную Думу заявленіи о необходимости уравненія женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами. *) И только въ отчетѣ „Отдѣла избирательныхъ правъ Женскаго Общества“ за 1907 г. удается намъ найти ясное и недвусмысленное опредѣленіе основныхъ политическихъ задачъ и требованій Общества: „Цѣль отдѣла должна состоять въ объединеніи женщинъ въ (?) одной платформѣ: „равныя избирательныя права съ мужчинами“. Отсюда можно вывести одно лишь заключеніе: Женское Общество, во всякомъ случаѣ, стоитъ въ своихъ политическихъ запросахъ на одномъ уровнѣ съ международнымъ феминизмомъ. Можно-ли ожидать бо́льшаго отъ организаціи со столь ярко-выраженной „дамской“ физіономіей?

Если по вопросу о политическомъ радикализмѣ „Женскаго Общества“ могли еще оставаться какія-либо сомнѣнія, то теперь отношеніе этой „первой“ русской феминистской организаціи къ октябристскому законопроекту о земскомъ самоуправленіи должно было разсѣять и послѣднія иллюзіи. Цензовое начало нисколько не смущаетъ нашихъ „піонерокъ“ женскаго равноправія; идея цензового представительства женскаго элемента въ земскомъ самоуправленіи, повидимому, возникла у нихъ совершенно самостоятельно; по крайней мѣрѣ, въ ихъ заявленіи „о необходимости равноправнаго участія женщинъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи“,

*) Къ заявленію „Женскаго Общ.“ присоединилось еще 22 другихъ женскихъ организаціи Россіи. Всего подъ заявленіемъ удалось собрать „Женскому Обществу“ и „Прогрессивной Партіи“ около 9000 подписей.

поданномъ во Вторую Госуд. Думу, ничего не говорится объ основахъ этого равноправія и не указывается на желательность одновременной демократизаціи и самихъ земствъ. Впрочемъ, повторяемъ, полу-филантропическое общество вѣдь и не претендуетъ на политическій радикализмъ и еще меньше, чѣмъ прогрессивная партія, заботится о привлеченіи въ свои ряды женщинъ рабочаго класса.

Подъ вліяніемъ политическихъ событій, подъ давленіемъ измѣняющейся общественной атмосферы, измѣняются характеръ и физіономія нашихъ феминистскихъ организацій въ Россіи. „Радикальный“, тяготѣвшій къ соціализму и революціоннымъ партіямъ въ дни своей юности, „Союзъ Равноправности“ быстро линяетъ и правѣетъ, тогда какъ благонравное „Женское Общество“, долгіе годы чуравшееся всякой „политики“, постепенно пріобрѣтаетъ „вкусъ“ къ политическимъ выступленіямъ и начинаетъ проявлять несвойственную ему ранѣе активность. И только „Женская прогрессивная партія“, продолжая колебаться между кадетизмомъ и октябризмомъ, влачитъ попрежнему довольно жалкое и незамѣтное существованіе.

Къ какой изъ этихъ организацій можетъ пролетарка подойти съ довѣріемъ? У какой изъ нихъ найдетъ она дѣйствительную опору и защиту своихъ интересовъ? Не ясно-ли, что ни одна изъ перечисленныхъ организацій буржуазныхъ женщинъ не въ силахъ отвѣтить на насущные запросы работницъ, что отъ буржуазныхъ поборницъ равноправія, какъ-бы радикальны ни были ихъ политическія требованія, пролетаркамъ нечего ждать. Кромѣ горечи и разочарованія, сотрудничество съ ними ничего не можетъ дать женщинѣ рабочаго класса.

Феминистское движеніе въ Россіи принимаетъ все болѣе и болѣе буржуазную окраску. Оно не только не

связано съ обще-рабочимъ движеніемъ, но становится съ нимъ все въ болѣе и болѣе рѣзкій антагонизмъ. Хотя лѣвое крыло феминизма, „Союзъ Равноправности“, и продолжаетъ являться поборникамъ демократическихъ требованій, но старательное отмежеваніе „Союза“ отъ классовой рабочей партіи свидѣтельствуетъ, что весенній періодъ феминизма пройденъ, что романтическія иллюзіи изжиты, что буржуазно-женское движеніе даже не находитъ болѣе нужнымъ скрывать свою истинную классовую физіономію.

Но, разъ феминистки сами не желаютъ болѣе „сотрудничества“ съ рабочей партіей, имъ, естественно, приходится искать опоры въ другомъ мѣстѣ. Само по себѣ, феминистское движеніе еще слишкомъ слабо, чтобы разсчитывать исключительно на свои собственныя силы. Вполнѣ нормально и логично искать этой опоры у близкихъ по духу буржуазныхъ партій. Вопросъ лишь въ томъ: насколько представители буржуазнаго либерализма являются надежными союзниками женщинъ, насколько ихъ заступничество можетъ обѣщать реальныя политическія выгоды?

Съ какой гордостью перечисляютъ феминистки малѣйшіе симптомы сочувствія женскому дѣлу со стороны буржуазной оппозиціи. Какое преувеличенное значеніе придаютъ онѣ тѣмъ принципіальнымъ деклараціямъ, на которыя такъ щедра была либеральная буржуазія въ революціонный періодъ! Наибольшее число такихъ деклараціи, въ той или иной формѣ провозглашающихъ принципъ равноправности женщинъ, падаетъ, разумѣется, на „мятежный“ 1905 г. Въ этотъ періодъ повышенной политической жизни, подъ напоромъ неотвратимо-надвигавшейся на нее волны народнаго движенія, буржуазная оппозиція научилась говорить языкомъ самого народа. Были-ли такіе демократическіе принципы, которые бы она отказалась выставить на своемъ знамени? Было-ли такое подхваченное массами, политиче-

ское требованіе, которое она рѣшилась-бы отвергнуть? Женщины составляли въ тотъ памятный годъ часть волнующейся народной массы; ими пестрѣли ряды рабочаго и крестьянскаго движеній; ихъ голоса настойчиво звучали во всѣхъ почти оппозиціонныхъ организаціяхъ. Не считаться съ требованіями женщинъ значило — останавливаться на полъ-пути, значило рисковать въ ту критическую минуту самымъ существеннымъ: потерей популярности и довѣрія массъ.

Втеченіе всего 1905 г. органы мѣстнаго самоуправленія, эти „гнѣзда оппозиціи", частью по собственной иниціативѣ, частью въ отвѣтъ на обращенные къ нимъ запросы женскихъ группъ, выносили постановленія, въ которыхъ высказывались въ пользу уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами, одни — во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни, другіе—только въ органахъ мѣстнаго самоуправленія Рядъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, на своихъ совѣщаніяхъ высказывавшихся одно за другимъ за коренныя реформы въ области государственнаго устройства и мѣстнаго самоуправленія, провозглашалъ и принципъ равноправности женщинъ: Таврическое, Симбирское, Костромское губернскія земскія собранія высказывались за полное уравненіе правъ обоихъ половъ; Нижегородское губернское земство стояло за участіе женщинъ на равныхъ правахъ съ мужчинами въ мелкой земской единицѣ. Уѣздныя земства — Петербургское, Юрьевецкое, Темниковское, Балахнинское высказывались за предоставленіе женщинамъ пассивнаго и активнаго избирательнаго права въ реформированномъ городскомъ и земскомъ самоуправленіяхъ; Вятское, Уфимское, Кременчугское, Городненское, Елизаветградское, Симферопольское, Ардатовское, Дмитровское, Кологривское, Старицкое стояли за предоставленіе женскому населенію одинаковаго съ мужчинами права выборовъ во всѣ законодательныя учрежденія и органы мѣстнаго само-

управленія. Городскія думы—Кронштадтская, Воронежская, Ковенская, Либавская, Вятская, Кутаисская, Курская, Ставропольская, Тифлисская, Эриванская, Новгородская, Костромская, требовали распространенія избирательныхъ правъ въ городское самоуправленіе и на женщинъ. Въ томъ-же духѣ высказывались городскіе представители на областныхъ съѣздахъ въ Твери и Костромѣ.

Какъ ни утѣшительны эти факты, надо помнить, что благопріятныя для женщинъ постановленія, даже въ тотъ горячій политическій моментъ, принимались обыкновенно послѣ страстныхъ дебатовъ, что предложенія о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ всегда встрѣчали яростныя возраженія и во многихъ случаяхъ проходили однимъ-двумя голосами, что, наконецъ, цѣлый рядъ городовъ и земствъ (Петербургская и Московская думы, Нолинское и Макарьевское уѣздныя земства, Саратовское чрезвычайное губернское земское собраніе, Орловское земство, Виленское совѣщаніе о введеніи земскихъ учрежденій и т. д.) категорически отказывалъ признать политическое равноправіе женщинъ. Были отдѣльные случаи признанія за женщинами одинаковыхъ съ мужчинами правъ, при условіи установленія цензоваго начала; такъ, напр., Новороссійское губ. совѣщаніе о реформѣ земскихъ учрежденій постановило признать избирательныя права въ мѣстныя земства за всѣми плательщиками земскихъ налоговъ, за получившими высшее или среднее образованіе лицами обоего пола и за представителями профессіональнаго труда, за исключеніемъ „чернорабочихъ“ — терминъ, какъ извѣстно, весьма растяжимый. Черниговская дума признала, что къ участію въ городскомъ самоуправленіи должны быть допускаемы всѣ жители города, достигшіе 25-лѣтняго возраста и приписанные къ нему впродолженіе двухъ лѣтъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что всѣ эти поста-

новленія носили прежде всего чисто-„платоническій“ характеръ: составители ихъ прекрасно понимали, что до осуществленія ихъ еще очень далеко; выдвигались требованія возможно болѣе широкія, возможно болѣе „крайнія“, чтобы было „съ чего уступать“. И, если, несмотря на это, представители мѣстнаго самоуправленія даже въ революціонный 1905 г. съ такой неохотой провозглашали въ своихъ desiderata пока еще отвлеченный принципъ женскаго равноправія, то, что-бы было, если-бы дѣло дошло до практическаго осуществленія этого демократическаго требованія? Неужели феминистки серьезно вѣрятъ, что представители либеральной буржуазіи, въ самомъ дѣлѣ, отстаивали-бы и на практикѣ это „принципіальное пожеланіе“?

Характерно отношеніе съѣздовъ городскихъ и земскихъ дѣятелей къ вопросу о женскомъ равноправіи. Несмотря на то, что женскія организаціи прислали на польскій съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей 17 заявленій, съ требованіемъ признанія избирательныхъ правъ за женщинами, представители мѣстнаго самоуправленія отклонили разсмотрѣніе вопроса. Тоже повторилось на слѣдующемъ съѣздѣ городскихъ и земскихъ дѣятелей, въ сентябрѣ 1905 г. И на этотъ разъ представлены были ходатайства женщинъ, предлагавшихъ съѣзду высказаться въ пользу женскаго полноправія. Ѳ. А. Головинъ объяснялъ нежеланіе съѣзда заняться разсмотрѣніемъ этого вопроса тѣмъ, что на предыдущемъ, польскомъ, съѣздѣ рѣшено было предварительно обсудить его на мѣстахъ; между тѣмъ, отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія еще не поступило никакихъ отзывовъ. В. Д. Набоковъ иначе мотивировалъ отказъ съѣзда разсмотрѣть вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ: по его мнѣнію, этотъ важный вопросъ, вообще, подлежитъ рѣшенію только будущаго народнаго представительства, избраннаго на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Большин-

ствомъ 72 голосовъ противъ 63 съѣздъ отклонилъ обсужденіе ходатайствъ женскихъ организацій.

Но въ ноябрѣ, когда революціонная волна захватила даже наиболѣе осторожные и консервативные элементы оппозиціи, бюро съѣзда, вырабатывая основы созыва учредительнаго собранія, приняло слѣдующую резолюцію: „Право участія въ выборномъ представительствѣ принадлежитъ россійскимъ гражданамъ обоего пола, достигшимъ 21 года.“ *)

Точно также, включеніе политическаго равноправія женщинъ въ проектъ организаціи народнаго представительства, выработанный на частномъ совѣщаніи городскихъ дѣятелей въ Москвѣ, едва-ли можно считать такимъ „огромнымъ побѣднымъ шагомъ“, какимъ рисуютъ его наши равноправки. Достаточно вспомнить тѣ колебанія и энергичные протесты, какіе раздавались по поводу принятія этого пункта. **) Характерна анкета, предпринятая „Союзомъ Равноправности“, незадолго до сентябрьскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, по вопросу о женскихъ избирательныхъ правахъ: 35 дѣятелей отвѣтили болѣе или менѣе сочувственно; 22, не являясь принципіальными противниками равноправія, по тѣмъ или другимъ причинамъ находили поднятіе вопроса „несвоевременнымъ“, „не очереднымъ“ и т. п.; 4 категорически отрицали необходимость женскаго политическаго равноправія. Анкета эта, давшая далеко не утѣшительную картину (большинство опрошенныхъ лицъ не дало никакого отвѣта, показавъ этимъ свое равнодушіе къ поставленному вопросу), тѣмъ не менѣе причисляется равноправками къ числу показателей сочувствія русскаго либерализма дѣлу женскаго политическаго освобожденія. Въ своемъ же-

*) „Союзъ Женщинъ“, 1907 г., № 2, и „Женскій Вѣстникъ“, 1905, № 12.

**) См., напр., „Женское Движеніе“, 1905 г.

ланіи во что-бы то ни стало найти подтвержденіе этого сочувствія со стороны буржуазныхъ либераловъ, равноправки готовы даже въ извращенномъ видѣ рисовать недавнее прошлое: „Отвѣты писались“,—говорится въ брошюркѣ „Женское Движеніе“,—въ „очень смутный моментъ нашего бурнаго времени: сокрушительныя народныя бѣдствія и мучительно-подавленное общественное движеніе привело къ манифесту 6-го авг. 1905 г. о Государственной Думѣ совѣщательной, безъ всякаго законодательнаго значенія, съ сохраненіемъ въ прежней силѣ всѣхъ полицейскихъ, цензурныхъ и прочихъ запретовъ и пересѣченій относительно собраній, свободы личности и слова. Манифестъ былъ встрѣченъ мрачнымъ равнодушіемъ во всей странѣ; какъ будто населеніе сговорилось не вводить въ жизнь его положенія, а итти впередъ своимъ путемъ, но какимъ именно, было неясно. Вопросы союза женщинъ предполагаютъ коренную ломку государственныхъ и общественныхъ порядковъ; людямъ умѣренныхъ взглядовъ было нелегко давать мотивированные отвѣты; не съ прежней смѣлостью могли отвѣчать и дѣятели болѣе радикальнаго направленія; парламентъ все-таки зарождался, отношенія и рѣчи видныхъ дѣятелей становились отвѣтственнѣе. Можетъ быть, въ силу этого многіе и воздерживались отъ отвѣтовъ на анкету.“ *)

Неужели-же феминистки наши серьезно считаютъ, что періодъ между 6 авг. и 17 окт. 1905 г. былъ періодомъ „пониженнымъ требованій“, когда люди умѣренныхъ взглядовъ боялись ломки коренныхъ государственныхъ устоевъ, а радикалы уже (?) не могли съ прежней (?) смѣлостью отвѣчать на выставленные вопросы?

Къ счастью, сентябрьскіе и октябрьскіе дни 1905 г. еще у всѣхъ въ памяти, и врядъ-ли найдутся свидѣ-

*) „Женское движеніе“, 1905 г., стр. 14—15.

тели, готовые показать, что то было время *пониженнаго* общественнаго настроенія... Нѣтъ, разумѣется, не страхъ передъ ломкой коренныхъ государственныхъ устоевъ заставлялъ либеральную буржуазію относиться индифферентно къ вопросу женскаго политическаго равноправія, а присущая этому классу враждебность, исчезающая только тогда, когда съ помощью „предупредительныхъ мѣръ“ — въ видѣ установленія имущественнаго ценза — удается превратить требуемую реформу въ средство укрѣпленія буржуазнаго господства...

Тяготѣніе буржуазныхъ либераловъ къ практическому отстаиванію женскаго равноправія, даже въ революціонной 1905 годъ, должно быть подвергнуто большому сомнѣнію. Разумѣется, въ организаціяхъ буржуазно-демократическаго характера — во всѣхъ, быстро расплодившихся въ 1905 г., интеллигентскихъ союзахъ — политическое равноправіе женщинъ встрѣчало гораздо-больше сочувствія и проникало въ программы съ меньшими треніями. Союзъ инженеровъ, учителей, съѣздъ врачей и др. организаціи, объединявшія людей свободныхъ профессій, не говоря уже о такихъ, носившихъ пролетарскую окраску, союзахъ, какъ желѣзнодорожный и почтово-телеграфныхъ служащихъ, принимали это требованіе на-ряду съ другими демократическими пунктами своихъ программъ. Однако, нельзя не отмѣтить, что на съѣздѣ писателей и журналистовъ, въ мартѣ 1905 г., включеніе словъ „безъ различія пола“ при принятіи развернутой избирательной формулы прошло не безъ борьбы — и то лишь по настоянію соціалистическихъ партій. Не вошло это требованіе также въ платформы академическаго союза и союза земцевъ-конституціоналистовъ. Самъ „Союзъ Союзовъ“ занялъ сперва весьма-двусмысленное положеніе по отношенію къ этому вопросу. „Несмотря на то, что женщины зорко слѣдили за возникновеніемъ каждаго новаго политическаго союза и каждый разъ, какъ въ проектъ платформы

союза не вносилось политическое равноправіе женщинъ, входили въ такой союзъ съ заявленіемъ о внесеніи словъ „обоего пола“ въ 4-хъ-членную формулу Учредительнаго Собранія — устно или письменно, съ мотивировкой требованій, — несмотря на это, на организаціонномъ собраніи Союза-союзовъ слова эти были включены далеко не во всѣ платформы союзовъ.“ *)

Самое появленіе женщинъ въ бюро обще-союзнаго съѣзда, весною 1905 г., вызвало откровенное удивленіе: „Зачѣмъ сюда попали женщины? Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе“. „Но женщины твердо и спокойно заняли свои позиціи и къ ихъ присутствію скоро привыкли“,— повѣствуютъ сами равноправки. „Среди 14-ти объединившихся союзовъ едва четыре ввели въ свою платформу семичленную формулу, уравнивавшую права обоихъ половъ. Но участіе женщинъ на делегатскихъ съѣздахъ хорошо повліяло на прочіе союзы. Внутри каждаго изъ нихъ дѣйствовали представители крайнихъ партій, которые поддерживали агитацію за равноправность женщинъ, чтобы придать платформѣ ярко-демократическій характеръ. Опираясь на крайнихъ, женщинамъ удалось внести поправки во всѣ платформы.“ **) „Но въ началѣ „шансы женщинъ были настолько слабы, что не рѣшались вотировать за детализацію формулы учредительнаго собранія въ платформѣ Союза Союзовъ, а напротивъ агитировали противъ этого, желая замолчать женскій вопросъ и имѣть время для агитаціи въ пользу своихъ правъ среди интеллигенціи. Это вполнѣ удалось. Каждый разъ при составленіи резолюціи С. С. о женщинахъ неизбѣжно забывали даже сторонники, и женщины неуклонно требовали вставленія упоминанія о нихъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ въ резолюціи. Въ первый-же разъ, мѣсяца черезъ два послѣ организа-

*) „Отчеты и протоколы“, стр. 3.
**) „Женское движеніе“, стр. 2.

ціоннаго собранія, большинство высказалось „за“ включеніе женщинъ. Съ каждой резолюціей это большинство увеличивалось, и на Петербургскомъ съѣздѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ женщины достигли полной побѣды въ С. С.—при личной баллотировкѣ упоминанія о нихъ были включены въ резолюцію противъ одного голоса—П. Н. Милюкова. Вслѣдъ за этимъ мы потребовали детализаціи формулы учредительнаго собранія въ платформѣ С. С., что и было исполнено.“ *)

Если требованіе уравненія политическихъ правъ женщинъ съ мужчинами съ такими трудностями проникало въ тотъ революціонный періодъ въ программы даже демократическихъ организацій, то чего-же могутъ ждать женщины отъ буржуазной демократіи въ періодъ политическаго затишья и пониженнаго общественнаго настроенія?

Объ отношеніи кадетъ къ вопросу женскаго политическаго равноправія говорить много не приходится: факты эти слишкомъ обще-извѣстны. **) На октябрскомъ съѣздѣ вопросъ этотъ встрѣченъ былъ крайне-недружелюбно; видные кадетскіе лидеры, съ Милюковымъ и Струве во главѣ, высказывали свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ этому „утопическому“ требованію. За неимѣніемъ достаточныхъ аргументовъ, Струве попытался было опереться на магометанскихъ женщинъ и указать на опасность могущихъ произойти на этой почвѣ „осложненій“. Посудите сами, справедливо-ли будетъ, если

*) „Отчеты и Протоколы“, стр. 3.

**) „Во вновь-образовавшейся партіи кадетъ, куда вошла значительная часть членовъ земскаго съѣзда, напоминаніе о женщинахъ опять было вычеркнуто изъ платформы партій, и потребовалась усиленная агитація и на съѣздахъ партіи, и на мѣстахъ для включенія правъ обязательнымъ пунктомъ программы партіи. Несомнѣнно, эта уступка сдѣлана была подъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Въ муссированіи его женщины нашли большую поддержку со стороны соціалистическихъ партій.“ („Отчеты и протоколы“, 1906 г. стр. 5.).

русская женщина получитъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ, въ то время, какъ магометанка, живущая на той-же землѣ, управляемая тѣми-же законами, останется, вслѣдствіе запрета Шаріата заниматься общественными дѣлами, по-прежнему безправной!

Послѣ бурныхъ дебатовъ, большинство съѣзда приняло требованіе пелитическаго равноправія женщинъ, но, „изъ уваженія къ виднымъ членамъ своей партіи, оставшимся въ меньшинствѣ", съѣздъ допустилъ примѣчаніе къ своей партійной программѣ, объявлявшее пунктъ о политическомъ равноправіи женщинъ *не обязательнымъ* для членовъ партіи. Замѣтьте, дебаты эти происходили *въ октябрѣ 1905 г.* Правда, на слѣдующемъ кадетскомъ съѣздѣ примѣчаніе это было снято; но вспомнимъ, при какихъ условіяхъ происходилъ этотъ 2-ой съѣздъ. То былъ канунъ Первой Думы, горячій предвыборный періодъ, время, когда кадетская партія находилась въ зенитѣ своей популярности, своего политическаго вліянія. Если-бы кадеты и въ тотъ рѣшительный политическій моментъ оставили въ силѣ свое примѣчаніе, они показали-бы себя просто плохими „политиками"... Однако,—возразятъ наши равноправки,—защита женскаго равноправія вовсе не являлась у кадетовъ приманкой для привлеченія сердецъ наивныхъ избирателей-демократовъ, декоративнымъ принципомъ, о которомъ съ легкимъ сердцемъ забываютъ, вступая на трибуну передъ лицомъ народныхъ представителей. Когда дѣло дошло до фактической защиты женскихъ интересовъ, кадеты блестяще-выполнили въ Первой Думѣ взятыя на себя обязательства.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ важномъ въ исторіи женскаго движенія событіи—признаніи женскаго политическаго равноправія первыми русскими народными представителями.

Когда феминистки съ умиленіемъ и восторгомъ говорятъ о засѣданіяхъ 2-го и 4-го мая и 5-го,6-го и 8-го

іюня 1906 г., то отмѣчаютъ обыкновенно „рыцарское поведеніе“ проф. Петражицкаго, Карѣева, Ломшакова и др. кадетовъ, лишь мимоходомъ вспоминая о защитѣ женскаго равноправія, исходившей со стороны болѣе демократической группы народныхъ представителей, а именно—трудовиковъ. А развѣ не они именно первые подняли голосъ за то, чтобы въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь включены были въ формулу избирательнаго права слова „безъ различія пола“? „Мы говоримъ о томъ, что избирательное право должно быть реформировано на основаиіи 4-хъ-членной формулы.“ Мы забываемъ въ этомъ первомъ русскомъ парламентѣ о русской женщинѣ, которая, на-ряду съ другими, боролась за свободу (продолжительные аплодисменты). Мы забываемъ, что сынъ рабыни не можетъ быть гражданиномъ...“ (Бурные аплодисменты). Такъ говорилъ трудовикъ Рыжковъ. Его поддерживали трудовики Бондаревъ, Бусловъ, Онипко, Заболотный...“

Вслѣдъ за трудовиками раздается голосъ кадета Ломшакова. „Раскрѣпощеніе крестьянъ“,—говоритъ онъ,—„раскрѣпощеніе рабочаго класса, раскрѣпощеніе всѣхъ гражданъ, раскрѣпощеніе женщинъ“—вотъ первая задача нашей работы. И здѣсь отступленія, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, для насъ быть не можетъ и не будетъ. Случайная обмолвка одного изъ нашихъ товарищей здѣсь,—я это считаю именно обмолвкой,—направлена къ намъ не по адресу, она направлена по адресу тѣхъ изъ присутствующихъ, которые не раздѣляютъ нашей программы по вопросу о женскомъ равноправіи. Для насъ женщина равноправна съ мужчиной, равноправна не только политически, но и граждански, равноправна вполнѣ и безъ исключеній...“

Однако, рѣчь не вызываетъ никакого энтузіазма со стороны его товарищей по партіи. Типичный представитель кадетъ, тонкій и осторожный Набоковъ, объясняетъ Думѣ, что комиссія, вырабатывавшая отвѣтный

адресъ, рѣшила не развертывать избирательной формулы, по той-де причинѣ, что уже въ самой комиссіи по этому пункту возникли разногласія и что „осторожнѣе“ будетъ ограничиться общими терминами. „По вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ у насъ образовалось большинство и меньшинство. Меньшинство стояло за раскрытіе этой формулы, и за внесеніе всеобщаго избирательнаго права такъ, какъ понимаютъ его тѣ, которые стоятъ за всеобщее, прямое, тайное и равное голосованіе, безъ различія пола, національностей и вѣроисповѣданій. Большинство полагало, что „мы поступимъ болѣе осмотрительно и болѣе осторожно, если оставимъ внесенную нами формулу, которая всего болѣе подойдетъ къ дѣйствительно-выраженной волѣ народа; но, если мы внесемъ сюда какіе-либо дополнительные признаки, то мы не только не сможемъ съ увѣренностью сказать, что это есть единственная воля всего народа, но даже рискуемъ не получить единогласія въ Думѣ“; и поэтому, большинство осталось при терминѣ „всеобщаго избирательнаго права“. По вопросу о полѣ комиссія полагала, что въ томъ мѣстѣ адреса, въ которомъ говорится о равноправіи національностей, религій, слѣдуетъ, конечно, прибавить по недосмотру опущенное слово: „половъ“.

Эта нѣсколько-запоздалая поправка относится къ другому мѣсту отвѣтнаго адреса, гдѣ говорится о выработкѣ закона, уравнивающаго въ правахъ всѣхъ гражданъ, съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привиллегій, обусловливаемыхъ сословіемъ, національностью, религіей. Невключеніе въ этомъ мѣстѣ слова „и пола“ во всякомъ случаѣ весьма характерно; оно свидѣтельствуетъ, что, передавая защиту своихъ интересовъ въ руки просвѣщенныхъ либераловъ, женщины едва-ли могутъ быть спокойны за участь своей судьбы...

Возражаетъ Набокову по первому цункту, о политическихъ правахъ для женщинъ, не кто-либо изъ

кадетскихъ представителей, но опять-таки трудовикъ Аникинъ. „Точно также говорятъ, не будетъ единодушнымъ выраженіе воли народа, если мы уравняемъ въ правахъ женщинъ, цѣлую половину нашей страны, цѣлую половину страдающихъ матерей, выносившихъ насъ на рукахъ, какъ дѣтей. Какъ будто женщина не можетъ положить свой избирательный шаръ или подать свою избирательную записку, какъ будто-бы она почему-то этого не можетъ сдѣлать! Въ свободной странѣ всѣ свободны, и самъ докладчикъ проекта, сказалъ, что въ части адреса, гдѣ говорится о гражданскихъ правахъ, по недосмотру пропущены женщины. Если онѣ тамъ пропущены по недосмотру, то здѣсь онѣ пропущены по досмотру, и этотъ досмотръ преступенъ. Я думаю, что онѣ должны быть утверждены въ гражданскихъ правахъ."

Задѣтый за живое, Набоковъ уже опредѣленнѣе выражаетъ истинное отношеніе къ вопросу женскаго политическаго равноправія, если не всѣхъ кадетскихъ представителей, то вліятельной ихъ части: „Я долженъ подчеркнуть то, о чемъ я имѣлъ уже честь говорить; въ данномъ вопросѣ мы, напримѣръ, принадлежащіе къ партіи народной свободы, не поступаясь нашими убѣжденіями, говорили о формулѣ, которая съ нашей точки зрѣнія, объединяя весь народъ, можетъ быть принята. Предшествующій ораторъ, можетъ быть, и правъ; для насъ, т. е. для большинства, полнаго и опредѣленнаго убѣжденія въ этомъ нѣтъ. Мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что единодушная воля народа требуетъ политическаго равноправія для женщины, и мы не говорили о такой единодушной волѣ народа. Если мы ошибаемся въ этомъ, то именно только въ этомъ."

Его поддерживаетъ князь Шаховской; онъ также защищаетъ редакцію комиссіи, признавая необходимымъ отложить рѣшеніе вопроса о прямомъ голосованіи и о

женскихъ правахъ до того времени, когда будетъ вырабатываться соотвѣтствующій законъ. Принять постановленіе по этимъ обоимъ вопросамъ Дума должна только послѣ болѣе солиднаго и основательнаго ихъ выясненія.

Френкель беретъ сторону „осторожныхъ“ кадетовъ, противъ Ломшакова и Протопопова, высказывающихся за распространеніе избирательнаго права на женскую часть населенія, и отрицаетъ необходимость раскрытія избирательной формулы. Въ подтвержденіе своего мнѣнія указываетъ онъ на то, что „въ предѣлахъ той-же комиссіи было достаточное число лицъ справа, хотя и меньшиство, которое стоитъ на точкѣ зрѣнія ненужности предоставить теперь-же избирательное право женщинамъ, и для того, чтобы мы имѣли право говорить объ единодушномъ требованіи страны, намъ нужно было констатировать полное единодушіе въ рядахъ нашей комиссіи—мы, вѣдь не можемъ судить такъ легко, какъ здѣсь судятъ.“

Итакъ, господа кадеты, даже въ первые, исключительные по своему значенію, дни существованія народнаго представительства, въ этотъ полный иллюзіи и надеждъ торжественный моментъ, все-же не рѣшались открыто стать на сторону демократическихъ требованій. У нихъ не хватило „смѣлости утверждать“, что народъ желаетъ посылать въ Думу своихъ представителей, избранныхъ непосредственнымъ голосованіемъ, чтобы, въ интересахъ демократической Россіи удвоить, при помощи распространенія на женщинъ избирательныхъ правъ, число своихъ избирателей.

Въ трогательномъ единеніи съ „осторожной“ частью кадетъ выступаютъ безпартійный крестьянинъ Кругликовъ и октябристъ графъ Гейденъ. „Господа представители“,—говоритъ Кругликовъ,—„когда насъ провожали сюда, то весьма многіе крестьяне и не знали объ общемъ избирательномъ правѣ безъ различія пола.

Женщинамъ у насъ не до общаго избирательнаго права; женщины у насъ для того, чтобы смотрѣть за хозяйствомъ, чтобы смотрѣть за дѣтьми и за печкой." Графъ Гейденъ, разумѣется, тоньше обставляетъ свою аргументацію, по существу, однако, вполнѣ совпадающую съ мнѣніемъ крестьянина Кругликова. „Я уполномоченъ отъ своихъ товарищей по губерніи заявить, что они не раздѣляютъ мнѣнія г. Заболотнаго, что безъ прямой, равной, тайной и всеобщей подачи голосовъ нельзя жить; они находятъ, что можно жить и при всеобщей подачѣ голосовъ, и житейскій опытъ находитъ, что не нужно еще непремѣнно распространять равныя права и на женщинъ. Намъ первое время нужно еще самимъ привыкнуть къ парламентской дѣятельности, въ томъ составѣ, къ которому мы уже привыкли, т. е., чтобы собраніе было только изъ мужчинъ."

Какъ извѣстно, при голосованіи поправка, требовавшая раскрытія избирательной формулы, отвергнута была большинствомъ голосовъ; той-же участи подверглась и поправка, предлагавшая включить слова „безъ различія пола".

Что касается другого пункта отвѣтнаго адреса, который требовалъ уравненія всѣхъ гражданъ передъ закономъ, то внесенная въ текстъ самой комиссіей поправка, заключавшая слова „безъ различія пола", была послѣ небольшихъ преній принята. Однако, и на этотъ разъ на защиту этой поправки въ общемъ засѣданіи всталъ не представитель партіи народной свободы, а рабочій Михайличенко.

Если внимательно прослѣдить за ходомъ думскихъ преній при разработкѣ отвѣтнаго адреса, то, вопреки увѣреніямъ феминистокъ, впечатлѣніе отъ защиты женскаго равноправія кадетами получается весьма невыгодное. Нѣтъ, въ эти первые дни Первой Думы надежными защитниками интересовъ женщинъ кадеты себя не показали.

Но зато,—возразятъ намъ феминистки, готовыя распинаться въ защиту кадетъ, — партія „народной свободы“ блестяще оправдала надежды женщинъ во время памятныхъ „женскихъ дней“ 5-го, 6-го и 8-го іюня.

Членами Думы внесено было предложеніе основного закона, которымъ устанавливалось гражданское равенство; въ IV разрядѣ законовъ выставлялось начало, согласно которому „ограниченія, установленныя для лицъ женскаго пола гражданскими законами, ограниченія получать образованіе во всѣхъ ступеняхъ, ограниченія въ активномъ и пассивномъ избирательномъ правѣ и всѣ вообще ограниченія въ публичныхъ правахъ, поскольку этому не препятствуетъ существо обязанностей, связанныхъ съ этими правами, подлежатъ отмѣнѣ.“

На этотъ разъ кадетская партія выставила рядъ ораторовъ, защищавшихъ принципъ равноправности женскаго населенія: Кокошкинъ, проф. Кирѣевъ, проф. Петражицкій — все имена внушительныя. Профессоръ Петражицкій, которому вручена была петиція женщинъ, составленная „Женскимъ Обществомъ“, въ обстоятельной рѣчи требовалъ уравненія женщинъ въ правахъ во всѣхъ областяхъ общественной и политической жизни. „На меня возложено порученіе по адресу Государственной Думы“,—говоритъ профессоръ,—„находящееся въ связи съ нашею запискою. На мое имя и на имя депутата Кедрина поступило отъ „Русскаго женскаго взаимноблаготворительнаго общества“ петиція о женскомъ равноправіи, скрѣпленная болѣе чѣмъ 4.000 подписей, и мнѣ поручено доложить ее Думѣ. Къ сожалѣнію, у насъ право петицій еще не признано, и по существующимъ у насъ правиламъ я лишенъ возможности исполнить возложенное на меня женскимъ обществомъ порученіе. Но я считаю долгомъ хоть косвенно и въ слабой степени оказать содѣйствіе удовлетворенію справедливыхъ желаній тысячъ просительницъ

и сказать съ этой трибуны нѣсколько словъ въ пользу устраненія безправія женщинъ. Это—тѣмъ болѣе долгъ совѣсти, что, къ сожалѣнію, женскій вопросъ далеко не возбуждаетъ того интереса и сочувствія, котораго онъ заслуживаетъ."

Требуя уравненія правъ женщинъ въ области гражданскихъ отношеній, главнымъ образомъ—въ правахъ наслѣдованія, требуя допущенія женщинъ ко всѣмъ ступенямъ образованія, ко всѣмъ должностямъ и профессіямъ, защитникъ женскаго равноправія естественно долженъ былъ коснуться и вопроса объ участіи женщинъ въ народномъ представительствѣ и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Но тутъ почтенный профессоръ съ кадетской душой самъ невольно смутился отъ своей смѣлости и поспѣшилъ оправдаться передъ своими товарищами по партіи, не раздѣляющими его пристрастія къ женскимъ правамъ. „Главный и кажущійся наиболѣе-радикальнымъ пунктъ нашей программы—предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ въ области мѣстнаго самоуправленія и народнаго представительства. Это такой пунктъ, что защищать его, ввиду распространенности предразсудковъ,—значитъ жертвовать репутаціей серьезнаго политика и даже подвергаться насмѣшкамъ. Тѣмъ болѣе долгомъ совѣсти считаю здѣсь сказать, что интересы государства, общества и культуры требуютъ сдѣлать этотъ послѣдній крупнѣйшій шагъ—признать за женщинами избирательныя права." Бѣдные депутаты соціалистическихъ партій! Сколько разъ, въ такомъ случаѣ, приходилось имъ „рисковать репутаціей серьезныхъ политиковъ", выступая защитниками женскихъ интересовъ!

Но проф. Петражицкій, разумѣется, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ своихъ товарищей по партіи,—въ ихъ, именно, глазахъ рисковалъ онъ своей репутаціей „серьезнаго политика". Чтобы избавиться отъ нареканій въ „утопизмѣ" и „несерьезности", ему при-

шлось даже вызывать на помощь тѣнь Джона-Стюарта Милля: „въ качествѣ предшественника по защитѣ этого пункта, я съ гордостью могу указать на великаго мыслителя Джона-Стюарта Милля, который уже въ половинѣ прошлаго вѣка стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что женщинамъ должны быть предоставлены избирательныя права...“ Самоотверженность въ дѣлѣ защиты женскаго равноправія представитель партіи „народной свободы“ простеръ до того, что рѣшился пойти дальше „самаго“ Милля: „Но я пойду дальше, чѣмъ Джонъ-Стюартъ Милль. Я нахожу, что желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чѣмъ больше онѣ ею будутъ заниматься, тѣмъ лучше для государства, общества и прогресса. Вамъ это положеніе кажется страннымъ и парадоксальнымъ; я замѣчаю ироническія улыбки, но надѣюсь, что, выслушавъ мои объясненія, вы признаете, что объ этомъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ подумать. Что такое политика, и что значитъ заниматься политикой? Заниматься политикой—значитъ заботиться объ общемъ благѣ; интересоваться политикой — значитъ интересоваться не шкурными своими интересами, эгоистичными, а интересами общаго блага.“

„Интересы общаго блага и культуры требуютъ отъ насъ, чтобы мы предоставили женщинамъ политическія, т. е. общественныя права и обязанности“,—закончилъ свою рѣчь Петражицкій.

Несмотря на блестящую форму этой рѣчи, аргументація почтеннаго профессора едва-ли звучала убѣдительно; свои доказательства признанія женскаго равноправія онъ строилъ на обычномъ идеалогическомъ базисѣ буржуазнаго либерализма: „подъемѣ культуры“, принципѣ „общаго блага“, принципахъ „справедливости“, „гуманности“ и т. п. Ни слова о растущемъ значеніи женскаго труда въ экономической жизни народовъ; ни слова о томъ политическомъ значеніи, какое имѣло-бы для демократіи распространеніе на женщинъ избиратель-

ныхъ правъ... Но всего характернѣе то, что, отстаивая *принципъ* равноправности женщинъ, почтенный профессоръ спѣшилъ напередъ успокоить общественное мнѣніе, оговариваясь, что выставленныя положенія *фактически* еще далеко не установятъ дѣйствительнаго равенства половъ. „Если наши положенія относительно участія женщинъ въ управленіи, относительно государственной службы, участія въ народномъ представительствѣ и т. д., сдѣлаются закономъ, то наивно было-бы думать, будто на основаніи этихъ законовъ получится фактическое равенство женщинъ въ области администраціи, народнаго представительства и т. д. Старые предразсудки, эгоистическіе интересы представителей привиллегированнаго пола и другія препятствія будутъ еще долго, съ особенною силою въ началѣ, мѣшать не только достиженію полнаго равенства и справедливости, но даже нѣкоторому приближенію къ этому. Лишь сравнительно-немногія женщины, лишь особенно и чрезвычайно дѣльныя и выдающіяся, гораздо болѣе дѣльныя и выдающіяся, чѣмъ конкурирующіе съ ними въ качествѣ кандидатовъ въ депутаты, въ администраторы и т. д. мужчины, фактически достигаютъ соотвѣтственныхъ правъ.“ Другими словами: „не бойтесь, дорогіе товарищи, признать въ *принципѣ* женское равноправіе, — въ жизненной практикѣ этому пожеланію еще далеко до осуществленія“. Очевидно, нуженъ былъ такой припѣвъ, чтобы склонить кадетское большинство Первой Думы въ пользу принципа равноправности женщинъ.

Дипломатическая нотка, звучавшая у кадетскихъ ораторовъ каждый разъ, когда заходила рѣчь о женскомъ равноправіи, показывала, что, если общее настроеніе страны и стремленіе кадетъ сохранить свою популярность обязывали выражать сочувствіе демократическимъ требованіямъ женщинъ, то, съ другой стороны, „отвѣтственное положеніе“ партіи, съ которою

вели переговоры о составленіи кадетскаго министерства, заставляло держаться въ границахъ „осторожности“ и „реальной политики“. Этимъ двойственнымъ положеніемъ и обусловливалась та неопредѣленная позиція, какую заняли кадеты въ вопросѣ о женскомъ равноправіи.

Не удалось кадетамъ подчеркнуть свою „прогрессивность“ въ этомъ вопросѣ и за счетъ „правыхъ“— противниковъ женскаго равноправія. Правые, въ лицѣ графа Гейдена, не столько оспаривали самый принципъ, сколько выдвигали „сложности“ и „трудности“ его осуществленія на практикѣ. „Эти права (т. е. права женщинъ)“,—говорилъ Гейденъ,—„тоже чрезвычайно сложны, ибо попутно они затрагиваютъ семейное право. Въ настоящее время жена слѣдуетъ за мужемъ; слѣдовательно, если жена отъ мужа уйдетъ, семья, по нашему закону, группируется вокругъ мужа. Если дать женѣ равныя права съ мужемъ, надо немедленно выработать законъ о разлученіи совмѣстнаго жительства супруговъ, выработать законъ о томъ, къ кому переходятъ дѣти разлученныхъ супруговъ. Тутъ карандашемъ ничего не подѣлаешь; надо вникнуть въ весьма пространныя особенности, въ особенности въ крестьянскомъ быту, гдѣ, напримѣръ, по обычаю, въ надѣльномъ имуществѣ дочь не является наслѣдницей послѣ отца при живыхъ братьяхъ. Слѣдовательно, весь укладъ общины складывается на единицахъ мужского пола. Разъ женщина будетъ равноправна, понятно, она должна имѣть права и въ общинѣ, и въ крестьянскомъ имуществѣ. Слѣдовательно, сюда входитъ весьма обширный матеріалъ, который далеко не такъ легко разработать.“

Гейдену вторилъ проф. Ковалевскій: равныя права въ государствѣ налагаютъ на гражданъ и равныя обязанности. Поэтому, при обсужденіи вопроса о женскомъ политическомъ равноправіи сейчасъ-же возникаетъ вопросъ о томъ, распространимъ-ли мы на женщинъ и воинскую повинность, образуемъ-ли мы корпусъ амазо-

нокъ или нѣтъ? По всей вѣроятности, никто не собирается образовывать корпуса амазонокъ. Придется на этотъ счетъ сдѣлать ту-же поправку, которую англичане сдѣлали со-временъ Елизаветы и первыхъ кодификаторовъ общаго земскаго права, въ томъ числѣ—судьи Кока. Англичане выражаютъ это извѣстнымъ афоризмомъ: парламентъ все можетъ сдѣлать, но не можетъ обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину."

Наконецъ, третьимъ противникомъ равноправія женщинъ выступилъ крестьянинъ Кругликовъ. Однако, его аргументація сводилась больше къ изреченіямъ, почерпнутымъ изъ священнаго писанія: „жена да убоится мужа", „Ева сотворена Господомъ помощницей Адама, но не на равныхъ правахъ" и т. п. „Если и бабамъ равныя права дать, что-же тогда выйдетъ? Чѣмъ-же мужики должны заниматься тогда? Бабъ, стало быть, на сходку посылать? И въ поле, стало быть, ихъ посылать? И въ солдаты отдавать? А мужикамъ дома быть?"— вопрошалъ Кругликовъ. Однако, Кругликовъ представлялъ собою такого ничтожнаго оппонента и такъ мало выражалъ дѣйствительное настроеніе крестьянства въ тотъ историческій моментъ, что совсѣмъ не располагалъ кадетъ къ полемикѣ.

Вообще знаменательно, что въ Первой Думѣ женское безправіе не имѣло ни одного яркаго защитника и выразителя. То самое общественное настроеніе, которое создавалось за стѣнами Думы и заставляло думское большинство неожиданно для себя самого выдвигать и отстаивать радикальныя, почти „соціалистическія" реформы, толкало Думу и по вопросу о женскомъ равноправіи лѣвѣе, чѣмъ она сама того хотѣла. Кадеты, въ данномъ случаѣ, лишь плыли за общимъ потокомъ; вмѣсто того, чтобы очутиться въ роли блестящихъ, но изолированныхъ борцовъ за демократическіе принципы, въ томъ числѣ—за женское равноправіе, они

должны были только вторить голосамъ, раздававшимся съ лѣвыхъ скамей.

Напрасно ожидала либеральная буржуазія встрѣтить противодѣйствіе требованію равноправности женщинъ со стороны крестьянства, косность, невѣжество и консерватизмъ котораго, казалось, служили тому порукой. Дѣйствительность опрокинула эти неосновательныя ожиданія. Наиболѣе горячими, энергичными, а главное — искренними защитниками женскаго равноправія въ Думѣ явились именно представители крестьянства—трудовики. Если аргументація и этихъ защитниковъ женскаго равноправія подъ-часъ хромала, если и трудовики, идя по слѣдамъ буржуазнаго либерализма, подкрѣпляли свои доводы ссылками на „естественное право", на „справедливость" и „благо народное" (см. рѣчь Заболотнаго), то за этими внѣшними недочетами ощущалось присутствіе великой силы:—устами трудовиковъ говорилъ неприкрашенный голосъ самой жизни. Для трудовиковъ защита женскаго равноправія являлась не просто обязанностью, налагаемой политической петиціей, а непосредственнымъ, живымъ требованіемъ цѣлаго слоя населенія, требованіемъ, съ которымъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны были его классовые интересы. Полное торжество демократическихъ принциповъ надъ старо-феодальнымъ строемъ являлось conditio sine qua non дальнѣйшаго существованія крестьянства. Пока сословныя привиллегіи не отмѣнены, пока какія-либо правовыя ограниченія еще тяготѣютъ хотя бы надъ-частью крестьянства, до тѣхъ поръ народъ не можетъ вздохнуть полной грудью, не можетъ расправить свою согбенную спину, привыкшую возить на себѣ „барина". „Барамъ",—той части человѣчества, что снабжена всѣми правами, что обладаетъ всѣми привиллегіями,—крестьянство противопоставляло себя цѣликомъ, включая сюда и крестьянскихъ женщинъ. Пусть, политическое сознаніе крестьянства только-что складывалось; пусть, слова о

классовой борьбѣ впервые долетали до слуха его представителей въ залахъ Государственной Думы. Но гдѣ-то въ области подсознательной, зарождалось у нихъ представленіе, что крестьянская женщина, хотя она всего только „баба", все-же ближе крестьянину, чѣмъ чуждые и даже враждебные ему представители буржуазіи и дворянства. Классовый инстинктъ совершенно правильно заставлялъ усматривать въ распространеніи „правъ" даже на крестьянокъ своего рода гарантію противъ господства другихъ сословій. Необходимо было хлопотать о томъ, чтобы „права" не миновали „своего брата—крестьянки".

Эта точка зрѣнія крестьянства особенно отчетливо сказалась на съѣздахъ крестьянскихъ союзовъ. Уже на учредительномъ съѣздѣ, въ іюлѣ 1905 г., депутаты-крестьяне указывали, „что, разъ мы, крестьяне, добиваясь земли, не исключаемъ изъ пользованія ею и женщинъ, то было-бы непослѣдовательно лишать ихъ политическихъ правъ. Это особенно-важно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мужское населеніе занимается отхожими промыслами и дома остаются однѣ женщины." *) Въ подкрѣпленіе своей мысли, одинъ изъ присутствовавшихъ крестьянъ заявилъ, что, добиваясь и для женщинъ избирательнаго права, крестьянство разсчитываетъ этимъ создать „вторую армію", защищающую крестьянскіе интересы. *) Съѣздъ тогда-же вынесъ единогласное рѣшеніе въ смыслѣ предоставленія женщинамъ *активнаго* избирательнаго права во всѣ представительныя учрежденія и большинствомъ голосовъ (противъ трехъ) высказался за *пассивное* избирательное право. Рядъ постановленій, принятыхъ на крестьянскихъ сходкахъ (въ Пензенской, Харьковской, Ковенской, Полтавской и др. губ.), подтверждаетъ, что вопросъ о политическомъ равнопра-

*) „Союзъ женщинъ", 1907 г., № 1—„Вопросъ о равноправіи женщины въ крестьянской средѣ", Л. Гуревичъ.

віи женшинъ тѣсно сливался въ представленіи крестьянъ съ расширеніемъ ихъ собственныхъ правъ и трактовался ими не съ точки зрѣнія „абстракной справедливости“ и другихъ высшихъ идеалогическихъ категорій, а подсказывался практическими жизненными соображеніями.

Этимъ объясняется, почему и рѣчи представителей крестьянства въ первой Думѣ носили болѣе искренній и убѣдительный характеръ, чѣмъ полныя внѣшняго краснорѣчія выступленія кадетъ. Однако, даетъ-ли поведеніе трудовой группы въ первой Думѣ и защита правъ женщинъ крестьянами втеченіе 1905 г. право причислять наше крестьянство къ числу постоянныхъ и послѣдовательныхъ защитниковъ женскаго равноправія? Отмѣчая заслуги трудовиковъ передъ женскимъ дѣломъ, намъ приходится снова учитывать ту общественную атмосферу, которая диктовала первымъ народнымъ представителямъ политическую позицію. Повторяемъ, требуя гражданскаго и политическаго раскрѣпощенія женщины, представители крестьянства стремились лишь возможно полнѣе и безповоротнѣе рѣшить вопросъ о своемъ собственномъ безправіи. То былъ моментъ остро столкнувшихся интересовъ старой и новой Россіи, моментъ, когда казалось, что только коренная ломка прежнихъ устоевъ въ состояніи покончить съ ненавистными пережитками феодально-бюрократическаго строя; и, чѣмъ основательнѣе должна была быть эта ломка, тѣмъ вѣрнѣе представлялась побѣда новой Россіи. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось — не только въ окружающей насъ общественной атмосферѣ, но и въ психологіи самого крестьянства. Вопросы уже не стоятъ такъ обнаженно и остро; демократическія требованія, не теряя своей силы и настоятельности, утрачиваютъ, однако, свой повышенно-идеалистическій характеръ, въ который облекало ихъ революціонное настроеніе массъ. Извѣстная „трезвенность“ появилась, несомнѣнно, и у

крестьянства. Трудовики второй Думы имѣли уже совсѣмъ иную физіономію, нежели трудовики первой, и равноправки совершенно напрасно направили черезъ нихъ свою петицію въ Думу. Разсчитывать на крестьянъ, какъ на своихъ вѣрныхъ союзниковъ, женщинамъ не приходится. Развѣ не характерно, что крестьянство защищало интересы и права женщинъ, даже въ революціонный періодъ, лишь по столько, по сколько эти права и интересы противополагались правамъ сословно-привилегированной Россіи? Крестьянство требовало равныхъ политическихъ правъ для женщинъ, равныхъ надѣловъ для крестьянокъ; но, когда подымался вопросъ объ уравненіи женщинъ съ мужчинами въ предѣлахъ крестьянскихъ взаимоотношеній, равноправіе рѣдко встрѣчало сочувствіе; такъ было при обсужденіи крестьянами вопроса о равномъ наслѣдованіи, о предоставленіи женщинамъ голоса на сходахъ и т. п. Когда новая общественная волна выдвинетъ снова на политическую авансцену вопросы демократическаго представительства, тогда крестьянство можетъ поднять голосъ въ защиту „бабьихъ интересовъ“; но возможно, что оно и уклонится отъ этого. Моментъ, когда интересы демократической Россіи, впервые вступившей на путь открытой политической борьбы, обнаженно и остро столкнулись со старыми устоями сословности, феодализма и барства, не можетъ уже повториться, ибо, несмотря на все торжество реакціи, старой, до революціонной Россіи уже не существуетъ... При „мирномъ“ же теченіи политической жизни, при отсутствіи рѣзкихъ открытыхъ столкновеній „старой“ и „новой“ Россіи, вопросъ о равноправности женщинъ естественно будетъ принимать обликъ отвлеченнаго принципа, не связаннаго непосредственно ближайшими задачами крестьянства и, слѣдовательно, не могущаго вызывать къ себѣ особаго сочувствія и энтузіазма.

Впрочемъ, равноправки и сами понемногу охладѣ-

ваютъ къ крестьянству. Надежды свои онѣ переносятъ всецѣло на родную имъ по духу кадетскую партію. И хотя въ своемъ прошломъ партія эта давала не-разъ поводъ усомниться въ ея приверженности къ женскому дѣлу, но общность классовыхъ стремленій естественно толкаетъ нашихъ равноправокъ въ объятія кадетъ. Быть можетъ, примѣръ западно-европейскихъ товарокъ убѣждаетъ ихъ, что предубѣжденіе буржуазіи противъ женской эмансипаціи падаетъ по мѣрѣ того, какъ феминистки, открещиваясь отъ „соціалистическихъ бредней", вступаютъ все въ болѣе и болѣе тѣсное сотрудничество съ либералами. Женщина-буржуазка, подобно пролетаркѣ, неизбѣжно завоевываетъ себѣ доступъ къ одной профессіи за другой, занимая мѣсто рядомъ съ мужчиной своего класса, и, становясь соціальной силой, заставляетъ волей-неволей, изъ чисто-классовыхъ соображеній, считаться съ собою. Игнорировать ея требованія и стремленія — значитъ наносить ущербъ собственнымъ классовымъ интересамъ, значитъ толкать одного изъ своихъ членовъ въ ряды оппозиціи, ослабляя и раскалывая собственныя силы буржуазіи.

Подъ натискомъ демократическихъ требованій рабочаго класса—съ одной стороны, подъ давленіемъ женскаго буржуазнаго движенія — съ другой, буржуазіи приходится серьезно задумываться надъ той ролью въ политикѣ, какую можно отвести женщинѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы заставить ее итти въ ногу со своими товарищами по классу и совмѣстно съ ними защищать общіе классовые интересы. Однимъ изъ такихъ способовъ *обезвреживанія* женскаго движенія является методъ привлеченія женщинъ къ политической жизни, но съ опредѣленнымъ *имущественнымъ цензомъ*. Этимъ способомъ удается, вопреки пословицѣ, убить двухъ зайцевъ за-разъ: во-первыхъ, усилить имущественное представительство; во-вторыхъ, вернуть на лоно своего, буржуазнаго, класса оппозиціонно-настроенные женскіе

элементы. Если женщинѣ-буржуазкѣ предоставлена будетъ возможность свободно подавать свой голосъ, она, конечно, употребитъ его для усиленія политическаго могущества своего класса и, разумѣется, перестанетъ, во имя своихъ женскихъ идеаловъ, хотя-бы временами поддерживать „враговъ собственности и порядка". „Абсолютно не устраняя политическаго безправія всего женскаго пола,"—замѣчаетъ по этому поводу Клара Цеткинъ, — „женское избирательное право, основанное на цензѣ, является, напротивъ, средствомъ укрѣпить могущество имущихъ классовъ, сохранить во всей полнотѣ политическое и соціальное рабство эксплуатируемыхъ массъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что во всѣхъ странахъ реакціонныя силы различныхъ оттѣнковъ загораются сочувствіемъ къ цензовому избирательному праву женщинъ. Вѣрный инстинктъ подсказываетъ имъ, что, по своему значенію въ классовой борьбѣ труда съ капиталомъ, это средство является не прогрессивнымъ, а реакціоннымъ. *)

Справедливый взглядъ Цеткинъ на значеніе и роль цензоваго представительства женщинъ постоянно подтверждается жизненными фактами. За примѣрами недалеко ходить: 28 января 1908 г. не кто иные, какъ октябристы, эти принципіальные противники равноправности женщинъ, внесли въ Государственную Думу законопроектъ о реформѣ земскаго избирательнаго права, распространяющій активныя избирательныя права на женское населеніе, обладающее цензомъ (проживанія и налоговымъ).

Въ статьѣ 10 проекта «Правилъ объ избраніи уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ» сказано, что „правомъ участія въ избирательныхъ собраніяхъ для выбора гласныхъ пользуются по принадлежности (ст. 4) лица, состоящія въ русскомъ подданствѣ... если эти лица... владѣютъ въ предѣлахъ уѣзда не менѣе одного года

*) K. Zetkin, „Zur Frage" etc., стр. 27.

недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ за предшествующее выборамъ трехлѣтіе уѣзднымъ и губернскимъ земскими сборами, въ среднемъ, ежегодно не ниже четырехъ рублей". И далѣе, статья 11-ая «Правилъ» опредѣляетъ, что „лица *мужского* и *женскаго* пола пользуются правомъ участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, но не достигшія 25 лѣтъ не могутъ участвовать въ этихъ собраніяхъ лично". Статьи эти устанавливаютъ за женщинами-цензовичками *активное* избирательное право; однако, *пассивнаго* права октябристскій законопроектъ за женщинами не признаетъ. Статья 13-ая опредѣляетъ, что „лица женскаго пола, удовлетворяющія условіямъ, изложеннымъ въ ст. 4 и 10, имѣютъ право личнаго участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, но не могутъ быть избираемы въ земскіе гласные". Какъ-бы въ видѣ компенсаціи за это ограниченіе, лицамъ женскаго пола, не могущимъ почему-либо принимать личное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, предоставляется право уполномачивать на участіе въ выборахъ своихъ родственниковъ мужского пола, не имѣющихъ установленнаго имущественнаго ценза, если лица эти удовлетворяютъ другимъ требованіямъ, установленнымъ для личнаго участія въ земскихъ выборахъ. „Лица эти могутъ быть избираемы въ земскіе гласные." Совершеннолѣтнимъ избирателямъ обоего пола, не достигшимъ 25 лѣтъ, предоставляется право передовѣрять свой голосъ лицу, отвѣчающему установленнымъ правиламъ; за несовершеннолѣтнихъ выступаютъ ихъ опекуны и попечители. Сверхъ того, малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ избирателямъ женскаго пола предоставлено (пунктъ второй статьи 12) передавать свое право родственникамъ мужского пола, не обладающимъ необходимымъ цензомъ.

Весь законопроектъ пропитанъ ярко-классовымъ духомъ; его задача—закрѣпить за представителями имущаго класса господство въ земскомъ самоуправленіи.

Выдвигается, разумѣется, представительство не лица, а имущества. И положенный въ основу законопроекта цензъ, и сохраненіе избирательныхъ курій, по размѣру имущественнаго обложенія, свидѣтельствуютъ о явномъ стремленіи октябристовъ сосредоточить мѣстное самоуправленіе въ рукахъ представителей собственности, и притомъ болѣе крупной. Распространеніе и на женщинъ активнаго избирательнаго права, разумѣется, вызывается не принципіальными соображеніями, а вполнѣ понятной заботой укрѣпить представительство за имущественнымъ слоемъ населенія. Женщины привлекаются къ участію въ выборѣ гласныхъ, съ цѣлью обезпеченія однородными классовыми интересами достаточнаго количества однородныхъ по своему имущественному положенію избирателей. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. сузило, въ сравненіи съ положеніемъ 1864 г., кругъ лицъ, которымъ женщины могли передовѣрять свои голоса. Процентъ довѣренностей, выдаваемыхъ женщинами, оказался крайне низкимъ, и это, при большомъ числѣ самостоятельныхъ владѣлицъ, очень часто приводило къ тому, что число являвшихся на собранія земскихъ избирателей оказывалось ниже числа подлежащихъ избранію гласныхъ. *)

*) „Чрезвычайно низкій % выданныхъ женщинами довѣренностей можно объяснить только тѣмъ, что онѣ сильно стѣснены въ выборѣ своихъ довѣренныхъ существующими на этотъ счетъ статьями дѣйствующаго земскаго положенія. Такое стѣсненіе сводится фактически къ лишенію громаднаго большинства женщинъ-владѣлицъ права представительствовать свои имущественные интересы. Вотъ это-то обстоятельство, въ связи съ желаніемъ выйти какъ-нибудь изъ ненормальнаго положенія при выборахъ, гдѣ число избирателей въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывается меньше числа подлежащихъ избранію гласныхъ, и привело управу къ пожеланію, чтобы право женщинъ выдавать довѣренности для участія вмѣсто себя въ избирательныхъ собраніяхъ было распространено на всѣхъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, опредѣленнымъ статьями 16 и 17 „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, для личнаго участія въ

Выходъ изъ этого ненормальнаго положенія могъ быть двоякій: либо расширить рамки, опредѣляющія земскую правоспособность, другими словами—открыть доступъ въ органы мѣстнаго самоуправленія демократическимъ слоямъ населенія; либо, сохранивъ во всей его неприкосновенности имущественный цензъ, привлечь къ выборамъ до сихъ поръ безправный женскій элементъ имущихъ классовъ. Было вполнѣ логичнымъ и естественнымъ для октябристовъ остановиться на второмъ выходѣ.

Если-бы октябристы имѣли въ виду, въ самомъ дѣлѣ, привлечь женщинъ къ мѣстному самоуправленію, если-бы они неожиданно воспылали сочувствіемъ къ женскому равноправію, они, разумѣется, не ограничились-бы предоставленіемъ женщинамъ *активнаго* права. Но въ данномъ случаѣ важно было лишь обезпечить достаточное число избирателей своего класса, а это вполнѣ достигалось привлеченіемъ женщинъ-цензовичекъ къ участію въ выборахъ. Что живое лицо—женщина—является лишь прикрытіемъ, лишь средствомъ создать лишняго цензового избирателя, подтверждаетъ дополненіе, сдѣланное къ статьѣ 12 законопроекта,—дополненіе, согласно которому несовершеннолѣтнія и малолѣтнія избирательницы могутъ *передовѣрять* свои права родственникамъ мужского пола, не имѣющимъ собственнаго ценза.

Какъ-же отнеслись наши равноправки къ законопроекту, предложенному октябристами? Встрѣтилъ-ли онъ сочувствіе среди буржуазныхъ женщинъ, или-же положенное въ его основу цензовое начало, явно защищающее интересы лишь имущихъ классовъ, заставило хотя-бы лѣвое, радикальное, крыло равноправокъ отнестись къ нему съ осужденіемъ?

избирательныхъ собраніяхъ, и, такимъ образомъ, уравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ лицами мужского пола, достигшими гражданскаго совершеннолѣтія, но не достигшими 25-ти-лѣтняго возраста." („Союзъ женщинъ", 1908 г., № 4, стр. 3—4).

Когда, еще осенью 1907 г., поставленъ былъ вопросъ о реформѣ земскаго самоуправленія на началахъ, признающихъ за плательщицами земскихъ сборовъ активное избирательное право, часть членовъ „Союза равноправности“ встрѣтила это предложеніе весьма сочувственно и, если сѣтовала на неполноту такой реформы, то исключительно изъ-за лишенія женскаго населенія пассивнаго права. *) Редакція „Союза Женщинъ“, однако, въ то время оказалась не солидарной съ этой частью равноправокъ и даже помѣстила примѣчаніе къ статьѣ, сочувственно отзывавшейся о предполагаемой реформѣ, въ которомъ выражала то мнѣніе, что реформа земскаго самоуправленія „должна быть произведена не иначе, какъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ“. Этимъ своимъ примѣчаніемъ редакція „Союза Женщинъ“ какъ-бы подтверждала, что не измѣняетъ своимъ прежнимъ политическимъ основамъ и по-прежнему поддерживаетъ свое демократическое знамя. Въ томъ-же номерѣ „Союзъ Женщинъ“ выступаетъ въ своей передовицѣ съ суровой отповѣдью октябристамъ, обратившимся передъ выборами въ Третью Думу съ воззваніемъ къ московскимъ женщинамъ—„гражданкамъ, обладающимъ цензомъ“,—предлагая имъ передовѣрять свои голоса только въ пользу кандидатовъ союза 17-го октября. Тогда равноправки, хотя и почувствовали себя до извѣстной степени польщенными обращеніемъ октябристовъ, все-же рѣшительно отказали имъ въ своемъ содѣйствіи. **)

*) М. Безобразовъ, „Новыя Права“. („Союзъ Женщинъ“, 1908, № 3).

**) „Мы не избалованы открытыми обращеніями политическихъ дѣятелей къ нашимъ гражданскимъ заслугамъ и потому порадовались за нашихъ москвичекъ: все-таки пріятно еще и еще разъ почувствовать себя вліятельными гражданками, призываемыми къ участію на выборахъ; такое обращеніе обязываетъ и призывающихъ и впредь считаться съ вліяніемъ жен-

Безъ видимаго сочувствія отнеслись равноправки и къ проекту реформы мелкой земской единицы, предлагавшейся на съѣздѣ земцевъ, въ августѣ 1907 г. Проектъ реформы намѣчалъ для женщинъ пассивное избирательное право, но группирующіяся вокругъ „Союза женщинъ“ равноправки этимъ не восхитились. Конечно, источникъ великодушія этихъ защитниковъ женскихъ политическихъ правъ понятенъ. Весь проектъ мѣстной реформы построенъ на узко-цензовомъ началѣ, и его составители, очевидно, исходили изъ желанія усилить кадры сословныхъ выборщиковъ, а, можетъ быть, и опереться на женскій консерватизмъ, о которомъ охотно говорятъ противники равноправія. Во всякомъ случаѣ, въ обстановкѣ помѣщичьяго съѣзда, гдѣ сколько-нибудь толковая мысль застревала въ непролазной чащѣ предразсудковъ и кастовыхъ аппетитовъ, даже этотъ проблескъ новшества являлся, если не шагомъ, то легкимъ движеніемъ впередъ.“ („Союзъ Женщинъ“, 1907 г., № 4).

Выражая увѣренность, что въ третьей Думѣ, гдѣ „друзьямъ Дубровина и Пуришкевича отведено больше мѣста, чѣмъ самимъ октябристамъ“, женскіе интересы встрѣтятъ мало сочувствія, равноправки еще разъ вспоминаютъ тѣсную связь, существующую между судьбою оппозиціи и судьбой женскаго дѣла въ Россіи, „Каждое пораженіе оппозиціи наноситъ тяжелый ударъ женскимъ интересамъ; зато, и каждая побѣда приближаетъ часъ женской побѣды». Такимъ образомъ, очевидно, что еще въ ноябрѣ 1907 г. „Союзъ равноправности“ твердо придерживался положенныхъ въ основу

щинъ. Тѣмъ не менѣе, рѣшительный тонъ умѣренныхъ элементовъ наводитъ на весьма грустныя размышленія. Не ошибутся-ли „граждане и гражданки съ цензомъ“, если, принявъ за искуснаго врача—знахаря, вручатъ его подкуриваньямъ и нашептываньямъ своего дорогого больного?“ („Союзъ Женщинъ“, 1908 г., № 3).

его программы демократическихъ требованій, осуждалъ цензовое представительство, и даже перспектива привлеченія женщинъ въ кадры цензовыхъ избирателей не смягчала его сердце и не вызывала благосклоннаго отношенія къ предполагаемымъ земскимъ реформамъ.

Но прошло слишкомъ полтора года,—и какихъ сѣрыхъ, тусклыхъ, гнетущихъ! Реакція высоко держитъ свою побѣдоносную голову; третья Дума опредѣленно и систематически поддерживаетъ реакцію въ ея борьбѣ съ выдвинутыми жизнью реформами. Требованія одной опозиціонной группы за другой понижаются. Можно-ли удивляться, если и наши равноправки не удержались на прежней позиціи по вопросу о реформѣ мѣстнаго самоуправленія и основахъ, опредѣляющихъ выборныя въ немъ начала? Впрочемъ, приходится оговориться: никакихъ прямыхъ указаній на измѣненіе своего отношенія къ цензовому представительству со стороны лѣваго крыла нашихъ феминистокъ—„Союза равноправокъ"—мы не имѣемъ. Тщетно будемъ мы перелистывать литературу „Союза", пытаясь найти прямой отвѣтъ на отношеніе равноправокъ къ проекту октябристовъ. „Союзъ Женщинъ" отводитъ значительное мѣсто критикѣ и разбору этого законопроекта, но всѣ замѣчанія и возраженія направлены не противъ главнаго содержанія закона—*цензовой его основы*, а противъ тѣхъ ограничительныхъ статей закона, которыя лишаютъ женщину, плательщицу земскихъ сборовъ, пассивнаго избирательнаго права. „Союзъ Женщинъ" приводитъ также весьма основательную критику законопроекта, сдѣланную „Женскимъ взаимно-благотворительнымъ обществомъ", но и на этотъ разъ ни единымъ словомъ не даетъ понять, на какую сторону склоняется онъ самъ. Насколько самъ „Союзъ" солидаренъ съ высказываемыми соображеніями? Нѣтъ-ли у него другихъ, болѣе вѣскихъ аргументовъ противъ октябристскаго законопроекта?

А между тѣмъ, „Женское общество“ подходитъ къ разбору даннаго законопроекта съ чисто феминистско-буржуазной точкой зрѣнія. Съ укоромъ указываетъ оно октябристамъ, что новый законопроектъ сокращаетъ права женщинъ даже по сравненію съ „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.“, по которымъ женщина могла, до реформы 1890 г., передовѣрять свой цензъ не только родственникамъ, но и любому мужчинѣ, обладавшему цензомъ въ данной мѣстности. „Въ настоящее-же время, т. е. черезъ 44 года со времени введенія земской реформы, согласно тексту заявленія 30 членовъ Государственной Думы, права женщинъ-землевладѣлицъ по передовѣрію ограничиваются попрежнему кругомъ ближайшихъ родственниковъ“. *)

Но всего энергичнѣе ополчается „Женское общество“ на статью 13-ую проекта, въ которой женщинѣ, обладающей установленнымъ цензомъ, отказывается въ правѣ быть избираемой. „Невольно является предположеніе, что расширеніе избирательныхъ правъ женщинъ практикуется съ цѣлями, ничего общаго съ интересами самихъ женщинъ не имѣющими“,—дѣлаютъ феминистки неожиданное открытіе. И, стараясь уличить составителей законопроекта въ „неискренности“ и малой преданности женскимъ интересамъ, онѣ заявляютъ, что „какъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, такъ и законопроектъ 30 членовъ Государственной Думы, при опредѣленіи избирательныхъ правъ женщинъ, вступаютъ въ явное противорѣчіе съ основнымъ принципомъ, обусловливающимъ право на избраніе. Основнымъ принципомъ для выборовъ признается ими имущество, а не лицо; и эта точка зрѣнія кореннымъ образомъ измѣняется, какъ только дѣло доходитъ до женщинъ, и законодатели руководствуются уже не имуществомъ, обусловливающимъ право на избраніе,

*) „Союзъ Женщинъ“, 1908 г., № 4.

а лицомъ. На это противорѣчіе въ „Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ“, нарушающее идею справедливости, указывали многіе земскіе дѣятели еще въ 1903 г., когда разсматривался вопросъ объ измѣненіи цензовыхъ нормъ.“ *)

Очевидно, если-бы октябристы признали за женщинами пассивное избирательное право, съ сохраненіемъ положеннаго въ основу законопроекта цензоваго начала, феминистки сочли-бы вопросъ рѣшеннымъ по всей справедливости и съ ликованіемъ встрѣтили-бы предлагаемую реформу. Предположеніе это подтверждаютъ сами феминистки, въ своемъ заключеніи, сдѣланномъ Совѣтомъ Женскаго Общества, по поводу разбираемаго закона. Ходатайствуя лишь объ отмѣнѣ „правоограниченій женщинъ, изложенныхъ въ статьѣ 13-ой заявленія 30 членовъ Государственной Думы“, онѣ совершенно обходятъ вопросъ о коренномъ измѣненіи этого законопроекта въ отношеніи правъ женщинъ. Феминистки ни протестуютъ противъ цензоваго начала, положеннаго въ основу земскаго избирательнаго права, ни указываютъ на несомнѣнныя несправедливости, проистекающія отъ распредѣленія голосовъ по имущественнымъ куріямъ, ни требуютъ даже пониженія или измѣненія цензовой нормы... **)

Можетъ-ли удивлять подобное отношеніе къ цензовому началу со стороны правыхъ феминистокъ, группирующихся вокругъ „Женскаго Общества“? Мы уже не-разъ указывали на его ярко-выраженный „дамскій“ характеръ. Но раздѣляетъ-ли эту точку зрѣнія радикальный „Союзъ Равноправности“? Что значитъ упорное нежеланіе „Союза“ высказать *свой* взглядъ на предлагаемый октябристами законопроектъ? Значитъ

*) Тамъ-же, стр. 2—3.

**) Разсматриваемый законопроектъ воспроизведенъ, въ существенныхъ чертахъ, въ № 1 „Союза Женщинъ“ за 1908 г.

ли это, что примѣчанія, сдѣланныя „Союзомъ“ приблизительно годъ тому назадъ къ статьѣ г-жи Безобразовой, остаются въ силѣ, что „Союзъ до сихъ поръ является принципіальнымъ противникомъ ценза? Или-же, наоборотъ, „не измѣняя своимъ основамъ, „Союзъ“ успѣлъ настолько радикально измѣнить свою „тактику“, что считаетъ для себя вполнѣ допустимымъ не только не бороться активно противъ предложенія, построеннаго на цензовыхъ началахъ, но даже не выступать съ критикой этихъ его основъ на столбцахъ своего органа? Повидимому, и лѣвое крыло нашихъ феминистокъ рѣшило, замалчивая щекотливый вопросъ о цензѣ, выжидать „въ сторонкѣ“, не проведутъ-ли г-да октябристы этотъ благопріятный для буржуазокъ законъ, составляющій первый шагъ къ дальнѣйшей цѣпи „принципіальныхъ“ завоеваній женщины. Впрочемъ, октябристы въ данномъ случаѣ не останутся одинокими, какъ сообщаетъ тотъ-же „Союзъ женщинъ“; кадетская фракція въ Думѣ, съ своей стороны, рѣшила, по вопросу о женскихъ правахъ, внести въ законопроектъ лишь слѣдующія поправки: Въ статьѣ 10 послѣ словъ „лица“ вставить опредѣленіе „обоего пола“, исключивъ статьи 12 и 13, какъ отпадающія сами собою, при включеніи этихъ словъ. „Въ случаѣ-же отклоненія въ комиссіи или въ Думѣ поправки, предоставляющей женщинамъ пассивное избирательное право, фракціонная комиссія партіи народной свободы считаетъ необходимымъ голосовать за статьи 12 и 13 въ ихъ настоящей редакціи, ввиду того, что предусматриваемое означенными статьями право уполномочія является нѣкоторой, хотя и совершенно-ничтожной, компенсаціей за лишеніе пассивнаго избирательнаго права.“ *)

*) А. фонъ-Рутценъ, „Избирательныя права женщинъ въ Госуд. Думу“,—„Союзъ Женщинъ“, 1908 г., № 3.

Всѣ эти косвенныя указанія позволяютъ заключить, что лѣвое крыло феминистокъ раздѣляетъ позицію, занятую по этому вопросу „Женскимъ Обществомъ". Но—ce n'est que le premier pas qui coûte... Кто поручится, что, вслѣдъ за признаніемъ цензоваго начала въ мѣстномъ самоуправленіи, равноправки наши не сочтутъ допустимымъ принять этотъ принципъ и для народнаго представительства? Разумѣется, онѣ поспѣшатъ укрыться за цѣлымъ арсеналомъ „тактическихъ" соображеній; онѣ станутъ увѣрять насъ, что, проникая въ стѣны народнаго представительства, цензовички прокладываютъ путь къ политическому полноправію и для всѣхъ женщинъ, что черезъ продѣланную брешь имъ удастся протащить за собою и женщинъ, не обладающихъ цензомъ... Однако, какъ ни заманчиво звучатъ эти красивыя сказки, онѣ все-же остаются только „сказками", предназначенными для легковѣрныхъ душъ. Жизненная правда безжалостно нарушаетъ все ихъ очарованіе. Примѣры на лицо: какъ трогательно распинались норвежскія феминистки, защищая цензовыя избирательныя права женщинъ по выборамъ въ органы мѣстнаго самоуправленія, какъ убѣжденно доказывали онѣ пролетаркамъ, что изъ преданности „женскому дѣлу" имъ слѣдуетъ „потерпѣть" и „подождать" до той поры, пока женщины съ цензомъ не займутъ мѣста на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ. Добившись-де права для себя, цензовички, конечно, употребятъ всѣ силы на то, чтобы реорганизовать мѣстное самоуправленіе на истинно-демократическихъ началахъ. И что-же? Сдѣлали-ли буржуазныя женщины хоть одну попытку въ этомъ направленіи? Напротивъ, онѣ еще рѣзче обособились отъ пролетарскихъ женщинъ, продолжавшихъ вести стойкую борьбу за всеобщее избирательное право. Когда-же, въ 1907 г., въ стортингѣ поставленъ былъ на очередь вопросъ о распространеніи избирательнаго права на женщинъ, обладающихъ опредѣлен-

нымъ имущественнымъ цензомъ, то феминистки со всѣмъ своимъ классовымъ пыломъ ухватились за цензовое представительство, отмежевавшись отъ рабочихъ, требовавшихъ полной отмѣны ценза. Онѣ даже отказались принять участіе въ грандіозной демонстраціи, организованной рабочимъ классомъ, съ цѣлью манифестировать въ пользу законопроекта о распространеніи избирательнаго права на всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ и гражданокъ Норвегіи. Какую позицію займутъ норвежскія феминистки въ предстоящей весною 1909 г., избирательной компаніи, въ которой онѣ впервые выступятъ, какъ правоспособныя гражданки,—покажетъ будущее. Но намѣреніе рабочей партіи превратить эту избирательную компанію въ походъ для завоеванія всеобщаго избирательнаго права встрѣчаетъ пока весьма холодный пріемъ среди феминистокъ.

Классовый инстинктъ,—что-бы ни говорили феминистки,—всегда сказывается могущественнѣе благихъ порывовъ въ области внѣ-классовой политики. Пока собственное безправіе равняетъ феминистокъ съ „младшими сестрами“, буржуазки могутъ съ полной искренностью распинаться за обще-женскіе интересы. Но, разъ грань проведена, разъ буржуазная женщина получила доступъ къ политической дѣятельности, оставивъ свою „младшую сестру“ въ прежнемъ безправномъ положеніи, недавняя защитница „обще-женскихъ правъ“ превращается въ ярую защитницу привиллегій своего класса. Поэтому, каждый разъ, когда феминистки начинаютъ толковать работницамъ о необходимости совмѣстной борьбы за осуществленіе какого-либо „обще-женскаго“ принципа, женщины рабочаго класса относятся къ такому требованію съ естественнымъ недовѣріемъ и прежде всего стараются убѣдиться, не скрывается-ли за нимъ новая привиллегія для однѣхъ лишь буржуазныхъ женщинъ?

Но,—возразятъ намъ задѣтыя равноправки,—пусть въ нашей дѣятельности, въ нашихъ стремленіяхъ сокрыта извѣстная доля безсознательнаго классоваго разсчета,—развѣ это ослабляетъ нашу работу, нашу борьбу за политическое освобожденіе женщинъ? Не можете-же вы отрицать за нами цѣлый рядъ заслугъ въ дѣлѣ завоеванія равноправія для женщинъ? Пусть, въ области борьбы за экономическую независимость женщинъ пальма первенства останется за пролетаркой; пусть, въ разрѣшеніи семейной проблемы она практически идетъ впереди насъ, — въ борьбѣ за политическую эмансипацію женщинъ мы своего первенства уступить не можемъ. Мы—авангардъ борцовъ за политическія права женщинъ. Вспомните Олимпію-де-Гужъ, вспомните рядъ великихъ, святыхъ именъ женщинъ, по эту и по ту сторону океана, положившихъ жизнь свою за идеалъ политическаго равноправія женщинъ, — и вы должны будете признать, что эти піонерки „буржуазнаго феминизма“ грудью своею расчищали дорогу и всѣмъ женщинамъ...

Посмотримъ-же, правильно-ли это утвержденіе.

Когда феминистки рисуютъ намъ картины героической борьбы женщинъ за свое освобожденіе, когда онѣ съ гордостью разсказываютъ о своихъ завоеваніяхъ въ области политическаго равноправія, онѣ обыкновенно выдвигаютъ свой пантеонъ женскихъ именъ, среди которыхъ Олимпія-де-Гужъ, Роза Лакомбъ, Эбигайлъ Смитъ Адамсъ и др.—эти первыя піонерки феминизма—занимаютъ самое почетное мѣсто. Отъ нихъ ведутъ феминистки свою родословную. И, что гораздо важнѣе, этимъ несомнѣнно свѣтлымъ, обаятельнымъ и героическимъ женскимъ образамъ приписываютъ онѣ всѣ заслуги въ дѣлѣ поднятія вопроса о женскомъ политическомъ равноправіи. Та роль, которую при этомъ сыграли женскія массы, то вліяніе, какое имѣло непосредственное участіе послѣднихъ въ борьбѣ за политическое

освобожденіе своей родины, какъ-бы совершенно ускользаютъ изъ поля зрѣнія буржуазныхъ равноправокъ. Оцѣнивая, со своей узко-феминистской точки зрѣнія, открытыя выступленія женщинъ въ періодъ французской революціи, въ періодъ борьбы за освобожденіе Америки и т. д., онѣ совершенно не учитываютъ того огромнаго значенія, какое имѣло для дѣла политической эмансипаціи женщины ея участіе въ обще-политической борьбѣ, и всѣ заслуги въ этой области наивно перекладываютъ на плечи двухъ, трехъ героическихъ женщинъ, которыя своей энергіей и преданностью „идеѣ“ сумѣли вызвать въ жизнь феминистское движеніе. Окруженныя со всѣхъ сторонъ враждебнымъ станомъ мужчинъ, піонерки женской эмансипаціи самоотверженно боролись за признаніе принципа равноправности женщинъ. Въ своей неустанной борьбѣ съ другимъ поломъ первыя поборницы равноправія женщинъ заложили фундаментъ будущаго феминистскаго движенія; съ тѣхъ поръ женщины вступили на вѣрный путь, объединились между собою и за одно столѣтіе достигли такихъ успѣховъ въ дѣлѣ своего политическаго освобожденія, какіе не снились женщинамъ за всю предшествующую исторію человѣчества.

Но развѣ всѣ эти завоеванія, въ самомъ дѣлѣ, достигнуты были женщинами на почвѣ борьбы съ другимъ поломъ?

Передъ нами два метода борьбы. Одинъ — общая совмѣстная работа съ тѣми, что стремятся къ коренному измѣненію общественнаго строя; другой—единеніе женщинъ на почвѣ отстаиванія своихъ спеціально-женскихъ интересовъ. Какой-же изъ этихъ двухъ методовъ оказывалъ и продолжаетъ и по-сейчасъ оказывать дѣйствительное вліяніе на судьбы женскаго дѣла?

Вернемся ко времени великой французской революціи. Здѣсь, въ ея нѣдрахъ, феминистки отыскиваютъ зачатки современнаго буржуазно-феминистскаго движе-

нія. „Положеніе женщины въ до-революціонную эпоху было настолько-же печально и плохо, какъ и положеніе мужчины. Тогда существовало настоящее равенство между обоими полами, но равенство это заключалось въ страданіяхъ, въ несправедливостяхъ, злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ со стороны феодализма и абсолютизма.“ *) Женщины дѣйствительно стонали подъ гнетомъ однѣхъ и тѣхъ-же враждебныхъ общественныхъ силъ. Крестьянку, ремесленницу, торговку королевская казна грабила и разоряла съ такой-же алчностью, какъ и крестьянина, ремесленника, купца; лицепріятный, подкупный судъ стараго режима съ одинаковой жестокостью и несправедливостью преслѣдовалъ своихъ жертвъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, приговаривая ихъ къ одинаково-тяжелымъ, позорнымъ наказаніямъ, пыткамъ и казнямъ... А голодъ, этотъ вѣчный, неизмѣнный бичъ французскаго народа въ до-революціонную эпоху, щадилъ-ли онъ женщинъ? Напротивъ, имъ онъ доставлялъ двойныя мученія,—и за себя, и за малютокъ... За-то, горечь, отчаяніе, озлобленіе и ненависть въ одинаковой мѣрѣ накапливались въ сердцахъ мужчинъ и женщинъ „старой Франціи“. Великое движеніе не могло, при такихъ условіяхъ, пройти безслѣдно для французскихъ женщинъ; помимо собственной воли. представительницы „прекраснаго пола“ оказались втянутыми въ обще-народное движеніе, въ грандіозную политическую борьбу. Однѣ шли туда, чтобы бороться за „свободу“, за „равенство“, за право „на хлѣбъ“; другія—чтобы отстаивать и защищать противъ „взбунтовавшейся черни“ свои привычныя права и привиллегіи... Женщина покинула свой мирный домашній очагъ, бросила свои позолоченные салоны и вступила на тернистый путь обще-политической борьбы. Когда гря-

*) А. Лассеръ, „Коллективное участіе женщинъ во французской революціи“.

нулъ первый громъ народнаго возстанія, „дочь народа“ оказалась въ первыхъ рядахъ борцовъ за освобожденіе родины.

Посудите сами,—что имѣло большее значеніе для дѣла политической эмансипаціи женщинъ, для признанія принципа женской равноправности: женскіе-ли общества, клубы, журналы, памфлеты, спеціальныя женскія петиціи и воззванія или брошенная женщинами первая революціонная искра въ Дофинэ *), революціонный манифестъ Анжерскихъ женщинъ — эта первая ласточка протеста противъ феодально-монархическаго произвола, участіе ихъ при взятіи Бастиліи, ихъ доблестный походъ въ Версаль, ихъ дѣятельное сотрудничество въ федеральномъ движеніи 1790 г., ихъ самоотверженная защита „новой“ Франціи, ихъ преданность дѣлу свободы? Если-бы мы вздумали перечислять всѣ героическія дѣянія женскихъ массъ во время великой революціи Франціи, намъ пришлось-бы писать цѣлую книгу. Женщины Дофинэ и Бретани первыя бросаютъ вы-

*) „Жительницы Гренобля первыя бросили перчатку въ лицо старому режиму и оказали ему открытое сопротивленіе. Знаменитый приказъ о роспускѣ парламентовъ взволновалъ жителей Гренобля. 7 іюня 1788 г. члены парламента, подчиняясь веленію губернатора, собирались уже покинуть городъ, но жительницы провинціи Дофинэ оказались революціоннѣе настроенными, чѣмъ сами мужчины: толпа торговокъ съ базара, крестьянокъ, ремесленницъ, всѣхъ тѣхъ женщинъ, что старый режимъ довелъ до отчаянія, бросилась къ президенту, уже собиравшимся разъѣзжаться членамъ парламента, распрягла экипажи и силой заставили ихъ остаться въ городѣ. Организовавъ спеціальную стражу, она отправилась охранять городскія ворота и завладѣла ключами города Гренобля. Своимъ одушевленіемъ женщины заразили и увлекли за собою мужчинъ; это онѣ съ фанатическимъ оживленіемъ звонили въ набатъ, созывая защитниковъ свободы изъ окрестныхъ деревень, это онѣ откликнулись на призывъ Барнава отстаивать дѣло свободы, это онѣ первыя вступили въ открытую схватку съ королевскими войсками, это онѣ вынудили губернатора написать президенту предложеніе немедленно

зовъ правительству, за ними слѣдуютъ гражданки Ангулиза и Шевансо. При выборахъ депутатовъ въ генеральные штаты „крестьянки и представительницы мелкой буржуазіи (въ Ангулизѣ и Шевансо), собравшись частнымъ образомъ, подали свои голоса. на что протеста палаты не послѣдовало". Торговки рыбой въ Парижѣ, 2-го мая 1789 г., отправляютъ депутацію въ собраніе избирателей третьяго сословія, чтобы воодушевить выборщиковъ и напомнить о своихъ нуждахъ будущимъ депутатамъ; 19 мая другія рыночныя торговки, въ свою очередь, привѣтствуютъ собраніе избирателей, настойчиво повторяя депутатамъ: „Не забывайте о народѣ, господа!" Грандіозной манифестаціей отпраздновали женщины радостное событіе 4 го августа. Чтобы покрыть угрожающій государству дефицитъ, первая депутація женщинъ является 7-го сентября въ Національное Собраніе, принося на алтарь отечества свои драгоцѣнности. 5-го октября женщины подымаютъ знамя возстанія и собственными силами совершаютъ одинъ *изъ крупнѣйшихъ* актовъ революціи—знаменитое шествіе въ Версаль. Свое негодованіе послѣ бѣгства

собрать парламентъ. Не складывая оружія, требовали онѣ и въ послѣдующіе дни, чтобы рота солдатъ, повинная въ кровавыхъ схваткахъ, выведена была изъ города. Но, разумѣется, въ отвѣтъ на это предложеніе королевское правительство распорядилось присылкой двухъ новыхъ полковъ... Реакція усиливалась, но настроеніе въ Дофинэ не падало. Рѣшено было возстановить прежніе штаты и 27 іюля созвать депутатовъ отъ трехъ сословій. Возмущенный дворъ поспѣшилъ наводнить провинцію Дофинэ войсками и поручить командованіе этой „карательной экспедиціей" суровому маршалу Во... Но Дофинэ не утихала, и женщины, первыя поднявшія знамя возстанія, въ отвѣтъ на насиліе двора, съ замѣчательнымъ единодушіемъ надѣли пояса золотисто-голубого цвѣта знамени Дофинэ"—эмблему самостоятельности провинціи... А въ январѣ 1789 г. онѣ вручили королю адресъ, въ которомъ заявляли: „Мы не можемъ болѣе давать жизнь дѣтямъ, осужденнымъ жить въ странѣ деспотизма" („Historie du Dophiné, par Chapuis-Montlaville, tome II, page 484).

короля въ Варенн женщины проявляютъ открыто, а по водвореніи Людовика XVI въ Парижѣ оспариваютъ у мужчинъ честь охраны городскихъ воротъ. Женщины принимаютъ живѣйшее участіе въ памятной петиціи на Марсовомъ полѣ и находятся среди жертвъ кровавой рѣзни, связанной съ этимъ событіемъ. 20-го іюня 1792 г. можно было видѣть толпы женщинъ и на улицѣ возлѣ Тюльери, и въ законодательномъ собраніи, вмѣстѣ съ мужчинами".

Въ рѣшающій день 10 августа, когда пробилъ послѣдній часъ монархіи, женщины боролись въ первыхъ рядахъ и „отличались своею неустрашимостью и мужествомъ". Когда-же, подобно жуткому звону набата, пронеслась вѣсть надъ Франціей, что „отечество въ опасности", женщины, побросавъ свои „мирныя", женскія занятія и вооружившись, шли, на-равнѣ съ солдатами-мужчинами, на поля сраженія... Историки констатируютъ, что онѣ не менѣе горячо, чѣмъ мужчины, защищали дѣло свободы и грудью отстаивали демократическія завоеванія. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, женщины чаще, чѣмъ мужчины, поднимали голосъ въ защиту обездоленной и неимущей части населенія. Впрочемъ, можно ли этому удивляться? Женскія массы, вовлеченныя въ движеніе,—вѣдь это-же и были сами *неимущія* и *обездоленныя*; на нихъ еще острѣе и осязательнѣе, чѣмъ на мужчинахъ, сказывался весь гнетъ и вся несправедливость существовавшаго общественнаго уклада. Это онѣ, „дочери народа", устраивали „бабьи бунты", съ цѣлью пониженія искусственно-вздуваемыхъ цѣнъ на припасы. Это онѣ своей энергіей и самоотверженной борьбою заставляли оказывать общественную помощь голодающему люду и проводить рядъ мѣропріятій противъ скупщиковъ хлѣба.

Не способствовали-ли эти и еще длинный рядъ другихъ, не перечисленныхъ здѣсь, дѣяній женскихъ массъ признанію за женщинами, хотя-бы только въ

принципѣ, ихъ равноправности, какъ гражданъ? Самая пламенная феминистская агитація блѣднѣла и стушевывалась передъ фактами активнаго выступленія женщинъ за обще-народное дѣло. Какое практическое значеніе могла-бы имѣть самая блестящая, самая талантливая защита *принципа* равноправности женщинъ, если-бы эти послѣднія не успѣли уже зарекомендовать себя, какъ воодушевленные борцы за свободу, какъ политически-сознательныя гражданки? Для позднѣйшихъ успѣховъ женской политической эмансипаціи имена такихъ выдающихся дѣятельницъ революціи, какъ m-me Роланъ, Роберъ-Кораліо, Теруань де-Мерикуръ, Легро и др. „безымянныхъ" гражданокъ, непосредственно не участвовавшихъ въ зарождавшемся феминистскомъ движеніи, имѣли такое-же значеніе, какъ и имена Олимпіи де-Гужъ, Розы Лакомбъ, Этти Эдлеръ. Впрочемъ, имена и этихъ женщинъ тѣсно связаны съ великими революціонными событіями: первыя феминистки являлись прежде всего борцами за свободу народа Олимпія де-Гужъ, правда, не являлась участницей уличныхъ демонстрацій; ее нельзя было встрѣтить въ рядахъ борцовъ въ кровавые и мятежные дни; но достовѣрныя данныя указываютъ, что сердце ея, какъ-бы пламенно ни горѣло оно желаніемъ „женскаго освобожденія", никогда не переставало биться въ унисонъ съ борцами за свободу и болѣть страданіями народныхъ массъ. „Передъ лицомъ царившаго голода она, съ помощью публичнаго воззванія и собственнымъ примѣромъ, добилась того, что цѣлая масса богатыхъ женщинъ съ самоотверженною готовностью принесла въ даръ государству свои драгоцѣнности. Она потрясающимъ образомъ описывала пріютъ для бѣдныхъ въ С.-Дени и внимательно занималась изслѣдованіемъ жгучаго вопроса о растущемъ нищенствѣ. Для борьбы съ нищетой она требовала вначалѣ учрежденія общественныхъ вспомогательныхъ кассъ, но послѣ того, какъ сознала всю унизительность полученія милостыни, стала печатно и устно

агитировать за устройство образцовыхъ государственныхъ мастерскихъ для безработныхъ, что и было отчасти выполнено". (Лили Браунъ, „Женск. вопр.". стр. 72). Для нея дѣло женскаго освобожденія было лишь логическимъ завершеніемъ великаго дѣла освобожденія „націи", полнымъ торжествомъ желанной демократіи надъ ненавистнымъ феодально-монархическимъ режимомъ.

Роза Лакомбъ, быть можетъ, еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ Олимпія де-Гужъ, отдавалась дѣлу служенія свободѣ; 10 августа она своей храбростью заслужила „гражданскій вѣнокъ". Неукоснительно стоитъ она на стражѣ интересовъ конвента, являясь въ этотъ день туда постоянно съ донесеніями и предложеніями. Сдѣлавшись неумолимой руководительницей обществъ республиканокъ и революціонерокъ, она употребляетъ свое чарующее краснорѣчіе не только на пропаганду женскаго дѣла, но еще больше на служеніе „дѣлу свободы".

Этта Пальмъ Эдлеръ отдается вся организаціи „братскихъ обществъ", соперничая въ этомъ отношеніи съ Луизой Роберъ-Кораліо. Феминистскія стремленія Эдлеръ возбуждаютъ недовѣріе и осужденіе со стороны Луизы Роберъ; но, какъ умный политикъ, понявъ тѣсную связь, существующую между обще-демократическими стремленіями и женскимъ освободительнымъ движеніемъ, она постепенно измѣняетъ свое отношеніе къ феминисткамъ и даже удѣляетъ женскому вопросу, мѣсто въ редактируемомъ ею органѣ „Le Mercure National".

Какъ-бы велики ни были заслуги первыхъ сознательныхъ феминистокъ передъ женскимъ движеніемъ, однако, чтобы передъ обществомъ могъ быть практически поставленъ вопросъ о женской равноправности, недостаточно было однихъ голыхъ феминистскихъ прин-

циповъ,—нужно было, чтобы женскія массы слили свои силы съ обще-освободительнымъ потокомъ, чтобы онѣ проявили себя *на дѣлѣ* „гражданками“, одинаково съ мужчинами заинтересованными въ побѣдѣ „новой“ Франціи надъ „старой“. Не тѣмъ, что женщины подавали свои отдѣльныя петиціи, воззванія, создавали свои отдѣльные клубы, толковали о своихъ женскихъ правахъ и агитировали за свои спеціальные, женскіе интересы, пріобрѣтали онѣ въ глазахъ современниковъ ореолъ дѣйствительныхъ „гражданокъ“, а тѣмъ, что онѣ рука объ руку съ мужчинами, какъ равные товарищи-соратники, шли на защиту общаго дѣла. Выдѣленіе особыхъ женскихъ требованій изъ ряда требованій демократическихъ несомнѣнно было полезно въ томъ смыслѣ, что позволяло сосредоточить на нихъ спеціальное вниманіе, что помогало пробужденію самосознанія среди самихъ женщинъ; но какъ-бы велики ни были заслуги первыхъ феминистокъ, нельзя забывать, что самое понятіе о равноправности половъ зарождалось на почвѣ борьбы женщинъ за обще-народные идеалы.

Преувеличивая заслуги первыхъ борцовъ за женское равноправіе передъ освободительнымъ движеніемъ женщинъ и преуменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе обще-демократическаго движенія, феминистки готовы бросить самой французской революціи упрекъ въ томъ, что „женщинѣ она ничего не дала“.

Справедливъ-ли этотъ упрекъ и, если справедливъ, то въ какой мѣрѣ? „Антагонизмъ“ половъ всего менѣе ощущался въ эпоху, предшествовавшую французской революціи, и въ первые ея годы. Когда народъ въ справедливомъ возмущеніи поднялся, чтобы порвать свои оковы, женщина, вступивъ въ ряды борцовъ за свободу, встрѣтила тамъ радушный пріемъ со стороны мужчинъ своего класса. Не только крестьянство и мелкій городской людъ, но и цвѣтъ „третьяго сословія“,

средняя и крупная буржуазія, завоевывая „естественныя права для человѣка“, безъ всякой враждебности относились къ эмансипаціоннымъ стремленіямъ женщинъ. Усматривая въ этихъ стремленіяхъ логическое завершеніе демократическаго движенія, они въ извѣстной мѣрѣ даже ихъ поддерживали. Правда, вопросъ о равноправности женщинъ носилъ преимущественно абстрактный характеръ, но и это уже былъ благопріятный симптомъ для женщинъ. Припомните, какими знаками вниманія и сочувствія поощряли всѣ три временныя правительства Франціи выступленіе женщинъ на общественное поприще. „Когда делегатки женщинъ“,—разсказываетъ Лассеръ,—„являлись передъ лицомъ народныхъ представителей съ петиціями или пожертвованіями на дѣло народа, съ предложеніемъ услугъ по національной оборонѣ и вооруженію, когда голоса ихъ раздавались изъ глухой провинціи въ заявленіяхъ объ образованіи ими отрядовъ амазонокъ или вспомогательныхъ отрядовъ національной гвардіи, когда онѣ коллективными или единичными петиціями обнаруживали злоупотребленія, несправедливости, опасности, заговоры, или когда онѣ предлагали резолюцію о реформахъ, то имъ апплодировали и благодарили. Онѣ участвовали въ почестяхъ, и ихъ упоминали въ отчетахъ“ *).

О томъ-же сочувствіи женщинамъ и ихъ эмансипаціоннымъ задачамъ свидѣтельствуютъ неоднократныя попытки революціоннаго законодательства реорганизовать воспитаніе и образованіе юношества на началахъ равенства половъ и демократизма. Не характерно-ли, что, незадолго до начала французской революціи, образуется, по иниціативѣ Монтескье, Лагарпа, Кондорсе и др. энциклопедистовъ, лицей—нѣчто въ родѣ свободнаго

*) Андріанъ Лассеръ, „Коллект. участ. женщинъ въ великой французской революціи“, стр. 10.

университета, открывающаго свои двери и женщинамъ. Мадамъ Роланъ, Тальенъ, Софія де-Груши (позднѣе Кондорсэ) являются его постоянными посѣтительницами. Одинъ изъ идеологовъ третьяго сословія, демократъ по убѣжденіямъ, Кондорсэ, выступаетъ въ первый же годъ революціи съ воодушевленной проповѣдью женскаго равноправія, мотивируя свою аргументацію требованіями полной демократизаціи и положеніями „естественнаго права“, равнаго для представителей обоего пола.

Недоброжелательное отношеніе къ женскимъ эмансипаціоннымъ стремленіямъ, утрата къ нимъ симпатіи, начинаютъ ощущаться лишь въ болѣе поздній періодъ революціи, лишь тогда, когда главный врагъ уже поверженъ, феодально-монархическій строй сломленъ и третье сословіе начинаетъ чувствовать подъ собою твердую почву. Дальнѣйшая поддержка третьимъ сословіемъ крайнихъ демократическихъ требованій грозитъ только помѣшать дѣлу утвержденія своего классоваго господства. И конвентъ рѣшается наложить свою тяжелую руку на эмансипаціонныя стремленія женщинъ. Въ своихъ анти-феминистскихъ рѣчахъ, въ своихъ нападкахъ на „безумное желаніе женщинъ стать мужчинами“ Амаръ и Шометъ инстинктивно отстаивали привилегіи третьяго сословія противъ поползновеній демократіи, въ образѣ голодной, изнуренной, изстрадавшейся „женской черни“, осаждавшей конвентъ и угрожавшей ему. Отвергая требованія женскаго равноправія, третье сословіе выступало не столько противъ женщинъ, какъ таковыхъ, сколько противъ поползновеній неимущей демократіи на новыя права и вольности. Поскольку въ первоначальный періодъ революціи требованія женщинъ звучали въ унисонъ съ революціонной буржуазіей, постольку къ моменту утвержденія господства третьяго сословія требованія эти представлялись лишь проявленіемъ докучливаго недовольства безпо-

койной „черни“, вѣчно угрожавшей благополучію друзей „порядка и собственности“. Женское движеніе временъ революціи такъ тѣсно сливалось съ борьбою за обще-демократическіе принципы, что съ торжествомъ друзей „собственности“, „ценза“ и „порядка“ оно неминуемо обречено было на гибель. Женщины, подхваченныя и унесенныя волною народнаго возмущенія, очутились на мели, когда пѣнящіяся волны революціоннаго потока снова вошли въ свои берега; въ вынужденной пассивности провожали онѣ теперь глазами проплывавшіе мимо нихъ корабли буржуазнаго благополучія.

Но, несмотря на это, когда феминистки утверждаютъ, что французская революція „ничего не дала женщинѣ“, онѣ грѣшатъ противъ исторической истины. Правда, совершившійся переворотъ не осуществилъ еще освобожденія *женщины*, какъ таковой. Но можно-ли все-таки утверждать, будто женщина, какъ гражданка, какъ человѣкъ, ничего не выиграла отъ паденія стараго, дореволюціоннаго режима? Развѣ большинство принциповъ, провозглашенныхъ „декларациями правъ“ 89 и 93 гг., не относилось одинаково ко всѣмъ гражданамъ Франціи, безъ различія пола? Развѣ „свободы“ и связанныя съ ними преимущества не сдѣлались достояніемъ и французскихъ женщинъ? Развѣ неприкосновенность личности, защита отъ притѣсненій и произвола феодализма и даже пресловутая гарантія „частной собственности“,— развѣ всѣ эти завоеванія революціи не касались насущнѣйшихъ интересовъ и женской части населенія Франціи? Свободой совѣсти, равенствомъ передъ судомъ, гарантіей не быть задержанной и арестованной въ не предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ—всѣми этими новыми завоеваніями женщина воспользовалась наравнѣ съ мужчиной. Отнынѣ она могла свободно и открыто отстаивать свои взгляды. И развѣ неоцѣнимое для женщины право развода, признанное революціей, было

малымъ для нея пріобрѣтеніемъ? Мы уже не говоримъ объ установленіи свободы промысловъ и отмѣнѣ цеховыхъ привиллегій.

Правда, „новый“ режимъ накладывалъ на женщину новыя путы: это онъ выработалъ знаменитый кодексъ Наполеона, столь неблагопріятный для женщинъ; это онъ узаконилъ поднадзорную проституцію и освятилъ оскорбительную для женщинъ регламентацію... „Новый режимъ“ запретилъ также женщинамъ составлять „сообщества“ и путемъ коалицій защищать свои женскіе интересы. Но въ данномъ случаѣ „третье сословіе“ ополчалось не столько противъ женщинъ, сколько противъ *той женщины*, которая могла, въ рядахъ наростающаго промышленнаго пролетаріата, при помощи „сообществъ“, стать на защиту своихъ классовыхъ интересовъ. Не отражалось-ли это запрещеніе на интересахъ пролетаріевъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ на интересахъ піонерокъ женской эмансипаціи? Не тормазили-ли ограничительные законы по-революціонной Франціи рабочее движеніе еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ движеніе феминистское? И женщинамъ, и рабочимъ оставалось одно— довольствоваться тѣми немногими завоеваніями, которыя оставляла на долю демократіи забравшая власть буржуазія.

Стремясь устранить со своего пути всѣ элементы, мѣшавшіе окончательному утвержденію ея господства, буржуазія мало считалась съ требованіями рабочихъ массъ и совершенно игнорировала запросы женщинъ. Впрочемъ, это вполнѣ естественно. Въ то время не существовало еще опредѣленнаго соціальнаго класса, экономическіе интересы котораго диктовали необходимость женскаго равноправія. Борьба женщинъ за свое политическое освобожденіе могла получить и дѣйствительно получила серьезное политическое значеніе лишь при общемъ подъемѣ и развитіи обще-рабочаго дви-

женія, стремящагося осуществить идеалъ истинной и полной демократіи.

Въ Америкѣ, гдѣ еще раньше, чѣмъ во Франціи, раздался голосъ женщинъ, напоминавшихъ о своихъ правахъ, о своей равноправности, существовала та-же тѣсная, неразрывная связь между обще-демократическимъ и женскимъ политическимъ движеніями, какую мы наблюдаемъ и во Франціи. Американскія женщины съ одушевленіемъ поддерживали освободительныя стремленія своей родины и принимали живѣйшее участіе въ борьбѣ за независимость Америки. Такія имена, какъ Мерси Отисъ Уорренъ и Эбигайль Смитъ Адамсъ, значатся не только въ спискахъ первыхъ борцовъ за женское равноправіе, но получили почетное мѣсто и въ исторіи борьбы Америки за свое освобожденіе. Мерси Уорренъ настаивала на необходимости отдѣленія отъ метрополіи еще тогда, когда самъ Вашингтонъ не рѣшался объ этомъ мечтать; декларація независимости составлена при непосредственномъ ея участіи. Требованіе равноправности для женщинъ,—этихъ вѣрныхъ товарищей борцовъ за свободу и демократію,—явилась лишь логическимъ завершеніемъ обще-демократическихъ стремленій американскихъ гражданъ. Это требованіе такъ естественно вытекало изъ обще-демократическихъ идеаловъ, его осуществленіе ставило такую рѣзкую грань между „Старымъ“ и „Новымъ“ свѣтомъ, что впервые въ мірѣ два штата юной республики, Нью-Джерсей и Виргинія, провозгласили для женщинъ равное съ мужчинами избирательное право.

Однако, едва улеглось ликованіе по поводу одержанной надъ старымъ строемъ побѣды и прежній врагъ уже не угрожалъ интересамъ средней и крупной буржуазіи, оказавшейся господиномъ положенія, какъ крайняя демократія перестала вызывать въ ней прежній энтузіазмъ и сочувствіе. Вырабатывая принципы федераль-

ной конституціи, юная республика отказалась признать политическое равноправіе своихъ товарищей—женщинъ. Между тѣмъ, сами женщины, дружно и слитно боровшіяся бокъ-о-бокъ съ мужчинами и не помышлявшія выдѣлять своихъ интересовъ передъ лицомъ общаго врага, теперь, въ ожиданіи рѣшенія союзнаго конгресса, впервые выступили съ чисто-феминистской пропагандой, требуя признанія за собою политическихъ правъ. Однако, новое республиканское правительство осталось глухо къ ихъ требованію и ограничилось тѣмъ, что открыло женщинамъ, на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами, доступъ къ образованію. Это было единственное завоеваніе, какимъ могли похвастаться женщины—борцы за независимость Америки.

Америка и Франція могутъ служить наглядными примѣрами, какъ, въ сущности, ничтожны и слабы усилія феминистокъ проводить въ жизнь свои требованія въ тѣхъ случаяхъ, когда они не находятъ поддержки въ какомъ-либо борющемся за свои интересы общественномъ классѣ. До тѣхъ поръ, пока буржуазіи выгодно было поддерживать эмансипаціонныя стремленія женщинъ, она поощряла ихъ запросы и даже порою удѣляла имъ кой-какія крохи отъ щедротъ своихъ; но едва ей удавалось почувствовать подъ собою твердую почву, какъ всѣ ея усилія устремлялись къ тому, чтобы закрѣплять только за собою ново-завоеванное господство. Вмѣстѣ съ четырехъ-членной избирательной формулой и другими докучливыми требованіями демократіи отбрасывала она тогда и женскіе запросы, если только не встрѣчала дружнаго отпора со стороны широкихъ, организованныхъ народныхъ массъ.

Но,—поспѣшатъ возразить намъ феминистки,—напрасно беремъ мы примѣръ изъ такой отдаленной эпохи и выкапываемъ „археологическія древности“. Разумѣется, во время борьбы за независимость Америки или въ эпоху французской революціи вліяніе феминизма

на успѣхи женскаго дѣла было крайне-ничтожно; феминистское движеніе едва только зарождалось; это были первыя, вспыхивавшія и тутъ же потухавшія искры будущаго, ярко-свѣтящагося пламени. Женское буржуазное движеніе пріобрѣло силу и значеніе за послѣднія 20—25 лѣтъ, и, чтобы оцѣнить достигнутые имъ результаты, надо брать примѣры изъ близкаго прошлаго, надо взвѣсить заслуги феминизма въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщины въ самомъ дѣлѣ чего-либо добились, гдѣ политическое равноправіе женщинъ осуществлено на практикѣ.

Однако, съ полной безпристрастностью останавливаясь на тѣхъ странахъ, гдѣ женщины пользуются равными съ мужчинами политическими правами, можемъ-ли мы убѣжденно утверждать, что торжествомъ своихъ требованій женщины, въ самомъ дѣлѣ, обязаны успѣхамъ буржуазнаго феминизма? Не разбиваются-ли, наоборотъ, всегда и всюду усилія буржуазно-женскаго движенія объ упорное сопротивленіе буржуазіи и не оказываются-ли феминистки совершенно безсильными побороть это сопротивленіе, если только требованія ихъ не совпадаютъ съ запросами борющейся демократіи и не находятъ въ ней дѣятельной поддержки?

Посмотрите, съ какимъ упорствомъ англійскія феминистки, начиная съ 1867 г., осаждаютъ парламентъ своими петиціями, требуя уравненія своихъ правъ съ мужскими. Англійское женское движеніе — одно изъ вліятельнѣйшихъ въ мірѣ; его воздѣйствіе на общественное мнѣніе далеко не ничтожно, и тѣмъ не менѣе парламентъ продолжаетъ упорно отклонять требованія женщинъ. Если-же въ самое послѣднее время члены парламента начинаютъ благосклоннѣе относиться къ вопросу о женскомъ политическомъ равноправіи, если и общество проявляетъ къ нему большее сочувствіе, то не потому-ли, что на защиту этого женскаго требованія рѣшительно становится рабочій классъ?

Буржуазныя феминистки любятъ съ гордостью ссылаться на свои побѣды и указывать на Австралію, четыре штата Сѣв. Америки, Норвегію, Финляндію, какъ на страны, гдѣ, благодаря усиліямъ феминистокъ, удалось на практикѣ осуществить принципъ женской политической равноправности. Однако, имѣютъ-ли феминистки достаточно основаній приписывать своимъ заслугамъ эти несомнѣнныя побѣды женскаго дѣла?

Возьмемъ наиболѣе намъ близкій примѣръ — Финляндію, гдѣ впервые въ Европѣ за женщинами признаны одинаковыя съ мужчинами политическія права. Захлебываясь отъ восторга, восхваляютъ феминистки заслуги буржуазно-женскихъ организацій—„Уніона“ и „Финл. женскаго Союза“—и сообщаютъ намъ о чрезвычайныхъ успѣхахъ феминистскаго движенія въ Финляндіи. Въ назиданіе другимъ странамъ указываютъ онѣ на ту „тѣсную связь“, которая будто бы существовала между женщинами всѣхъ общественныхъ классовъ и толкала и пролетарку, и буржуазную женщину на совмѣстное дружное отстаиваніе обще-женскаго требованія политическихъ правъ. Въ этой „солидарности“ женщинъ — разгадка быстраго и крупнаго успѣха женскаго дѣла въ Финляндіи. Таковы утвержденія феминистокъ.

Дѣйствительность была совсѣмъ иная. Финляндія—страна съ рѣзко-опредѣлившимися классовыми противорѣчіями. Женское буржуазное и женское пролетарское движеніе здѣсь съ самаго начала были рѣзко отграничены другъ отъ друга. Объединившіеся между собою въ 1900 г. женскіе рабочіе союзы тогда-же присоединились къ рабочей партіи, образовавъ какъ-бы своего рода филіальное отдѣленіе послѣдней, обслуживающее женскій пролетаріатъ. Феминистское движеніе Финляндіи, напротивъ, съ самаго своего возникновенія носило яркую печать буржуазности, обслуживая исключительно интересы „почтенныхъ дамъ изъ общества“. Оно

опасливо сторонилось всего, что отдавало „радикализмомъ“, и съ большою осторожностью подходило даже къ такому обже-женскому требованію, какъ избирательное право для женщинъ.

На обще-женскомъ съѣздѣ, въ 1904 г., на которомъ присутствовали и представительницы рабочей партіи, буржуазная организація „Уніонъ“ продолжала упорно отстаивать уравненіе женщинъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами на существовавшихъ тогда основаніяхъ, т. е. при сохраненіи цензоваго начала, четырехъ-камерной системы представительства и множественнаго вотума.

„Финляндскій женскій Союзъ“ шелъ еще дальше и настаивалъ на предоставленіи женщинамъ только активныхъ избирательныхъ правъ. „Союзъ“ тратилъ не мало силъ и энергіи на контръ-агитацію, имѣвшую цѣлью противодѣйствовать проведенію въ жизнь принципа полнаго политическаго равноправія женщинъ. Свой образъ дѣйствій онъ объяснялъ опасеніямя за участь женскаго дѣла: требуя сразу многаго, рискуешь ничего не получить. Слѣдуетъ быть „благоразумнымъ“ и постепенно, шагъ за шагомъ, завоевывать уступки въ свою пользу. Но, на самомъ дѣлѣ, почтенныхъ дамъ просто на просто преслѣдовалъ страхъ, какъ-бы въ число народныхъ представителей не попали „невѣжественныя“, опасныя пролетарки, съ ихъ „красными флагами“ и „красными мыслями“... Что дѣло было именно такъ, показываетъ позиція, занятая буржуазными депутатками Финляндскаго Сейма по отношенію къ ихъ теперешнимъ товаркамъ — представительницамъ рабочаго класса. Извѣстная феминистка, баронесса Грипенбергъ, членъ „Междун. Женск. Союза“, не стѣсняется заявлять на женскихъ собраніяхъ въ Европѣ, что распространеніе избирательнаго права на всѣхъ гражданъ и гражданокъ Финляндіи является „громадной политической ошибкой“... Только предвзятость фемини-

стокъ можетъ приписывать буржуазно-женскому движенію заслугу завоеванія политическаго равноправія женщинъ въ Финляндіи. Побѣда эта была сущей неожиданностью для самихъ буржуазныхъ поборницъ женскаго равноправія. До сихъ поръ не умѣютъ онѣ разобраться въ ея причинахъ и не знаютъ, чему, собственно, приписать эту „удивительную“ удачу?

На этой почвѣ создаются даже цѣлыя легенды; на одномъ собраніи равноправокъ въ Петербургѣ одна изъ видныхъ дѣятельницъ нашего феминистскаго движенія, со словъ финляндскихъ поборницъ равноправности, сообщала, что требованіе избирательнаго права для женщинъ было включено въ законопроектъ только подъ угрозой женщинъ всѣхъ слоевъ общества покинуть ряды тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ онѣ принадлежали. „Напуганнымъ мужчинамъ“, разумѣется, ничего другого не оставалось, какъ уступить натиску своихъ требовательныхъ и грозныхъ товарокъ... Болѣе вздумчивыя феминистки объясняютъ эту побѣду иначе: въ Финляндіи давно уже существуетъ совмѣстное обученіе половъ, и это обстоятельство исподволь подготовило умы къ признанію женскаго равноправія. Наконецъ, третьи усматриваютъ главную причину въ томъ, что женщины, наравнѣ съ мужчинами, участвовали въ борьбѣ за возстановленіе попранной конституціи. Въ этотъ трудный моментъ женщины, преимущественно, конечно, „образованныя“, вели себя такъ примѣрно, выказали столько политическаго такта, такое пониманіе важности событій, что мужчины сочли своимъ долгомъ отплатить имъ добромъ за добро и „въ награду“ за ихъ примѣрное поведеніе распространить и на нихъ избирательное право *). Феминистки выискиваютъ всякія объясненія своей удачи; одного

*) См. рѣчь финляндской депутатки Фуруельмъ на Копенгагенскомъ съѣздѣ. („Женское движеніе“, Мировичъ, стр. 45).

лишь не желаютъ онѣ признать, что побѣдой своей онѣ всецѣло обязаны рабочему классу.

Несомнѣнно, въ Финляндіи существовали совершенно особыя, объективныя условія, способствовавшія осуществленію женскаго равноправія, но этихъ объективныхъ условій было-бы недостаточно, если-бы на знамени рабочаго класса не стояло ясно-формулированное требованіе всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола. Въ борьбѣ за возстановленіе нарушенной конституціи буржуазные классы Финляндіи волей-неволей должны были искать опоры у широкихъ народныхъ массъ; только въ утвержденіи полной демократіи могли финляндцы найти опору противъ угрожающихъ извнѣ враждебныхъ вліяній. Но не безъ долгихъ колебаній пошла буржуазія на уступки и рѣшила поддерживать требованія крайнихъ партій. Нужна была громадная энергія, большая потрата силъ со стороны соціалъ-демократіи, чтобы отстоять включеніе въ новые конституціонные законы пяти-членной избирательной формулы.

Женскій пролетаріатъ, въ рядахъ своей партіи, дѣятельно работалъ въ томъ-же направленіи. Еще на Таммерфорскомъ съѣздѣ, въ 1905 г., работницы внесли резолюцію, въ которой выражалось рѣшеніе пролетарокъ впредь не обращаться въ Сеймъ ни съ какими петиціями, но требовать и добиваться всѣми путями коренной реформы народнаго представительства. Октябрьскимъ событіямъ предшествовалъ въ Финляндіи рядъ женскихъ рабочихъ демонстрацій, не прекратившихся и послѣ изданія октябрьскаго манифеста. 17 декабря 1905 года работницы устроили по всей Финляндіи митинги, на которыхъ участвовало свыше 10 тысячъ женщинъ; 30 декабря въ Гельсингфорсѣ состоялась снова женская демонстрація, въ которой дѣятельными участницами явились окрестныя крестьянки. Во главѣ женскаго пролетарскаго движенія стояла соціалъ-демократія,

отстаивавшая полную демократизацію представительства. Когда же пролетаріатъ обнаружилъ нѣкоторую неустойчивость и колебался, не снять ли съ очереди вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ,—тогда организованная часть женскаго пролетаріата сумѣла своею стойкостью и выдержкой напомнить своимъ товарищамъ, какъ пагубно отразилась бы на интересахъ всего класса подобная неумѣстная уступчивость.

Феминистки неоднократно пользовались этимъ фактомъ, чтобы уколоть соціалъ-демократію за нерадивое отношеніе съ ея стороны къ вопросу о женскомъ политическомъ равноправіи, и приводили его, какъ подтвержденіе необходимости отдѣльнаго феминистскаго движенія. Но при этомъ онѣ забывали отмѣтить одно весьма важное обстоятельство, а именно, что обще-феминистское движеніе тутъ было абсолютно не причемъ. Не буржуазныя поборницы женскихъ правъ, а сами-же женщины рабочаго класса напоминали о демократическихъ требованіяхъ женщины и заставляли народныя массы считаться съ назрѣвшими въ женскомъ мірѣ потребностями. Событія въ Финляндіи иллюстрируютъ лишь то положеніе, что тамъ, гдѣ пролетарки сами стоятъ на стражѣ своихъ интересовъ, тамъ, гдѣ онѣ неустанно напоминаютъ мужчинамъ о своихъ ближайшихъ запросахъ, требованія ихъ всего скорѣе получаютъ свое осуществленіе.

Было-бы громадной ошибкой предполагать, что въ дѣлѣ завоеванія избирательныхъ правъ для женщинъ, феминистки въ Финляндіи, въ самомъ дѣлѣ, сыграли рѣшающую роль. Въ минуты самыхъ горячихъ и ожесточенныхъ схватокъ, въ моменты обостренной борьбы за демократизацію государственнаго строя Финляндіи, о феминисткахъ всего меньше было слышно. Если-бы пролетарки тащились въ хвостѣ буржуазныхъ феминистокъ, если-бы онѣ, въ самомъ дѣлѣ, довѣрили свои судьбы этимъ „осторожнымъ“ и „благоразумнымъ“ буржуаз-

нымъ организаціямъ, рѣшеніе вопроса о политическомъ равноправіи женщинъ затянулось-бы на долгіе годы. Но классовое самосознаніе спасло финляндскихъ пролетарокъ; онѣ остались въ рядахъ своей партіи и, дружно борясь за обще-классовые интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивали и свои спеціально-женскія требованія.

Пусть не гордятся феминистки побѣдой женскаго дѣла въ Финляндіи. Эта побѣда есть всецѣло результатъ борьбы рабочаго класса. Финляндскій Сенатъ, финляндская буржуазія и общество только потому и считались серьезно съ требованіемъ политической равноправности женщинъ, что оно исходило изъ рядовъ могущественной политической партіи, что его поддерживали организованныя пролетарскія силы. Если-бы о равноправіи женщинъ хлопотали однѣ феминистки, то, какъ-бы многочисленны ни были ихъ кадры, финляндское общество едва-ли нашло-бы для себя нужнымъ считаться съ ними.

Еще меньшую роль сыгралъ буржуазный феминизмъ при завоеваніи женскаго избирательнаго права въ Австраліи. „Въ Южной Австраліи",—сообщаетъ знатокъ этого дѣла В. Ривсъ,—„вся борьба за женскія политическія права была начата, велась и доведена до конца почти исключительно мужчинами. Роль, какую играли при этомъ миссъ Спенсъ, миссъ Никольсъ и ихъ сторонницы, была, конечно, полезна, но имѣла лишь весьма второстепенное значеніе" *).

Еще меньшее вліяніе оказало женское буржуазное движеніе на исходъ борьбы за политическую реформу, связанную съ распространеніемъ избирательнаго права на женщинъ въ Новой Зеландіи и въ западной Австраліи. Въ южной Австраліи существовала хотя-бы „Лига женскихъ избирательныхъ правъ", функціонировавшая съ 1888 года; тамъ-же дѣйствовалъ и женскій христіанскій

*) Ривсъ, «Политич. права женщинъ въ Австраліи», стр. 3.

союзъ, пользовавшійся несравненно-бо́льшей популярностью, чѣмъ „Лига“. Въ Новой Зеландіи и того не было. Здѣсь не существовало никакихъ феминистскихъ организацій; никакой спеціально-женской агитаціи и пропаганды не велось. „Даже при самомъ вѣжливомъ преувеличеніи, ни объ одной новозеландской женщинѣ-ораторѣ или руководительницѣ женскаго движенія нельзя было-бы сказать, что она сражалась въ первыхъ рядахъ и имѣла значительное вліяніе на поворотъ въ общественномъ мнѣніи“ *). И, тѣмъ не менѣе, въ 1893 г. здѣсь прошелъ билль, признающій за женщинами полную политическую правоспособность. Подобные-же билли удалось провести: въ 1895 г. въ южной Австраліи, въ 1900 г. въ западной Австраліи, въ 1902 г. въ Новомъ Южномъ Валисѣ, въ 1903 г. въ Тасманіи и, наконецъ, въ 1905 г. въ Куинслэндѣ. Какія-же силы, какія причины способствовали осуществленію завѣтнѣйшей цѣли феминистокъ, если, по утвержденію знатоковъ дѣла, ихъ собственныя усилія не оказали почти никакого вліянія на осуществленіе принципа женской политической равноправности?

По мѣрѣ того, какъ вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ вырастаетъ изъ стадіи отвлеченнаго принципа, близкаго сердцу однѣхъ феминистокъ, и превращается въ боевой политическій лозунгъ современности, онъ неминуемо, въ той или другой степени, въ той или другой формѣ, затрагиваетъ интересы всѣхъ существующихъ политическихъ партій. Разумѣется, отношеніе къ этому вопросу видоизмѣняется въ зависимости отъ того, какая соціальная группа его поддерживаетъ и выдвигаетъ; одновременно, и самый принципъ равноправности женщинъ преподносится въ совершенно различной окраскѣ, опять-таки въ зависимости отъ того, какая партія и въ какихъ цѣляхъ ставитъ на

*) Ibid, стр. 13.

очередь это женское требованіе. Само собою понятно, что всего чаще требованіе это выставляетъ и поддерживаетъ рабочій классъ, который непосредственно заинтересованъ въ дальнѣйшей демократизаціи государственнаго строя. Но бываютъ такія политическія ситуаціи, когда и для другихъ, чисто-буржуазныхъ, партій представляется выгоднымъ поддерживать принципъ политической равноправности женщинъ, когда осуществленіе этого женскаго лозунга способно сыграть въ руку интересамъ буржуазныхъ слоевъ населенія. Обыкновенно буржуазныя партіи въ такихъ случаяхъ выдвигаютъ ограниченное, цензовое избирательное право для женщинъ; но случается, что для нихъ можетъ оказаться выгоднымъ защищать даже и полное женское равноправіе. Такъ въ свое время поступили бельгійскіе клерикалы, настаивавшіе на цензѣ; такъ дѣйствовали не-разъ буржуазныя партіи въ Америкѣ, Австраліи, Франціи, Даніи и др. странахъ. Женское избирательное право выдвигается, какъ своего рода противоядіе противъ всеобщаго избирательнаго права мужчинъ. На женщинъ, какъ на элементъ мало-сознательный и болѣе консервативный, возлагаются тысячи надеждъ.

Когда въ Западной Австраліи консервативной партіи землевладѣльцевъ потребовалось увеличить число своихъ сторонниковъ, чтобы противопоставить свои силы молодой партіи золотоискателей, начавшей одерживать блестящія политическія побѣды надъ кореннымъ населеніемъ края, консерваторы ухватились за женское избирательное право. Почва колебалась подъ ногами солидныхъ землевладѣльцевъ; старому, привычному укладу грозило крушеніе подъ натискомъ пришлаго элемента—партіи золотоискателей. Необходимо было рѣшиться на какую-либо рѣшительную мѣру. Предоставленіе женщинамъ доступа къ избирательнымъ урнамъ обѣщало увеличить число избирателей консервативно-земледѣльческой партіи, такъ какъ большин-

ство жительницъ Западной Австраліи принадлежало къ фермерамъ и скотоводамъ; среди-же неосѣдлыхъ золотоискателей онѣ встрѣчались въ незначительномъ числѣ. Женское политическое равноправіе въ рукахъ консерваторовъ являлось козыремъ, которымъ „старики“ надѣялись „побить“ безпокойный, бездомный пролетарскій элементъ „молодой“ партіи золотоискателей. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ: „на первыхъ-же выборахъ въ союзный парламентъ приверженцы свободной торговли и интересовъ рабочаго класса одержали побѣду, а партія Форреста, въ ту пору уже лишившаяся своего вождя, утратила свое прежнее руководящее положеніе“ *).

Въ Новой Зеландіи и Южной Австраліи вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи также выдвигался, въ зависимости отъ даннаго положенія, то прогрессистами, то консерваторами. Но окончательной побѣдой своей билль о политическихъ правахъ женщинъ обязанъ былъ исключительно рабочему классу. Въ 1891 г. находившійся въ оппозиціи консерваторъ Холль, въ надеждѣ подорвать престижъ министерства, составленнаго изъ членовъ прогрессивной партіи, потребовалъ отъ правительства внесенія въ парламентъ билля о распространеніи политическихъ правъ на женщинъ. Желая спасти популярность партіи и министерства, министръ-президентъ не только не отклонилъ требованія консерваторовъ, но внесъ соотвѣтствующій билль въ парламентъ. Однако, прогрессисты, не взявшіе передъ избирателями обязательства поддерживать принципъ политическаго равноправія женщинъ и не желавшіе выступать за билль, внесенный по настоянію враждебной партіи, отказались поддерживать предложеніе правительства. Провалъ билля казался неизбѣжнымъ. „Но новый рабочій элементъ“,—разска-

*) В. Ривсъ, ibid., стр. 38.

зываетъ Ривсъ,—„высказался въ пользу реформы и сталъ ее поддерживать въ силу чисто-личныхъ убѣжденій, безотносительно къ подобнаго рода обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, реформу легко удалось провести въ нижней палатѣ“ *).

Въ верхней палатѣ вопросъ этотъ прошелъ большинствомъ только двухъ голосовъ, исключительно благодаря поддержкѣ партіи борьбы со спиртными напитками, пользовавшейся симпатіей рабочаго класса. Если консерваторы и прогрессисты Австраліи пускали въ ходъ лозунгъ политическаго равноправія женщинъ только какъ средство борьбы другъ съ другомъ, то рабочая партія во всѣхъ округахъ съ одинаковой выдержкой и преданностью дѣлу отстаивала женскія права. „Какъ въ Новой Зеландіи, такъ и здѣсь, въ Австраліи, члены парламента, принадлежавшіе къ рабочей партіи, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подали голосъ за предоставленіе женщинамъ избирательнаго права“ **).

Если жительницы Австраліи и Новой Зеландіи сейчасъ пользуются политическими правами и, притомъ, неограниченными, то исключительно благодаря дѣятельной поддержкѣ рабочаго класса, жизненные интересы котораго самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ сплетаются съ этимъ женскимъ требованіемъ. Развѣ не характерно, что каждый разъ, когда въ какомъ-либо округѣ впервые возникалъ вопросъ о пріобщеніи женщинъ къ политической жизни страны, буржуазныя партіи пытались ограничиться внесеніемъ въ парламентъ билля, распространявшаго избирательное право лишь на женщинъ-цензовичекъ. Демократическому элементу въ парламентѣ не малыхъ усилій стоило

*) В. Ривсъ, „Политич. права женщинъ въ Австраліи“, стр. 9.

**) Тамъ-же, стр. 29.

противодѣйствовать этимъ попыткамъ буржуазіи еще прочнѣе обосновать свое господство при помощи женщинъ-избирательницъ.

Если феминистское движеніе не сыграло почти никакой роли при проведеніи женскаго избирательнаго права въ Австраліи, то едва-ли большее вліяніе оказало оно на осуществленіе этого принципа въ четырехъ штатахъ Сѣверной Америки: Вайомингъ, Ута, Колорадо и Идахо. Нельзя не отмѣтить, что уравненіе въ политическихъ правахъ женщинъ съ мужчинами совершалось въ этихъ штатахъ еще тогда, когда онѣ были только „территоріями“, не располагавшими одинаковыми со штатами правами. Населеніе новыхъ территорій носило значительно болѣе демократическій характеръ, чѣмъ пропитанный буржуазнымъ духомъ консервативный элементъ населенія „старыхъ“, „заслуженныхъ“ штатовъ. Въ территоріи каждая радикальная реформа на пользу демократіи не встрѣчала того отпора, какой она вызывала со стороны крупной собственнической буржуазіи штатовъ. Территорія Вайомингъ еще въ 1869 г. признала за всѣми своими, относительно немногочисленными, жителями, безъ различія пола, политическія права. Позднѣе, когда территорія Вайомингъ преобразована была въ штатъ, союзный Совѣтъ не нашелъ нужнымъ измѣнять основныхъ пунктовъ конституціи бывшей территоріи, и такимъ образомъ за женщинами сохранились политическія права.

Въ территоріи Ута, теперь — штатѣ, политическія права были распространены на женщинъ еще въ 1870 г. Реформа эта проведена была кореннымъ населеніемъ — мармонами, имѣвшими въ виду пріобщить къ политической жизни своихъ женъ и, такимъ образомъ, ослабить вліяніе пришлаго, преимущественнаго пролетарскаго, элемента. Избирательное право женщинъ должно было и на этотъ разъ сыграть роль противоядія про-

тивъ „происковъ“ начинавшей забирать въ руки власть демократіи. Въ борьбѣ съ мармонами, Союзный Совѣтъ сначала, въ 1882 г., лишилъ права голоса всѣхъ жителей Ута, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, признававшихъ принципъ дву-и-трехбрачія, а позднѣе, именно — въ 1887 г., вообще призналъ женщинъ территоріи Ута политически неправоспособными. Только послѣ того, какъ Ута вошла въ составъ штатовъ, „Союзный Совѣтъ“ возстановилъ за женщинами прежнія политическія права.

Борьба за власть различныхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ партій заставляетъ постоянно хвататься за требованіе женскаго политическаго равноправія и выдвигать его въ ту минуту, когда реформа эта обѣщаетъ тѣ или другія выгоды для данной группы или партіи. Американскіе республиканцы и демократы, по очереди поддерживавшіе это требованіе, разумѣется, очень мало заботятся о „принципіальной“ побѣдѣ женскаго дѣла; если они выражаютъ свои симпатіи политической равноправности женщинъ, то исключительно соображаясь съ тѣми выгодами, которыя сулитъ имъ эта реформа.

Въ зависимости отъ „политической ситуаціи“, требованіе женскаго равноправія то выдвигается, то снова прячется въ карманъ. Для большинства буржуазныхъ партій это — своего рода шахматный ходъ, которымъ удается припереть къ стѣнѣ противника. Но именно такое отношеніе дѣлаетъ поддержку буржуазныхъ партій и ненадежной, и шаткой.

Если въ Соединенныхъ Штатахъ при предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ рабочій классъ сыгралъ менѣе замѣтную роль, чѣмъ въ Финляндіи или Австраліи, если тамъ реформа эта явилась въ большей мѣрѣ плодомъ дипломатическихъ ходовъ борющихся за власть буржуазныхъ партій, то нужно вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить тотъ характерный фактъ, что въ тѣхъ штатахъ

Сѣв. Америки, гдѣ введено женское избирательное право, феминистское движеніе, въ моментъ проведенія этой реформы, либо совершенно отсутствовало (Юта, Вайомингъ), либо было слабо развито (Колорадо и Идахо). Казалось-бы, успѣхъ женскаго дѣла долженъ былъ-бы, согласно феминисткамъ, зависѣть отъ степени развитія силы феминистскаго движенія; однако, въ дѣйствительности, мы наблюдаемъ какъ-разъ обратное. Въ такихъ странахъ, какъ территоріи Сѣв. Америки, Австралія, Новая Зеландія, даже Финляндія, гдѣ женское буржуазное движеніе еще слабо развито, гдѣ оно еще не успѣло пустить глубокихъ корней, женщины завоевываютъ политическія права, тогда какъ въ Англіи, старыхъ Штатахъ Сѣверной Америки, Швеціи, Германіи и друг. странахъ, съ гораздо болѣе широкимъ и вліятельнымъ феминистскимъ движеніемъ, женщины до сихъ поръ политически безправны. *) Чѣмъ-же объясняется это явленіе? Не свидѣтельствуютъ-ли приведенные выше факты, съ одной стороны, о безсиліи буржуазнаго феминизма въ дѣлѣ раскрѣпощенія женщины, съ другой, о томъ, что вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ выросъ уже изъ своей первоначальной стадіи, превратившись изъ узко-женскаго требованія въ одинъ изъ практическихъ лозунговъ нашихъ дней. Для успѣховъ женскаго дѣла это — симптомъ, во всякомъ случаѣ, благопріятный. Если-бы побѣды женщинъ зависѣли только отъ степени мощи и силы феминистскаго движенія, женщинамъ пришлось-бы долго ждать, прежде чѣмъ добиться, наконецъ, желанныхъ результатовъ.

Феминистки гордятся успѣхами въ Норвегіи и Даніи, успѣхами, достигнутыми за послѣдніе годы при относи-

*) Замѣчательно, что изъ всѣхъ округовъ Австраліи феминистское движеніе всего сильнѣе въ Викторіи, но, какъ извѣстно, именно здѣсь австралійскія женщины не пользуются избирательными правами

тельно развитомъ феминистскомъ движеніи. Но стоитъ внимательнѣе приглядѣться къ тому, что имѣло мѣсто въ Норвегіи, чтобы убѣдиться въ существованіи соціально-политическихъ причинъ, никакого касательства къ феминизму не имѣющихъ и обусловившихъ осуществленіе реформы въ пользу женщинъ. Когда, въ 1901 г., на очереди стоялъ вопросъ о предоставленіи всѣмъ совершеннолѣтнимъ обитателямъ коммунъ права голоса и господствующая буржуазія почувствовала за этимъ требованіемъ силу отстаивавшей его демократіи, она поспѣшила ухватиться за испытанное средство и, въ противовѣсъ всеобщему избирательному праву въ коммунахъ, потребовала избирательнаго права для женщинъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Этой реформой устранялась опасность нежелательной демократизаціи коммунальнаго самоуправленія, открытія доступа въ него „вреднымъ“ и „невѣжественнымъ“ пролетарскимъ элементамъ. „Либеральная“ реформа 1901 г., пріобщавшая женщинъ къ мѣстному самоуправленію, вполнѣ удовлетворила реакціонную буржуазію и вызвала крики восторга со стороны буржуазныхъ феминистокъ. Пострадали-же отъ этой реформы только интересы пролетаріата обоего пола. Но какое до нихъ дѣло поборницамъ принципа женскаго равноправія?

Тотъ-же явно-классовый разсчетъ руководилъ либеральной партіей Норвегіи, когда она въ 1907 г. стала упорно отстаивать въ стортингѣ, противъ консерваторовъ и соціалъ-демократовъ, избирательныя права женщинъ. Консерваторы въ то время вообще ополчались противъ политическаго равноправія женщинъ; соціалъ-демократія вела упорную борьбу за неограниченное избирательное право, и только либералы, успѣвшіе оцѣнить всѣ выгоды, какія обѣщало ихъ партіи введеніе *цензоваго* представительства женщинъ, отстаивали въ стортингѣ законопроектъ, предоставлявшій полити-

ческія права лишь женщинамъ, обладающимъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Что не любовь къ отвлеченной справедливости и не принципъ равноправности женщинъ заставили либераловъ стать усердными защитниками женскихъ интересовъ, видно изъ того простого факта, что либералы отказались голосовать за другой законопроектъ, внесенный соціалъ-демократами и устанавливавшій неограниченное избирательное право для женщинъ. 121 голосомъ противъ 48 законопроектъ соціалъ-демократовъ былъ отвергнутъ и принято предложеніе либераловъ. Но даже и принятіемъ цензоваго избирательнаго права женщины обязаны были поддержкѣ соціалъ-демократіи. Представители рабочаго класса до послѣдней возможности боролись за проведеніе дѣйствительнаго демократическаго представительства женщинъ; но когда передъ ними сталъ вопросъ о томъ, провалить-ли цензовый законопроектъ, голосуя противъ него совмѣстно съ консерваторами, или отстоять хотя-бы ограниченное, урѣзанное избирательное право для женщинъ, они выбрали, какъ меньшее зло, послѣднее. Слѣдствіемъ избирательной реформы 1907 г. явилось то, что къ числу правоспособныхъ гражданъ пріобщено теперь 300.000 женщинъ, но 250.000 наиболѣе эксплуатируемыхъ, обездоленныхъ и угнетенныхъ лишены и сейчасъ возможности защищать и отстаивать свои интересы...

Что-же дѣлали въ этотъ несомнѣнно критическій моментъ норвежскія феминистки? Куда склонялись ихъ симпатіи и чѣмъ онѣ себя проявили? Мы уже указывали выше на ихъ двусмысленное поведеніе. Феминистки, ярыя поборницы „принципа“ равноправности женщинъ, не только не поддерживали требованія неограниченнаго избирательнаго права, но демонстративно отмежевывались отъ представителей пролетаріата, выражая свое явное сочувствіе буржуазному либерализму и возлагая на него всѣ свои надежды. Отказываясь

идти въ ногу со своими „младшими-сестрами“—пролетарками, онѣ забывали въ эту критическую минуту всѣ пышныя обѣщанія, какія еще такъ недавно давали довѣрчивымъ представительницамъ рабочаго класса. На предстоящихъ въ 1909 г. выборахъ въ стортингъ, при которыхъ норвежскія женщины впервые получатъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ, буржуазнымъ феминисткамъ представится случай на практикѣ показать, являются-ли онѣ сторонницами дѣйствительной политической равноправности женщинъ, или же подъ „принципомъ“ женскаго равноправія онѣ подразумѣваютъ лишь—возможность раздѣлить съ мужчинами „на равномъ основаніи“ господство въ современномъ классовомъ обществѣ. Норвежское правительство, уступая давленію соціалъ-демократіи, собирается внести въ стортингъ слѣдующаго призыва, т. е. въ 1909 г., законопроектъ, распространяющій избирательное право на всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 25 лѣтъ, безъ ограниченія цензомъ. Какъ отнесутся къ этому предложенію буржуазныя депутатки? Поддержатъ-ли онѣ широкую агитацію, которую соціалъ-демократія рѣшила развить вокругъ этого вопроса?

Тотъ-же голый классовый разсчетъ руководилъ датской буржуазіей при проведеніи избирательной реформы, пріобщавшей также и женщинъ, разумѣется—обладающихъ цензомъ, къ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Феминистки, ликуя по поводу этой новой „побѣды“, привѣтствуютъ ее не только, какъ побѣду частичную, но и какъ *принципіальную*, послѣдствіемъ которой явится, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, распространеніе политическихъ правъ женщинъ на всѣ области государственной жизни. Но эта *принципіальная* побѣда является не болѣе, какъ новымъ оружіемъ буржуазіи, направленнымъ противъ демократизаціи мѣстнаго самоупра-

*) „Die Gleichheit“, 1908 г., № 18.

вленія. Передъ классовымъ парламентомъ стояла дилема: открыть-ли доступъ въ коммунальное самоуправленіе всѣмъ ея обитателямъ или-же провести либеральную реформу чисто-„принципіальнаго“ характера, распространивъ право голоса на женщинъ, обладающихъ цензомъ, достаточно-высокимъ, чтобы не внушать къ себѣ недовѣрія со стороны представителей солидной буржуазіи. Выборъ палъ на вторую реформу; вышло и не вредно для интересовъ буржуазіи, и весьма „радикально“... Но и на этотъ разъ феминистское движеніе оказало лишь косвенное вліяніе на проведеніе этой реформы; вся роль буржуазныхъ поборницъ равноправія сводилась къ тому, чтобы, во время борьбы за реформу мѣстнаго самоуправленія, показать себя сторонницами интересовъ собственнической буржуазіи. Пусть феминистки являются *крайними* равноправками,—господству буржуазіи ихъ требованія ничѣмъ не угрожаютъ. Главной заботой датскихъ равноправокъ являлось—отмежеваться отъ требованій рабочей партіи, показать, что онѣ солидарны съ „благоразумной“ политикой либераловъ и осуждаютъ легкомысленныя крайности рабочей политики.

Въ маѣ 1908 г., успокоенныя своей первой побѣдой въ Даніи, феминистки организовали блестящее и шумное торжество въ Копенгагенѣ, чтобы отпраздновать свой чисто-„дамскій“ успѣхъ. Обратились феминистки и къ пролетаркамъ съ предложеніемъ совмѣстно отпраздновать это „принципіальное“ завоеваніе женщинъ. На торжествѣ должны были выражаться благодарственныя чувства правительству, сумѣвшему встать на такую „высоко-гуманную“ и „радикальную“ точку зрѣнія. Но пролетарки отказались присоединиться къ празднованію торжества принципа женскаго равноправія, купленнаго такой дорогой цѣною: новый избирательный законъ не только лишалъ неимущее женское населеніе представительства въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, но

урѣзывалъ къ тому-же еще и права мужского пролетаріата, по сравненію съ прежнимъ закономъ. Съ своей стороны, пролетарки организовали манифестацію протеста противъ этого закона, но, разумѣется, упокоенныя своей побѣдой буржуазки не пожелали поддержать на этотъ разъ своихъ „младшихъ сестеръ“.

Подводя итогъ приведеннымъ примѣрамъ, мы не можемъ не сдѣлать того вывода, что феминистское движеніе въ дѣлѣ практическаго завоеванія политическихъ правъ играло во всѣхъ странахъ самую незначительную роль. Будутъ-ли дальнѣйшія выступленія суфражистокъ болѣе успѣшны въ этомъ отношеніи, дастъ ли новый подъемъ феминистскаго движенія, сосредоточившійся особенно въ Англіи, большіе результаты,—на это отвѣтитъ жизнь. Пока-же можно отмѣтить лишь то, что требованіе женскаго политическаго равноправія осуществлялось только двумя способами: либо подъ *непосредственнымъ* напоромъ пролетаріата, требовавшаго полной демократизаціи народнаго представительства; либо при косвенномъ его воздѣйствіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда буржуазныя партіи хватались за женское избирательное право, какъ за панацею отъ грозящей „пролетарской опасности“. Но тогда какъ въ первомъ случаѣ вопросъ шелъ всегда о *неограниченномъ* избирательномъ правѣ для женщинъ, во второмъ—буржуазія пыталась лишь опереться на *цензовое* представительство. Надѣяться на побѣду принципа полной политической равноправности женщины могутъ только тогда, когда на защиту этого требованія выступаютъ рабочія массы.

Посмотримъ, наконецъ, что сдѣлало женское буржуазное движеніе у насъ, въ Россіи, для достиженія политическаго равноправія женщинъ.

*) См. „Die Gleichheit“, № 11, 1908 г.

Если послушать нашихъ равноправокъ, то заслуги ихъ въ этой области неизмѣримы. Не подъ ихъ-ли вліяніемъ обратило русское общество вниманіе на запросы женщинъ? Не подъ давленіемъ-ли феминистскихъ организацій политическіе союзы и партіи включали въ свои программы требованіе политическаго равноправія женщинъ? Что изъ того, что заграничныя феминистки достигли пока въ борьбѣ за женское освобожденіе лишь малыхъ результатовъ? Наши феминистки, сумѣвшія внушить русскому обществу симпатіи къ женскимъ требованіямъ, разумѣется, добьются осуществленія своей завѣтной цѣли скорѣе и проще, чѣмъ ихъ заграничныя сестры.

Но, говоря по совѣсти, развѣ сочувствіе къ женскому равноправію воспитывалось въ русскомъ обществѣ проявленіями буржуазнаго феминизма? Не привыкло-ли оно уже давно относить женщинъ къ числу сознательныхъ, активныхъ гражданъ, имѣя предъ глазами хорошо знакомый Россіи свѣтлый образъ женщины-борца? Но развѣ эти „жертвенные образы“ женщинъ-борцовъ могутъ быть отнесены къ буржуазно-феминистскому движенію? Что эти тысячи безымянно-погибшихъ женщинъ имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ установленія общественнаго отношенія къ женскому равноправію, — значеніе неизмѣримо бо́льшее, чѣмъ самыя прочувствованныя феминистскія воззванія, чѣмъ самыя пламенныя рѣчи поборницъ женской равноправности,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вспомните, съ какой теплотою говорилось объ этихъ „жертвенныхъ образахъ“ въ первой Думѣ. Даже представители буржуазныхъ партій какъ будто чувствовали себя въ долгу передъ ними. Ореолъ, окружавшій этихъ женщинъ-борцовъ, бросалъ отраженные лучи и на весь женскій вопросъ въ Россіи...

„Мы, говоря о томъ, что избирательное право должно быть реформировано на основаніи 4-хъ - членной

формулы",—воскликнулъ деп. Рыжковъ подъ громъ апплодисментовъ,—„мы забываемъ въ этотъ первомъ русскомъ парламентѣ о русской женщинѣ, которая наряду съ другими боролась за свободу. (*Продолжительные апплодисменты*). „*Мы забываемъ, что сынъ рабыни не можетъ быть гражданиномъ*". (*Бурные апплодисменты*).

Но не объ этихъ „русскихъ женщинахъ" вспоминаютъ феминистки, когда онѣ говорятъ о заслугахъ „борцовъ за женскую эмансипацію". Въ своемъ слѣпомъ самообольщеніи наши феминистки даже не умѣютъ учесть тѣ соціально-политическіе мотивы, которые въ свое время заставили русское общество поддержать требованіе женскаго политическаго равноправія. Онѣ какъ-бы не замѣчаютъ, что могущественнымъ факторомъ въ этомъ случаѣ являлось стремленіе оппозиціи поддержать всѣ демократическія требованія; что живая двигательвая сила—массовое участіе женщинъ въ общеосвободительномъ движеніи —придавало стремленію женщинъ къ политическому равноправію характеръ *реальнаго, дѣйственнаго* лозунга; что самоотверженная преданность дѣлу свободы со стороны опредѣленной категоріи женщинъ разбивала старые предразсудки, говорившіе о политической несознательности женщины, ея „рабьихъ" инстинктахъ и консервативныхъ склонностяхъ...

Подобно тому, какъ во Франціи, во время Великой Революціи, активное участіе женщинъ въ освободительной борьбѣ послужило толчкомъ къ поднятію вопроса о равноправіи женщинъ, такъ и у насъ не спеціально феминистская агитація, а трепетно-любовное отношеніе женщинъ къ дѣлу соціальнаго освобожденія человѣчества, органическое сліяніе мужской и женской демократіи въ борьбѣ за новый политическій строй, шагъ за шагомъ, способствовали укрѣпленію въ общественномъ сознаніи идеи политической правоспособности женщинъ.

Можно-ли припомнить хоть одно крупное событіе изъ только-что пережитаго нами освободительнаго періода, въ которомъ женщина рабочаго класса, женщина-крестьянка, женщина-интеллигентка не являлись-бы непремѣнными участницами?

Заслуги героическихъ индивидуальностей въ дѣлѣ освобожденія народа оспариваютъ, и не безъ успѣха, сѣрыя, женскія массы, въ стихійномъ порывѣ рвущія свои вѣковыя оковы. Припомните эту вереницу „бабьихъ бунтовъ", повсемѣстно возникавшихъ въ періодъ 1904—1906 гг. Толчкомъ послужила японская война. Всѣ ужасы, всѣ тяготы, все соціальное и экономическое зло, связанное съ этой злосчастной войной, тяжкимъ бременемъ ложились на плечи крестьянки, жены и матери. Призывъ запасныхъ взваливалъ на ея и безъ того обремененныя плечи двойную работу, двойныя заботы, заставлялъ ее, несамостоятельную, страшившуюся всего, что выходило изъ круга ея узкихъ, домашнихъ интересовъ, неожиданно сталкиваться лицомъ къ лицу съ невѣдомыми до того враждебными силами, впервые осязательно чувствовать все униженіе безправія, извѣдать до дна всю горечь незаслуженныхъ обидъ... Сѣрыя, забитыя крестьянскія бабы, впервые покидая насиженныя гнѣзда, спѣшили въ городъ, чтобы тамъ, обивая пороги правительственныхъ учрежденій, добиваться вѣстей о мужѣ, сынѣ, отцѣ, хлопотать о пособіи, отстаивать свои интересы... Все безправіе крестьянской доли, вся ложь и несправедливость существующаго общественнаго уклада, воочію, въ живомъ, безобразномъ видѣ, предстали передъ изумленной крестьянской бабой... Изъ города она возвращалась отрезвленной и закаленной, затаивъ въ душѣ безконечный запасъ горечи, ненависти, злобы...

Лѣтомъ 1905 г. на югѣ вспыхнулъ рядъ „бабьихъ бунтовъ". Съ жестокимъ озлобленіемъ и изумительной для женщинъ отвагой громятъ бабы воинскія и поли-

цейскія управленія, отбиваютъ запасныхъ... Вооружаясь граблями, вилами, метлами, крестьянки изгоняютъ изъ деревень и селъ отряды стражниковъ. По своему протестуютъ онѣ противъ непосильнаго бремени войны. Ихъ, разумѣется, арестуютъ, судятъ, приговариваютъ къ жестокимъ наказаніямъ. Но „бабьи бунты“ не стихаютъ. И въ этомъ протестѣ защита обще-крестьянскихъ и „бабьихъ“ интересовъ такъ тѣсно сливаются между собою, что отдѣлить одно отъ другого, отнести „бабьи бунты“ въ рубрику „феминистскаго“ движенія—нѣтъ никакихъ основаній.

За „политическими“ выступленіями крестьянокъ слѣдуетъ рядъ „бабьихъ бунтовъ“ на почвѣ экономической. Это—эра повсемѣстныхъ крестьянскихъ волненій и сельскохозяйственныхъ забастовокъ. „Бабы“ зачастую являлись въ этихъ волненіяхъ зачинщицами и подбивали къ нимъ мужчинъ. Бывали случаи, когда, не добившись сочувствія мужиковъ, крестьянки однѣ шли въ помѣщичьи усадьбы со своими требованіями и ультиматумами... Вооружившись чѣмъ попало, выходили онѣ впереди мужиковъ навстрѣчу посылавшимся на усмиреніе войскамъ... Забитая, вѣками угнетаемая, „баба“ неожиданно очутилась однимъ изъ непремѣнныхъ дѣйствующихъ лицъ разыгрывавшейся политической драмы... Втеченіе всего революціоннаго періода, въ тѣсномъ, неразрывномъ единеніи съ мужчиной, стояла она безсмѣнно на стражѣ обще-крестьянскихъ интересовъ, съ удивительнымъ внутреннимъ тактомъ напоминая о своихъ спеціально-бабьихъ нуждахъ только тогда, когда это не грозило повредить обще-крестьянскому дѣлу.

Это не значило, будто крестьянки оставались равнодушны къ своимъ женскимъ запросамъ, будто онѣ ихъ игнорировали. Наоборотъ, массовое выступленіе крестьянокъ на общественно-политическую арену, массовое ихъ участіе въ общей борьбѣ укрѣпляли и раз-

вивали женское самосознаніе. Уже въ ноябрѣ 1905 г. крестьянки Воронежской губерніи отправляютъ двухъ своихъ делегатокъ на крестьянскій съѣздъ съ приговоромъ отъ женскаго схода—требовать „политическихъ правъ“ и „воли“ для женщинъ на-равнѣ съ мужчинами *). Съ какимъ одушевленіемъ ухватываются тогда-же крестьянки за идею женской равноправности, видно изъ сообщеній членовъ „Союза Равноправности“, работавшихъ среди крестьянокъ и собиравшихъ среди нихъ подписи подъ петицію въ первую Думу. „Идея равноправности“ разсказываетъ членъ „Союза“, работавшій въ Тульской губ., „мало сказать—понравилась имъ; она составила для нихъ давно жданный насущный хлѣбъ“, по выраженію одной замужней бабенки. Если-бы вы слышали тѣ, вырвавшіеся подъ живымъ впечатлѣніемъ петиціи, разсказы о женскомъ горѣ, о мучительномъ женскомъ безправіи, что переслушала я, пока записывала имена неграмотныхъ по ихъ горячей просьбѣ, вы-бы почувствовали самую горячую радость за то, что приняли живое участіе въ такомъ по истинѣ великомъ дѣлѣ, какъ освобожденіе женщинъ. Съ нимъ на-ряду только можно отмѣтить освобожденіе отъ крѣпостного права и освобожденіе негровъ. Столько горя, сколько вылилось передо мною сейчасъ, я еще не слышала. Точно все уже накипѣло и хлынуло черезъ край, хлынуло настолько, что, если не пройдетъ вопросъ равноправія въ деревнѣ, можно было-бы, умѣло дѣйствуя, провести грандіозную женскую забастовку противъ всѣхъ тѣхъ, кто не признаетъ правъ женщины“ **).

Подписи подъ петиціей „Союза Равноправности“ во вторую Думу поступали съ еще большей интенсивностью; подписывались цѣлыми деревнями. Не довольствуясь подписями, крестьянки тутъ-же выносили родъ

*) „Союзъ Женщинъ“, 1907, № 1.—Статья Л. Гуревичъ.
**) Ibid, стр. 10.

„приговора“ по вопросу о женскихъ правахъ. Сборщицы подписей разсказываютъ, что крестьянки спѣшили изъ-далека, не стѣсняясь разстояніемъ, лишь-бы „приписаться“ къ петиціи. Старухи приводили своихъ малолѣтнихъ внучекъ, прося „не обойти“ и ихъ; дѣвочки-подростки, нерѣдко—„самостоятельныя“ хозяйки, протествовали, если отказывались поставить ихъ подписи. „Какъ-же такъ: голодать—годы вышли, сиротъ одѣвать и кормить—вышли, а какъ насчетъ правовъ—такъ не вышли!“—негодовали онѣ.

Крестьянки выражали свои женскія требованія не только черезъ посредство „Союза“. Онѣ выступали также и вполнѣ самостоятельно. Достаточно вспомнить историческія письма—наказы крестьянокъ Воронежской и Тверской губ.,—обращенныя въ первую Государственную Думу, или телеграмму крестьянокъ деревни Ногаткино, посланную депутату Аладьину. „Въ великій моментъ борьбы права съ силой, мы, крестьянки села Ногаткина, привѣтствуемъ избранниковъ народа, выразившихъ недовѣріе правительству требованіемъ отставки министерства. Мы надѣемся, что представители, поддержанные народомъ, дадутъ ему землю и волю, отворятъ двери тюремъ борцамъ за свободу и счастье народа и добьются гражданскихъ и политическихъ правъ, какъ для себя, такъ и для насъ, безправныхъ и обездоленныхъ, даже въ своей семьѣ, русскихъ женщинъ. Помните, что женщина-раба не можетъ быть матерью свободнаго гражданина“ (Уполномоченная отъ 75-ти ногатскихъ женщинъ).

Женское крестьянское населеніе Кавказа особенно отчетливо отстаивало свои права. Гурійскія крестьянки на сельскихъ сходахъ въ Кутаисской губ. выносили постановленія, требуя уравненія ихъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами. На совѣщаніи сельскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившемъ въ Тифлисской губ. по вопросу о введеніи земскаго положенія въ За-

кавказьѣ, въ числѣ депутатовъ отъ мѣстнаго населенія были и женщины-грузинки, настойчиво напоминавшія о своихъ женскихъ правахъ.

Разумѣется, на ряду съ требованіемъ политическаго равноправія, крестьянки повсемѣстно поднимали голосъ и въ защиту своихъ экономическихъ интересовъ; вопросъ о „надѣлахъ", о землѣ волновалъ въ той-же мѣрѣ крестьянку, какъ и крестьянина. Мѣстами крестьянки, горячо поддерживавшія идею отчужденія частно-владѣльческихъ земель, охладѣвали къ этому мѣропріятію, когда возникало сомнѣніе, распредѣлятъ-ли надѣлы и на „женскую душу". „Если землю отнимутъ у помѣщиковъ и отдадутъ ее однимъ мужчинамъ",—озабоченно толковали бабы,—„то намъ, бабамъ, будетъ совсѣмъ кабала. Теперь мы хоть въ экономіи свои копѣйки зарабатываемъ, а тамъ придется работать все на мужиковъ" *). „Женскій Вѣстникъ" спѣшитъ сдѣлать по этому поводу заключеніе, что отчужденіе земли въ пользу крестьянства, вообще, явится „великой несправедливостью по отношенію къ женщинѣ", и находитъ, что „трудно ожидать прогресса при такой цивилизаціи, когда даже либеральная реформа является средствомъ еще большаго порабощенія и безправія половины населенія".

Но недовѣріе „Женскаго Вѣстника" и опасенія крестьянокъ были совершенно неосновательны; простой экономическій разсчетъ заставлялъ крестьянство стоять за надѣленіе землей и „бабьихъ душъ". Аграрные интересы мужской и женской части крестьянскаго населенія такъ тѣсно сплетены между собою, что, борясь за уничтоженіе существующихъ кабальныхъ, земельныхъ отношеній для себя, крестьяне естественно отстаивали и экономическіе интересы своихъ „бабъ". Напрасно стараются феминистки уловить признаки „полового

*) „Женскій Вѣстникъ", 1906 г., № 11, стр. 399.

антагонизма“ въ крестьянской средѣ, напрасно разсчитываютъ онѣ сыграть на этой струнѣ и расколоть крестьянство на два враждующихъ между собою лагеря—мужчинъ и женщинъ. Если еще въ періодъ пониженнаго, будничнаго теченія общественной жизни вѣковая борьба между „хозяиномъ“ и его забитой, покорной рабою—женщиной даетъ себя чувствовать, то въ минуты высшаго напряженія общественныхъ силъ, въ періоды обостренной борьбы за свои обще-крестьянскіе интересы этотъ внутренній разладъ совершенно сглаживается, исчезаетъ. Въ недавно пережитую нами эпоху крестьянскихъ выступленій не только экономическіе, но и правовые интересы женщинъ отстаивались представителями крестьянъ съ той-же страстностью и самоотверженностью, съ какой эти послѣднія защищали свои общіе крестьянскіе запросы и требованія. Если темпъ общественной жизни и понизился, если спала волна народныхъ волненій, то все же требованія и стремленія, выдвигавшіяся крестьянствомъ еще столь недавно,—требованія, далеко не получившія желаннаго удовлетворенія, не позволяютъ внутреннему, бытовому разладу между „мужикомъ“ и „бабой“ заслонить общіе запросы, во всей своей полнотѣ продолжающіе стоять передъ выжидательно притаившейся крестьянской массой.

Если крестьянская женщина и добьется въ ближайшемъ будущемъ улучшенія своего положенія въ бытовомъ, экономическомъ и правовомъ смыслѣ, то, разумѣется, лишь благодаря дружнымъ, сплоченнымъ усиліямъ крестьянской демократіи, направленнымъ къ осуществленію тѣхъ обще-крестьянскихъ требованій, какія, въ той или иной формѣ, не переставая звучатъ въ крестьянской средѣ. Усилія феминистокъ „прочищать дорогу женщинамъ“ тутъ не при чемъ... Если крестьянка избавится отъ существующихъ кабальныхъ земельныхъ отношеній, она получитъ больше, чѣмъ въ состояніи дать ей всѣ феминистскія организаціи, вмѣстѣ взятыя.

Пусть будутъ удовлетворены лишь основныя требованія сознательнаго крестьянства, и „бабьи слезы“ наполовину изсякнутъ...

Борясь за общіе экономическіе и политическіе интересы крестьянства въ цѣломъ, крестьянка въ пережитую нами эпоху боролась одновременно и за свои спеціальные женскіе запросы и нужды. То-же самое примѣнимо и къ работницѣ: своимъ безсмѣннымъ участіемъ въ обще-освободительномъ движеніи она, еще въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ крестьянская женщина, подготовляла общественное мнѣніе къ признанію принципа женской равноправности. Надо-ли напоминать о роли женскихъ пролетарскихъ массъ въ недавно пережитыхъ историческихъ событіяхъ? Надо-ли рисовать картины неизмѣннаго сотрудничества работницъ при всѣхъ рѣшительныхъ политическихъ выступленіяхъ? Эти картины еще слишкомъ свѣжи въ памяти, въ нихъ еще бьется пульсъ только-что пережитой нами дѣйствительности... Какъ живые, встаютъ передъ нами образы „сѣрыхъ“, работницъ, съ пытливыми, полными надеждъ взорами, обращенными на ораторовъ въ скученныхъ собраніяхъ Гапоновскихъ отдѣловъ, наэлектризованныхъ зажигающимъ душу энтузіазмомъ,.. Сосредоточенныя, торжественныя, полныя безповоротной рѣшимостью мелькаютъ женскія лица въ плотно сомкнутыхъ рядахъ рабочаго шествія въ памятное январское воскресенье... Необычайно яркое для Петербурга солнце освѣщаетъ это сосредоточенное торжественно-молчаливое шествіе, играетъ на женскихъ лицахъ, которыхъ такъ много въ толпѣ. Расплата за наивныя иллюзіи и дѣтскую довѣрчивость настигаетъ женщинъ; среди массовыхъ январскихъ жертвъ работница-мать, работница-подростокъ, работница-жена—заурядное явленіе...

Перебрасываемый изъ мастерской въ мастерскую лозунгъ — всеобщая забастовка — подхватывается этими,

вчера-еще несознательными женщинами и мѣстами заставляетъ ихъ первыми бросать работу.

И въ провинціи работницы не отстаютъ отъ своихъ столичныхъ товарокъ: изнуренныя работой и тяжелой пролетарской жизнью, женщины дружно покидаютъ въ октябрьскіе дни свои станки и, во имя общаго дѣла, стойко лишаютъ своихъ малютокъ послѣдняго куска хлѣба... Простыми, за душу хватающими словами взываетъ ораторъ-работница къ товарищамъ-мужчинамъ, поддерживая ихъ бодрость, вдыхая въ нихъ энергію. Она—вездѣ и повсюду. Если-бы мы вздумали разсказывать о фактахъ массоваго участія женщинъ въ движеніи тѣхъ дней, перечислять активныя проявленія ихъ недовольства и протеста, напоминать самоотверженные поступки работницъ и горячую ихъ преданность демократическимъ идеаламъ, намъ пришлось-бы, картина за картиной, возстанавлять исторію русскаго освободительнаго движенія *).

На фонѣ этой общественной борьбы постепенно пробуждались въ женщинѣ-работницѣ ея женскіе запросы и согрѣвали ея спеціальныя требованія. Работница неутомимо боролась, отважно протестовала, мужественно жертвовала собою за общее дѣло; но чѣмъ активнѣе становилась она, тѣмъ быстрѣе совершался процессъ и ея умственнаго пробужденія. Работница начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ окружающемъ и, убѣждаясь въ несправедливостяхъ, связанныхъ съ современными общественными отношеніями, начи-

*) Въ періодической и др. печати разбросано много цѣнныхъ данныхъ, рисующихъ степень участія женскихъ рабочихъ массъ въ событіяхъ 1905—1906 гг. Было-бы чрезвычайно поучительно собрать эти данныя воедино, такъ какъ, на ряду съ извѣстными фактами объ участіи отдѣльныхъ героическихъ личностей въ русскомъ освободительномъ движеніи, это массовое участіе женщинъ въ борьбѣ за обновленіе нашего общественнаго и государственнаго строя лучше всего показываетъ, что русская женщина заслуживаетъ равноправія, къ которому она стремится.

наетъ болѣзненнѣе и острѣе ощущать всю горечь своихъ чисто-женскихъ страданій и бѣдъ. Рядомъ съ обще-пролетарскими требованіями, все яснѣе и отчетливѣе звучатъ голоса женщинъ рабочаго класса, напоминающіе объ ихъ запросахъ и потребностяхъ. Уже во время выборовъ въ комиссію Шидловскаго недопущеніе женщинъ въ число делегатовъ отъ рабочихъ вызвало ропотъ недовольства среди женщинъ; только-что перенесенныя общія страданія и жертвы—практически, на аренѣ живой и жестокой дѣйствительности,—уравняли женщину и мужчину рабочаго класса. Казалось особенно несправедливымъ въ эти минуты подчеркивать женщинѣ-борцу и гражданкѣ ея вѣковое безправіе. Когда избранная въ числѣ семи делегатовъ отъ Сампсоніевской мануфактуры женщина была признана комиссіей Шидловскаго неправомочной, взволнованныя работницы нѣсколькихъ мануфактуръ рѣшили подать въ комиссію Шидловскаго слѣдующее свое заявленіе—протестъ: „Депутатки отъ женщинъ-работницъ не допускаются въ комиссію подъ вашимъ предсѣдательствомъ. Такое рѣшеніе представляется несправедливымъ. На фабрикахъ и въ мануфактурахъ Петербурга работницы преобладаютъ. Въ прядильныхъ и ткацкихъ мастерскихъ число женщинъ съ каждымъ годомъ увеличивается, потому что мужчины переходятъ на заводы, гдѣ заработки выше. Мы, женщины-работницы, несемъ болѣе тяжелое бремя. Пользуясь нашей безпомощностью и безотвѣтностью, насъ больше притѣсняютъ наши-же товарищи, и намъ меньше платятъ. Когда было объявлено о вашей комиссіи, наши сердца забились надеждою: наконецъ, наступаетъ время,—думали мы,—когда петербургская работница можетъ громко, на всю Россію и отъ имени всѣхъ своихъ сестеръ-работницъ, заявить о тѣхъ притѣсненіяхъ, обидахъ и оскорбленіяхъ, которыхъ никогда не испытывалъ и которыхъ не можетъ знать ни одинъ работникъ-мужчина. И вотъ, когда мы уже вы-

брали своихъ депутатокъ, намъ объявили, что депутатами могутъ быть только мужчины. Но мы надѣемся, что это рѣшеніе неокончательное. Вѣдь указъ Государя не выдѣляетъ женщинъ-работницъ изъ всего рабочаго класса".

Лишеніе женщинъ избирательнаго права, отстраненіе ихъ отъ политической жизни въ ту минуту, когда впервые открывалась возможность непосредственнаго участія населенія въ управленіи дѣлами родины казались вопіющей несправелливостью для той части женскаго населенія, которая на своихъ плечахъ вынесла всѣ тяготы освободительной борьбы. Работницы неоднократно являлись на предвыборныя собранія рабочихъ въ первую и вторую Думу, шумными протестами заявляя свое неодобреніе закону, лишавшему ихъ голоса въ столь важномъ дѣлѣ, какъ избраніе представителя въ Государственную Думу. Бывали случаи, когда (напр., въ Москвѣ) работницы, являясь на собраніе выборщиковъ, срывали собраніе и препятствовали производству выборовъ. Громадное число подписей работницъ, собранныхъ подъ женскими петиціями, свидѣтельствуетъ о томъ, что пролетарка перестала относиться индиферентно къ своему безправному положенію, что ее тяготитъ полная невозможность открытыми, легальными путями отстаивать и защищать свои интересы. По утвержденію самихъ феминистокъ, изъ числа 40.000 подписей, собранныхъ подъ женскими петиціями въ первую и вторую Государственную Думу, громадное большинство принадлежало пролетаркамъ.

Женщина-работница являлась неизмѣнной участницей всѣхъ женскихъ митинговъ, въ періодъ 1905—1906 гг., довѣрчиво прислушиваясь къ голосу нашихъ равноправокъ, борцовъ за „женское дѣло". Но то, что предлагали феминистки, не отвѣчало ея пробуждающимся запросамъ, не находило отклика въ ея наболѣвшей душѣ. Въ отвѣтъ на организованный весною

1907 г. кадетствующими равноправками митингъ устроено было, по почину работницъ, три митинга въ Петербургѣ въ домѣ Нобеля—два весною и одинъ осенью 1907 года. На митингахъ преобладала женская пролетарская публика, и сами работницы, заявляя съ трибуны о своихъ спеціально-женскихъ запросахъ (охранѣ материнства, огражденіи дѣтскаго труда, политической правоспособности женщинъ и т. д.), призывали товарищей по классу поддерживать и отстаивать интересы женщинъ рабочаго класса.

Созывъ перваго „женскаго съѣзда" заставилъ работницъ съ живымъ интересомъ отнестись къ предстоящему „событію" въ феминистскомъ мірѣ. И хотя работницы и не питаютъ никакихъ иллюзій по поводу предстоящаго съѣзда, хотя онѣ не ждутъ отъ него никакихъ практическихъ результатовъ, все-же и этому буржуазному начинанію, при современномъ настроеніи работницъ, суждено сыграть извѣстную роль въ дѣлѣ пробужденія самосознанія пролетарокъ.

Но, разумѣется, это пробужденіе будетъ носить совершенно иной характеръ, чѣмъ ожидаютъ феминистки. Растущее самосознаніе увлечетъ работницъ въ сторону, противоположную феминизму. Работницы начинаютъ внимательнѣе относиться къ своимъ женскимъ запросамъ, начинаютъ требовать охраны своего здоровья, какъ матерей, начинаютъ напоминать о своихъ правахъ во всѣхъ областяхъ общественной и политической жизни. Но развѣ эти требованія противорѣчатъ рабочей программѣ? Защищая свои спеціальные женскіе интересы, работница тѣмъ самымъ отстаиваетъ и интересы своего класса. Какъ-бы интенсивны, какъ-бы настоятельны ни были ближайшія женскія требованія, завоеванія въ этой области могутъ имѣть существенное значеніе для женщинъ рабочаго класса лишь на фонѣ общихъ завоеваній: улучшенія условій труда, демократизаціи государственнаго строя и т. д. Голый

принципъ равноправности остается и не можетъ не оставаться пустымъ звукомъ для работницъ.

Но феминистки не могутъ согласиться съ такой постановкой вопроса. Ослѣпленныя своимъ лозунгомъ—„объединеніе всѣхъ женщинъ для завоеванія міра“,—онѣ протягиваютъ руки къ крестьянкамъ, къ пролетаркамъ, онѣ предупреждаютъ ихъ не довѣрять своимъ товарищамъ по классу. Стараясь играть на „чисто-женскихъ струнахъ“ и этимъ привлекать къ себѣ женскія сердца, идутъ онѣ въ пролетарскую и крестьянскую среду съ наивной проповѣдью мужененавистничества. Понятіе классовой борьбы стремятся онѣ подмѣнить искусственной идеей „половой розни“, стараясь свалить всю вину за угнетенное положеніе работницы и крестьянки съ плечъ имущихъ классовъ на плечи абстрактно взятыхъ мужчинъ. „Мужчинамъ“,—говорятъ онѣ, стараясь распропагандировать на феминистскій ладъ работницъ и крестьянокъ,—„нужно женское рабство“ *). Увлеченныя своими узкими феминистскими идеалами, онѣ даже утверждаютъ на своемъ неуклюжемъ языкѣ, что „женскій вопросъ неизмѣнно будетъ неизмѣримо-шире и неизмѣримо-значительнѣе великаго рабочаго вопроса“ **).

Неужели не понимаютъ онѣ даже того, что, оторванныя отъ своихъ товарищей, отказавшіяся отъ своихъ классовыхъ задачъ ради узко-женскихъ цѣлей, работницы перестали-бы быть той соціальной силой, какою онѣ сейчасъ являются, и этимъ не только не усилили-бы, но, наоборотъ, подорвали-бы значеніе женскаго дѣла? Женскія требованія, приспособленныя для удовлетворенія женщинъ противоположныхъ соціальныхъ полюсовъ; потеряли-бы всю свою опредѣленность, даже

*) См. агитаціонную литературу Союза—„Міръ Труда“; напр., брошюрку „Къ крестьянкамъ и работницамъ“.

**) „Обновленіе міра“ („Міръ Труда“), стр. 3.

если-бы защищающая ихъ женская армія удесятерила свои ряды. Выставляемыя сейчасъ женщинами рабочаго класса политическія требованія потому только и имѣютъ значеніе факта огромной политической важности, что за ними кроется жизненный интересъ опредѣленнаго общественнаго класса.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда буржуазныя равноправки выставляютъ демократическіе лозунги, когда онѣ требуютъ политической правоспособности для *всѣхъ* совершеннолѣтнихъ гражданъ, онѣ могутъ быть увѣрены, что это ихъ требованіе всегда найдетъ живой откликъ и активную поддержку со стороны рабочаго класса...

Напрасно дѣлаютъ феминистки по этому поводу недовѣрчивыя мины; напрасно съ ехиднымъ удовольствіемъ перечисляютъ онѣ „коварныя измѣны“ соціалистовъ дѣлу женскаго политическаго освобожденія. Здѣсь не мѣсто разбирать тактику рабочей партіи по вопросу о завоеваніи избирательнаго права для женщинъ; достаточно будетъ напомнить, что, если въ нѣкоторыхъ странахъ (Бельгіи, Швеціи и Австріи), при существованіи совершенно спеціальныхъ политическихъ условій, позиція, занятая въ этомъ вопросѣ соціалистами, грѣшила нѣкоторымъ оппортунизмомъ, то эта „неустойчивая“ тактика безповоротно отвергнута и осуждена на послѣднемъ международномъ конгрессѣ въ Штуттгартѣ *).

Въ № 1 „Союза женщинъ“ за 1908 г. помѣщенъ спеціальный списокъ „прегрѣшеній“ соціалъ-демократіи, противъ принципа женскаго политическаго равноправія. Оказывается, что въ Бельгіи, когда даже клерикалы готовы были признать принципъ женскаго равноправія, соціалисты нашли почему-то „несвоевременнымъ распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ

*) См. мою статью: „Два теченія на женск. межд.-соц. конгрессѣ въ Штуттгартѣ“. („Образованіе“, 1907 г., сентябрь).

и уговорили партійныхъ женщинъ отказаться отъ включенія женскихъ избирательныхъ правъ въ законопроектъ". Въ Швеціи соціалисты оказались еще бо́льшими „измѣнниками": заслуженный лидеръ партіи Брантингъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы выбить изъ головы „партійныхъ женщинъ" идею ихъ политической правоспособности, утѣшая ихъ надеждой, что „женщины получатъ избирательныя права, только когда наступитъ соціалистическій строй"... Бѣдный Брантингъ! Если-бы онъ зналъ, какъ дискредитируютъ его наши равноправки.

Всего больше достается отъ равноправокъ австрійцамъ. „Союзъ женщинъ" приводитъ даже такое сенсаціонное свѣдѣніе: „соціалъ-демократія организовала даже собранія работницъ, на которыхъ проводила резолюціи, чтобы женщины, требовавшія избирательныхъ правъ, не мѣшали ей провести реформу для однихъ мужчинъ". Громы негодованія мечутъ феминистки по адресу „соціалъ-демократической федераціи" (нынѣ партіи) въ Англіи, отказывающейся поддерживать борьбу феминистокъ за *цензовое* избирательное право для женщинъ; при этомъ, разумѣется, забывается, что именно эта партія энергично отстаиваетъ интересы наиболѣе обездоленной и безправной части женскаго населенія Англіи, требуя права голоса для *всѣхъ* совершеннолѣтнихъ гражданъ и гражданокъ. Въ своемъ негодованіи противъ соціалистовъ, наши равноправки готовы даже на явную клевету; такъ, онѣ обвиняютъ Квелча,— ревностнаго сторонника всеобщаго избирательнаго права,—въ томъ, что онъ, этотъ „видный членъ соціалъ-демократической партіи, много разъ высказывался противъ выставленія требованія женскихъ избирательныхъ правъ въ *настоящее время*" (?). Между прочимъ, достается членамъ соціалъ-демократической фракціи первой и третьей Думы за „замалчиваніе" въ нѣсколькихъ случаяхъ требованія—„безъ различія пола". По

поводу „умышленнаго“ или „случайнаго“ опущенія депутатомъ И. П. Покровскимъ пятаго члена избирательной формулы равноправки даютъ урокъ „политической мудрости“, настаивая на томъ, что именно въ третьей Думѣ „имѣло значеніе подробно детализировать избирательное право, не опуская, безъ всякой нужды, усвоенной народной массой формулы“... Равноправки любятъ показать себя „демократками“, особенно когда это ихъ ни къ чему не обязываетъ...

Однако, если феминистки съ такой тщательностью зарегистрировали всѣ „промахи“ и „ошибки“ соціалистическихъ партій, почему-же не умѣютъ онѣ учесть и тѣ завоеванія, тѣ побѣды, которыя одержаны женщинами исключительно съ помощью рабочаго класса? Почему не вспомнятъ онѣ объ успѣхахъ женскаго дѣла въ Финляндіи и Норвегіи? Почему не отмѣтятъ, что, только благодаря усиліямъ соціалъ-демократіи, въ маѣ 1908 г. палъ, наконецъ, въ Германіи ненавистный для женщинъ законъ, воспрещавшій ихъ участіе въ политическихъ организаціяхъ?..

Заслуги соціалъ-демократіи въ дѣлѣ политическаго освобожденія женщины столь очевидны и неоспоримы, что перечислять ихъ едва-ли приходится. Но почему-же не желаютъ признавать этихъ заслугъ наши „соціалистически-настроенныя“ равноправки? Развѣ не очевидно и для нихъ, что въ *интересахъ самого женскаго дѣла*— не дробить и не раскалывать силъ пролетаріата, отвлекая женщинъ рабочаго класса въ кадры буржуазнаго феминизма? Разумѣется, онѣ это знаютъ и понимаютъ не хуже насъ; но феминистки въ данномъ случаѣ хлопочутъ вѣдь не столько о торжествѣ женскаго дѣла, сколько о своихъ собственныхъ классовыхъ интересахъ. Пролетарки нужны феминисткѣ, лишь какъ матеріалъ для построенія лѣстницы въ царство собственнаго буржуазнаго благополучія. А для этой цѣли— не допустимы-ли всякія средства? Тутъ и клевета на

соціалистовъ, и стремленіе проповѣдью „половой розни“ расколоть пролетарскія силы, и безмѣрное восхваленіе „исключительно-высокой миссіи“ піонерокъ женской эмансипаціи. Но напрасно переоцѣниваютъ феминистки свои силы, напрасно гордятся онѣ своими „великими“ заслугами. Не убѣдились-ли мы, что во всѣхъ областяхъ соціальной жизни—и въ борьбѣ за экономическую независимость женщины, и въ стремленіи разрѣшить сложную семейную проблему, и въ завоеваніи политической равноправности женщинъ,—заслуги буржуазныхъ равноправокъ были ничтожны?

Не приходится женщинѣ рабочаго класса ждать какихъ-либо осязательныхъ для себя результатовъ отъ успѣховъ феминистскаго движенія. Безсиленъ буржуазный феминизмъ освободить ее, какъ личность, облегчить ея участь, какъ продавца рабочей силы, сдѣлать для нея менѣе тягостнымъ бремя материнства. Выковать свое счастье, счастье человѣка и женщины, работница можетъ только своими собственными руками. Но это, выкованное пролетарками, счастье, неминуемо должно стать достояніемъ и всѣхъ остальныхъ женщинъ. Вотъ почему феминистки, если-бы онѣ не только на словахъ, но и на дѣлѣ въ силахъ были взглянуть незатемненными классовой ненавистью глазами на смертельно трудную борьбу пролетаріата за освобожденіе человѣчества отъ капиталистическаго рабства, должны были-бы съ радостью привѣтствовать каждую новую побѣду рабочихъ... Тогда исчезла-бы глухая злоба и классовая ненависть къ „утопіямъ“, что живетъ въ сердцахъ даже лѣвыхъ „борцовъ равноправности“. Съ упованіемъ слѣдя за кремнистымъ путемъ, по которому медленно, но неотвратимо приближается пролетаріатъ къ своей завѣтной цѣли - идеалу, феминистки, по всей справедливости, должны были-бы воскликнуть: „ваша побѣда — наша надежда“...

ТЕКА
ЕСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ